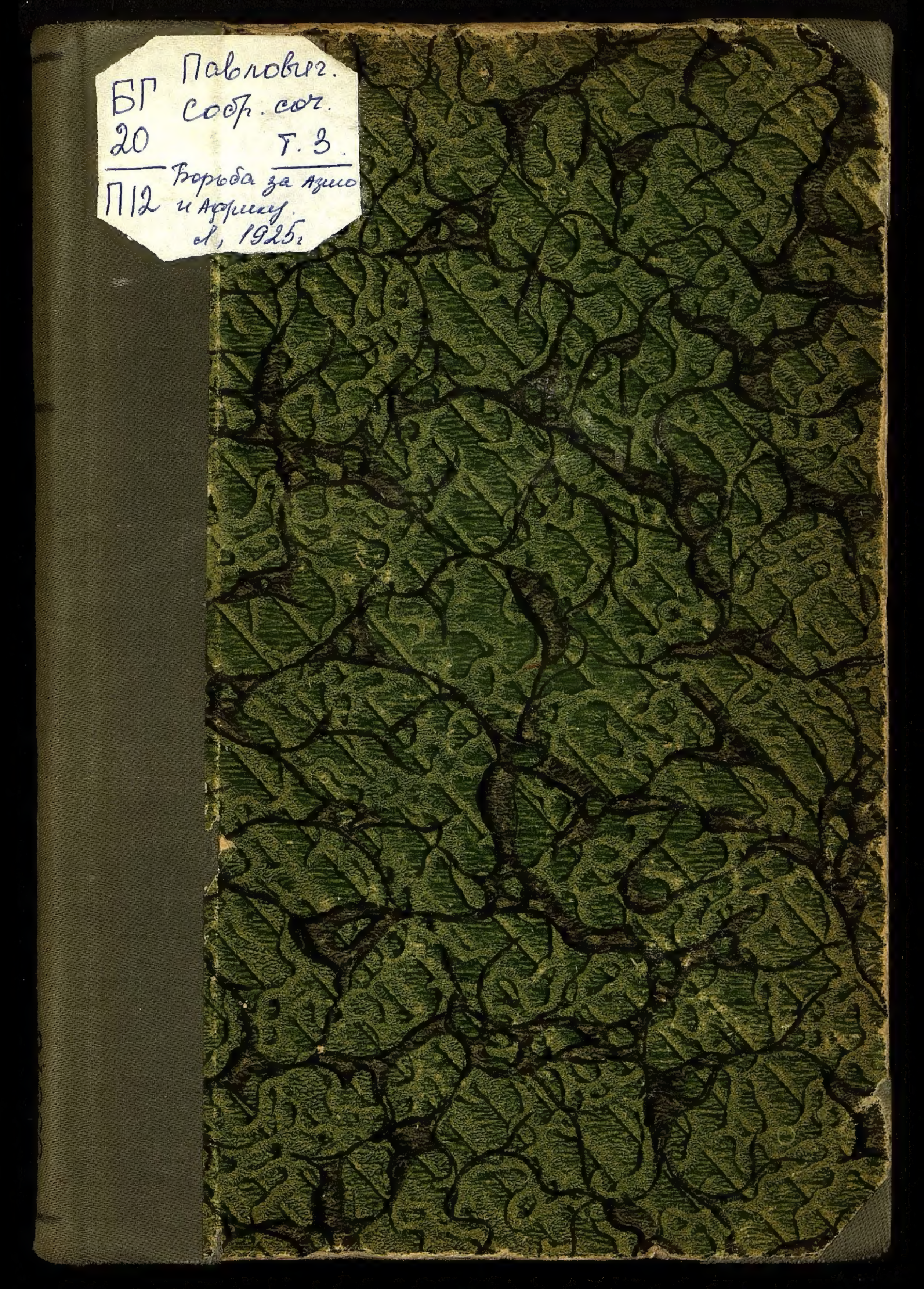
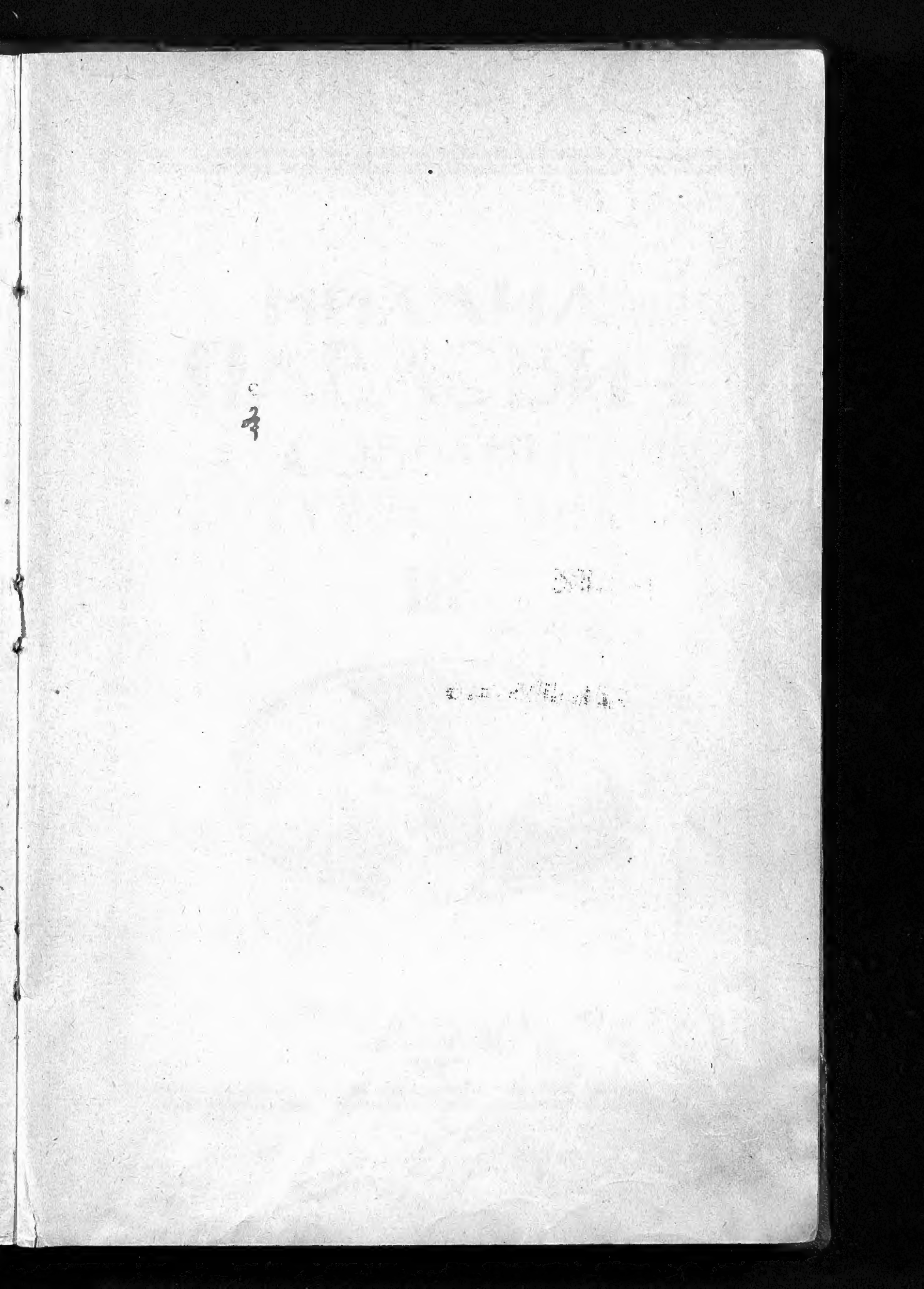

БГ
20
П12
Павлович.
Собр. соч.
Т. 3.
Борьба за Азию
и Африку.
Л, 1925 г

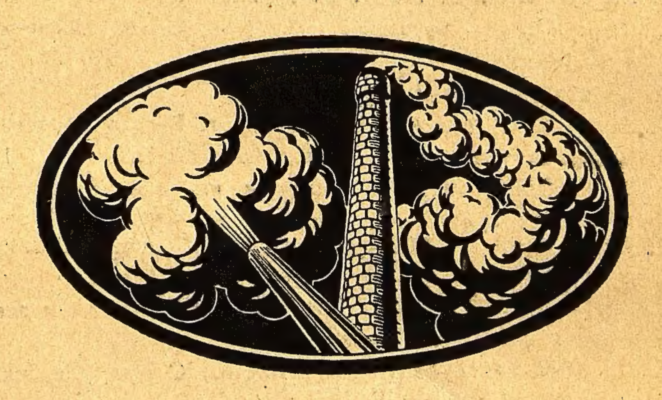

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

III

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

М. ПАВЛОВИЧ (М. Вельтман)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИМПЕРИАЛИЗМ и МИРОВАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Том III

БОРЬБА ЗА АЗИЮ И АФРИКУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

Гиз. № 10304. Ленинградский Гублит № 13012. $16^1/_8$ л. Отпеч. 1.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Бирмингам и Манчестер. Металлургическая и хлопчато-бумажная индустрии. Мировая война и борьба за раздел Черного и Желтого континентов. Борьба за монополистическое обладание источниками сырья.

Древняя греческая легенда рассказывает нам о походе аргонавтов, мифических героев, которые отправились на корабле «Арго», под предводительством Язона, за золотым руном (шерсть золотого барана), оберегаемым страшным драконом, и похитили это руно с помощью волшебницы Медеи, дочери Ээта, царя Колхиды. Поэты воспевали это сказочное путешествие и видели в нем символ вечного стремления человечества к недоступному солнцу. Однако, явились прозаические историки и безжалостные филологи и вскрыли истинную, реальную подоплеку геройской экспедиции. Аргонавты рисковали своей жизнью не в погоне за солнечными лучами, за бессмертным идеалом истины и красоты. Они попросту искали золото и, промывая золотой песок, пропускали его через овечью шерсть. Золотые крупинки собирались на шерсти, и, таким образом, последняя превращалась как бы в одно сплошное золотое руно. Этот способ добывания золота сохранился до сих пор у некоторых первобытных народов.

И когда мы ны[illegible] применении ко многим прошлым и современным историческим событиям, к экспедициям европейцев в Азию или Африку, к постройке грандиозных рельсовых путей от Капштадта до Каира или от Гамбурга до Багдада и великих каналов, вроде Панамского, подготовляющих гегемонию той или другой державы в данной части земного шара, или, наконец, к кровавым конфликтам, бросающим друг против друга миллионы людей, слышим все эти красивые фразы об идеалах, о вечном стремлении к недосягаемому солнцу, о борьбе за высшую культуру, цивилизацию, национальную свободу, независимость, о священной войне с дерзкими насильниками, и т. д., мы должны вскрыть реальную сущность этих легенд, как вскрыты грубая материальная подоплека и движущие пружины легендарного похода аргонавтов в сказочную Колхиду...

Мировая война 1914 г. явилась результатом невозможности для капиталистических государств разрешить мирным путем целый ряд проблем (вопросов), вставших перед господствующими классами первоклассных держав, как в области европейской, так и колониальной поли-

*

тики. В предлагаемой книге мы остановимся на проблемах международной политики, имеющих непосредственное отношение к войне 1914—1918 г.г., именно на проблеме азиатской и, прежде всего, малоазиатской, или, иначе говоря, на проблеме окончательного раздела уцелевшего наследства Оттоманской империи и затем на проблеме африканской.

Говоря о борьбе за Малую Азию, за африканские территории, нам придется очень много останавливаться на рельсовой политике тех или других европейских государств в данной области, на борьбе за так называемые железнодорожные концессии, т.-е. за монопольное разрешение тому или другому государству проводить рельсовую дорогу на данной территории.

Антагонизм между современными капиталистическими государствами, противоречие их интересов в области африканских и азиатских вопросов, вообще в области мировой политики, нигде не отражается с такой яркостью, как в борьбе за проведение тех или других рельсовых путей, за получение тех или других железнодорожных концессий. Агрессивный характер рельсовой политики современных государств обусловливается тем, что эта рельсовая политика диктуется прежде всего интересами металлургической промышленности. Металлургическая же промышленность есть та отрасль капиталистического хозяйства, которая менее всего мирится с свободной торговлей. Несмотря на мировой характер и интернационализацию стальной промышленности, несмотря на существование международных стальных трестов, синдикатов и т. д., нигде борьба между отдельными национальными группами, между капиталистами отдельных стран не принимает такой острой формы, как именно в области металлургии. Дело в том, что важнейшие фабрикаты металлургической промышленности, именно локомотивы, вагоны, рельсы, пушки, броненосцы, сбываются на иностранные рынки совершенно в иных условиях, чем фабрикаты остальных отраслей промышленности. Так, например, немецкие, австрийские, американские и другие заводчики имели возможность сбывать в Англию и во все ее колонии беспошлинно сахар, химические продукты, кожевенные, стеклянные изделия, фармацевтические препараты и т. д., но никогда даже «фритредерская», т.-е. стоящая за свободу торговли, Англия не позволяла какому-либо отдельному иностранному капиталисту или иностранному синдикату строить железные дороги в ее колониях, воздвигать вокзалы, сооружать железные мосты для данного рельсового пути и т. д. Более того, фритредерская Англия не только не позволяла иностранным капиталистам строить железные дороги в ее собственных владениях, но и всеми силами препятствовала сооружению иностранными капиталистами рельсовых путей во всех тех государствах и областях, где Великобритания имеет какое-либо влияние — в Турции, Китае, Африке и т. д. И если даже сторонница свободной торговли — Англия — вела такую протекционистскую, узконациональную политику в вопросе о железнодорожных концессиях, тем с большим рвением вели такую политику другие государства, как, например, Германия, царская Россия, Франция и т. д.

Металлургическая индустрия, интересы которой являются движущей пружиной современной рельсовой политики, есть индустрия, где менее всего возможна свобода торговли. В области вопросов этой рельсовой политики даже фритредерская Англия, Англия мирного Манчестера, отступает перед воинствующим Бирмингамом, столицей английской металлургии, становится под знамя агрессивного протекционизма. Здесь, в этой области, более, чем где бы то ни было, идет, несмотря на все международные соглашения, интернациональные тресты, синдикаты, картели, борьба не на жизнь, а на смерть за новые рынки, за концессии на рельсовые пути, за политическую и экономическую гегемонию, исключающую возможность предоставления равных прав другим странам.

Металлургическая промышленность является идеальным типом индустрии, в которой процесс интернационализации капиталов, связывание отдельных национальных хозяйств в одно гигантское комбинированное целое сопровождается ростом самой отчаянной конкуренции, борьбы не на жизнь, а на смерть между важнейшими национальными группами международной буржуазии, между господствующими классами Германии, Англии, Франции и т. д. В металлургической промышленности интернациональный трестированный капитал обостряет с необыкновенной силой противоречие интересов капиталистических олигархий вступивших в соглашение стран и, таким образом, отрицает исходные моменты своей деятельности. Вот почему перемещение центра тяжести хозяйственной жизни от хлопчато-бумажной индустрии к синдицированной металлургической промышленности представляет важнейший факт современной эволюции капитализма и имеет такое значение в обострении международных отношений. Вот почему именно в рельсовой политике, так тесно связанной с интересами металлургии [1]), международная борьба между господствующими классами различных стран за монополии, за гегемонию в той или другой области достигает наивысшего напряжения и является главной причиной опаснейших международных конфликтов, приводящих в конечном результате к вооруженным конфликтам и страшным войнам.

* * *

Завоевательная политика различных государств, выдвигавшихся испокон веков на арене истории, шла в двух основных направлениях, выявляла две основные тенденции.

В одних случаях, на известных стадиях развития, эта завоевательная политика направлялась к образованию из данной национальной ячейки большого государственного тела, большого национального госу-

---

[1]) Вопрос о роли металлургической и вообще тяжелой промышленности во внешней политике современных государств развит мною более обстоятельно в книге «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего». На роли тяжелой промышленности в мировой войне я останавливаюсь в книге: «Империализм». Собр. сочин., т. I.

дарства путем присоединения к этой основной ячейке разъединенных частей одной и той же нации: так из разрозненных по разным государствам осколков одной какой-либо нации создавалось одно национальное целое, объединенное центральным правительством, общими границами и т. д. Такова была политика Сардинского государства, приведшая в результате Гарибальдийской эпопеи и национальных войн 1859 — 1870 г.г. к образованию единого Итальянского королевства. Такова была политика Пруссии 1848 — 1871 г.г., приведшая к образованию единой Германской империи.

В других случаях, на других стадиях развития, завоевательная политика направлялась, прежде всего, к созданию не национального, а мирового государства, к расширению границ национального государства именно за пределами данной государственной нации, данной национальной территории.

Конечно, существуют примеры войн, где националистические и империалистические тенденции совпадают (пример: первая и вторая балканские войны). Но все-таки эти тенденции не тожественны. Так, хорошо известно, что «железный канцлер» Бисмарк, создатель германского единства, вдохновитель германской национальной политики, был противником немецкой мировой политики, увлечения колониальными захватами, относился отрицательно к Drang nach Osten (движению на Восток) и говорил, что весь балканский вопрос не стоит костей одного померанского гренадера. Стало быть, Бисмарк был противником империалистической политики.

Империя — это, прежде всего, многонациональное единство, т.-е. государство, сплоченное из многих наций, созданное насильственным путем и состоящее из двух неравных частей: национальной территории, играющей роль метрополии, и остальных частей, играющих роль колоний, обращающихся по орбитам вокруг «империализующего» центра, как планеты обращаются вокруг солнца.

Империализм представляет собой особый вид и особую форму такой завоевательной политики, направленной к мировому господству, к превращению национального государства в мировую державу, в многонациональное целое, созданное насильственным путем. Империализм, это — форма завоевательной политики, характерная для современной нам эпохи, начинающейся с конца XIX столетия. Эта эпоха отличается, по нашему мнению, от предыдущей экономической фазы, во-первых, перемещением центра тяжести капиталистического хозяйства от индустрии хлопчатобумажной к индустрии металлургической, во-вторых, необычайно быстро развивающимся процессом синдицирования, картеллирования, т.-е. сцеплением и объединением тысяч отдельных предприятий в гигантские национальные и интернациональные тресты, синдикаты, картели, в одно комбинированное целое, — процессом, получившим наиболее яркое выражение именно в металлургической индустрии [1]).

[1]) Подробно о сущности империализма см. нашу книгу: «Империализм».

Пока центром тяжести капиталистического хозяйства данной страны была хлопчато-бумажная индустрия, рассчитанная на массовое производство, развивающаяся в зависимости от покупательных способностей населения, от непосредственного потребительского спроса, идеологи буржуазии не только в странах, выступивших после Англии, но и в самой Великобритании относились отрицательно к агрессивной внешней политике, к колониальным авантюрам, обострявшим международные отношения, увеличивавшим государственные долги, налоговое бремя, падающее на население и ослабляющее в конечном результате покупательные способности внутреннего рынка.

Англия манчестерского периода, т.-е. того периода, когда промышленной столицей Великобритании являлся город Манчестер, главная цитадель английской хлопчато-бумажной индустрии, — была страстной поклонницей свободной торговли, свободной конкуренции. Вообще в течение всей первой половины XIX столетия и даже в 70 — 80-х годах минувшего века почти вся экономическая наука Великобритании и европейского континента была проникнута «фритредерскими» идеями, т.-е. идеями свободной торговли. Под влиянием этих идей сами правительства рассматривали протекционизм, т.-е. систему высокого обложения иностранных товаров таможенными пошлинами, или как фискальную меру, имевшую единственной целью увеличить доходы казны, или как временную меру, которая будет отменена, как только национальная индустрия более или менее разовьется и станет на собственные ноги.

Манчестерская школа проповедывала не только свободную торговлю, но и мир. В период господства идей манчестерства колонии рассматривались в Англии, как остаток старого аристократического строя, скорее вредный, чем полезный. Известна знаменитая фраза Дизраэли, сказанная им в период увлечения манчестерскими идеями: «Колонии — это жернова, привязанные к нашей шее». Известно, что и Бисмарк толкал Францию к колониальным захватам, полагая, что колонии явятся «ярмом каторжника», кандалами на ногах у Франции, что последняя в результате приобретений в Африке потеряет свободу действий и обессилеет.

Под влиянием манчестерских идей, европейские правительства в период от 40 до 70-х г.г. не гнались за приобретением колоний, не стремились к уничтожению самостоятельных туземных государств в Африке и Азии и к овладению обширными территориями. В течение этого периода Англия вела три войны против Китая в 1810, в 1850 и в 1860 г.г. Две последние войны велись Англией совместно с Францией. И после того, как англо-французские армии разгромили на-голову китайские войска и дошли до ворот Пекина, столицы Срединной империи, Франция и Англия в результате своих побед потребовали от правительства богдыхана лишь свободного доступа европейским товарам в Китай. Но ни Франция, ни Англия не потребовали от Китая территориальных уступок, а между тем гигантское государство беспомощно лежало у их ног. Право торговли в нескольких пунктах, в главных портах Китая, — вот чем удовлетворились победители в этой тяжелой заморской войне.

Только с момента перемещения центра тяжести капиталистического хозяйства от хлопчато-бумажной индустрии к синдицированной металлургической промышленности, только с оттеснением Манчестера, города хлопчато-бумажной промышленности, Бирмингамом, столицей английской металлургической индустрии, начинается эпоха подлинного империализма, и Чемберлен, «человек из Бирмингама», выдвигается на авансцену истории, как первый представитель эпохи, эпохи колониальной горячки, форсированной захватной политики, развивающейся с такой невиданной в минувшие эпохи интенсивностью, что только за пятилетие с 1885 по 1890 г. Англия приобретает земельную площадь в 4 миллиона квадратных километров, т.-е. пространство, в 20 раз большее, чем вся Франция, и с населением в 60 миллионов душ.

С такой же невиданной в предшествующие эпохи энергией, с таким же небывалым напряжением своих сил бросаются в перегонки друг с другом и все остальные государства, стремясь овладеть новыми и новыми заморскими областями. Африканские территории — Уганда, Родезия, Новая Гвинея, Тунис, Эритрея, Конго, Камерун, Мадагаскар, Марокко, наконец, даже независимые христианские государства Трансвааль и Оранжевая республика, — одним словом, почти весь оставшийся до сих пор незанятым Черный континент переходит в течение последних десятилетий в руки европейских государств. Вместе с тем параллельно идет завоевание азиатского континента: Франция овладевает Тонкином, а затем постепенно почти всем Индокитайским полуостровом, С. Штаты — Филиппинами, которые они отбирают у Испании, Великобритания утверждает свою гегемонию на Персидском заливе и затем совместно с Россией устанавливает англо-русский протекторат над Персией; Германия проникает в Малую Азию и с помощью стальной багдадской цепи стремится привязать к себе Оттоманскую империю и превратить последнюю в свою колонию.

400-миллионный Китай теряет все более и более свою самостоятельность, и первоклассные европейские государства вместе с Японией и С. Штатами создают свои зоны влияния, сводя суверенитет богдыхана над важнейшими приморскими областями Срединной империи к призраку. И многие колонии приобретаются уже не для сбыта товаров, — ибо что сможет дать в качестве потребительского рынка какая-нибудь пустынная, безводная область Африки, — а в качестве места приложения свободных отечественных капиталов. Пустынные области пересекаются железными дорогами, непроходимые горные перевалы прорезаются туннелями, через бурные реки перебрасываются железные мосты, повсюду строятся железнодорожные станции, у крутых берегов воздвигаются коммерческие гавани и военные порты, и на все это уходят миллиарды рублей, которые извлекаются с населения метрополии. В результате выигрывают, во-первых, банковые консорциумы, которые размещают излишки отечественных капиталов или непосредственно в колонии, или в государственные займы, необходимые для ведения этой лихорадочной колониальной политики, для вооружений, тесно связанных с этими коло-

ниальными войнами, с этими колониальными работами, с обострением международных отношений и т. д.; во-вторых, и, главным образом, металлургические короли и бароны, которые наживают колоссальные дивиденды на проложении этих железных дорог — порой в совершенно пустынных местностях, — на прорытии туннелей, на сооружении дредноутов, супер-дредноутов, тяжелых и легких пушек и т. д. Ибо мы знаем, что приобретение какой-нибудь колонии или утверждение протектората над последней дает возможность одной какой-нибудь металлургической фирме получить колоссальные заказы. Так, например, удалось фирме Шнейдер (Крезо) получить подряд в связи с усилением французского «влияния» в Марокко и на постройку гавани в Казабланке, и на сооружение железнодорожной колеи в Марокко, и на поставки артиллерии и прочего оружия для французских войск, и на сооружение новых дредноутов, супер-дредноутов, миноносцев и контр-миноносцев и т. д. И чем сильнее стремление к новым захватам, тем более острый характер приобретает борьба за приобретение новых колоний между европейскими государствами, тем сильнее их нужда в большом войске и флоте, и, стало быть, тем большее влияние приобретают короли металлургической индустрии, изготовляющей все эти легкие и тяжелые орудия, большие и малые суда, строящей железные дороги, и т. д.

Однако, стремление к колониальным захватам, к присоединению аграрных областей, есть лишь одна из тенденций империализма. Империалистические государства бросаются с таким азартом именно на отсталые страны только потому, что колониальные авантюры сопряжены с меньшим риском, требуют меньшего напряжения сил, чем попытка захвата высоко развитых в индустриальном отношении областей, лежащих порой под боком, но принадлежащих сильным государствам, способным дать отпор самому могучему врагу и нанести последнему удары, в сто крат более страшные, чем те, которые может нанести какой-нибудь марокккский султан, тунисский бей или вождь гереро, с которыми боролись немецкие войска в Африке. Заветной мечтой империалистов каждого данного государства является овладение при первой возможности именно наиболее промышленными и развитыми в индустриальном отношении областями соседних государств или же наиболее важными торговыми путями. Так, для французского империализма основной задачей являлось овладение Эльзас-Лотарингией и левым берегом Рейна, наиболее индустриально развитыми областями Германии, богатыми железом и углем. Так, наоборот, для германского империализма главной приманкой являлись Бельгия и наиболее промышленные пограничные области Франции и России. Так, исторической миссией нашего государства, с точки зрения русских империалистов, является овладение Босфором и Дарданеллами, важнейшим торговым путем от наших южных областей к Средиземному морю, Индийскому океану и т. д. Так, наконец, по мнению английских джингоистов, захват Кильского канала должен был явиться важнейшей наградой для Великобритании за все жертвы, понесенные ею в мировой войне.

И такое стремление к захвату именно промышленных областей соседних государств, богатых углем или железом, к овладению важнейшими мировыми рельсовыми путями или великими водными артериями, проливами, каналами, служащими соединительными звеньями между железнодорожными путями, является результатом именно перемещения центра тяжести современного хозяйства от индустрии, обрабатывающей волокнистые вещества, к тяжелой промышленности. Для последней задача внешней политики должна заключаться не попросту в присоединении новых областей с многочисленным населением, которое обязательно покупало бы в соответствии с своими потребительными силами фабрикаты метрополии — согласно бутаде Биконсфильда, заявлявшего, что Англия не успокоится, пока все жители Кипра не станут покупать себе фесок и шаровар из английского сукна, — а прежде всего в захвате тех областей, овладение которыми будет содействовать расширению и упрочению того железного фундамента, на котором только и может держаться тяжелое здание современной мировой империи, претендующей на мировую гегемонию. И, с этой точки зрения, несомненно, что приобретение одного лишнего квадратного километра в Европе важнее для французских, германских и т. д. империалистов, чем присоединение сотен и более квадратных километров в Африке и Азии с населением, значительно превосходящим численно население данной европейской области, соблазняющей так империалистов соседней страны. И этому жгучему стремлению овладеть, прежде всего, именно пограничной европейской территорией не в состоянии помешать даже то обстоятельство, что в большинстве случаев присоединение соседней высоко-культурной и развитой в индустриальном отношении области наносит тяжелый удар многим отраслям отечественной промышленности, не способной бороться с конкуренцией неожиданно появившегося внутри новых государственных границ соперника, не отделенного уже, как прежде, от рынка победившей его страны таможенными барьерами и всякого рода другими рогатками.

Империалистическая политика заключается в стремлении всякой индустриальной страны подчинить и аннексировать себе не только области аграрного характера, не только колонии, как думал когда-то Каутский, но и наиболее развитые в промышленном отношении провинции соседних государств. И если мировая война носила такой упорный, затяжной характер, это происходило именно потому, что здесь шла борьба не только за колониальные территории, но и за европейские области. Если бы главной ставкой в мировой войне были те или другие африканские или азиатские владения, воюющие страны после страшных потоков крови и колоссальных финансовых расходов, вероятно, пришли бы значительно раньше к соглашению. Но в том-то и дело, что мировая война была не только войной за колонии, но и войной за территории старой Европы, колоссальные подпочвенные богатства которой не были еще достаточно использованы, за великие европейские каналы и проливы, овладение которыми крайне важно для усиления влияния и мощи данного государства, прежде всего, в Европе. На заседании германского рейхстага

6 июня 1916 г. лидер национал-либералов Вассерман заявил, что создание громадной колониальной империи, как оно ни важно, имеет очень мало значения по сравнению с расширением германских границ на европейском континенте.

Тем не менее колониальная политика европейских государств в течение последних десятилетий, накануне мировой войны, особенно начиная с наступления нынешнего столетия, эта лихорадочная погоня за новыми и новыми территориями в Африке и Азии, эта ожесточенная борьба за железнодорожные концессии уже сами по себе обостряли отношения между первоклассными государствами, создавали атмосферу крайнего взаимного недоверия, являлись предлогом для чудовищного увеличения расходов на армии и флот и фатально толкали европейские государства к той войне, которая разразилась в 1914 г. и вовлекла в безумную братоубийственную бойню население 14 государств.

Таким образом, изучение колониальной политики европейских государств накануне мировой войны является общеобязательным для всякого, кто желает понять основные причины катастрофы, разразившейся над Европой в 1914 г. Эта катастрофа явилась результатом невозможности для капиталистических государств разрешить мирным путем целый ряд проблем (вопросов), встававших перед господствующими классами первоклассных держав в области европейской и колониальной политики. В предлагаемой вниманию читателя работе мы останавливаемся как на проблеме азиатской и в особенности мало-азиатской, так и на проблеме африканской, проблеме раздела Черного континента.

Политика металлургического треста по отношению к колониям всегда одна и та же: под различными предлогами — то в «стратегических целях», то в целях приобщения данной колонии к «благам культуры и цивилизации» — трест требует от правительства сооружения новых железных дорог в колониях. Часто это делается за счет казны, на весьма выгодных для металлургистов условиях. Но порой, как это случилось во Франции, парламент отказывается голосовать кредиты на сооружение явно бесполезного и дорого стоящего рельсового пути, который ежегодно будет давать убытки. В этих случаях применяется система, изобретенная одним из видных руководителей французского металлургического треста, Полем Думером, в бытность его генерал-губернатором Индо-Китая. «Система Думера» состоит в том, что колония строит железную дорогу на свой счет, но для этого она делает в метрополии заем, гарантированный государством. Эта система одинаково приятна как металлургистам, так и банкирам, выпускающим заем.

Но металлургический трест не удовлетворяется сооружением железных дорог в собственных колониях. Металлургистам не достаточно владений собственного государства, и они неустанно ищут за пределами своей страны и своей «империи» территорий, которые можно было бы прорезать рельсовыми путями для сбыта миллионов пудов рельсов и т. д. Так, французские металлургисты, имеющие в своем распоряжении безграничную по протяжению французскую колониальную империю, все же

домогались новых и новых концессий на сооружение железных дорог в Китае, Оттоманской империи и т. д. И с требованиями металлургистов правительствам приходится серьезно считаться, да и в самом правительстве обыкновенно заседает несколько представителей металлургического треста. Во французском кабинете Мониса (1911 г.), например, было два представителя металлургистов.

Ниже мы показываем, между прочим, какую роль в франко-германском конфликте из-за Марокко играло стремление фирмы Маннесман захватить в свои руки монополию на эксплоатацию всех медных рудников Марокко. В этом конфликте из-за Марокко с необычайной выпуклостью обнаруживается стремление современного капитализма к монополиям и подтверждается правильность положения, согласно которому империализм по своей экономической сущности есть монополистический капитализм[1]).

Мы увидим, какую громадную роль во франко-германском конфликте играла борьба за монополистическое обладание источниками сырых материалов. И если верно, что самой французской промышленности отнюдь не нужны были железные рудники Марокко, зато последние очень нужны были Германии, и этого одного было достаточно, чтобы заставить капиталистическую Францию, колониальная империя которой по своим размерам и нетронутым богатствам далеко переросла производительные силы метрополии, напрягать все усилия для овладения Марокко, с целью недопущения Германии к захвату этой важной африканской области. И образование всякого рода «интернациональных» монополистических союзов капиталистов — картелей, трестов, синдикатов, — где рука об руку работали французские и немецкие капиталисты, не только не упрочивало дело мира, а, наоборот, как увидим ниже, обостряло отношения между государствами и толкало Европу и весь земной шар к мировой войне.

Вопрос о разделе африканского континента сыграл крупнейшую роль в происхождении мировой войны, вопреки мнению многих специалистов по вопросам внешней политики, в частности Милюкова, придававших африканским проблемам второстепенное значение в происхождении мировой войны. В статье «Константинополь и проливы», опубликованной в январской книге «Вестник Европы» за 1917 г., Милюков цитирует брошюру анонимного автора, появившуюся в Германии в 1913 г., под заглавием «Deutsche Weltpolitik und kein Krieg» — «Мировая политика Германии без войны». Можно ли без мировой войны достигнуть целей германской мировой политики? Автор отвечает: да! можно, но под тем условием, чтобы эта политика выбрала такое направление, на котором она не столкнулась бы с интересами Англии и России. И таким направлением может быть лишь политика дальнейшего германского колониального расширения в Центральной Африке. Мировой политикой «без

---

[1]) **Ленин. «Империализм, как новейший этап капитализма». 1917 г. Стр. 120.**

войны» могла бы быть, по мнению автора анонимной брошюры, только политика африканская.

Наоборот, политикой mit Krieg — с войной — являлась политика мало-азиатская.

Милюков вполне разделяет взгляды автора анонимной брошюры и считает эти взгляды пророческими [1]). Мы не согласны с этой точкой зрения. В том-то и дело, что «африканская» политика Германии не могла ограничиться колониальным расширением только в Центральной Африке, а направлялась, главным образом, к северо-западной части Африки, к берегам Средиземного моря, к Марокко. Ниже мы доказываем, что именно в вопросе о Малой Азии ни Франция, ни Англия не обнаруживали особой склонности обострять конфликт с Германией и готовы были итти в вопросе, например, о Багдадской дороге на любой компромисс с Германией. Поскольку «турецкий вопрос» — вопрос о разделе Оттоманского наследства — сыграл крупную роль в происхождении мировой войны, главными действующими лицами в этом мало-азиатском конфликте и конфликте из-за обладания Босфором и Дарданеллами были не Германия и Англия или Франция, а Германия и Россия. Наоборот, в африканских вопросах непримиримыми противниками Германии являлись Франция и, особенно, Англия. Мы увидим ниже, как Англия, готовая итти на всевозможные уступки в багдадском вопросе, не желала и слышать о каких-либо уступках Германии в марокковском вопросе и толкала Францию к самому энергичному сопротивлению немецким планам в северо-западной части Черного континента, и как в течение последних лет накануне войны Европа несколько раз находилась на волоске от мировой войны из-за Марокко. Можно сказать без преувеличения, что в течение этого периода Марокко играло — в отношениях между Францией и Англией, с одной стороны, Германией, с другой — роль кнопки электрического провода к мине, заложенной под Европу. Не раз казалось, что одного прикосновения к кнопке достаточно, чтобы вызвать взрыв и наделать непоправимых бед. И, действительно, в конце концов, благодаря невозможности для капиталистических государств разрешить мирным путем ряд проблем, встававших перед господствующими классами первоклассных держав как в области европейской, так и азиатской и, в особенности, африканской политики, мировая война должна была вспыхнуть, как неизбежный результат борьбы за раздел последних остатков земного шара.

Мих. Павлович.

---

[1]) См. также брошюру Милюкова: «Почему и зачем мы воюем? (Война, ее происхождение, цели и последствия)». Петроград, 1917, стр. 59.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.

Предлагаемая книга представляет переработку, с соответствующими дополнениями и новыми главами, двух наших книг: «Азия и ее роль в мировой войне» и «Мировая война и борьба за раздел Черного континента» (Монополистический капитализм), вышедших в 1918 г. и давно разошедшихся. Автор объединил обе эти работы и дополнил их, кроме ссылок на новые труды, вышедшие за истекший период, двумя главами: о борьбе за проливы и Малую Азию на Лозаннской конференции и об англо-французском соперничестве на Черном континенте в после-военный период. Таким образом, анализ событий доведен до текущего момента.

Мих. Павлович.

Июнь 1923 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.

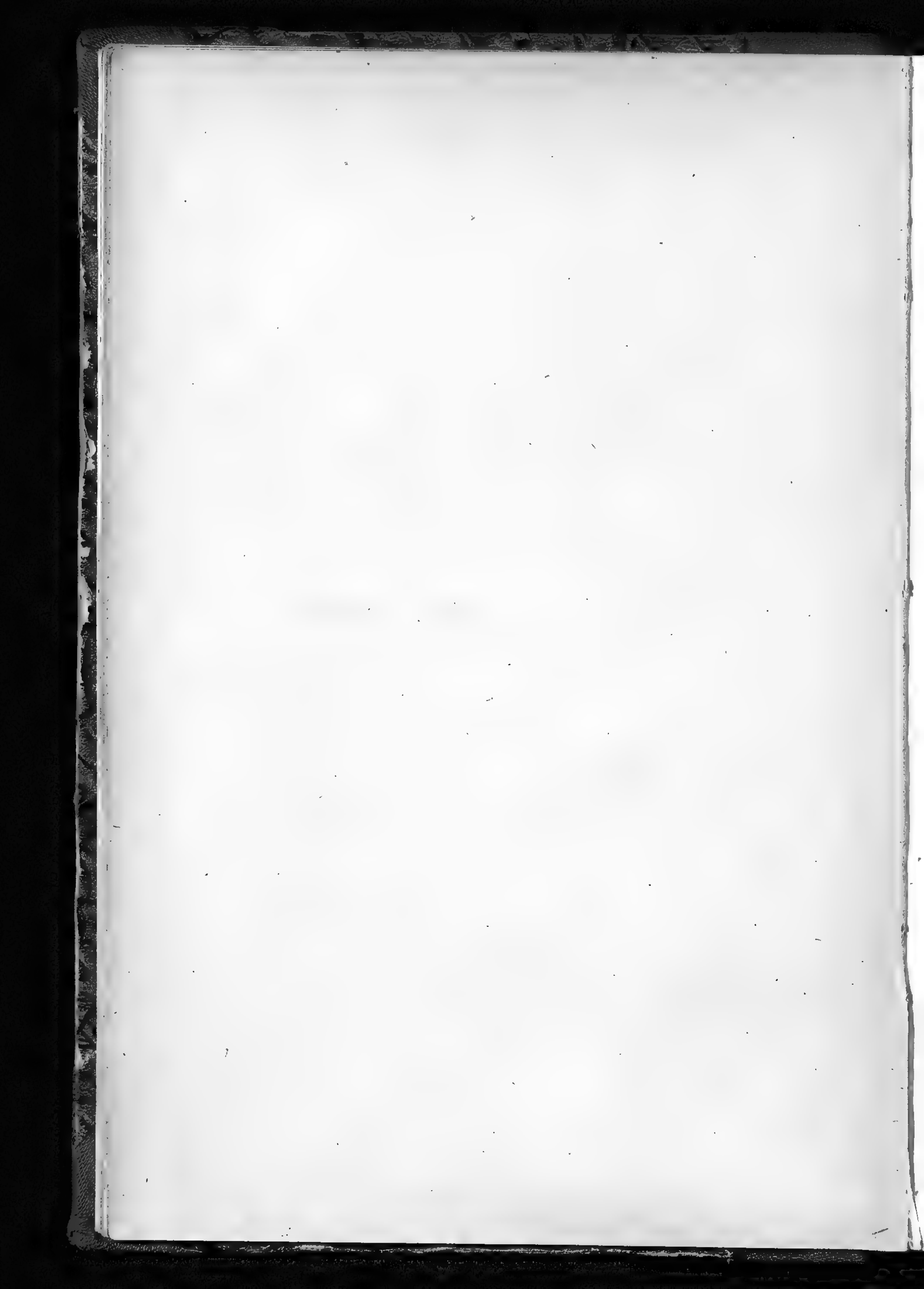
Автор дополнил 2-ое издание, вышедшее в издании «Ассосиации Востоковедения» в 1923 г., главой о Сингапурской базе и положении Японии после землетрясения в Сентябре 1923 г.

Мих. Павлович.

Август 1924 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БОРЬБА ЗА РАЗДЕЛ АЗИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Борьба за Дальний Восток.

По численности своего населения азиатский континент почти вдвое превышает континент европейский. В то время, как в Европе числится приблизительно 440 миллионов жителей, в Азии насчитывается более 850 миллионов душ. Таким образом, даже принимая во внимание бедность жителей этого континента и крайнюю слабость покупательных способностей азиатского населения по сравнению с европейским, нельзя не видеть, что азиатский рынок имеет большое значение для капиталистических европейских государств в настоящем и тем более в будущем.

Правда, пока азиатский рынок поглощает сравнительно мало товаров по сравнению с европейским, ибо чем слабее развита страна в экономическом отношении, тем меньший рынок для сбыта индустриальных товаров она представляет, но все же значение азиатского рынка быстро растет. Следующая таблица показывает (в миллионах марок), как быстро увеличилась внешняя торговля азиатских стран за первые годы нынешнего столетия:

Страны.	1901 г.	1906 г.
Британская Индия	3.081	3.928
Китай	1.376	2.294
Япония	1.067	1.769
Персия	149	251
Итого	5.673	8.242

Итак, за первое пятилетие нынешнего столетия внешняя торговля четырех указанных выше азиатских стран увеличилась более чем на $2^1/_2$ миллиарда марок, т.-е. приблизительно на $1^1/_2$ миллиарда рублей [1]).

Азиатский континент изобилует неисчерпаемыми естественными богатствами.

---

[1]) По вопросу о торговле России с Востоком в довоенный период см. данные в докладе И. Е. Ходорова: «Перспективы торговли России с Востоком». (Торговля России с Востоком и Российско-Восточная Торговая Палата, Москва, 1923. См. стр. 17—41). См. также «Россия и рынки Востока»—доклад А. С. Свентицкого в заседании бюро Отдела Внешней Торговли Центр. В.-Пром. Комитета 20/7 февраля 1918 г. (вышло отдельным оттиском).

Здесь произрастают крайне ценные для человечества растения: чай, кофе, рис, и т. д., здесь возделываются хлопок, маис, табак, и т. д.; здесь добываются минеральные богатства: алмазы, золото, серебро, медь, железо и другие металлы. Не удивительно, что этот континент давно привлекает к себе взоры европейских государств. Англия владеет на азиатском континенте самой ценной своей колонией, «жемчужиной в британской короне», именно Индией, с населением более чем в 300 миллионов душ. Франция—Индо-Китаем, с населением в 16 миллионов душ. Голландия — Ост-Индией, территория и население которой в несколько раз больше метрополии.

В течение последних двух десятилетий борьба из-за раздела азиатского континента приняла особенно острый характер. Начало современному периоду в истории борьбы за азиатское наследство было положено появлением на этом континенте трех новых завоевателей: Японии, устремившейся к утверждению своей гегемонии на территориях Дальнего Востока, в Корее, Манджурии и вообще северных областях Китая; С. Штатов, поставивших своей целью усиление американского влияния на китайском побережьи Тихого океана, и Германии Вильгельма II, открывшей пресловутый немецкий «Drang nach Osten» (движение на Ближний Восток) с целью утверждения немецкой экономической и политической гегемонии в Оттоманской империи, преимущественно в мало-азиатских владениях последней.

1. Японо-китайская война 1894-1895 г.г. — Япония и Россия.

Начиная с революции 1868 г., покончившей с шогунатом, этим пережитком старого феодального строя, Япония начинает преобразовываться на европейский лад и приобщаться к европейской культуре. Бывшая только недавно исключительно земледельческим государством, Япония быстро превращается в капиталистическую страну. Жившая до сих пор замкнутой жизнью, Япония после революции 1868 г. подписывает торговые договоры с иностранными государствами, открывает целый ряд портов для внешней торговли и вступает в более или менее оживленные сношения с Америкой и Европой. Вместе с тем Япония начинает зорко следить за всем тем, что делается на азиатском континенте, особенно в соседней Корее, которую Япония пытается подчинить своему экономическому влиянию. Между тем усиление русского влияния на всем азиатском континенте, постепенное занятие русскими острова Сахалина и окончательное присоединение к русским владениям в 1875 г. этого острова, расположенного недалеко от японских берегов, вызывает сильную тревогу в высших кругах японского общества. В Японии создается целая литература, стремящаяся укрепить в народных массах сознание грозной опасности, надвигающейся на страну со стороны «Китано-Васи» — северного орла, воздушного хищника, который, по выражению японского поэта Токо Фуджито, собирал в своих когтях одно царство за другим и скоро опустится над страной Восходящего Солнца. Поэты, публицисты

призывали народ и правительство готовиться к великой оборонительной войне, дабы не сделаться рабами «северной соседки». Одновременно японская литература и пресса расписывали богатство Китая и подчеркивали значение китайской провинции, Кореи, в качестве области, овладение которой обеспечило бы Японию от всякой опасности со стороны русского хищника.

Японское правительство очень удачно пользуется агрессивной политикой России и страхом японцев перед северным хищником, чтобы воспитывать в населении националистические чувства и подготовлять почву для осуществления своих империалистических планов. Эти планы правительство микадо ярко обнаружило в японо-китайской войне 1894 — 1895 г.г., закончившейся разгромом Китая и знаменитым Симоносекским договором 17 апреля 1895 г. Китай должен был признать независимость Кореи и уступить, кроме того, Ляодунский полуостров вместе с Порт-Артуром и Дальним и уплатить громадную военную контрибуцию.

Японо-китайская война 1894 — 1895 г.г. открыла эру новых исторических событий на Дальнем Востоке. Неожиданно европейские правительства увидели, что рядом с экономически отсталой и слабой Срединной империей создалось в лице Японии могучее военное государство, которое стремится утвердить свою гегемонию над соседней 400-миллионной страной и отнять у капиталистической Европы один из ее важнейших азиатских рынков. Вся буржуазная европейская пресса резко осудила «чрезмерные» требования Японии и подчеркивала опасность, грозящую европейским интересам на Дальнем Востоке со стороны этого неожиданно появившегося серьезного соперника и конкурента цивилизованным государствам. Многие писатели стали распространяться на тему о «желтой опасности», которая встанет-де перед Европой, когда Япония окончательно подчинит себе Китай и, организовав 400-миллионную страну, а затем весь желтый мир, двинет на европейский континент несметные миллионы завоевателей. Появились даже романы и другие беллетристические произведения на тему о страшной катастрофе, надвигающейся на Европу со стороны желтого мира, и сам Вильгельм II нарисовал нашумевшую в тот момент картину, изображавшую все европейские государства, объединившиеся с оружием в руках во главе с Германией для отпора желтолицому варвару, собирающемуся предать огню и мечу христианскую и цивилизованную Европу, очаг культуры и прогресса. Само собой разумеется, что вся эта кампания велась с целью подготовить народные массы к новым авантюрам и внушить им идею об оборонительном характере тех энергичных наступательных действий, которые европейские правительства собирались начать на Дальнем Востоке.

Начало этому энергичному наступлению капиталистических государств на слабый Китай было положено нотой, которую Россия, Франция и Германия предъявили 23 апреля 1895 г. японскому правительству по поводу условий мира, навязанных победоносной страной микадо разгромленному Китаю. Вот что сказано, между прочим, в этой ноте:

*

«Окончательное занятие Ляодунского полуострова вместе с Порт-Артуром будет служить постоянной угрозой по отношению к Китаю и будет препятствовать независимости Кореи; вместе с тем, оно будет являться источником беспрерывных волнений на Дальнем Востоке. В интересах мира и, прежде всего, в интересах Японии желательно положить предел этому неудобному состоянию».

Как мы видим, судя по ноте, можно было заключить, что европейские правительства преследуют самые благородные цели и заботятся лишь об интересах сохранения мира. Но известна истина, что «язык дан дипломатам для того, чтобы скрывать свои мысли». Если европейские правительства не желали допустить усиления японского влияния в Китае и решили помешать правительству микадо воспользоваться плодами побед японской армии, то они действовали так потому, что имели в виду отхватить на свою долю большую часть китайского пирога. И это обнаружилось тотчас же, даже в тот момент, когда Япония, не имевшая сил бороться с русско-германо-французской коалицией, согласилась уступить ультиматуму трех могучих держав и отказаться от Порт-Артура, согласно требованию, категорически изложенному в упомянутой ноте от 23 апреля 1895 г. Так, когда во время вторичных переговоров Японии с Китаем об окончательных условиях мира японские делегаты, отказавшиеся от Порт-Артура, потребовали у китайского представителя Ли-Хун-Чана включения в договор пункта, по которому Китай обязуется никогда не уступать Порт-Артура какой-либо третьей державе, Ли-Хун-Чан, по настоянию русских дипломатов, отказался принять этот пункт. Россия грозила китайскому правительству, что если последнее свяжет себя подобным обязательством, она оставит Китай на произвол судьбы, во власть победителя, а затем будет защищать свои интересы собственными силами и прервет дружеские отношения с Китаем.

2. Японо-германский конфликт. — Германия в Шантунге. — Империалистические планы Японии. — Китайские перспективы.

Не только Россия воспользовалась японо-китайской войной 1894—1895 г.г., чтобы отнять у ослабленного Китая в награду за мнимую помощь против Японии часть китайской территории, — 14 (27) марта 1898 года Россия получила в аренду на 99 лет Порт-Артур и Талиенван; за неделю до того 6 (19) марта Германия на тех же условиях получила от китайского правительства право оккупировать крайне важную китайскую область Киао-Чаю со столицей Циндао, площадью в 552 кв. километра, с населением в 169.000. Обе державы — и Россия, и Германия — действовали в этот период дружно на Дальнем Востоке и совместно добивались для себя реальных льгот и привилегий в Китае, при чем Германия толкала Россию к дальне-восточным окраинам именно для того, чтобы отвлечь внимание русского колосса от Ближнего Востока и, вместе с тем, ослабить военные силы России на европейской границе.

За свою политику на Дальнем Востоке Россия поплатилась русско-японской войной. Но эта политика не обошлась даром и Германии. Нельзя не видеть, что в вопросе о направлении внешней политики Японии в случае международных осложнений германские дипломаты обнаружили поразительную недальновидность. Германские дипломаты откровенно спекулировали на военную помощь Японии против России. Между тем, раз последняя волей-неволей после войны 1904 г. отказалась от планов гегемонии на Дальнем Востоке и уступила свои позиции Японии, правительство микадо не имело основания относиться недружелюбно к России, тем более, что наша экономически отсталая страна не могла быть таким серьезным конкурентом для Японии на китайском рынке, каким являлась и могла явиться в недалеком будущем Германия, развивавшая с поразительной быстротой свою экономическую мощь. Наоборот, как мы указали выше, Япония была заинтересована в восстановлении самых дружеских отношений с Россией, во-первых, для «обеспечения тыла» в случае войны с С. Штатами, во-вторых, для расширения экспорта своих товаров на русские рынки.

Через 10 лет после японо-китайской войны 1894 г., именно в войну 1904 — 1905 г.г., Япония отняла у России Порт-Артур и Дальний, полученные русским правительством по договору с Китаем в марте 1898 г. Воспользовавшись великой войной 1914 г., Япония решила отнять у второго своего соперника на Дальнем Востоке, именно у Германии, приобретения последней в том же 1898 г. и отомстить таким образом немецким империалистам за вмешательство в японо-китайскую войну.

2 (15) августа 1914 г. японское правительство предъявило ультиматум Германии, потребовав от последней передачи Японии заарендованной китайской области Киао-Чао для возврата впоследствии этой территории Китаю. Само собою разумеется, что японские империалисты отнюдь не имели в виду, отобрав у Германии Киао-Чао, вернуть эту провинцию Китаю. Это была обыкновенная дипломатическая ложь, к которой прибегают правительства для прикрытия своих завоевательных планов. Наоборот, японские империалисты видели в Киао-Чао крайне лакомый кусочек, которым необходимо было овладеть во что бы то ни стало. Дело в том, что, захватив в свои руки в 1898 г. Киао-Чао, германское правительство с присущим ему организационным талантом быстро превратило эту колонию в превосходную военную и экономическую базу для проникновения немецкого влияния в Срединную империю и, прежде всего, в китайскую провинцию Шантунг. В Цинзао был создан первоклассный военный порт, германский Порт-Артур, который, подобно русской крепости на Ляодунском полуострове, должен был играть роль револьвера, направленного одновременно и против Китая, и против Японии. Здесь в Киао-Чао были созданы немецкие банки, сооружены великолепные склады немецких товаров, проложена от порта Циндао до реки Гоанго железнодорожная линия длиной в 394 километра, с боковой веткой в 39 километров. Дорога эта оказалась очень выгодной, и немецкое общество, стоявшее во главе ее, выдавало своим акционерам до 6% диви-

денда. Все принятые немцами меры имели целью, между прочим, отвлечь к Циндао весь товарооборот с Шантунгской провинцией, шедший раньше через порт Чифу, которым пользовались японцы. И, действительно, скоро Шантунгская провинция совершала фактически почти всю свою торговлю через немецкий Циндао. Это не могло прийтись по вкусу японской буржуазии, тем более, что внешняя торговля Шантунга стала быстро развиваться. В то время, как в 1900 г. внешняя торговля через порт Циндао определялась всего в $3^1/_2$ миллиона таэлей, в 1910 г. торговля этого порта равнялась уже 27 миллионам таэлей, т.-е. увеличилась почти в 8 раз.

Вместе с тем немецкие капиталы и инженеры быстро подняли производительные силы Шантунгской провинции. Они создали здесь ряд новых фабрик, оборудовали по европейскому образцу бумажную фабрику в Изинанфу, стеклянную в Пошане, альбуминную в Циндао, основали крупную компанию для разработки каменноугольных копей и стали добывать ежегодно до 25 миллионов пудов угля, вытесняя из Шантунгской провинции этим местным углем привозный японский уголь. За сравнительно короткий период германские капиталисты много сделали для приобщения Шантунгской провинции к той интенсивной экономической жизни, в которую, рано или поздно, будут вовлечены все области земного шара; но эта лихорадочная германская деятельность не могла не пугать японских империалистов, которые не без тревоги следили за усилением экономического влияния Германии в той стране, которую капиталистическая Япония мечтала подчинить своему протекторату.

Германский ввоз в Китай составлял в 1913 году сумму в 123 миллиона марок. Германия ввозила в Китай краски, оружие и аммуницию, швейные иголки, некоторые продукты текстильной промышленности, — одним словом, такие товары, которые и Япония стремилась ввозить в Китай в возможно большем количестве.

Завоевание китайского рынка должно быть, с точки зрения японской буржуазии, главной целью японского империализма: все действия японской дипломатии должны быть направлены к этой основной задаче. Японская армия и японский флот должны постоянно стоять на должной высоте, чтобы отстаивать уже завоеванные позиции в Китае и приобрести новые. Об этом японская пресса говорит с поразительной откровенностью. За нынешнее столетие японский ввоз в Китай сильно увеличился.

Согласно японским официальным данным, японский ввоз в Китай составлял:

в 1900 г.	31,9	миллионов иен.
» 1905 »	98,7	» »
» 1910 »	109,2	» »
» 1912 »	142	» »

Итак, за 12 лет японский ввоз в Китай увеличился почти в 5 раз. Эти успехи Японии были достигнуты, главным образом, на счет англий-

ской и американской торговли в Китае. Но как ни велики успехи японской промышленности в Китае, они ничтожны по сравнению с задачами, которые ставит перед собой японская буржуазия. В период мировой войны мы писали следующее о перспективах на Дальнем Востоке: «Требования японского империализма по отношению к Китаю примут особенно опасный характер в результате нынешней войны. Благодаря этой войне и возможности поставлять в Россию и другие союзные страны громадное количество оружия, снарядов, химических продуктов, хлопчато-бумажных товаров, и т. д., в Японии за время войны возникли тысячи фабрик и заводов (одних новых оружейных фабрик создалось 1.600). По окончании войны эти фабрики и заводы вследствие значительного сокращения милитаристического рынка должны будут закрыться. Япония очутится перед опасностью серьезного экономического кризиса, если заблаговременно не будут завоеваны новые рынки. Вся политика нынешнего японского правительства направлена к использованию удобного международного положения для превращения Японии в могучее континентальное государство на счет Китая» [1]). Японское правительство заигрывало в период мировой войны с Россией, с одной стороны, чтобы сохранить и, если возможно, расширить приобретенный за время войны русский рынок, с другой стороны, чтобы, обеспечив себе тыл со стороны царской России, вместе с тем, при поддержке вчерашнего врага и сегодняшнего союзника, осуществить агрессивные японские планы на счет Китая в ущерб торговым и политическим интересам в Срединной империи С. Штатов и союзной Англии, у которой было слишком много хлопот в Европе, чтобы быть способной отстаивать с прежней энергией свои интересы на Дальнем Востоке.

Но как мы видели, прежде чем обнаружить свои агрессивные планы по отношению к Китаю и поднять знамя открытой борьбы против экономического и политического влияния не только Соединенных Штатов, но и союзных Англии, Франции, Бельгии в Срединной империи, японское правительство, прикрываясь, как это принято, принципами справедливости, цивилизации, прогресса, решило отнять у Германии область Киао-Чао, якобы для передачи этой области Китаю. Здесь, кстати, напомним, что по Портсмутскому договору, подписанному более 10 лет назад, Япония обязалась очистить от японских войск Манджурию и возвратить ее Китаю. Несмотря на это обязательство, Япония сохранила за собой южную Манджурию.

Великая война 1914 года дала возможность японской буржуазии освободиться в лице Германии от одного лишнего соперника на поле борьбы за гегемонию в Срединной империи, и Япония воспользовалась удобным случаем, чтобы нанести удар Германии и отнять у последней Киао-Чао с портом Циндао. Какое значение германские колониальные круги придавали своей базе на Дальнем Востоке, видно из той телеграммы, которую впечатлительный и любящий употреблять сильные слова

---

[1]) **М. Павлович, «Азия и ее роль в мировой войне», стр. 11.**

Вильгельм II послал коменданту Циндао, желая внушить последнему сознание высокой миссии, лежащей на нем. «Занятие Циндао, этой твердыни германской культуры, — телеграфировал Вильгельм, — было бы для меня более тягостно, чем взятие русскими Берлина».

Однако, несмотря на упорное сопротивление немецкого гарнизона, Циндао было взято, и Япония овладела всей заарендованной немцами китайской областью. Само собой разумеется, что японское правительство и не подумало вернуть отобранные его войсками у Германии области Китаю и на требования последнего исполнить свое обещание, данное в ультиматуме 15 августа, ответило отказом и угрозой. Более того, 18 января 1915 г. японский посланник в Пекине вручил президенту китайской республики Юаншикаю секретную ноту, в которой японское правительство предъявило Китаю 21 требование, подчинение которым окончательно утвердило бы гегемонию Японии в Срединной империи [1]. Эта нота так ярко обнаруживала аппетиты японских империалистов, с такой очевидностью обнаруживала желание японской буржуазии воспользоваться войной, вытеснить из Китая всех конкурентов Японии, не только Германию и С. Штаты, но также верных союзников Японии — Англию, Россию, Францию,—что эти державы попросили японское правительство умерить свои требования. В самом деле, Япония потребовала, чтобы Китай не заключал никаких займов с какой бы то ни было державой, не выдавал никаких концессий кому бы то ни было без разрешения Японии, китайское правительство должно было обязаться приглашать в качестве технических советников лишь японцев, и т. д. Одним словом, это была попытка нанести решительный удар влиянию не только С. Штатов, но и Франции и особенно верной союзницы Японии — Англии — в Срединной империи. Неудивительно, что несмотря на войну с Германией, японская нота вызвала сильное волнение в Англии, и правительство последней оказалось вынужденным потребовать от Японии отказа от своих чрезмерных притязаний.

Японская политика по отношению к Китаю в течение мировой войны ясно показала, что эта война отнюдь не разрешит всех сложных и опасных вопросов международной политики. Наоборот, война лишь разожгла аппетиты господствующих классов во всех воюющих государствах, и уже тогда на горизонте появились новые тучи, которые свидетельствовали о возможности новой мировой войны. Недаром буржуазная французская газета «Тан» откровенно писала в то время, когда десять департаментов Франции были еще заняты немецкой армией, что первой неотложной задачей по окончании мировой войны явится разрешение китайского вопроса, т. е. попросту — раздел китайского наследства.

---

[1] Об этих знаменитых 21 требованиях, факт предъявления которых японцы отрицали, см. у А. Е. Ходорова: «Мировой империализм и Китай», стр. 163 — 166.

3. Соединенные Штаты и Китай. — Японо-американский конфликт.

Как мы видели выше, китайский вопрос, проблема раздела Срединной империи, вызвал за последние 20 лет три войны: японо-китайскую (1894 — 1895), японо-русскую (1904 — 1905) и японо-германскую [1]) (1914 — 1915). Не малое отношение к китайскому вопросу имеет и испано-американская война 1898 года. С. Штаты начали войну с Испанией якобы во имя освобождения от испанского ига лежащего недалеко от американских берегов острова Кубы, а кончили эту войну тем, что присоединили к своим владениям расположенные от Америки в тысячах и тысячах километров Филиппинские острова, при чем американское правительство нарушило свое обещание дать автономию населению этих островов и поработило филиппинцев. Филиппины, вместе с рядом других островов, приобретенных американцами на Тихом океане, должны были сделаться, по планам американских империалистов, базой для проникновения американского влияния в Китай, для усиления торговых сношений Америки с Дальним Востоком вообще и с Срединной империей в особенности. Для осуществления этой цели американцы не ограничились приобретением островов и осуществили грандиозный проект прорытия Панамского канала, который обошелся С. Штатам в миллиард рублей, но зато сократил расстояние от Нью-Иорка до важнейших китайских портов на целые тысячи километров.

С момента мировой войны американская буржуазия с особой тревогой следила за развитием агрессивных планов Японии по отношению к Китаю, но пока С. Штаты, чувствуя себя, очевидно, недостаточно сильными, чтобы вступить в борьбу с отдаленной Японией, воздерживаются от решительных действий. Оптимисты высказывали мнение, будто американская буржуазия окончательно примирилась с неизбежностью мощного империалистического расцвета Японии и ее утверждения в роли гегемона (вождя) на азиатском материке. Однако, уже факт вотирования парламентом С. Штатов, в средине 1916 года, колоссальных кредитов на военный бюджет 1917 года, именно 685.000.000 долларов, на усиление армии и флота, на создание новых небывалой силы эскадр—ясно показывал, что С. Штаты не сдадут так легко свои позиции на Тихом океане и в Срединной империи. Во всяком случае, о своей новой широкой программе американский морской министр отозвался с полной откровенностью, указав, что по ее осуществлении С. Штаты получат боевой флот, превосходящий по силе любой иностранный флот. Американские империалисты были уверены, что воюющие державы выйдут в результате борьбы значительно

---

[1]) Фактически японо-германская война кончилась со взятием Циндао. С той поры все попытки привлечь Японию к участию в войне с Германией на европейском континенте кончались неудачно. Подробно о политике империалистических держав по отношению к Китаю см. труд А. Е. Ходорова: «Мировой империализм и Китай». Шанхай. 1922, стр. 448.

ослабленными, и что это создаст благоприятную обстановку для империалистических планов С. Штатов в близком будущем.

«Кто знает, не найдут ли С. Штаты по окончании нынешней войны союзников для борьбы с увлекающейся широкими планами Японии среди сегодняшних же союзников последней. И не даром многие буржуазные газеты уже теперь откровенно пишут, что нынешняя война не будет последней мировой войной и что мысль о возможности вечного мира является наивной утопией. И в самом деле, поскольку речь идет о капиталистическом режиме, это мнение буржуазных писателей не грешит против истины. Капиталистический строй дышит войной и насилием и фатально рождает из своих недр внутренние и внешние антагонизмы и конфликты».

Эти строки были написаны нами в 1918 г. Действительно, С. Штаты нашли себе союзников против Японии в лице английских же доминионов, Канады, Австралии и Новой Зеландии, которые воздействовали на метрополию в смысле расторжения англо-японского союза и соглашения с Америкой. Таким образом, после Вашингтонской конференции (1921—1922 г.) С. Штаты получили большую свободу действий для борьбы за свое господство на Тихом океане и преимущественно в Китае [1]).

Ярким показателем обострения японо-американских отношений после Вашингтонской конференции служит отказ японского правительства на заседании Лиги Наций в конце сентября 1924 г. принять статью протокола, в силу которой зачинщицей войны считается та страна, которая вступит в вооруженный конфликт с другой вследствие принятия этой последней какой-либо меры, не выходящей из рамок ее внутреннего законодательства. Японцы заявили, что Америка своим законом об иммиграции может принудить Японию к войне с С. Штатами, хотя этот закон и не выходит за пределы внутреннего законодательства.

---

[1]) См. также о борьбе за Дальний Восток в после-военный период **Виленский-Сибиряков**: «Китай»; его же «Япония» (изд. Вс. Научн. Асс. Востоковедения) и наши книги: «Советская Россия и империалистическая Япония» (изд. «Красная Новь», Москва. 1923, стр. 145); «Советская Россия и капиталистическая Америка» (Госиздат. 1922, стр. 101).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вашингтонская конференция и новые вооружения.— Сингапурская база.

Вашингтонская конференция (1921 — 1922 г.) о сокращении морских вооружений отнюдь не повела, как это и можно было предвидеть, к смягчению конфликтов на Тихом океане и к действительному сокращению вооружений. Когда в 1912 году Англия начала переговоры с Германией о сокращении морских вооружений, это не обозначало близости англо-германского соглашения, наоборот, свидетельствовало о том, что англо-германский конфликт вступает в очень острую фазу. Ведя переговоры об одновременном сокращении английских и германских морских вооружений, правительство Великобритании ни на йоту не ослабляло своей политики «окружения» Германии, равно как своей политики империалистической экспансии.

В результате Вашингтонской конференции был подписан всеми участвующими в конференции державами договор о прекращении дальнейшего сооружения перволинейных судов большого тоннажа и установлена определенная пропорция между перволинейными флотами Америки, Англии и Японии. Япония прервала постройку дредноутов и супер-дредноутов и стала строить быстроходные крейсера и подводные лодки. Одновременно она стала тратить громадные средства на укрепление своих баз у японских берегов и вообще на Тихом океане. В момент Вашингтонской конференции на японских верфях было занято 153.000 рабочих. Ни один из этих рабочих не был уволен в течение последующего периода.

Равным образом, Соединенные Штаты, отказавшись от программы увеличения своего перволинейного флота, приступили к увеличению числа крейсеров, больших подводных лодок (океанских подводных лодок), громадных воздушных судов, и т. д. Само собою разумеется, что нет никакого противоречия между всеми этими американскими вооружениями, созданием новых подводных лодок в 2.000 и более тонн водоизмещения, или гигантских аэропланов и американскими же призывами на Вашингтонской конференции о необходимости сокращения вооружений, ибо эти призывы представляют собой «моральную» подготовку к войне в то время, как постройка гигантских подводных лодок, аэропланов, и т. д., представляет материальную подготовку к войне.

* * *

Ярким моментом, свидетельствовавшим о начале новой борьбы на Тихом океане и об аннулировании решений Вашингтонской конференции о сокращении вооружений, явился вопрос о сооружении укрепленной морской базы в Сингапуре. Стратегически Сингапур лежит на главных путях из Суэца в Австралию и Новую Зеландию и из Индии на Дальний Восток. Он охраняет снабжение Запада бирманской нефтью и замыкает Тихий океан. Проект об укреплении Сингапурской базы был внесен весной 1923 г. в английский парламент под видом законопроекта об ассигновании $9^1/_2$ милл. фунтов стерлингов (около 100 милл. р. золотом) на переустройство Сингапурской гавани. Законопроект прошел после горячих прений большинством 253 голосов против 94. Прения провели ясную линию между либеральными и империалистическими взглядами в Англии в вопросах о национальной обороне и дипломатии. Дебаты были очень важны, так как они выразили настроение различных английских партий по отношению к Японии и Америке. Первый лорд адмиралтейства указывает, что расширение английской базы в Сингапуре предложено на том основании, что Великобритания зависела от доброй воли Японии в смысле охраны ее владений на Дальнем Востоке и Тихом океане в течение 10 лет, и что уважающая себя нация не может постоянно зависеть от доброй воли другой нации.

Командор Беллерс, консерватор, однако, не постеснялся заявить, что Сингапурская база может быть использована С. Штатами, и вообще говорил в таком духе, чтобы произвести выгодное впечатление в Америке.

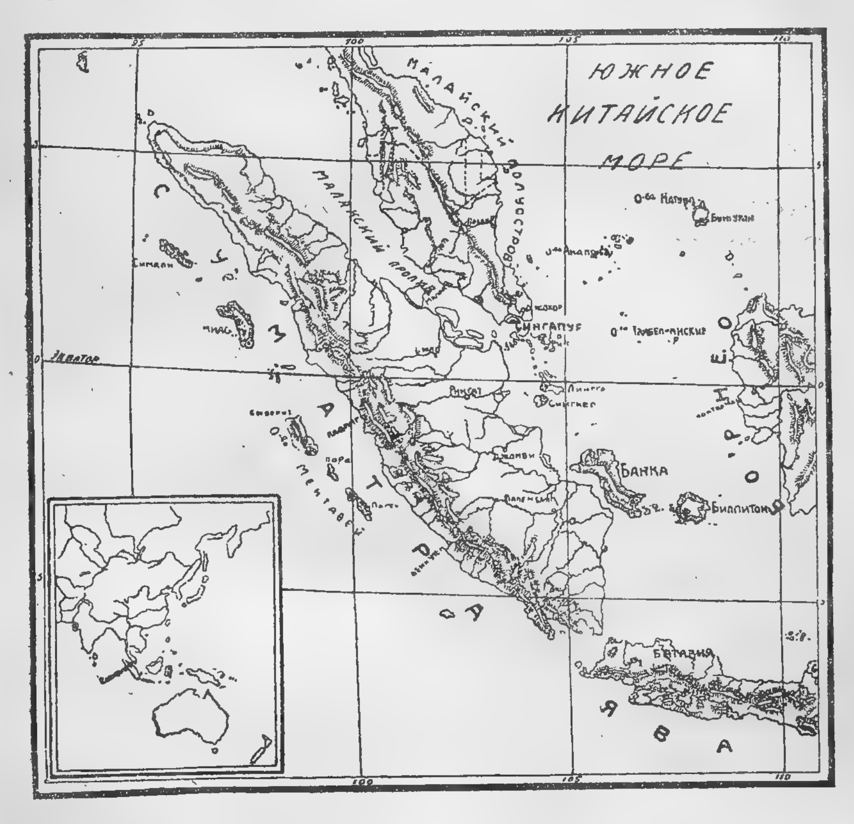
В вопросе о Сингапуре выявились две линии английской политики. В этом вопросе представители тяжелой промышленности и финансового и промышленного капитала, вложенного в колониальные предприятия и вообще в заокеанские страны, дали бой представителям тех групп торгового и промышленного капитала, которые не желают терять европейских рынков и больше беспокоятся о Руре, восстановлении Германии, признании России, и т. д., чем о Тихом океане. Естественно, что британские финансисты, купцы и промышленники, ведущие дела с Индией, Цейлоном, Малайским Архипелагом, Западной и Восточной Африкой, Китаем, стали на точку зрения милитаристов, поднявших вопль о необходимости для Англии твердо стать своим флотом в водах Тихого океана.

Укрепленная Сингапурская база рассматривается также, как позиция, защищающая колониальные владения Голландской Индии (Яву, Суматру, Борнео, Целебес и Молукские острова) от захвата их Японией. Голландская Индия богата нефтью, и хорошо известно, какую роль во внешней политике Англии играет пресловутый англо-голландский нефтяной трест «Рояль Дётч Шель», разрабатывающий нефтяные источники Голландской Индии [1]).

---

[1]) См. нашу брошюру «Мировая борьба за нефть». Изд. «Молодой Гвардии». 1923 г. См. также «Советская Россия и капиталистическая Америка», стр. 83—86.

Г-н Арчибальд Херд, один из лучших английских публицистов, в «Дэйли Телеграф» от 4 мая писал: «Англия хочет иметь флот, который мог бы быть брошен в любой момент в любое место и против любого неприятеля. Британский флот не представляет из себя совокупности разрозненных морских единиц с наклеенными на них ярлыками. Это — нераздельно-единая и подвижная сила, но — прибавлял он — эта система обречена на гибель, если не будут созданы базы». Вот почему, поясняет Херд, решено сильно развить работу по оборудованию Сингапурской базы.

Ассигнование громадных сумм на укрепление Сингапура было оценено многими английскими газетами, как коренной сдвиг в морской политике Британии, как перенесение центра тяжести ее военного флота из Немецкого моря на Дальнем Востоке. Это — результат уничтожения Германии, как опасного для Англии морского соперника, и одновременно победы Пуанкаре, как европейского гегемона.

Принятие проекта об укреплении Сингапурской базы свидетельствовало не только о том, что капитуляция германской буржуазии в Руре,

нежелание Англии вступать в данный момент в острый конфликт с Францией, разруха на европейском континенте заставляют определенную часть английской буржуазии «махнуть рукой» на европейские дела и строить английскую политику на усилении экономического и политического влияния Великобритании за пределами европейского континента, во внеевропейских зонах влияния, — этот факт иллюстрирует, как легко обходятся заинтересованными правительствами всякого рода постановления о «сокращении вооружений».

В самом деле, Вашингтонский договор запрещал Англии возводить новые укрепления в Гонконге.

В § 19 этого договора перечисляются страны, омываемые морями Дальнего Востока и Тихим океаном, и постановляется, что на всех этих территориях и владениях не может быть увеличиваемо существующее в настоящее время количество средств, предназначенных для ремонта морских сил; не могут быть, наконец, усиливаемы средства береговой обороны в поименованных территориях и владениях. Но помешали ли столь обстоятельные предписания созданию крупной морской базы в Сингапуре? Нет. Вашингтонские трактаты не могли остановить британского адмиралтейства. Согласно параграфу 19 status quo должен быть сохранен в Гонконге и всех британских островных владениях на восток от 110 меридиана восточной долготы, исключая прилегающих к побережью Канады, Австралии и Новой Зеландии. Но оказалось, что Сингапур расположен на 6 градусов на запад от обусловленной границы и кроме того Сингапур лежит на полуострове, а не на острове. Таким образом, по букве договора, англичане вправе делать в Сингапуре все, что им угодно.

Все это заставляет предполагать, что правительство С. Штатов вполне сознательно воздержалось от требования распространить пункты договора о запрещении возводить новые укрепления и на Сингапур. Таким образом, проект укрепления Сингапурской базы явился результатом сговора между Великобританией и С. Штатами [1]).

1. Сингапур и японская опасность.

Против кого же направлено было принятие английским парламентом в качестве первоначального ассигнования $9^{1}/_{2}$ милл. ф. ст. на укрепление морской базы Сингапура и приспособление ее для ремонта военных судов? Члены рабочей партии очень заинтересовались этим

---

[1]) Следует оговориться, что в середине марта 1924 г. правительство Макдональда заявило о своем окончательном решении отказаться от создания Сингапурской морской базы. Однако, Австралия и Новая Зеландия настаивали на создании базы, угрожая в противном случае установлением самостоятельной морской политики, иначе говоря, морским соглашением с С. Штатами. Падение кабинета Макдональда в ноябре 1924 г. и пришествие снова к власти консервативного кабинета Болдуина, инициатора проекта Сингапурской базы, опять поставило вопрос о Сингапуре в порядок дня.

вопросом и попросили ответить им: «Против кого именно укрепляется Сингапур,—против Америки или против Японии?» На этот вопрос консервативный депутат Беллерс ясно ответил, что «Япония растет, и нет никакой возможности предсказать, в какие комбинации могут вылиться через 10 лет взаимоотношения держав; нельзя также утверждать, что либеральная партия, управляющая теперь Японией, останется до тех пор у власти».

Тот же Беллерс заявил, что морская база в Сингапуре может, в конце концов, оказаться полезной для С. Штатов при защите Филиппинских островов.

Еще более решительно высказался по тому же вопросу лорд Грэй, заявивший на заседании палаты общин (12/VII — 1923 г.):

«В Тихом океане только две великие морские державы — Америка и Япония. Работы Англии по созданию в Сингапуре морской базы не направлены против Америки. Мы руководимся возможностью в будущем войны с Японией. Война с Японией имела бы расовый характер, и Америка выступила бы вместе с нами против желтой расы».

Эти угрожающие заявления по адресу Японии не представляют ничего неожиданного для того, кто следил за статьями скончавшегося в прошлом году короля английской прессы лорда Нортклифа, поднявшего в сотнях английских газет кампанию под лозунгом: «Следи за Японией» [1]). И лорд Нортклиф не остался одиноким английским «японофобом». Достаточно просмотреть целый ряд статей об Японии в английских толстых журналах за последние годы, особенно с момента Вашингтонской конференции, чтобы убедиться в том, что «романтический период отношения к Японии», как замечает Робертсон Скотт, автор статьи: «Япония против мира», напечатанной в «Ривью оф Ривью» от июня 1922 г., — давно закончился. Робертсон Скотт уверяет, что во время своего последнего путешествия вокруг света он не встречал народа, который бы верил японскому правительству и любил японцев. «Японцы так же непопулярны, как немцы, если не более. Кроме того, что японцам не верят ни на одном материке, их презирает и ненавидит соседний с ними народ, в пять раз превышающий их по населению». «Если спросить кого бы то ни было, заслуживают ли японцы доверия, всегда в ответ получишь: Нет! Японцы—это дальне-восточные немцы»—заявляет Робертсон Скотт. Известно, что в устах английского или французского националиста слово «немец» звучит, как в устах ярого антисемита слово «жид». Следует прибавить, что когда английские или американские империалисты называют японцев «немцами», — это не только простая ругань, это угроза, указание на то, что Японию ожидает участь Германии, то-есть полный разгром и позорный мир, вроде навязанного победителями немцам. В радикальном американском журнале «Нью Рипёблик» мы читаем следующие строки:

---

[1]) См. нашу книгу: «Советская Россия и капиталистическая Япония», стр. 100 — 101. Изд. «Красная Новь». Москва, 1923 г.

«В ближайшем будущем Восток станет ареной мира или войны; в случае войны Корея будет тамошней Бельгией, Китай — Францией, Сибирь — Россией, а Япония — Германией».

Автор уверен, что азиатскую Германию постигнет та же участь, что европейскую, и что не только Америка, но и Австралия, Канада, Южная Африка и Новая Зеландия сразу встанут с оружием в руках против Японии, как только последняя перейдет на «немецкий манер» к решительным действиям против восточной Франции — Китая.

Все эти выпады, аналогичные которым мы находим и в английской печати, свидетельствуют, что медовый месяц англо-японского содружества отошел в область предания, и что теперь настал период острой борьбы за отвоевание у Японии захваченных ею во время мировой войны, когда Англия по горло была занята европейскими делами, экономических позиций на Тихом океане.

Укрепление Сингапурской базы и является важным этапным шагом в борьбе Англии, прежде всего, против Японии за позиции на Дальнем Востоке, показателем того, что в этой борьбе Англия становится на стороне Америки против Японии, наконец, симптомом того, что в тихоокеанском конфликте Великобритания с ее доминионами: Канадой, Австралией, Новой Зеландией будет принадлежать, может быть, столь же крупная роль, какая ей принадлежала накануне мировой войны в борьбе с Германией и политике окружения последней.

Понятно, что проект укрепления Сингапурской базы еще до утверждения сметы на эти укрепления вызвал беспокойство в Японии. Японский посол в Лондоне Гаяши уже не раз тревожил своими запросами по этому поводу лорда Керзона. Когда же законопроект об ассигновании $9^1/_2$ милл. ф. ст. на Сингапурскую базу был принят британской палатой общин, японская пресса оценила этот факт, как решительный удар, нанесенный Вашингтонскому морскому соглашению четырех держав.

Газета «Джапан Эднертайзер» писала: «Создание морской базы в Сингапуре означает большую угрозу для Японии, это равносильно тому, как если бы подобный план был осуществлен в Гонгконге. Подобное решение Англии совершенно противоречит Вашингтонскому морскому соглашению четырех держав. Оставляя вопрос об угрозе Японии в стороне, мы опасаемся, что примеру Британии последуют и другие державы. Создание морской базы в Сингапуре окончательно разрушает Вашингтонские постановления. Мы не можем обойти молчанием подобные факты, не чувствуя некоторого волнения; мы желали бы, чтобы народы Англии и Америки обратили на этот вопрос самое серьезное внимание».

Другая японская газета «Цюгай Согио» писала: «Изменения в американской артиллерии и законопроект о Сингапуре являются весьма характерными явлениями для морского флота Англии и Америки. Возможно, что Великобритания не нарушает прав, создавая морскую базу в Сингапуре, находящемся за пределами запрещенной фортификационной зоны на Тихом океане, но вряд ли кто может оспаривать, что новый план

Англии совершенно противоречит духу морского соглашения четырех держав, которое имеет своей целью поддерживать мир и порядок на Тихом океане.

«Британский морской министр с целью защиты своего проекта сказал, что Вашингтонский договор не касается Сингапура и отрицал в создании морской базы вызов Японии.

«В настоящее время, когда англо-японский союз потерял свою силу, Великобритания начала принимать усилия к созданию морской базы в Сингапуре для своей национальной безопасности. Эта необходимость создания сильной морской защиты была вызвана тем обстоятельством, что англичане поняли, что Тихий океан будет служит местом коммерческого соревнования держав.

«Однако, какие бы официальные объяснения ни делались в защиту этого плана, ясно одно, что за ними скрываются совершенно другие намерения».

Газета «Иомури» так оценивала значение Сингапурского проекта: «Сингапурский план прямо противоположен принципам Лиги Наций. Поэтому Япония не может не сожалеть о действиях консерваторов и империалистических политиканов и дипломатов Великобритании, которые стоят за принятие законопроекта о расширении Сингапурской морской базы. Этот проект с официальной точки зрения не нарушает буквы различных договоров, подписанных Британией, на самом деле, отвергает, несмотря на аннулирование англо-японского союза, их основной смысл и неминуемо ведет к серьезным практическим последствиям, подвергая опасности всеобщий мир, в особенности же подрывая устои англо-японской дружбы, которая могла бы существовать».

Газета «Джапан Хроникль» поставила точки на i и объясняла смысл принятия законопроекта о Сингапурской базе, как «результат ошибочного представления, будто Япония угрожает Индии и Австралии. Подобные ошибки великобританской внешней политики будут продолжаться до тех пор, пока английское правительство будет состоять из консерваторов и реакционеров. Оговорка Беллерса о том, что Сингапур может пригодиться Соединенным Штатам, является прямым указанием, что новая мощная морская база направлена против Японии».

2. Сингапур и «большевистская» опасность.

К этим замечаниям японской прессы о значении Сингапурского вопроса следует прибавить, что укрепление Сингапурской базы имело в виду не только японскую угрозу и заботу о беспрепятственной доставке бирманской нефти в Англию. Некоторые английские газеты подчеркивали, что с уходом Японии из Владивостока и занятием последнего красными войсками, на Тихом океане снова появляется Российская держава, более грозная и страшная, чем Россия царская. «Как отзовется это событие на Китае, что предпримут теперь большевики, получив обратно Влади-

восток?», с тревогой спрашивает «Морнинг Пост», обсуждая вопрос о Сингапурской базе. Таким образом, ясно, что истинное значение Сингапура связано не только с японской, но и с большевистской опасностью.

Указывая в серии статей «Дальневосточные проблемы» на возвращение России на Дальний Восток и на «большевистскую пропаганду против европейских государств и угнетателей азиатских народов», «Морнинг Пост» — газета, которая вела такую ярую и закончившуюся фиаско кампанию против допущения Раковского в качестве посла в Англию — цитирует апокрифический большевистский циркуляр от 25/XI 1922 г., где будто бы сказано, что «Центральная Азия и страны, граничащие с Индией, являются для России аванпостами, с которых Советская власть сможет грозить Англии; нетрудно понять, что подобная пропаганда из Центральной Азии подразумевает завладение такими же взаимосвязанными аванпостами в Китае и в Голландской Ост-Индии, и таким образом Индия и Малайский Архипелаг очутятся в кольце».

> «Тайное, но могущественное китайское сообщество, носящее название Гоминдан, обнаруживает весьма отчетливые признаки большевистского руководства; в начале 1922 г. до гибельной Гонгконгской стачки оно, как известно, было у власти. Через свою главную квартиру в Кантоне и через своих японских адептов, тесно примыкающих к коммунистической партии Голландской Ост-Индии, это общество пыталось недавно терроризировать китайских резидентов в Малае и нанести таким образом британскому процветанию в этой стране удар. Несколько времени тому назад Сун-Ят-Сен пользовался услугами этого общества для своих целей и в то же время переписывается с Москвой и Берлином по вопросам большевистской пропаганды и помощи. Подобная пропаганда имеет под собой плодородную почву в неудовлетворенном честолюбии китайского студенчества, особенно кантонского и вообще южного. Нельзя, однако, преувеличивать большевистского влияния и думать, что оно может рассчитывать на сочувствие широких крестьянских масс, идеалы которых заключаются в семейной жизни и в праве собственности, хотя и небольшой. О коммуне они и слышать не хотят. Но если крестьянские вожди проникнутся большевистскими идеями или попросту захотят их использовать в своих целях, то это грозит тем, что китайский народ последует за лозунгами, о которых он не имеет никакого представления. Местная пословица гласит: «Кто едет верхом на тигре, тот уже не сможет пойти пешком». Если китайские лидеры умны, они применят ее к советским предложениям».

Утверждая, будто все революционные движения на Востоке и вообще борьба против Европы и Америки связаны с большевистской пропагандой, «Морнинг Пост» в то же время доказывает возможность японо-германо-русского соглашения, направленного против Англии и Америки. «Самый ничтожный вооруженный конфликт на Дальнем Востоке, обусловленный русско-японским соглашением, — пугает «Морнинг Пост» своих читателей, — немедленно отразится на Индии, а спорадические беспорядки, если не настоящий мятеж, которые вспыхнут по коммунистическому образцу в Индийской империи, сильно помешают Англии оказывать поддержку Дальнему Востоку.

В результате подобных аргументов «Морнинг Пост» приходит к выводу, что Сингапурская база может серьезно помочь Англии в борьбе

не только с японскими захватными планами, но и с большевистской заразой в Индии.

Для доказательства этого положения «Морнинг Пост» цитирует сфабрикованное самой газетой заявление какого-то русского агента и заключает:

> «Сингапурская схема должна придать новую силу позиции Англии в Индии так, чтобы на случай каких бы то ни было событий в портах Индии, являющихся результатом восстания или революции, большие морские подкрепления могли бы быть быстро перекинуты на север, независимо от того, какие подкрепления будут направлены через Суэцкий канал. Для Индии и других азиатских народов это весьма веское напоминание о нашей силе было бы не без действия, и хвастливые заявления русского агента относительно ослабления могущества Англии оказались бы пустыми, когда ни одно судно, дружественное России, не осмелилось бы показаться ни в одной части Индийского океана».

Любопытно, что одновременно с укреплением Сингапура Англия сделала попытку захватить русский остров Врангеля в Беринговом проливе и собиралась, очевидно, создать новый Гибралтар на севере Тихого океана, чтобы иметь опорный пункт против Советской России, которая возвращается к Тихому океану, где, по мнению некоторых английских империалистов, сходятся все пути мировой стратегии, где помещается центр тяжести будущих отношений. Удивительно, что «Морнинг Пост» не договаривается до утверждения, будто захват острова Врангеля также может помочь в борьбе с большевистской заразой.

Как бы то ни было, укрепление Сингапурской базы должно явиться началом новой полосы вооружений на Тихом океане. Уже подымается вопрос об американском проекте укрепления Гавайских островов и о создании сильной французской морской базы во владениях Франции на Тихом океане.

Насколько все эти проекты носят угрожающий характер по отношению к Японии, видно хотя бы из того, что многие английские, американские и даже японские исследователи, изучающие вопрос о будущей войне на Тихом океане, считают нелишенными возможности согласованные боевые действия в этой войне соединенного англо-американско-французского флота против Японии, при чем признается, что стратегические задачи, предстоящие этому флоту, будут необычайно трудными, и даже эскадрам трех сильнейших морских держав не удастся ворваться в Японское море. Мечты о таком прорыве и высадке в Японии являются, по мнению генерала Головина и адмирала Бубнова, авторов известной книги о «Тихоокеанской проблеме» (Лондон, 1922 г.), «плодом стратегической фантазии»:

«Искусная стратегическая подготовка Японии дает в настоящее время право ее грозной армии и флоту считать себя господами положения на Дальнем Востоке.

«Если на Дальнем Востоке вспыхнет война, соединенные силы Великобритании и Американских Соединенных Штатов не будут в состоянии предупредить оккупацию японцами Китая.

«Принимая во внимание выгодное положение Японии в смысле транспорта, баз и пр., мы можем предполагать, что пока соединенный флот Великобритании, Франции и Соединенных Штатов достигнет театра военных действий, он застанет Китай оккупированным, Филиппины захваченными и Гуам и Гонгконг разрушенными» [1]).

3. Землетрясение в Японии. — Внутренняя и внешняя политика Японии после землетрясения.

Выше мы охарактеризовали в общих чертах положение на Дальнем Востоке и возможные перспективы Тихоокеанской проблемы, как они рисовались накануне землетрясения в Японии.

Несомненно, что первоначальные американские и английские сообщения о размерах и последствиях ужасной катастрофы, постигшей Японию, были сильно преувеличены. Мы читали телеграммы о том, что «Япония, как первоклассное государство, уничтожена», что весь ее золотой запас погиб, что она «перестала быть великой державой и выбыла временно из строя», что «последствия катастрофы коренным образом изменяют мировую ситуацию и условия борьбы на Тихом океане», что «на восстановление Японии потребуется от 20 до 30 лет», что убытки Японии в результате землетрясения исчисляются в 6 миллиардов долларов, т. е. в 12 миллиардов рублей золотом, что в шесть раз превышает размеры контрибуции, наложенной в 1871 г. Германией на побежденную Францию, и в столько же раз расходы Японии по войне с Россией в 1904—1905 г.г.

Несомненно, что английские и американские корреспонденты, с одной стороны, принимали свои желания за действительность, с другой, — гонялись за сенсацией, наконец, в третьих, — играли на руку биржевым спекулянтам, которые воспользовались понижением японских ценностей, чтобы затем выиграть на повышении последних [2]).

---

[1]) Вот почему пока еще преждевременно говорить об англо-американском соперничестве и перспективах вооруженного англо-американского конфликта. Наоборот, возможен англо-американский военный союз для осуществления общих задач их империалистической политики.

[2]) Наша осторожная оценка результатов японского землетрясения вызвала критические замечания со стороны некоторых товарищей, например т. Виленского-Сибирякова, несомненно, преувеличившего результаты японской катастрофы 1923 г. В настоящее время не может быть сомнения в том, что именно наша оценка была правильной. В статье, посвященной годовщине японского землетрясения, сотрудник нашего авторитетного военного органа «Красная Звезда» Вебе пишет о военно-морском могуществе Японии следующее: «Землетрясение не принесло японскому боевому флоту непосредственных потерь; разрушенный порт, истребленные запасы, — все на пути к восстановлению. Наконец, невзирая на финансовые затруднения, страна не останавливается перед дальнейшими затратами на развитие своей военно-морской силы. Полагаем, из этого можно вывести заключение, что как ни бедственна, как ни тяжка была для Японии катастрофа 1 сентября 1923 г., но военно-морское ее могущество не уменьшилось, и было бы глубокой ошибкой считать Японию низвергнутой до положения второстепенной державы». («Красная Звезда». 2/IX — 1924 г.).

Надо заметить, что корреспондент «Роста» тов. Антонов, бывший во время землетрясения в Иокогаме, уже в первом своем докладе на владивостокском общегородском партийном собрании констатировал, что сведения о разрушениях, произведенных землетрясением, преувеличены американскими агентствами, отметил, между прочим, что никаких островов перед Иокогамой не выросло, что море не заливало Иокогамы, и высказался в том смысле, что никаких коренных политических изменений в жизни Японии нельзя ждать в результате землетрясения.

На самом деле вполне понятно, что как бы сильно ни было землетрясение, оно не могло коренным образом подорвать мощь Японии, как военной и промышленной державы. Уже в 1891 году Япония испытала страшное землетрясение, второе по силе после нынешнего, однако, это не помешало Японии через три года после этой катастрофы, именно в 1894 г., начать войну с Китаем и захватить Корею. Заметим, что и последствия нашего голода, поразившего в свое время все Поволжье, в необычайной мере раздувались всей международной капиталистической прессой и нашими эмигрантами, мечтавшими о том, что скоро Советскую Россию можно будет взять голыми руками.

По вычислениям некоторых американских и английских исследователей убытки Японии в результате землетрясения составляют $^1/_8$ народного достояния Японии. По другим вычислениям убытки составляют $^1/_4$ богатства Японии.

Более объективно, чем многие английские и американские газеты и журналы, подошел к учету экономических последствий японской катастрофы английский «Экономист».

«Экономист» считает преувеличенными выводы, что Япония перестала быть державой первого ранга. Однако, журнал допускает, что убытки достигают, примерно, такой же суммы, как стоимость русско-японской войны, которая исчисляется в 200 миллионов фунтов стерлингов (около 2 миллиардов рублей золотом). До войны национальное богатство Японии оценивалось авторитетами в 2.400 миллионов фунтов стерлингов, из которых 1.100 миллионов фунтов стерлингов приходится на землю, 300 милл. ф. ст. на постройки, 150 милл. ф. ст. на различные промышленные, торговые предприятия. В настоящий момент, вследствие развития торговли, увеличения населения, а также вследствие вздорожания всех предметов, вообще национальное богатство Японии можно оценить в 5 — 6.000 милл. ф. ст. Земля, сама по себе представляющая около 45 процентов стоимости всего национального богатства Японии, от землетрясения не пострадала. Пострадала, главным образом, часть построек, которые можно оценить в 1.000 милл. ф. ст. Если считать, что эти убытки составляют 200 милл. ф. ст., то эта сумма, пожалуй, еще будет преувеличенной.

Если мы оценим по «Экономисту» все национальное богатство в 5—6 миллиардов фунтов стерлингов, окажется, таким образом, что Япония потеряла в результате землетрясения $^1/_{25}$ часть своего национального богатства. Однако, само собой разумеется, что подобные арифметические

вычисления, как бы они правильны ни были, не выражают действительной силы удара, понесенного Японией. Роковое значение этого удара заключается в том, что он обрушился на промышленные районы восточной Японии: Токио — Иокогама и Кобе — Осака, при чем особенно сильно пострадал первый район и сравнительно незначительно второй. В районе Токио — Иокогама, как явствует из воззвания японской федерации труда, насчитывается 400.000 рабочих, в районе Кобе — Осака — 500.000. Всего убито во время землетрясения во всей Японии по данным «Ассошиэтед-Пресс» 225 тысяч человек, ранено 450 тысяч, осталось без крова 2 миллиона человек.

Наиболее сильный удар понесла японская текстильная промышленность, составляющая одну из главных основ экономического могущества страны, однако, размеры катастрофы, обрушившейся на эту отрасль японского народного хозяйства, были сильно преувеличены американскими корреспондентами. Нам кажется совершенно правильной та оценка экономических последствий землетрясения, и в частности удара, понесенного текстильной промышленностью, которую дает такой знаток Японии, как тов. Сен-Катаяма:

> «Что касается текстильной промышленности страны, то безусловно в районе, где произошло землетрясение, находились довольно крупные фабрики, но если подсчитать количество станков, находящихся на этих фабриках, то оно составит не больше 15 или 20% всех станков текстильного производства страны (4 миллиона). Осака и его окрестности являются центром текстильной промышленности всей Японии. Оставшиеся фабрики этой промышленности вполне удовлетворят заказы внутреннего и внешнего рынков [1]).
>
> «Вокруг Токио и Иокагамы сосредоточены многие мелкие производства, как стекольные, электрические и велосипедные заводы. Осака сможет вполне пополнить недостаток в этих продуктах, который вызван землетрясением в окрестностях Токио.
>
> «Я очень оптимистично смотрю, может быть, на последствия теперешней катастрофы.
>
> «Разрушение других маленьких городов и дач не окажет никакого влияния на экономическую жизнь страны. Например, разрушение дворцов и вилл богачей, куда отправляются во время летнего сезона наши крупные богачи, безусловно, не окажет никакого влияния на экономическое положение страны. Были также разрушены массы маленьких городов, которые населены рыболовами. Эти города очень легко восстановить, ибо их постройки не сложны.
>
> «Последствием землетрясения будет то, что Япония будет применять новые европейские методы постройки, используя больше всего железные стропила, ибо последнее землетрясение показало, что такие постройки выдерживают землетрясение; например, сохранение японского банка, находящегося в Токио и оставшегося невредимым. В Токио богачи пострадали гораздо меньше, чем бедное население, благодаря тому, что их постройки были сооружены по последним японо-американским методам.

---

[1]) По последним данным («Известия» 3 ноября 1923 г.), уничтожено 25% всего количества веретен в стране и 1/10 всего количества прядильных машин в Японии.

«По моему мнению, на японское население это землетрясение не может оказать такого влияния, как оно бы оказало на население других стран, ибо японцы привыкли к временным постройкам. Я уверен, что Япония скоро перестроит все разрушенные города. Одним из главных препятствий может быть то, что много складов лесных материалов было разрушено. Кроме того было уничтожено, по всей вероятности, около 3-х миллионов четвертей рису в районе, где произошло землетрясение, и 45.000 тюков сырого шелка. Токио поглощает ежедневно около 50 тыс. четвертей рису и около 20 вагонов свежей рыбы. Несомненно, Токио страдает больше других городов, ибо он оторван благодаря землетрясению от остальной страны, которая снабжает его всеми необходимыми съестными продуктами. Поэтому неудивительно, что в Токио были такие крупные восстания, где 6.000 рабочих было убито наповал солдатами.

«Рис является главной пищей Японии, но, к счастью, в то время, когда землетрясение случилось, очень мало риса осталось в складах. В октябре начнется новая доставка его в Токио, а потому жителям Токио не придется долго страдать от недостатка риса».

Свой взгляд на экономические последствия землетрясения тов. Катаяма формулирует в следующих словах:

«Одно с уверенностью может сказать тот, кто родился в Японии, что теперешнее землетрясение, как бы велико оно ни было по своему объему и по своим последствиям, не вызовет крупных изменений в экономической жизни страны, как это полагают многие европейцы».

Относительно силы удара, нанесенного землетрясением военному могуществу Японии, тов. Катаяма высказал следующие соображения:

«Нет никакого сомнения, что сила японского милитаризма ослаблена в значительной степени, вследствие разрушения правительственного арсенала в Токио и верфей морского ведомства в Иокосуке. В то же время были разрушены крепости, защищавшие заливы Токио и Иокогамы, а также полуостров Изу. Вблизи крепости Канонзакие находится большой маяк, который также разрушен. Все эти крепости были сооружены в продолжение более 50-ти лет. Таким образом, Токио, столица страны, осталась вдруг не защищенной.

«Что касается военной и морской силы Японии, то я не соглашаюсь с мнением, выраженным американскими и китайскими представителями. Несомненно, надо много, чтобы восстановить все разрушенные крепости у входа в Великий океан. Но разрушение верфей морского ведомства в Иокосуке и правительственного арсенала в Токио не явится крупным препятствием для морских и военных выступлений Японии, ибо верфи морского ведомства в Куре вдвое больше, нежели в Иокосуке. Кроме того есть крупные верфи в других городах, расположенных у морского берега. Несомненно также, что разрушение арсенала в Токио является большим ударом для военной японской клики. Но это не означает полного разрушения всех военных фабрик, ибо Япония имеет таковые в Осаке, Нагойе и даже в Оджи, вблизи Токио. Нужно отметить тот факт, что в том районе, где произошло землетрясение, немного верфей морского ведомства и военных фабрик: всего в этих местностях было лишь 25% всех имеющихся фабрик в Японии. Самые крупные военные фабрики остались нетронутыми».

Как мы видим, Катаяма не разделяет мнения американских и китайских представителей прессы, писавших об уничтожении военной мощи

Японии. Следует прибавить, что первоначальные сведения о полном разрушении Иокосуки совершенно опровергаются теперь многими английскими и американскими газетами. В обстоятельной статье, напечатанной в «Правде» от 18/X 1923 г., тов. Антонов, проезжавший мимо Иокосуки, сообщает, что взрыва в Иокосуки, где хранятся огромные запасы взрывчатых веществ, не было. Во всяком случае, в Иокосуки, по словам тов. Антонова, разрушен военный док, в котором могли строиться супердредноты в 40.000 тонн.

* * *

Как бы то ни было, землетрясение нанесло Японии колоссальный удар. Пострадал один из наиболее населенных и промышленных районов Японии. Во всяком случае, если признать правильными вычисления «Экономиста» и согласиться с тем, что убытки, понесенные Японией в результате землетрясения, длившегося всего шесть минут, не превышают стоимости войны Японии с Россией, длившейся около двадцати месяцев (январь 1904 г. — август 1905 г.), нельзя не считать катастрофы грандиозной, независимо от того, «перестала ли Япония быть великой державой», имеет ли она силы ныне противодействовать Америке и Англии и т. п. Одна постановка подобных вопросов, как нельзя лучше, иллюстрирует готтентотскую мораль современных буржуазных публицистов и государственных деятелей капиталистического строя на стадии загнивания и полнейшего разложения.

Когда в XVIII столетии в Лиссабоне разразилось землетрясение, разрушившее все здания, великие буржуазные умы той эпохи ставили перед собой вопрос, существует ли разумное и справедливое начало, управляющее вселенной.

«Direz vous en voyant cet amas de victimes:
Dieu s'est vengé. Leur mort est le prix de leurs crimes?
Quel crime, quelle faute ont commis ces enfants
Sur le sein maternel écrasés et sanglants?»

(«Скажете ли вы при виде этой груды жертв: бог отомстил. Их смерть — наказание за их преступление? Какое же преступление, какой грех совершили эти дети, раздавленные на грудях их матерей?»)

Так вопрошал с тоской Вольтер в поэме, посвященной Лиссабонскому землетрясению. Вольтер и его единомышленники во всей Европе и Америке не могли согласовать веру в существование разумного начала во вселенной с гибелью каких-то пятидесяти тысяч человек, среди которых было много младенцев.

В результате японского землетрясения погибло не 50.000, а 250.000 человек, и сверх того ранено и искалечено 600.000 человек, без крова осталось 2.000.000 человек. И теперь буржуазные умы ставят перед собой вопрос: «А что выиграют Англия и Америка в результате этой катастрофы? Удастся ли теперь урвать значительно больший кусок китайского пирога, чем до японской катастрофы, и насколько больший?

в какой мере возрастет, в результате необходимости в иностранных займах, влияние американских и английских банков в Японии? Какую роль будет играть Сингапурская база в условиях ослабления Японии? Нужно ли держать на Тихом океане то же количество английских дредноутов и супер-дредноутов, что и прежде, или можно два-три морских Левиафана отозвать в европейские воды, где они окажутся не лишними?

В эпоху Вольтера буржуазия была передовым классом, носителем прогресса, и выдающимся умам ее действительно верилось, что они защищают интересы всего человечества. Ныне представители умирающей буржуазии знают, что они—только представители шайки бандитов, живущих грабежами своих и чужих народов, и вот почему буржуазная пресса не может не заниматься учетом того, что дает японская катастрофа в смысле облегчения задач, лежащих перед английским и американским империализмом на Тихом океане, и в смысле возможности заключения выгодных займов, которые усилят зависимость Японии от ее кредиторов.

4. Землетрясение в Японии и японское правительство.

Как же реагировало само японское правительство на последствия страшной катастрофы, обрушившейся на страну и, прежде всего, на трудовые японские массы? По отношению к «внешнему врагу» японское правительство сочло нужным показать urbi et orbi (всему миру), что военная мощь Японии нисколько-де не поколеблена [1]). Было объявлено, что в октябре по личному желанию премьера у берегов Японии состоятся большие морские маневры, а в ноябре для демонстрирования мощи японского флота будет отправлена специальная эскадра в австралийские воды. На это должны были найтись деньги, хотя в то же время не хватало средств на смягчение последствий катастрофы, и, как писала газета «Осака Майничи»: «Правительство ничего не делает для восстановления разрушенных областей и подорванных финансов. Терпение народа скоро будет истощено». Даже правительственные газеты осуждали бездеятельность кабинета в борьбе с последствиями землетрясения. Министр финансов Японии заявил, что землетрясением уничтожена важнейшая промышленная область Японии и что доходы страны сильно сократились, в связи с чем придется урезать все новые начинания и даже прекратить некоторые начавшиеся работы. Однако, на дорого-стоящие маневры и отправку эскадры деньги, очевидно, найдутся.

Если по отношению к Англии и Америке правительство Японии решило прибегнуть к демонстрации своей военной мощи, то по отношению к С.С.С.Р. японская военщина продолжала и после землетрясения свою политику грабежа русских территорий. Японская администрация объявила

---

[1]) Военный министр Танака заявил, что «не может быть и речи о разоружении, так как правительство должно считаться не только с военными силами своих соседей, но и с внутренним положением страны».

запретной 15-верстную полосу вокруг нефтяных промыслов на Сахалине и начала там работы в строгой тайне. По сообщениям из Владивостока, нефтяная продукция вывозится в Японию для нужд военного флота и авиации. По сообщениям японской прессы, для восстановления Токио потребуется 170 миллионов куб. футов леса, который японское правительство предполагает взять преимущественно на Сахалине, не испросив на то разрешения правительства С.С.С.Р.

Такой «миролюбивый» характер носит внешняя политика Японии на другой день после землетрясения, но особенно дикий характер приняла политика реакционных кругов Японии по отношению к «внутреннему

Улица в Токио

врагу». Подобно тому, как польское правительство воспользовалось взрывом варшавской цитадели, чтобы начать самую жестокую национальную и классовую войну и обрушиться всеми скорпионами на ничем неповинных в катастрофе коммунистов и украинцев, — при чем сотни украинских крестьян в Волыни, Полесьи и Восточной Галиции, т.-е. находившиеся на расстоянии сотен верст от места взрыва, были арестованы порой прямо во время полевых работ и угнаны вместе с рабочим скотом в город, где брошены в тюрьмы, — японская реакция воспользовалась землетрясением, чтобы ввести осадное положение в стране, организовать черносотенные банды и начать корейские погромы, на манер тех, которые практиковало царское правительство по отношению к евреям, и убивать коммунистов и социалистов. Сотни корейцев были убиты, и тысячи

в панике бежали из Японии [1]). Жандармы и полицейские убили также многих деятелей революционного и профессионального движения. Так, известный социалистический лидер Японии Сакаи Осуги 17 сентября был обманным образом завлечен вместе с женой и двумя детьми в жандармское управление города Ахасаки, где после долгих издевательств все четверо были заколоты жандармским капитаном Амакасу, а трупы брошены в колодезь.

Новая тактика японской полиции, прибегшей, в целях устранения социалистических лидеров, к хладнокровным убийствам и приписывающей затем смерть их землетрясению, возбудила сильнейшее негодование среди народных масс.

Центральная часть Токио после землетрясения.

Кроме Сакаи Осуги, многие другие социалистические лидеры были также умерщвлены полицией во время землетрясения.

---

[1]) В Токио 21 октября опубликовано следующее официальное объявление японского правительства:

«В виду тревожных слухов, 750 корейцев были взяты 2 сентября под защиту японской полиции и жандармерии. В процессе этой защиты корейцев 140 корейцев были убиты в Токио. В префектуре Канагава 2, 3 и 4 сентября было убито 50 корейцев, несколько позднее еще 100, а затем еще 80, в Цурюме было убито 33, в городе Кавасаки — 4, в префектурах Сайтама, Гумма и Шиба было убито 170 человек».

Только пятьсот убитых! Газета «Нищи-Нищи», комментируя это правительственное сообщение о массовых убийствах корейцев во время землетрясения, одобряет решение правительства снять цензурный запрет, окуты-

Обнаружение трупов Осуги, его жены и детей вынудило правительство распорядиться об аресте капитана Амакасу и начальника жандармского управления в Токио.

На суде Амакасу дал следующее объяснение: «Опасаясь возникновения социалистических беспорядков после снятия осадного положения, я решил покончить с Сакаи Осуги. Я обдумывал также план массового убийства социалистов, полагая, что Осуги и другие враги государства захотят использовать землетрясение для выступления. Я покончил с Ное Ито, женою Осуги. Я убил Соичи, 7-летнего племянника Осуги, ошибочно приняв его за сына Осуги. На это меня толкнула полиция».

Полагают, что суд установит участие полиции в деле Амакасу.

Кроме Сакаи Осуги и его семьи, в одном только полицейском участке в Токио было убито в тюрьме 20 человек, в том числе 9 хорошо известных коммунистов. Газета «Асохи» от 14 октября сообщала об убийстве в г. Осака группы в 97 беженцев из студентов и рабочих, зверски убитых 2 сентября черносотенцами, заподозрившими в этих беженцах «красных агитаторов».

Газета «Дзи-Дзи» сообщала об аресте в Токио другой группы в 75 человек по обвинению в участии в «красном мятеже». «Дзи-Дзи» покуда ничего но сообщает о дальнейшей судьбе арестованных. Возможно, что и они были убиты.

В токийских газетах в начале октября было опубликовано сообщение, что арестованные недавно в округе Хиросава члены рабочих союзов, в том числе 10 видных деятелей профдвижения, убиты в полицейском участке солдатами кавалерийского полка Нарасино, которые несли охрану этого округа. Трупы сожжены солдатами.

Японское официозное телеграфное агентство «Тохо» находит это преступление «переходящим границы».

Кроме коммунистов, факт убийства которых установлен, пропали без вести несколько других революционеров, обвинявшихся в пропаганде в армии, и несколько представителей союза печатников.

Пропали без вести не только видные японские революционеры и видные деятели профессионального движения. Японские и китайские газеты сообщали об исчезновении лидера китайских рабочих в Токио Ван-Тци-Тьена, который, будучи арестован токийской полицией во время землетрясения, был передан в руки жандармерии. Несмотря на уверения жандармов, что вождь китайских рабочих был освобожден, в Токио существует

вавший до сих пор эти убийства покровом тайны, и в заключение, заявляет: «Теперь только мы обнаруживаем, что убийство корейцев вовсе не носило такого массового характера, как это принято было думать, и что всего было убито лишь 500 человек». Как будто этого мало.

Хорошо известный корейский писатель Тайженкей, находившийся около 40 дней «под охраной японской полиции», заявляет в газете «Хоци Шимбун», что официальные цифры о количестве убитых корейцев весьма далеки от истины, и что в действительности убитых гораздо больше.

уверенность, что он был убит в числе многих других революционеров.

Наконец, лишь в последние дни октября 1923 г., после снятия цензуры, газеты стали сообщать подробности о зверской расправе жандармерии с японскими рабочими. В начале сентября под предлогом пресечения бунта было арестовано около 1.200 рабочих, подвергшихся в полицейском управлении массовым расстрелам. Всего было убито несколько сот человек. Полиция пытается оправдаться, указывая, что расстрелы были произведены за пение арестованными революционных песен. Случайные очевидцы рассказывают кошмарные подробности об этих расстрелах. Трупы убитых были вывезены ночью на берег реки, где и были сожжены вместе с жертвами землетрясения.

Неубранные трупы после землетрясения на одной из центральных улиц Иокогамы.

Все эти зверства вызвали возмущение даже со стороны умеренных кругов японского общества. Так, чрезвычайно умеренный по своему направлению союз свободных юристов вынес резолюцию протеста против убийства рабочих лидеров, совершенного 2 сентября. Союз настаивает на выяснении обстоятельств убийства и установлении ответственных за него лиц. Аналогичная резолюция принята была всеобщей федерацией труда.

Клуб интеллигентов-революционеров, в который входит большинство выдающихся свободомыслящих деятелей современной Японии, постановил назначить специальную комиссию для обследования дела об убийстве в полном объеме.

Массовые убийства революционеров вызвали всеобщее возбуждение. Даже генеральный прокурор Сузуки выразил недовольство «ошибкой» военных и полицейских властей, повинных в убийствах.

Комиссия в составе 160 юристов после всестороннего расследования дела о массовых убийствах революционеров в Комейде (недалеко от Токио) пришла к следующему заключению:

«1. Во время землетрясения происходили рабочие волнения, спровоцированные владельцами нескольких предприятий».

«2. Объяснения, даваемые агентами полиции и жандармерией, не оправдывают их поведения во время землетрясения».

В связи с этими преступными действиями полиции и жандармерии, действовавшими, несомненно, по наущению свыше, страна переживает настроение, которое напоминает Францию в эпоху пресловутого дела Дрейфуса.

С другой стороны многие японские газеты распространили слухи, исходящие из весьма подозрительных источников, о подготовляемых корейцами-коммунистами и радикалами заговорах.

Очевидно, реакции мало тех зверств, которые имели место, и черносотенные элементы подготовляют новые убийства. Идя навстречу требованиям реакционеров, кабинет министров постановил вооружить японскую полицию револьверами «по примеру Америки».

Реакция уже воспользовалась катастрофой, чтобы использовать последнюю для полного уничтожения рабочего движения не только в политической области, но и профессиональной. Не только вожди революционного и профессионального движения зверски убиты или томятся в тюрьмах, но сами рабочие союзы разгромлены, и голодные рабочие массы расстреливаются на развалинах, оставшихся от землетрясения. В своем воззвании к рабочим всего мира, Японская федерация труда, являющаяся представителем борющихся организованных пролетариев Японии, заявляет, между прочим, следующее:

> «В виду того, что район Токио - Иокогама подвергся разрушению, громадное количество трудящихся осталось без работы. Некоторое число членов профсоюзов участвует в работах по восстановлению.
>
> «Но система использования труда, практикующаяся сейчас, совершенно несостоятельна. Наблюдается тенденция исключить всех членов профсоюзов из числа рабочих, имеющих право на получение работ. Японское правительство, пользуясь тяжелым временем, давит на рабочий класс и профорганизации такими полицейскими мерами, которые напоминают борьбу против союзов, существовавшую 106 лет тому назад.
>
> «Вы знаете, что японское правительство до самого последнего времени отрицало самое существование профессиональных союзов, несмотря на то, что мы входили в состав международной конференции. Самая основа японского профессионального движения, для создания которой было положено много лет тяжелой борьбы, может быть теперь разрушена в результате действий японского правительства.
>
> «Мы твердо намерены употребить все свои силы на то, чтобы защитить дело профессионального движения. Первой задачей нашей на этом пути было снабжение наших пострадавших товарищей средствами для выезда из подвергшихся разрушению районов, а также

снабжение оставшихся без крова и одежды предметами первой необходимости. Кроме того, мы озабочены подысканием работы оставшимся без работы.

«Требования помощи огромные, средства удовлетворить эти требования у нас мало. Наше тяжелое финансовое положение объясняется молодостью японского профдвижения и тем, что тяжелая борьба с правительственными репрессиями не дала нам возможности собрать нужный резервный капитал. Ныне правительство прилагает все усилия к тому, чтобы не дать нам возможности собрать путем членских взносов нужные деньги. Мы твердо намерены бороться до крайних пределов, чтобы вывести профдвижение Японии из того кризиса, в котором оно теперь находится. С другой стороны, мы вынуждены обратиться к вам, рабочим профессиональным союзам Европы и Америки, с просьбой оказать нам в эту тяжелую минуту финансовую поддержку».

На улицах Иокогамы после разрушения.

В качестве последнего штриха для характеристики внутренней и внешней политики японской военщины, достаточно сослаться на инцидент с пароходом «Ленин». Это было первое судно, прибывшее в Иокогаму с продовольствием для умирающего от голода населения, нуждавшегося в срочной помощи. Наш пароход был немедленно окружен военными катерами, которые караулили пароход днем и ночью, при чем ночью ставились сзади миноносцы, освещавшие прожекторами борт «Ленина». На берег не пускали даже имеющих визы.

Прибывший на «Ленине» корреспондент «Токио Ничи» заявил: «существуют две точки зрения на нашу помощь. Военные относятся резко отрицательно. Гражданские приветствуют прибытие парохода. Под развалинами Иокогамы валяются трупы. Японская военщина захватила

весь аппарат, скрывает размеры несчастия, оказывая помощь только небольшим пайком риса».

Прибывший на «Ленин» командир Мацумото предложил нашему уполномоченному сдать весь груз продовольствия в базу морского командования для передачи японской армии, которая снабдит население. Наш уполномоченный выразил желание переговорить с представителем Японского Комитета Помощи пострадавшим для выяснения вопроса о передаче груза. В этом отказали, заявив, что представитель военного командования Мацимото является сам представителем Комитета.

На другой день по нашему вызову явились те же лица; они заявили, что японские рабочие (!) в помощи не нуждаются (!).

Наш уполномоченный потребовал свидания с губернатором Иокогамы и предоставления возможности переговоров с правительством Токио и с Советским правительством. На берег его не пустили, обещали доложить губернатору.

В тот же день прибыл в 8 часов вечера полковник Такеда, заместитель командующего военного района, в сопровождении капитана Хивучи (известного на Дальнем Востоке во время интервенции, начальника военной дипломатической миссии в Хабаровске, ярого защитника политики интервенции).

Через переводчика прочитали приказ Токийского правительства, за подписью Фукуда, пароходу «Ленин» немедленно покинуть порт Иокогаму, без права захода в территориальные воды Японии. В просьбе дать письменный приказ было отказано. Японцы под носом нашего парохода поставили дредноут. Окружили миноносцами, катерами, провожали до выхода в открытое море. Американская эскадра отдала салют «Ленину». Японская молчала.

По сообщению «Асака-Асахи» от 14-го сентября, прибывшее в Иокогаму 12-го сентября русское судно «Ленин» (бывш. «Симбирск») с грузом продовольствия немедленно получило приказ от властей покинуть гавань не позднее 10 часов утра 14-го сентября, на основании имеющихся подозрений, что судно везет якобы литературу для коммунистической пропаганды в Японии. По имеющимся данным, офицеры японского судна «Хозанмару» донесли, что судно «Ленин» взяло с собой из Владивостока «15 тонн коммунистической литературы, и что вся команда судна состоит из «надежных агитаторов-коммунистов». «Джапан Хроникль» писала: «Получается впечатление, что фактически приостановилась всякая иностранная помощь по подвозу продовольствия». Газета «Шибун», выходящая в Кобе, напечатала телеграмму из Токио, в которой говорится, что судну «Ленин» было заранее сообщено по радио запрещение приближаться к зоне, объявленной на военном положении. Другому русскому судну «Симферополь», как сообщил корреспондент «Роста», местным губернатором была запрещена высадка команды на основании специаль-

ного распоряжения японского министерства внутренних дел. Оба инцидента сильно взволновали общественное мнение Японии.

После того, как Наркоминдел обратился через японского консула с протестом к японскому Мининделу по поводу недопущения в Иокогаму советских пароходов с продовольствием и заявил, что сообщение, будто бы на пароходе «Ленине» имелась коммунистическая литература, совершенно ни на чем не основано и не соответствует действительности, японское правительство вынуждено было, под влиянием общественного мнения своей страны, забить отбой. По сообщениям некоторых японских газет, виновники недопущения «Ленина» в Иокогаму смещены.

Не трудно понять, почему японская военщина отнеслась с такой неприязнью к помощи С.С.С.Р. трудящимся массам Японии. Всякому правительству для оправдания своей захватной политики нужен какой-нибудь «моральный» предлог. Италия уже давно подбирается к греческому Корфу, но, чтобы оккупировать остров, надо было дождаться убийства итальянской миссии в Албании, неподалеку от греческой границы. Для оправдания беззаконной оккупации Сахалина японская военщина всегда ссылается на Николаевские события в 1920 году, когда одной партизанской шайкой, ворвавшейся в Николаевск, был убит японский консул и около 160 японских подданных, в том числе женщины и дети. Банда эта впоследствии была разгромлена красноармейцами, и виновники убийств были расстреляны по приговору нашего военно-революционного суда. Но эта резня послужила желанным поводом для японской военщины, которая свалила ответственность за убийство японских подданных на нашу Красную армию и вообще на большевиков и потребовала компенсации за Николаевские «события».

На заседании Вашингтонской конференции японский делегат барон Шиде-Хара, оправдывая оккупацию Сахалина, сделал следующее заявление:

«История знает мало случаев, подобных происшествиям в Николаевске в 1920 г., где более 700 японцев, в том числе женщины и дети, официально признанный консул, его дети и слуги были зверски истязаемы и убиты. Никакая нация, достойная уважения, не могла бы оставаться спокойной перед лицом такой провокации. Японское правительство не могло не считаться с народным негодованием, вызванным в Японии этим фактом. В этих условиях Япония не нашла другого выхода, кроме оккупации русской провинции, в которой злодеяние было совершено, в виде репрессии. Одновременно японское правительство надеется на создание в России ответственного правительства, с которым оно могло бы снестись для получения необходимого удовлетворения».

После того, как русский пароход с продовольствием первым прибыл в Иокогаму для срочной помощи пострадавшему населению, после того, как весь рабочий класс С.С.С.Р. обнаружил такую беспримерную готовность притти своими скудными крохами на помощь пострадавшим от землетря-

сения трудовым массам Японии. какой японский рабочий или крестьянин поверить, будто наши рабочие и крестьяне были способны убить сотню беззащитных японских женщин и детей. И какую силу имеет теперь ссылка на события, разыгравшиеся в 1920 г., когда в 1923 г. вся Япония воочию убедилась в горячих симпатиях и братских чувствах, которые все трудовое население С.С.С.Р. питает по отношению к пострадавшим массам Японии. Японской военщине было бы приятнее, если бы вся наша пресса вместо того, чтобы печатать бесчисленные списки фабрик и заводов, где открыта была подписка на помощь Японии, стала бы раздувать последствия землетрясения, с точки зрения перспектив ослабления военной мощи Японии, и учитывать выгодные для С.С.С.Р. последствия катастрофы, постигшей соседнюю с нами страну. Но этого не случилось, и вот где лежит причина недовольства японской военщины и лживых утверждений о какой-то коммунистической литературе, которую мы якобы вместо хлеба хотели провезти в пострадавшие районы Японии.

Мы не ждем никаких шагов к улучшению японо-русских отношений от той кучки японских реакционеров, которые пока еще вершат внутренние и внешние судьбы своей страны, организуя массовые убийства революционеров, разгромляя профессиональные союзы, устраивая неуместные морские маневры, продолжая оккупацию Сахалина, и т. д.

Мы скорбим о последствиях катастрофы, постигшей Японию, и не ждем никаких изменений в японо-русских отношениях, в связи с геологическими переворотами, сдвигами земной коры или провалами на дне океана. Но мы твердо уверены, что те социальные сдвиги, которые с стихийной силой происходят ныне в стране, то наростание оппозиции против правительства со стороны мелкой и средней буржуазии, которое так ярко проявляется хотя бы в протестах против зверских убийств революционеров, наконец, те волны рабочего и крестьянского движения, которые в отличие от морских волн, перекатывающихся через гранитные барьеры и затопляющих города, но оставляющих весь старый политический и общественный уклад неприкосновенным, действительно бьют по всей государственной системе страны, по всей ее внешней и внутренней политике, — что все это надвигающееся социальное землетрясение, крушение старых формаций и разрыв реакционно-милитаристической коры, сковывающей развитие внутренних сил страны, приведет в самое близкое время к самому тесному сближению между С.С.С.Р. и Японией.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Борьба за Малую Азию и раздел Турции.

1. Берлинский конгресс и германо-турецкое сближение. — Немецкие планы в Турции. — Начало русско-германского охлаждения.

Германия эпохи Бисмарка не была «мировой» державой. Войны 1866 и 1871 г.г., в которых Бисмарк играл такую выдающуюся и руководящую роль, были исключительно войнами национальными, имевшими, прежде всего, целью создание большего германского тела под главенством Пруссии. Бисмарк не только мало интересовался африканским континентом или Малой Азией, железный канцлер до Берлинского конгресса 1878 г. не особенно горячо к сердцу принимал даже дела более близкого географически к Германии Балканского полуострова.

Чем объяснить эту политику Бисмарка? Дело в том, что в эпоху железного канцлера Германия представляла собою чисто-континентальную, почти исключительно европейскую державу. Ни в Турции, ни на Дальнем Востоке, ни на Балканах у нее не было каких-либо серьезных экономических интересов. Никакой самостоятельной турецкой, балканской или африканской политики у Германии этого периода не было.

Германия эпохи Бисмарка была передовой в промышленном отношении державой, но все же обширный национальный рынок, созданный победами 1866 и 1871 г.г., был в первые десятилетия более чем достаточен для поглощения товаров, производимых немецкими фабриками и заводами. В рамках этого громадного национального рынка германская промышленность неудержимо прогрессировала и перегоняла по темпу своего развития индустрию других стран.

Благодаря целому ряду благоприятных условий, германская промышленность не остановилась на том уровне, которого она достигла в конце Бисмарковского периода, а продолжала развиваться с лихорадочной быстротой. По всей стране создавались новые и новые фабрики, проводились новые рельсовые колеи, городское население увеличивалось на счет сельского. Изменилась экономическая структура Германии, постепенно стали изменяться и надстройки, выросшие на этой базе. Старые задания внешней политики, удовлетворявшие Бисмарка, стали казаться

уже незначительными, узкими его преемникам. В своей речи от 14 ноября 1906 г. в рейхстаге бывший германский канцлер, князь Бюлов, заявляет, что преемники Бисмарка не должны стать слепыми подражателями последнего, а его продолжателями, и говорит: «если эволюция вещей потребует, чтобы мы пошли дальше цели, которую преследовал Бисмарк, мы обязаны это сделать».

Но поворот в сторону нового направления внешней политики был сделан в Германии уже задолго до этих слов Бюлова. Национальное немецкое государство уже давно переросло себя самого, и внутренний рынок уже с конца минувшего столетия перестал соответствовать гигантскому накоплению товаров и капиталов Германии. И сам Бисмарк явился бессознательным выразителем новых, еще смутных тенденций германской внешней политики, когда выступил в роли «честного маклера» на Берлинском конгрессе 1878 г., на котором он, при поддержке руководителя английской дипломатии Биконсфильда, разорвал Сан-Стефанский договор между Россией и побежденной Турцией, значительно урезал приобретения России от войны 1877 — 1878 г.г. и дал Австрии возможность расшириться на Балканах. Правда, сам Бисмарк, придерживаясь средней линии на конгрессе, поддерживал в известных вопросах интересы России, не допуская в других умаления существенных интересов будущей союзницы Германии — Австрии, не преследовал никаких планов по отношению к Оттоманской империи и отстаивал лишь принцип «европейского равновесия», которое давало возможность Германии сохранить все ее приобретения 1866, 1871 г.г.; но уже в эпоху Берлинского конгресса в германской прессе раздавались, правда, еще немногочисленные голоса о необходимости установления более тесных экономических и политических связей между Германской империей и Турцией.

Выступление Германии на Берлинском конгрессе явилось независимо от воли и желания Бисмарка началом вмешательства Германии в турецкие дела. Многие германские публицисты и государственные деятели находили, вопреки мнению Бисмарка, что окончательный разгром Турции и захват Россией Константинополя грозит совершенно преобразовать карту Европы и сделать Россию слишком опасным соседом не только для Австрии, но и для самой Германии. И вот в то время, как в Германии начинает пробуждаться сильный интерес к судьбам Оттоманской империи, в правящих кругах самой Турции начинается сильное тяготение к сближению с Германией. После русско-турецкой войны 1876 — 1877 г.г. разгромленная и урезанная Оттоманская империя, потерявшая значительную часть своих владений, стоявшая перед перспективой полного развала, была одинока. К кому было Турции обратиться за помощью? Все ее мнимые друзья воспользовались русско-турецкой войной, чтобы, в награду за дипломатическую помощь против северного колосса или за нейтралитет, отнять у нее новые территории сверх тех, которые ей пришлось уступить победоносной России. Так, Англия отняла у нее остров Кипр, Австрия — Боснию и Герцеговину,

Франция усилила свое влияние в Сирии. Турция видела единственного возможного соратника и наиболее надежного для себя покровителя в лице сильной Германии, которая в этот момент не вела «мировой» политики. В самом деле, из великих держав одна лишь Германия стояла далеко от границ Оттоманской империи и не грозила последней, между тем как все остальные державы грозно расположились у самых ворот Турции. Россия с своим войском — у границ Армении и Курдистана, Англия — на Кипре и в Египте, Австрия — на севере Балканского полуострова, на пути к Салоникам, Франция, с своими школами, с своими консулами, — в Сирии и в Палестине, и со своими эскадрами — у берегов последних.

Абдул-Гамид мечтал о военном союзе с Германией, и впоследствии, когда был образован Тройственный союз, он, как это видно из его мемуаров, опубликованных профессором Луи Штейном в январе 1913 г. в немецком журнале «Север и Юг» (Nord und Süd), сожалел, что Бисмарк и Вильгельм II отказались допустить участие Турции в Тройственном союзе. Если бы Бисмарк своевременно понял, — говорит Абдул-Гамид в своих «Мыслях и Воспоминаниях», — что сильная Турция насущно необходима Германии, то это было бы лучше для обеих сторон. Жаль, что Бисмарк не хотел нас принять в Тройственный союз».

Как бы то ни было, после войны 1876 — 1877 г.г. турецкое правительство решило приняться за переорганизацию турецкой армии и обратилось с просьбой о помощи в этом деле к германскому правительству. В 1882 г. в Турцию отправилась военная миссия под руководством известного фон дер-Гольца — для реорганизации турецкой армии.

В награду за согласие взять на себя преобразование военных сил Оттоманской империи германское правительство поставило в качестве первого условия передачу всех заказов на перевооружение турецкой армии германским военным заводам вместо французских. И таким образом только в течение первых трех лет знаменитый немецкий металлургический и пушечный завод Круппа в Эссене получил заказов на 80 миллионов франков.

Тот факт, что Германия навязала Турции в награду за свою помощь указанное выше условие, был первым симптомом (признаком) того главенствующего влияния, которое в германской внешней политике начала приобретать германская металлургическая и пушечная индустрия, симптомом начинавшегося передвижения центра капиталистической системы в Германии, именно к металлургической промышленности. И, как объяснял впоследствии, именно в 1914 году, немецкий генерал Мюльман в статье, опубликованной им в «Последних Берлинских Известиях», германское правительство посылает свои военные миссии только в те страны, которые передают все заказы именно германской военной индустрии. Такие факты имели уже место в Аргентине, Боливии, Чили и Румынии. «Странам, которые не делают заказов в Германи, мы не даем наших инструкторов. Нам говорят, что мы

снабжаем оружием своих будущих врагов. Что за важность!»[1]).

Но дело проникновения германского влияния в Турцию не могло ограничиться одной передачей турецких военных заказов германской индустрии. Турецкая армия была сравнительно немногочисленна, чтобы удовлетворить потребности германской военной индустрии в рынке. Вместе с тем превращение Германии в передовую промышленную державу, поразительный рост ее металлургических и других заводов заставлял германскую буржуазию крайне интересоваться вопросом о новых рынках. Между тем к моменту расцвета Германии и превращения ее в величайшую промышленную и военную державу не только отдельные огромные области мира, но и целые материки были уже почти поделены между опередившими немцев народами. Германия явилась к разделу мира слишком поздно. Для Германии почти не оставалось или оставалось очень мало места во внешнем мире.

И вот немецкая печать со времени отправки германской миссии в Турцию обращает свое внимание на Оттоманскую империю, на ее колоссальные естественные богатства, на ее области, бывшие некогда колыбелью великих империй, ассирийской, персидской, арабской, славившихся своим могуществом, своей цивилизацией, своими некогда цветущими городами — Сузами, Ниневией, Вавилоном, Багдадом, и т. д. Появляется целый ряд книг о Месопотамии, где когда-то, по преданию, находился земной рай, — Месопотамии, на плодородных равнинах которой сменялись одна за другой великие азиатские империи с их сказочными богатствами. Известный писатель Кергер в своей книге «Малая Азия — поле для немецкой колонизации» призывает своих сограждан обратить свое внимание на эту главную часть Оттоманской империи и намекает на необходимость для немцев захватить эту область раньше, чем она попадает в руки каких-либо ненасытных хищников, уже владеющих громадными и богатейшими территориями. В таком же тоне пишут многие другие немецкие империалисты. Но из всей этой литературы особенно выделяется брошюра известного немецкого востоковеда д-ра Шпрингера: «Вавилония — самая богатая страна на земном шаре в прошлом и лучшая область для колонизации в настоящем». В этой брошюре, появившейся в 1886 г., Шпрингер говорит, между прочим, следующее: «Из всех областей земного шара нет более пригодной для колонизации, чем Сирия и Месопотамия... Это — единственная территория еще

[1]) Действительно, все эти страны — Аргентина, Боливия, Чили, которые Германия снабжала своим оружием в угоду Круппу, вели себя во время войны очень недружелюбно по отношению к Германии; что же касается Румынии, последняя, как известно, объявила войну Австрии и Германии, и ее армия, вооруженная с ног до головы германскими военными заводами, сражалась на стороне союзников против немецких войск. Мы не говорим уже о той роли, какую германские военные заводы играли в перевооружении русской армии и русского флота.

не захваченная какой-либо великой державой... Если Германия не пропустит удобного случая и воспользуется им раньше, чем казаки протянут сюда свои руки[1]), Германия при разделе мира получит лучшую долю».

И действительно, как только господствующие классы Германии устремили свое внимание на Ближний Восток, русско-германские отношения стали портиться. Совершенно правильно член Государственной Думы В. А. Маклаков в своей речи на московском банкете в Английском клубе 11 мая 1916 года указал, что «германо-русская распря, германо-русский разрыв, заменивший традиционную русско-германскую дружбу, начался задолго до нынешней войны, именно с момента, как мечты Германии от объединения направились к империализму, и этот империализм стал выражаться в стремлении Германии проложить себе путь к Багдаду, а оттуда к Персидскому заливу».

С этого момента Россия и Германия стали врагами, и война 1914—1918 г.г. только раскрыла то, что было явно: непримиримую и фатальную противоположность империалистических интересов России и Германии.

Вся германская шовинистическая литература, посвященная вопросу о Ближнем Востоке, отстаивавшая интересы Германии на Балканах и в Малой Азии, каждой строкой опровергала взгляды Бисмарка относительно желательности утверждения России в Константинополе. С особой силой подчеркивал в свое время противоположность русско-германских интересов на Ближнем Востоке известный немецкий публицист Бресниц фон-Зюдаков. Во одной из своих многочисленных брошюр: «Нужно ли разделить Турцию?» этот писатель в следующих строках говорит об опасностях, которыми грозит-де Германия утверждение России в Константинополе[2]):

«Турция должна быть разделена, но этот раздел должен быть произведен средне-европейскими государствами (т.-е. Германией и Австрией). Если же Россия сделается наследницей Оттоманской империи, мы не в состоянии будем помешать победоносному движению русских казаков по всей Средней Европе. Раз только русские знамена взовьются над Золотым Рогом[3]), будет уже поздно, и казаки скоро появятся у стен Вены и затем помчатся к Бранденбургским воротам. Балканы должны принадлежать Средней Европе, иначе Европа превратится в русскую провинцию. Третьего выхода из этой дилеммы нет».

---

[1]) Курсив мой. *М. П.*

[2]) Бресниц фон-Зюдаков: «Нужно ли разделить Турцию?» Берлин, 1898, 3-е издание, стр. 71. Крайне любопытна также другая брошюра этого автора: «Желает ли Россия разрешить Восточный вопрос?», Берлин, 1900.

[3]) Золотой Рог — бухта Босфора в Константинополе.

События мировой войны показали, как дороги германским империалистам их интересы на Ближнем Востоке. Известно, какое колоссальное значение придавал германский генеральный штаб балканскому театру военных действий, сначала сербскому, а потом румынскому, именно потому, что от победы или поражения на этом театре зависело для Германии сохранение, или, наоборот, прекращение сношений с Турцией. «Если бы французы, англичане и русские завладели проливами, — доказывал уже во время войны официальный теоретик германского империализма Пауль Рорбах, — и отрезали Германию от Востока, то последствия этого события были бы неисчислимы. Мировой политике Германии настал бы конец»...

«Что произойдет, — спрашивает тот же публицист в статье, напечатанной в пятом номере журнала «Величайшая Германия», — если союзники разделят между собой территорию, лежащую между Босфором и Персидским заливом, с одной стороны, Суэцким каналом, Араратом — с другой, или если мы потеряем всякое влияние в этих областях? Ответ на этот вопрос ясен. Это будет концом Германии как мировой державы, исключением ее из ранга первоклассных держав. Оттоманская империя распространяется теперь на области, значение которых в международной экономике и в мировой политике растет по мере того, как эти области начинают культивироваться и эксплоатироваться. Страна, отброшенная от этих областей, теряет все свое международное значение. Германия находится на поворотном пункте своей истории...» («Величайшая Германия», № 5, 1915 г.)

В другом месте тот же писатель говорит: «Германское будущее на Востоке — в Малой Азии, в Сибири, Месопотамии и Палестине. По соседству с Ниневией, там, где проходит Багдадская железная дорога, находится один из богатейших источников нефти в мире[1]). В глубине гор Тавра — гигантские залежи меди и других металлов. Равнина Вавилона может стать величайшим в мире поставщиком хлеба и хлопка. В Месопотамии имеются пастбища для миллионов овец. Тут мы имеем большую часть нужного нам сырого материала, при том собранного на одном месте».

При том громадном значении, которое германские империалисты придавали обладанию Малой Азией, и при той опасности, которая всегда грозила Турецкой империи именно со стороны России, не удивительно, что обе эти державы, несмотря на династические связи, никогда не могли притти к какому-либо прочному соглашению по ближне-восточному вопросу. И во время мировой войны, даже в момент блестящих побед

---

[1]) Подробнее о значении Малой Азии для мирового хозяйства и борьбе за нефть см. «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего» (Мих. Павлович, Собр. сочин. II т.). Об экономическом значении Месопотамии, а также Киликии, Сирии и Палестины, см. подробно В. А. Кряжин, «Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке» (Изд. Всер. Научн. Асс. Востоковедения. Москва, 1923, стр. 151).

русской армии в Галиции, многие русские империалисты, как, например, Мигулин, Воейков и т. п., писали, что главные интересы России лежат, прежде всего, на Ближнем Востоке — в Армении, Месопотамии, у Босфора и Дарданелл, и т. д., а не в Галиции или немецких провинциях [1]). И, может быть, несколько односторонне, но не без всякого основания, Милюков писал в «Речи», в передовице от 15 сентября 1915 г., что именно «Ближний Восток был в новейшее время инкубатором [2]) всех потрясавших Европу политических и военных пароксизмов, и не случайно настоящая война выросла из темных недр все той же ближне-восточной политики». Поскольку речь касается именно русско-германского конфликта, сыгравшего колоссальную роль в нынешней мировой войне, несомненно, что роль первопричины русско-германской войны сыграл именно ближне-восточный вопрос.

Подчеркивание русской опасности» и противоположности русских и германских интересов сделались лейт-мотивом в германской шовинистической печати с того момента, как последняя стала заниматься вопросом о германских интересах на Ближнем Востоке и о правах Германии на турецкое наследство. И действительно, как только германское правительство приступило к первым серьезным шагам с целью осуществления своих империалистических планов относительно Турции, между Германией и Россией неизбежно возникли конфликты, и оба государства начали упорную и ни на минуту не прекращавшуюся борьбу друг с другом из-за турецкого наследства. Однако, сторонников раздела Турции в Германии было очень мало. Германским империалистам было выгодно, чтобы Турция не была расхватана по кусочкам, и чтобы она, до известной степени, поскольку это не мешало немецким планам, окрепла и была в состоянии оказать сопротивление покушениям на ее территориальную цельность. Но и чрезмерное усиление Турции, которое сделало бы ненужной немецкую дружбу, не входило в виды Германии.

Идеи, подобные высказанным Бресницем фон-Зюдаковым, о необходимости скорейшего раздела Турции, высказывались в первый период увлечения германских империалистов мало-азиатскими перспективами. Затем за последние 15 лет накануне войны выдвинулась другая идея, которая проникает всю немецкую литературу по вопросу об Оттоманской империи. Раздел Оттоманской империи в данный момент невыгоден для Германии; поэтому пока нужно добиться чего-то вроде замаскированного немецкого протектората над Оттоманской империей и постараться отдалить момент смерти больного человека до того неиз-

---

[1]) Важнейшая наша историческая задача — на Ближнем Востоке, — доказывает профессор Мигулин в статье «Завещанные предками задачи» (см. «Новый Экономист», 8 ноября 1914 г.). То же доказывает проф. Воейков в статье «Россия и турецкое наследие» («Новый Экономист», 15 ноября 1914 г.). И таких статей можно было бы процитировать целые сотни.

[2]) Инкубатор — прибор для искусственного вывода цыплят, в данном случае это слово можно заменить словом — причина.

бежного дня, когда при открытии вопроса о «наследстве» большая часть последнего уже неизбежно попадает в руки Германии, которая за этот подготовительный период должна заручиться целым рядом векселей на турецкое имущество. Одним из таких важнейших немецких векселей на Оттоманскую собственность германские империалисты считали накануне мировой войны пресловутую багдадскую концессию.

2. Багдадская дорога.—Проект Пресселя.—«Немецкий Банк» и немецкий рельсовый проект.—Немецкие банки и металлургия.

Чтобы найти новый рынок продуктам с волшебной быстротой развивавшейся немецкой металлургической индустрии и вместе с тем приковать Оттоманскую империю стальной цепью к Германии, немецкие металлургисты с Круппом и Тиссеном во главе создали грандиозный план великого рельсового пути Гамбург — Берлин — Багдад. Багдадский проект крайне соблазнял германских металлургистов. В самом деле, железнодоржная сеть, которой предполагалось прорезать всю Малую Азию, могла поглотить миллионы пудов рельсов, тысячи вагонов, локомотивов, и т. д. Достаточно сказать, что протяжение одних главных магистралей этой железнодорожной сети должно было превысить 4.000 верст. Неудивительно, что находящаяся на услужении у металлургического треста пресса не жалела красок, чтобы расписать радужные перспективы, открывающиеся для Германии в результате проложения немецкого рельсового пути до Багдада, и говорила об этом проекте, как о предприятии, осуществление которого необычайно возвеличит Германию, обеспечит ее мировую гегемонию, ее культурное влияние в Малой Азии и во всем мусульманском мире. И вся германская пресса стала с необыкновенным рвением вышивать узоры по этой канве. Багдад — это слово в течение двух последних десятилетий буквально пестрит на столбцах германской печати, заполняет все статьи о внешней политике, о мировой гегемонии Германии, и т. д. И постепенно тысячи обывателей, ежедневно читающих свою газету, начинают увлекаться восточными перспективами, начинают убеждаться, будто судьба Германии лежит где-то в Месопотамии, у развалин древней Ниневии или Суз, и т. д. Волшебный Багдад, таинственный город Гарун-Аль-Рашида из «Тысячи и одной ночи», с его поэтическими легендами, так прельщавшими многих мирных немецких бюргеров и интеллигентов, с его воспоминаниями о сказочном блеске эпохи арабского калифа, с его чудными мечетями, базарами, караван-сараями, с пением муэдзина с вершины мусульманских минаретов, пением, о котором в таких красках писала немецкая беллетристика, начавшая с таким усердием эксплуатировать восточные мотивы; Багдад, как конечный пункт грандиозного немецкого пути от великого северо-германского порта в глубину Месопотамии, этой древней и будущей житницы мира, местонахождения библейского рая, отвечал извечной потребности народных масс, никогда не теряющих, в отличие от господствующих классов, известной доли

идеализма, потребности в чудесном, романтическом, и окутывал все это колоссальное железнодорожное предприятие, в основе которого лежали побуждения самого реалистического, материального характера, какой-то поэтической дымкой [1]). И в тысячный раз повторялась старая, но вечно новая сказка, и в воображении наивных народных масс оживала легенда об аргонавтах, отправляющихся походом в сказочную Колхиду в поисках за золотым руном, источником и символом счастья, света, красоты и могущества на земле. И в этой сказке о немецком походе в райскую Месопотамию роль дракона, охраняющего золотое руно, за которым отправились германские герои, выпадала на долю «казацкой» России. Роль же волшебницы Медеи, усыпляющей вечно бодрствующего дракона, должна была, по предначертаниям инициаторов великого багдадского проекта, взять на себя искусная немецкая дипломатия с Вильгельмом во главе.

По первоначальному проекту, созданному известным инженером Вильгельмом фон-Пресселем, Багдадская дорога должна была начаться у Хайдар-паши на Мраморном море, т.-е. именно у Константинополя. От этого пункта дорога должна была пойти по северной части Анатолии, почти параллельно побережью Черного моря, затем в юго-восточном направлении через Сивас, где проходили армянские и персидские караваны, откуда должно было пойти разветвление на Эрзерум и Битлис, к кавказской границе. Затем дорога, по проекту Пресселя, поворачивала в юго-восточном направлении и шла через Сивас, Диарбекир, Моссул к Багдаду, а оттуда к Персидскому заливу. Это была бы великая военно-стратегическая дорога, дававшая возможность железными обручами сковать в одно целое разоренные части Оттоманской империи и быстро мобилизовать в любом пункте страны и, в частности, на русской границе необходимое количество войск. Таким образом, и русско-турецкая война 1877—1878 г.г. и в особенности кавказская кампания во время мировой войны носили бы другой харак-

---

[1]) Когда Вильгельм II совершил в 1898 г. свое театральное путешествие в Турцию на поклонение гробу султана Саладина, в результате какового визита было получение немецкими капиталистами концессии на проведение железнодорожной линии не только до Багдада, но даже до берегов Персидского залива, это путешествие было обставлено так, как будто вся цель заключалась в воспроизведении сцены из «Тысячи и одной ночи». Правда, на голове Вильгельма красовалась традиционная прусская каска с золоченым орлом, и сам император был одет в немецкий военный мундир, но зато все остальные аксессуары императорского одеяния были взяты как бы из арабских сказок. Лицо Вильгельма было скрыто большой белой вуалью, падавшей на плечи. Великолепный белый кирасирский мундир просвечивал сквозь тончайший бурнус, прозрачный, как вуаль, и блестевший, как золото. Да и сама прусская каска была покрыта тонким тюрбаном, так что издали ее трудно было заметить. На своем чудном белом коне император показывался смертным, как бы окутанный дымкой «облаков», и, очевидно, стремился произвести впечатление полу-человека, полу-бога, одним словом, какого-то сказочного героя. Немецкая пресса в свое время не мало столбцов посвятила описанию этого опереточного одеяния.

тер, и наши войска встретили бы иные, может быть, непреодолимые трудности, если бы проект Пресселя, выдвинутый более сорока лет назад, был своевременно осуществлен, и турецкие железные дороги доходили бы до Трапезунда, Эрзерума, Битлиса, и т. д.[1].

Турецкое правительство приняло проект Пресселя. С 1871 г. по 1872 г. была построена линия от Хайдар-паши до Исмида в 92 километра. Но затем в течение последующих 10 лет, с 1873 по 1889 г., дело ни на шаг не подвинулось вперед. Было очевидно, что Турция собственными силами не в состоянии осуществить даже часть грандиозного проекта, созданного Пресселем. Неудивительно, что правительство султана с радостью приняло помощь могучей Германии в деле железнодорожного строительства в Турции, так тесно связанного с военной реорганизацией страны.

Немецкие металлургисты с Круппом во главе, мечтавшие о новом рынке для сбыта тысяч вагонов, паровозов, сотен тысяч тонн рельсов, с радостью ухватились за проект грандиозного рельсового пути от Константинополя через всю Малую Азию к Багдаду и Персидскому заливу. Но чтобы осуществить этот грандиозный проект, нужны были колоссальные финансовые средства. И вот финансовая сторона предприятия была возложена на знаменитый «Немецкий Банк» («Дейче Банк»). «Дейче Банк» представляет собой создание нашей эпохи. Он был основан в 1871 г. с капиталом в 15 милл., а в 1905 г. его капитал равнялся уже 100 милл. марок. Банк этот играл крупнейшую роль во всех индустриальных предприятиях Германии как внутри страны, так и за ее границами, стало быть, в ее внешней политике. В настоящее время трудно установить отношение этого банка к индустрии: является ли он в своем теперешнем виде созданием какого-нибудь могучего металлургического и пушечного треста подобно французскому банку «Генеральное Общество», основанному первоначально пушечным королем Шнейдером (Крезо), или представляет более или менее самостоятельное финансовое учреждение; во всяком случае, теснейшая связь этого банка с металлургическими королями Германии и, в частности, с Круппом не подлежит сомнению. *Вообще, немецкая металлургическая индустрия играет крупнейшую роль в деятельности германских банков и стоит за спиной последних, направляя часто их работу в ту или другую сторону.*

Выдвигая «Немецкий Банк» в качестве предприятия, которое должно было взять на себя финансовую организацию и осуществление багдадского проекта, и обеспечив этому банку поддержку германского правительства, немецкий металлургический трест был, конечно, уверен в том, что

---

[1]) Карту багдадского проекта фон-Пресселя, равно как более подробное описание всех проектов Багдадского пути, интересующийся читатель найдет в моей книге «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего». (Собр. сочин. т. II.)

главная доля заказов на поставку всего необходимого материала для сооружения этого гигантского пути достанется немецким заводам.

В 1888 г. «Дейче Банк» основал «Немецкое Общество Анатолийских железных дорог» и получил концессию на проведение рельсовой колеи по Малой Азии до Ангоры, с обещанием дальнейших концессий до Багдада. От концессии на эту рельсовую колею начинается новая эпоха во внешней политике Германии, ибо эта концессия кладет начало решительному и открытому движению Германии на Ближний Восток. Вместе с тем эта концессия обостряет русско-германскую распрю, начавшуюся со времени Берлинского конгресса, и вызывает длительную дипломатическую борьбу между обоими государствами из-за вопроса об оттоманском наследстве.

Немецкая газета «Дейче Цейтунг» в октябре 1899 г. открыто объясняет значение багдадского рельсового проекта как орудия, с помощью которого Турция будет превращена в немецкую колонию[1]). Но этот план не приходится по вкусу русскому правительству, и последнее начинает борьбу против германских проектов в Турции.

3. Французский финансовый капитал и немецкие железнодорожные планы в Малой Азии—«Дейче Банк» в роли представителя франко-германских интересов в Турции. — Франко-германский консорциум в Малой Азии.

Некоторые писатели утверждают, будто получение немцами концессии на проведение Анатолийской железной дороги положило начало англо-германской распре. Это утверждение не соответствует действительности. Наоборот, именно английское правительство оказало дипломатическую поддержку Германии в получении этой концессии. В ту пору (1888 г.) англо-русские отношения носили очень неприязненный характер. Правящие круги Англии с большим опасением следили за движением России в Средней Азии и были уверены, что русское правительство готовится к нападению в близком будущем на Британскую Индию. При таких обстоятельствах английское правительство находило не безвыгодным для себя усиление немецкого влияния в Турции. Великобритания рассчитывала найти в лице Германии континентального солдата для противодействия напору России на Турцию и косвенным образом на всю Среднюю Азию.

Но Германия в тот первый период нашла поддержку своим планам не только в Англии. Немецким банкам было не под силу финансировать своими собствнными средствами, осуществить своими собственными силами такое грандиозное предприятие, каким являлось сооружение гигантского рельсового пути в Турции. И когда немецкий металлургический трест выдвинул в качестве финансового организатора багдадского предприятия «Дейче Банк», он рассчитывал не столько на этот

---

[1]) См. мою вышеупомянутую книгу, стр. 38, 39.

банк и собственные средства последнего, сколько на интернациональные связи «Немецкого Банка» и, главным образом, на его связи с французским финансовым миром. И, действительно, с самого же начала «Немецкому Банку» удалось через посредство своих агентов в Брюсселе и Париже распределить значительную часть акций по частным лицам во Франции и в Бельгии. Но этого было мало для успешного финансирования предприятия, и германское правительство стало добиваться официального участия Франции в проведении Багдадской дороги. Германский металлургический трест нашел себе влиятельных пособников во Франции в лице двух государственных деятелей, финансиста Рувье, сделавшегося в 1902 г. французским министром финансов, и министра иностранных дел Делькассе. Рувье самым решительным образом поддерживал проект Багдадского пути, защищая интересы кучки французских финансистов и металлургистов, рассчитывавших получить большие дивиденты на эксплуатации совместно с немецкими капиталистами богатств Оттоманской империи. Делькассе же, хотя и не прочь был допустить участие Франции в багдадском предприятии, но все же он считал необходимым ознакомиться, прежде всего, с мнением России в данном вопросе и не итти наперекор планам союзницы Франции. Известно, что в 1902 г., во время пребывания французского президента Лубэ в Петербурге, Делькассе убеждал русского министра иностранных дел Ламсдорфа согласиться на участие Франции в багдадском предприятии, доказывая, что если Франция войдет в багдадскую комбинацию, последняя перестанет играть роль оружия, направленного против России. В течение 1902 и 1903 г.г. Делькассе в своих беседах с руководителями русской внешней политики не раз возвращался к той же теме и отстаивал свою точку зрения. Русский министр Витте решительно боролся против позиции, занятой Делькассе в вопросе о Багдадской дороге, зато Ламсдорф поддерживал французского министра.

В 1902 г. Делькассе предложил на одобрение немецкого правительства план образования вместо исключительно германского общества Багдадской дороги русско-немецко-французского синдиката, в котором доля французского капитала равнялась бы 40%, немецкого также 40% и русского 20%.

Планы Делькассе и Рувье привлечь официально Францию к участию в предприятии Багдадской дороги встретили сильное противодействие со стороны русских правящих кругов, особенно, как мы сказали, со стороны Витте, не желавшего, — и это была одна из причин противодействия Витте багдадскому проекту, — чтобы сотни французских миллионов ушли на германские предприятия. Витте полагал, что французские финансы должны оставаться, прежде всего, к услугам русского правительства. Между тем, было очевидно, что Германия не в состоянии собственными силами достать необходимые ей финансовые средства на сооружение Багдадской дороги. На заседании французской палаты депутатов 1 января 1902 г. депутат Эжен Этьен сказал: «Нам говорят, будто Франция должна дать 40%, я убежден, что она даст 80%.»

В самом деле: сверх 40°/₀, которые Франция брала на свою долю официально, «Дейче Банк», через посредство различных французских банков, находившихся с ним в сношениях, мог разместить значительную часть акций. Было известно, что в сооружении первого участка Багдадской дороги французский капитал играл не малую роль, и что «Дейче Банк» получил со стороны некоторых французских банков обещание оказать серьезную поддержку германским капиталистам в сооружении второго участка. Любопытно, что в то время, как французская пресса старалась затушевать этот факт, немецкие газеты, наоборот, говорили о франко-германском синдикате Багдадской дороги довольно откровенно. Более того, «Кельнская Газета» характеризовала роль «Немецкого Банка» в багдадском предприятии, как банка, представляющего интересы французских и немецких капиталистов, и писала в октябре 1901 г.: «Дейче Банк, являющийся представителем немецких и французских групп, получил концессию на сооружение дороги Смирна — Кассаба. . .»

И, действительно, многие французские банки, руковидимые финансистами Оттингером и Малэ, и металлургические заводы, с представителем французского стального треста Витали во главе, не прочь были принять самое деятельное участие в сооружении Багдадской дороги и доверяли официальное руководство этим делом «Немецкому Банку». Капитал не имеет отечества, а предприятие, в котором была так заинтересована могущественная Германия, сулило верный дивиденд. Как мы видели, влиятельнейшие государственные деятели Франции — Делькассе, Рувье и затем Констан, французский посланник в Константинополе, — взяли на себя защиту интересов французских металлургистов и финансистов, стремившихся к совместной работе с немецкими капиталистами в багдадском предприятии.

Русская дипломатия пустила в ход все средства, чтобы помешать такому участию Франции в багдадском предприятии, и в самой французской палате многие депутаты выступили с указанием на несовместимость франко-германских соглашений по багдадскому вопросу с обязательствами солидарности, связывающими Россию с Францией и вытекающими из союза этих обеих стран.

И, действительно, с самого начала возникновения багдадского проекта и получения немцами первой концессии в 1888 г. и вплоть до Потсдамского соглашения 1911 г., русская дипломатия не прекращает своего упорного противодействия, иногда явного, иногда тайного, но всегда энергичного, осуществлению немецкого рельсового проекта в Малой Азии. В апреле 1900 г. русский посланник в Константинополе Зиновьев угрозами добивается от турецкого правительства обещания не допускать сооружения какой-либо третьей державой железных дорог в вилайетах Трапезунда и Эрзерума. Право сооружения рельсовых путей в этих областях и во всем бассейне Черного моря предоставляется лишь одной России. Далее, в вилайете Сиваса Турция имеет право сооружать и эксплуатировать железные дороги лишь собственными

средствами, без помощи какой-либо третьей державы. Итак, весь бассейн Черного моря и все пограничные с русским Кавказом области Турецкой империи оказываются забаррикадированными султанским ираде апреля 1900 г., и доступ немецким локомотивам и интернациональному капиталу в эти области оказывается закрытым. Багдадская дорога уклоняется от северного направления, параллельно черноморскому побережью, и все более поворачивает к югу, острием к Персидскому заливу. Положение принимает явно неблагоприятный характер для Англии. Немецкий стальной клин все более углубляется в теле Малоазиатской Турции и начинает постепенно приближаться к Багдаду, чтобы затем дойти до Персидского залива. Тогда в Англии начинается сильная кампания против Германии, появляется ряд книг и тысячи статей по поводу «германской опасности». В то время как до русско-японской войны 1904—1905 г.г. английская шовинистическая пресса постоянно трубила об опасности, угрожавшей Индии со стороны России, теперь в той же прессе часто раздаются вопли об опасности, угрожающей английским владениям со стороны империалистической Германии. С этого момента знаменитым английским «трем К», т.-е. железной дороге «Капштадт — Каир — Калькутта», прорезающей весь африканский континент с юга до севера, а оттуда идущей через Багдад в Индию, начинают противопоставлять не менее знаменитые немецкие «три Б», т.-е. великий рельсовый путь «Берлин,—Бизантиум—Багдад», или, что то же, «Берлин—Багдад—Басра».

Между тем русская пресса поднимает тревогу по поводу новой опасности, угрожающей русским интересам в связи с багдадским проектом. Правда, вместе с отклонением этого пути от наших кавказских границ и черноморского побережья к югу всякая опасность для России в этих областях исчезает, но то, что казалось достаточным и отвечающим интересам России в 1900 г., оказывается теперь уже недостаточным.

4. Багдадская дорога и русские интересы в Персии. — Русско-германский антагонизм в Средней Азии. — Потсдамское соглашение.

Благодаря развитию русского капитализма, экономическое влияние России в Средней Азии и преимущественно в Персии растет в течение XX столетия с необычайной быстротой. Так в 1911 г. из внешнего торгового оборота Персии в 990 миллионов кран [1]) на долю России приходится 550.000.000 кран, т.-е. более половины всей внешней торговли Персии. Россия постепенно вытесняет с персидского рынка Англию, которой до начала нынешнего столетия принадлежало первое место в персидской торговле. Итак, Персия является очень важным рынком для нашей промышленности. Между тем последние годы становилось очевидным, что в Персии русской торговле грозило столкнуться в близком

---

[1]) Кран — персидская монета, равнялась накануне войны приблизительно 15—20 копеек.

будущем с новым конкурентом, более опасным при данных условиях, чем английский соперник. Эта опасность русским экономическим интересам в Персии надвигалась со стороны Германии, которая с помощью Багдадской дороги начинала угрожать гегемонии России на персидском рынке.

Багдад лежит на исторической дороге Бассора — Керманшах — Хамадан — Тегеран, по которой идет караванный путь из южных областей Малой Азии и от Персидского залива к Иранскому плоскогорию. Правда, этот караванный путь не мог явиться серьезным конкурентом нашей кавказской рельсовой колее, однако, транзит через Багдад в Персии постепенно повышался и накануне мировой войны достиг немалой для персидского внешнего товарооборота цифры в 120 миллионов кран. Но если бы немцам удалось осуществить их план провести Багдадскую железную дорогу до Персидского залива и затем соединить последнюю веткой от Багдада на Ханикин с Тегераном, тогда провоз немецких товаров морским путем от Гамбурга до Персидского залива, а оттуда по рельсовой колее к Багдаду и затем к Тегерану и другим важнейшим пунктам Персии обошелся бы в несколько раз дешевле, чем исключительно сухопутной рельсовой дорогой Петроград — Москва — Тегеран, и т. д.

И немецкие капиталисты, пустившие уже корни в Анатолии и различных областях Малой Азии, начинают завязывать связи с Персией и все более и более интересоваться судьбой последней. На заседании рейхстага 24 марта 1909 г. князь Бюлов заявил: «Наше положение в Персии не изменилось. Мы не преследуем в этой стране никаких политических целей... Наши интересы будут охранены, если будет уважена независимость и неприкосновенность Персии, и если будет сохранена свобода торговли».

Это заявление Бюлова было явно направлено против англо-русского соглашения 1907 г. и всей англо-русской политики, стремившейся к утверждению протектората обеих держав над Персией. Известно, далее, какую роль играло германское правительство в успехе персидского революционного движения. Именно немецким оружием, доставленным с большими трудностями из Берлина, были вооружены персидские фидаи (революционеры) и бахтиары, взявшие приступом Тегеран и стремившиеся к превращению Персии в независимое конституционное государство [1]), стало быть, действовавшие наперекор планам русских и английских империалистов.

Но этим не ограничивалась деятельность Германии в Персии. В 1910 г. персидское правительство завязало переговоры с европейскими финансистами о займе. И вот «Дейче Банк», столь заинтересованный в Багдадской дороге, послал своего делегата Сеида Руша в Тегеран для предложения персидскому правительству услуг «Немецкого Банка» в устройстве займа для Персии. Итак, «Немецкий Банк», имевший уже

[1]) Подробнее об англо-русской и германской политике в Персии за этот период см. нашу работу «Советская Россия и капиталистическая Англия». Глава первая. Москва, Гос. Изд. 1922.

серьезную базу в Малой Азии, обнаруживал тенденцию проникнуть и в Персию. Было очевидно, что, когда Багдадская дорога будет закончена, не только вся Малая Азия подпадает под влияние Германии, но кроме того немецкий капитал сумеет протянуть свои щупальца и в Персию. Миссия делегата «Немецкого Банка» в Тегеране вызвала сильную тревогу в империалистических кругах России и Англии, заинтересованных в персидских делах, и оба правительства заявили решительный протест в Берлине против поползновений «Немецкого Банка» вмешаться в финансовые дела Персии. В виду этого решительного протеста «Немецкий Банк» вынужден был отказаться от своего проекта.

Но германское правительство отнюдь не намерено было совершенно отказаться от своих планов проникновения в Среднюю Азию. Не следует забывать, что поддерживая проект Багдадской дороги, германское правительство боролось не только за гегемонию в Оттоманской империи, но и за весь «мир ислама», который Германия стремилась подчинить своему влиянию. Турция интересовала германских империалистов не только сама по себе, но и как глава мусульманства. И не даром Вильгельм II во время своего посещения Турции в 1898 г. произнес в Дамаске следующие слова, которые предназначались для всего мусульманского мира.

«. . . Пусть султан и триста миллионов мусульман, рассеянных по всей земле и почитающих в нем халифа, будут уверены, что во всякий момент германский император будет их другом».

У турецкого правительства уже давно был план связать Турцию с Персией. Багдадская дорога разветвлением Багдад — Ханикин должна была соединиться с Тегераном. Абдул-Гамид вел переговоры об этом с персидским шахом Музафер-эд-Дином. Но ни у Персии, ни у Турции той эпохи не было сил осуществить этот проект, который связал бы два мусульманских государства и дал бы им возможность успешнее бороться против внешних врагов. Но то, что не было под силу Абдул-Гамиду, было гораздо легче осуществить могучей Германии. И немецкая пресса начинает в 1907 и 1910 г.г. усиленно обсуждать вопрос о соединении Багдадского рельсового пути разветвлением на Ханикин с пробудившейся к новой жизни Персией, где для Германии откроются блестящие перспективы усиления своего экономического и культурного влияния в противовес Англии и России, теряющим всякий престиж в мусульманском мире. Помимо Персии, Багдадская дорога облегчала сношение с Афганистаном и давала возможность немецкому влиянию проникнуть в эту страну [1]).

[1]) Описывая перспективы, связанные с Багдадским рельсовым путем, немецкая пресса неоднократно подчеркивала тот факт, что миллионы мусульман из Персии, Афганистана, Британской Индии, далее — Египта, Марокко, Алжира, и т. д. ежегодно прибывают в Турцию на поклонение праху Магомета, и что таким образом, усилив свое влияние в Оттоманской империи, Германия в необычайной мере усилит свой престиж во всем мусульманском мире и приобретет десятки миллионов сторонников среди подданных других государств, помимо Турции.

Не будучи в состоянии остановить движение Германии в Среднюю Азию, русская дипломатия решает притти к какому-нибудь соглашению с немецким правительством по вопросу об интересах обеих держав на Ближнем и Среднем Востоке. На историческом свидании между русским императором и Вильгельмом II в Потсдаме в октябре 1910 г. подписывается прелиминарное соглашение между Россией и Германией о Багдадской дороге и Персии. Этот Потсдамский договор был опубликован лишь в августе 1911 г., после того как он был подписан в Петербурге 19 августа немецким посланником, с одной стороны, Сазоновым — с другой.

Сущность Потсдамского договора была формулирована германским канцлером на заседании рейхстага 10 декабря 1911 г. следующим образом: «Россия нуждается в особенном влиянии в северной Персии, и мы с готовностью одобрили претензии России на сооружение железных дорог, шоссейных путей, телеграфных линий в этих областях. С своей стороны Россия окажет содействие нашему доступу, поскольку путь лежит через Багдад на Ханикин».

Известно, что одновременно с Потсдамским соглашением Россия увела часть своих войск с немецкой границы, и наше военное министерство приступило к разоружению и срытию некоторых крепостей в Польше. Известно вместе с тем, какое сильное впечатление Потсдамское соглашение произвело в Англии и во Франции, где стали сомневаться в прочности русско-французского союза.

Официальные и полу-официальные русские газеты: «Россия», «Новое Время», и т. д. были очень довольны Потсдамским договором. «Новое Время» — эта газета, всегда приспособлявшаяся к правительственным взглядам, — писала, что договор устраняет всякие поводы к недоразумениям между Россией и Германией в Персии, и что поэтому его нельзя не приветствовать. Более того, в передовой статье от 25 октября 1910 г., в связи с возвращением С. Д. Сазонова, вызванного в Потсдам для присутствия при свидании русского и германского императоров, «Новое Время» с готовностью писало о себе: «Новое Время» — старый и испытанный друг Германии».

Само собой разумеется, что старым и испытанным друзьям Германии не было никакой нужды подымать шум по поводу Потсдамского договора, в особенности раз этот договор был подписан самим русским правительством. Совершенно иначе отнеслась к этому договору вся наша «независимая» либеральная пресса: «Речь», «Русские Ведомости», «Русское Слово», многие органы нашей провинциальной прессы не находили слов для выражения своего негодования по поводу русско-германского договора. Это отношение нашей либеральной прессы и нашей буржуазии к Потсдамскому договору нашло себе блестящее выражение в речи Милюкова на заседании Государственной Думы в марте 1911 г. Милюков обвинял Сазонова в том, что последний дезорганизует тройственное соглашение, что он привел в полное расстройство нашу систему внешних отношений

*

и поставил Россию на краю опасности[1]. Милюков доказывал, что цель потсдамских переговоров заключалась с немецкой стороны, во-первых, в том, чтобы толкнуть Россию на Дальний Восток, в Монголию и Китайский Туркестан, и отвлечь этим внимание от Ближнего Востока, во-вторых, поссорить Россию с Францией и особенно с Англией. Лидер кадетов подчеркивал, что Россию с Германией связывают лишь династические интересы, и что задачи их внешней политики совершенно расходятся. Для иллюстрации своей мысли Милюков указывал, что Германия, пока она будет сильна, никогда не допустит владычества России над Малой Азией, перехода Константинополя в руки русских и, скорее, объявит войну России, чем откажется от своих планов утвердить германское господство в Константинополе и в большой части Турецкой империи.

Речь Милюкова, отношение к Потсдамскому соглашению всей русской буржуазной прессы — за исключением нескольких официальных и полу-официальных органов прессы, не имевших собственной точки зрения и всегда защищавших лишь взгляды последнего министра, — ясно указывали на глубокую противоположность интересов русского и германского империализма. Эти интересы были так противоположны друг другу, что, несмотря на династические связи и глубокие симпатии наших реакционных кругов к Гогенцоллернам и прусским порядкам, Россия и Германия не могли избегнуть серьезных конфликтов на Ближнем Востоке. И эта противоположность, этот антагонизм заданий русского и германского империализма с особой силой сказались в дипломатической истории Багдадского рельсового пути.

5. Французская политика в Малой Азии.—Французский проект анатолийских железных дорог. — Борьба русской дипломатии против французских рельсовых планов.—Антагонизм русско-французских интересов в Турции.

Из всех государств, с которыми Германии приходилось вести борьбу за концессии на Багдадский рельсовый путь, упорное противодействие Германии оказывала только Россия. В самом деле, отношение двух других государств, с которыми Германии приходилось вести переговоры по поводу своих проектов относительно Багдадской дороги, отличалось уступчивостью и обнаруживало, особенно со стороны Франции, полную готовность удовлетворить все немецкие претензии относительно Багдадской дороги в обмен на некоторые компенсации.

Франция официально никогда не оказывала какого-либо серьезного противодействия немецким планам в Малой Азии. Неофициально же французский финансовый капитал принимал деятельное участие в сооружении Багдадского рельсового пути. Более того, поведение

[1]) См. стенографический отчет о заседании Государственной Думы 2 марта 1911 г.

некоторых французских государственных деятелей в багдадском вопросе давало повод многим французам — как об этом рассказывает Шерадам в своей интересной книге «Македония. Багдадская железная дорога» — рассматривать французского министра Рувье, как агента «Немецкого Банка». Вероятно, это обвинение не имеет за собой оснований. Во всяком случае, несомненно, что многие французские финансисты работали солидарно с германскими в Малой Азии, забывая при этом и о франко-русском союзе, и об Эльзас-Лотарингии.

Вообще же нужно сказать, что французская дипломатия сочувствовала проникновению Германии в Малую Азию, поскольку увлечение турецкими перспективами отвлекало германских империалистов от африканских и, прежде всего, северо-африканских вопросов и ослабляло немецкий напор на средиземные области Африки, особенно на Марокко, к которому медленно, но безостановочно подбиралась сама Франция с ее захватными африканскими планами. Вообще в турецком вопросе и, в частности, в вопросе о сооружении рельсовых путей в Оттоманской империи интересы русского и французского империализма совершенно не совпадали. Достаточно одного примера для доказательства этого положения. Многим памятно, какое негодование в русской прессе возбудили переговоры в конце 1911 г. между Францией и Турцией о постройке в Малой Азии железных дорог протяжением в несколько тысяч километров вдоль черноморского побережья и недалеко от нашей кавказской границы. По проекту французских металлургистов, эта новая рельсовая колея, сооруженная на французские капиталы и французскими сталелитейными заводами, должна была соединить: 1) Самсун с Сивасом с веткой на Харпут для смычки с Багдадской дорогой; 2) Сивас с Эрзинджаном и Эрзерумом; 3) Эрзерум с Трапезундом.

Предварительный договор на предоставление французской компании концессии на проведение этой железнодорожной сети в северо-восточной Анатолии был подписан 21 июля 1911 г. в Константинополе турецким министром общественных работ Джавид-беем и Делонейем, представителем французского металлургического треста, директором новообразованной «Компании Анатолийских железных дорог». Эта концессия была встречена восторженно во французской буржуазной прессе. Газета «Тан», «Бюллетень Французской Азии» и другие органы печати посвятили обстоятельные статьи колоссальному значению будущей железнодорожной колеи для Турции и для французских интересов в Оттоманской империи. Но совершенно иначе отнеслась к этому проекту наша пресса. «Новая угроза нашему положению на Ближнем Востоке» — так озаглавлена одна из многочисленных статей в «Новом Времени» по поводу французской концессии на сооружение анатолийско-черноморских железных дорог. С точки зрения «Нового Времени» [1]) и других русских газет, французская анатолийская железная

[1]) См. «Новое Время», 22 июля 1912 г.

дорога, идущая к русской границе, была опаснее немецкого Багдадского пути, идущего далеко от этой границы и черноморского побережья.

Вследствие противодействия русской дипломатии, французское правительство отказалось санкционировать концессию, полученную Делонейем. Но французский металлургический трест не пал духом и не отказался от своего плана. И вот, почти накануне мировой войны, в апреле 1914 г. договор о концессиях на проведение железных дорог в Анатолии был подписан с французской стороны уже не представителем металлургического треста, а представителем самого французского правительства, Думергом. Это был, по отзывам французской печати, самый важный из договоров, заключенных когда-либо между турецким и французским правительствами. По этому договору французское правительство соглашалось выпустить на турецкой бирже заем в 800 миллионов фр. Кроме займа Франция предоставила Турции ряд важных льгот финансового характера. Во-первых, Франция согласилась на повышение пошлин на 40%. Затем она согласилась на установление акциза или государственной монополии на сахар, спирт, керосин, спички, папиросную бумагу, игральные карты, и т. д. С своей стороны Турция согласилась предоставить французскому правительству концессии на проведение железных дорог: 1) линия Самсун — Сивас — Харпут — Аргана; 2) линия Аргана — Битлис — Ван с соединительной веткой к немецкой Багдадской дороге; 3) линия Трапезунд — Эрзерум; 4) линия Эрзерум — Эрзинджан — Сивас; 5) линия Самсун — Сивас на Константинополь. Все упомянутые линии должны быть готовы через шесть лет. Достаточно взглянуть на карту Малой Азии, чтобы понять колоссальное экономическое и военное значение железнодорожных концессий, полученных Францией в апреле 1914 г. Любопытно, что многие французские газеты — например, «Тан» в обстоятельной статье от 15 февраля 1914 г. — откровенно подчеркивали громадное стратегическое значение двух из упомянутых выше железнодорожных ветвей: Эрзерум — Эрзинджан и Сивас — Харпут, не договаривая, впрочем, что стратегическое значение этих веток будет заключаться именно в том, что они усилят военную мощь Турции как раз на границе союзницы Франции — России. Но могло ли подобное соображение пугать французских металлургистов, захлебывавшихся от восторга при одной мысли о том, что они в самом близком будущем сумеют сбыть по самой выгодной цене туркам весь необходимый железнодорожный материал для сооружения рельсового пути на протяжении 2.000 верст в течение ближайших 6 лет. Французская пресса ликовала, подчеркивая, что полученная концессия мало чем уступает пресловутой багдадской концессии, и рисовала блестящие перспективы в результате экстраординарной победы, одержанной французской дипломатией в мирной борьбе за обновление Оттоманской империи и утверждение в этой части света французского влияния. Но хорошо известно, что никакой борьбы, по крайней мере, с Германией, в данном вопросе не пришлось вести, и что здесь произошло полюбовное соглаше-

ние между обеими державами по вопросу о разграничении железнодорожных сфер влияния. Переговоры между Францией и Германией по данному вопросу начались в конце 1913 г. и велись с французской стороны г. Порсо и Сержаном, а с немецкой — г. Гвиннером и директором «Немецкого Банка» Карлом Гельферихом, впоследствии министром финансов, при содействии французского посланника в Берлине г. Камбона и официального представителя германского правительства г. Циммермана [1]). По договору, подписанному 15 февраля 1914 г., Франция признала за Германией исключительное право на сооружение Багдадского рельсового пути, Германия же признала за Францией монополию на сооружение железнодорожной сети в северной и северо-восточной Анатолии. Однако, само собой разумеется, что эта «победа французского влияния» в Турции совершенно не пришлась по вкусу русской дипломатии, и последняя решила воспрепятствовать практическому осуществлению соблазнительного для французских капиталистов проекта. И нельзя не повторить, что наша кавказская армия встретила бы непреодолимые препятствия на своем пути, и самому Кавказу угрожала бы серьезная опасность в мировой войне, если бы французские рельсовые проекты 1911 и 1914 г.г. были приведены в исполнение. Но русская дипломатия, считавшая всегда русско-турецкую войну неизбежной в более или менее отдаленном будущем, стремившаяся к овладению Константинополем и Босфором, считала противоречащим русским империалистическим планам все, что могло только содействовать возрождению Оттоманской империи и ее усилению в военном отношении, и, таким образом, не могла сочувствовать указанным проектам [2]).

6. Английская политика в турецком вопросе. — Английские империалисты и «русская опасность».

Английская политика по отношению к багдадскому рельсовому проекту и немецким планам в Малой Азии не отличалась той почти безграничной уступчивостью, которую обнаруживала французская политика, но, во всяком случае, и английская дипломатия неоднократно обнаруживала готовность пойти на любой компромисс с Германией в багдадском вопросе. Во всяком случае, в борьбе с грандиозными германскими проектами в Турции Англия не обнаруживала особенного упрямства, и великобританская политика в данном вопросе не держалась одной непреклонной линии. Как справедливо указал известный французский писатель Виктор Берар в своей книге «Султан, ислам и державы» [3]), за период с 1888 по 1904 г., т.-е. до русско-японской войны, Англия несколько раз

---

[1]) См. Ив. Гюйо, «Причины и последствия войны» (Les causes et les conséquences de la guerre, Paris, 1915, p. 212).

[2]) Политика Франции по отношению к Турции после мировой войны освещена нами в книге «Революционная Турция», стр. 58 — 68 и 83 — 87 и в книге «Советская Россия и капиталистическая Франция», стр. 49 — 51.

[3]) Виктор Берар, «Султан, ислам и державы» (Victor Bérard, Le sultan, l'islam et les puissances), Париж, 1907 г., стр. 239 и др.

(именно в 1888 г., в 1893 г., в 1903 г.) в самые критические для германской дипломатии моменты приходила последней на помощь и помогла ей получать новые и новые концессии на сооружение Багдадского пути и тем усиливать германское политическое и экономическое влияние в Оттоманской империи. Действуя таким образом, Англия мечтала создать барьер русскому движению на Ближний и Средний Восток. Лишь с того момента, как Багдадская рельсовая колея начинает приближаться к Месопотамии и Персидскому заливу, часть английской прессы начинает бить тревогу и требует от правительства каких-нибудь решительных мер для противодействия «немецкому движению на Индию». Англо-русское сближение 1907 г. усиливает антигерманские тенденции в буржуазных кругах Англии, но все же английское правительство очень вяло ведет борьбу против немецкого рельсового проекта. Многие государственные деятели Англии и видные публицисты, как Гамильтон, Фразер, начинают открыто высказываться в том смысле, что помешать немецкой линии дойти до Багдада нет никакой возможности. Более того, как теперь известно и как это подчеркнул, между прочим, Эдуард Бернштейн в статье, напечатанной в «Форвертс» («Вперед») от 14 июля 1916 г., почти накануне мировой войны Англия подписала с Германией договор о Багдадской дороге, удовлетворявший почти все притязания немецких империалистов относительно этой железнодорожной концессии и передавший эту дорогу в полное распоряжение Германии. Англия соглашалась, чтобы дорога вполне перешла в ведение немецкой администрации и отказывалась от попыток чем бы то ни было препятствовать успеху немецкого предприятия [1]).

Причина крайней уступчивости английского правительства в багдадском вопросе понятна. Англия боялась чрезмерного усиления дружественной России и не желала содействовать гегемонии последней в Малой Азии. Только за несколько месяцев до начала войны известный и очень влиятельный английский писатель Бакстон доказывал, что Англия должна считаться с немецкими интересами и планами в Малой Азии. Усиление немецкого влияния в Турции, усиление, которое не перешло бы в гегемонию. Бакстон считал очень полезным для английских интересов в Малой Азии и в Индии, ибо с точки зрения Бакстона Германия являлась фактором, препятствовавшим опасному для Англии проникновению России к Персидскому заливу. Бакстон считал крайне опасным для Англии про-

[1]) В той же статье Эдуард Бернштейн совершенно правильно указывает и на отмеченный нами факт, что со стороны Франции никаких препятствий немецким рельсовым проектам в Малой Азии не было, и что накануне войны обе державы пришли к полному соглашению по этому вопросу в смысле удовлетворения всех немецких требований. К сожалению, в этой статье, доказывающей, между прочим, что со стороны Англии и Франции не могло быть никаких серьезных препятствий немецким рельсовым планам в Турции, Эд. Бернштейн не упоминает ни словом о России.

никновение России к югу от Диарбекира и открыто высказывал надежду, что Германия в интересах охраны безопасности Багдадской дороги не позволит России овладеть Диарбекиром [1]). Таким образом, в интересах сохранения «равновесия сил» в Малой и Средней Азии было необходимо поддерживать Германию в качестве противовеса России, могущество и рост которой пугали многих англичан. Вообще многие английские государственные деятели и публицисты считали даже возможной англо-русскую войну в недалеком будущем. Так, знаменитый английский романист Уэлс, ведший уже во время войны такую ярую кампанию против Германии, как раз накануне войны в статье, вошедшей в сборник «Взгляд англичанина на войну», сборник, опубликованный в начале войны, доказывал, что Англия должна употребить все усилия, чтобы избегнуть войны с Германией, так как история готовит-де ей борьбу бок-о-бок с Германией на равнинах Польши.

Не удивительно, что при таком отношении к планам русского империализма Англия не проявляла никакой решительности и твердости в борьбе с немецкими железнодорожными планами в Малой Азии, вела колеблющуюся, противоречивую политику в данном вопросе. Вообще нужно заметить, что как в Англии, так и во Франции многие государственные деятели, финансисты и публицисты считали пангерманский план превращения Оттоманской империи в немецкую колонию неосуществимой для Германии мечтой, именно в силу географической отдаленности Германии от Турции и существования между германскими и турецкими границами ряда независимых государств — Болгарии, Сербии, Греции, и т. д. В глубине души руководители внешней политики в Англии и во Франции были убеждены, что единственная серьезная опасность сохранению Оттоманской империи, как независимого государства, может грозить в будущем лишь со стороны России, владеющей Черным морем и пограничным с Турцией Кавказом. Между тем желательность сохранения суверенитета Турецкой империи в ее азиатских владениях и на Босфоре считалась до мировой войны догмой английской и французской внешней политики [2]). Многие француз-

---

[1]) См. книгу братьев Бакстон: «Путешествие по Армении и политика в Армении». Лондон. 1914 г.

[2]) Вот как Виктор Берар формулировал за несколько лет до мировой войны французскую точку зрения на турецкий вопрос: «Среди всех наших национальных интересов на Средиземном море я не знаю более важного, чем сохранение территориальной неприкосновенности Оттоманской империи. Не случайно все наши дипломаты считали Францию солидарной с Турцией и полагали, что эта империя должна оставаться великой империей для того, чтобы мы были свободной Средиземной державой». См. «Современные вопросы иностранной политики в Азии» (Les questions actuelles de la politique étrangère en Asie). Париж, 1910. В результате мировой войны Англия отказалась от своей традиционной политики по отношению к Турции, считая себя достаточно сильной, чтобы захватить все турецкое наследство в свои руки, наоборот, Франция с особой силой начала отстаивать неприкосновенность Оттоманской империи (см. М. Павлович, Революционная Турция).

ские писатели, специалисты по вопросам внешней политики, как, например, Ганото, бывший министр иностранных дел, далее, Рене Пинон, Виктор Берар и другие, не раз подчеркивали всю важность для Франции ее экономических интересов в Турции, ее положения на Средиземном море, и т. д., сохранения целостности Оттоманской империи, по крайней мере, в тех урезанных границах, которые были определены в результате балканских войн. При таком отношении Франции и Англии к вопросу о сохранении Оттоманской империи, при таком опасении перед последствиями, которые могло бы повлечь за собой для французских и английских интересов окончательное распадение Турции, понятна и англо-французская политика в багдадском вопросе. С распространенной во французских и английских правительственных кругах точки зрения проведение Багдадской рельсовой колеи могло, несомненно, усилить экономическое и политическое влияние Германии в Турции, но, вместе с тем, проложение железных дорог в Оттоманской империи приобщало последнюю к цивилизованным государствам, расширяло турецкий рынок и в то же время, увеличивая военную мощь Турции, обеспечивало в конечном счете ее независимость и против русских, и против немецких посягательств. В англо-германском и в франко-германском конфликтах из-за Багдадской дороги мы имели перед собой картину трений, неладов между компаньонами, инициаторами одного и того же предприятия, равно заинтересованными в процветании предприятия, а не борьбу между конкурентами, старающимися взорвать на воздух самое предприятие противника. В вопросе о железнодорожном строительстве в Турции шла борьба не между французскими, английскими, немецкими фирмами, независимыми друг от друга и старающимися уничтожить друг друга. Нет, здесь скорее шла борьба между компаньонами, участниками одного и того же предприятия, из-за числа акций или облигаций, приходящихся на долю той или другой национальной группы капиталистов. Совершенно иначе к вопросу о турецком железнодорожном строительстве относилось русское правительство. Русская дипломатия препятствовала, поскольку от нее зависело, осуществлению каких бы то ни было железнодорожных проектов в Турции. И в этом отношении, как мы подчеркнули выше, русские и французские интересы в Оттоманской империи не совпадали. Конечно, и до мировой войны во Франции было не мало империалистов, увлекавшихся мыслями о разделе Оттоманской империи, о захвате Францией Сирии и т. д., но преобладавшая в правительственных кругах и почти во всей буржуазной прессе точка зрения заключалась в признании нежелательности распадения Оттоманской империи, в виду крайних опасностей, связанных с этой перспективой. Вот почему, например, когда началась первая балканская война, главные органы французской прессы, в отличие от русских органов печати, открыто высказывали свое неодобрение балканским правительствам и выражали убеждение в несомненной победе турок над маленькими балканскими государствами. Главный редактор газеты «Матэн»

Стефан Лозан с восторгом описывал в начале первой балканской войны в своей корреспонденции из Константинополя мощь турецкой армии, быстроту ее мобилизации и т. д. и намекал не без злорадства на неизбежность разгрома балканских государств. Только после побед этих государств над турецкой армией французская буржуазная пресса сочла за благоразумное изменить свой тон по отношению к балканским государствам и перестала слишком рьяно поддерживать Турцию. Вообще до мировой войны перспектива раздела Оттоманской империи не улыбалась французскому правительству. Наоборот, в 1914 — 1916 г.г., когда Франция, подобно Англии, в награду за помощь России в мировой войне, за ее верность союзу оказались вынужденными признать права России на часть Оттоманской империи, правящие круги Франции увлекались всякого рода мегаломанскими планами на счет оттоманского наследства и пытались путем переговоров со своими союзниками обеспечить за собой жирный кусок турецкого пирога. Конечно, этот предполагавшийся тогда окончательный раздел Оттоманской империи между Францией, Россией и Англией, и т. д. не сулил ничего хорошего европейскому миру и грозил в близком будущем опасными трениями и конфликтами в результате «освободительной» войны. Вот почему многие империалисты во Франции, Англии, России опасались, что до-военная система союзов не удержится долго после войны, и что тогда возможны будут новые вооруженные комбинации, в которых многие нынешние друзья «до гроба» сделаются врагами, может быть, не на жизнь, а на смерть. В этом отношении крайне характерно заключение, которым Милюков, доказывая права России на проливы, закончил одну из своих лекций по вопросу о Константинополе: «Не надо забывать, что мы находимся накануне мировой перестраховки. Существовавшая до сих пор система двух вооруженных лагерей находится на пути к упразднению» [1]). Заметим, что результаты Версальского мира действительно привели к ухудшению англо-французских отношений именно из-за раздела Оттоманского наследства и фактически взорвали англо-французский союз. Об англо-русских отношениях на почве восточной политики Советской России мы говорим ниже (Лозаннская конференция).

7. Багдадский рельсовый проект.

Как мы сказали выше, Россия в отличие от Франции и Англии вела упорную и систематическую борьбу против багдадского проекта и уступала Германии лишь постольку, поскольку русская дипломатия оказывалась неспособной собственными силами загораживать каждый раз бревнами немецкую рельсовую колею. Было легко препятствовать осуществлению французских рельсовых проектов в северной Анатолии, но было крайне трудно, порой невозможно, мешать осуществлению немецких планов. Причина враждебного отношения русской буржуазии

[1]) См. «Речь», 18 — IV — 1915.

к германскому проекту проложения рельсового пути в Оттоманской империи, проекту, реализация которого сделала громадные успехи за последнее десятилетие, заключается в следующем:

1) Русское правительство всегда считало своей основной задачей по отношению к Турции поддержание этой страны в состоянии экономической отсталости. Многие русские газеты откровенно подчеркивали непримиримость русско-турецких интересов. Так, известная газета «Русское Слово» — орган московской буржуазии — писала по поводу Бухарестского мира в статье «Россия и Турция»: «Сильная Турция, стоящая прочной ногой в Европе, неминуемо обратится в опасного врага для России, всегда готового в критический момент ударить на Россию с тыла. Интересы России и Турции в течение трех веков были противоположны, и никакое русско-турецкое сближение немыслимо».

Между тем проложение в Турции железных дорог могло бы содействовать экономическому и культурному возрождению этой страны, превращению ее в сильное государство, способное не только защищать неприкосновенность своей территории, но и бороться с Россией за влияние в Средней Азии и Персии. Русское правительство относилось враждебно к каким бы то ни было железнодорожным проектам в Турции, все одно, являлись ли инициаторами этих проектов французские, английские или немецкие капиталисты. Более того, получив в 1899 г. от турецкого правительства концессию на предоставление России исключительного права на постройку железных дорог на севере и северо-востоке Анатолии, Россия с той поры не только не построила с помощью русских или иностранных капиталов ни одного километра железных дорог в Турции, но, наоборот, воспользовалась этой концессией лишь для того, чтобы не позволить союзной Франции или дружественной Англии приступить к каким-либо железнодорожным постройкам в этих областях, считая такого рода попытки актами недружественными, глубоко враждебными русским интересам.

2) Багдадский проект при своем возникновении подвергся самым резким нападкам со стороны русской официальной и неофициальной прессы. Основная идея многочисленных статей, напечатанных в «Новом Времени» и «Вестнике Финансов», органе тогдашнего министра финансов Витте, сводилась к указанию на опасность, которой конкуренция Багдадской дороги будет угрожать Транс-сибирскому пути.

«Создав новый, более короткий, а следовательно, более быстрый и в большинстве случаев более дешевый путь для сношения Европы с Азией, — писало «Новое Время» (1900 г. № 9369), — немцы тем самым подорвут значение нашей сибирской магистрали».

3) Наши аграрии очень опасались, что проложение рельсовой колеи в Малой Азии и Месопотамии даст возможность Турции выступить в недалеком будущем на мировом рынке в качестве экспортера пшеницы и других земледельческих продуктов и, стало быть, в качестве грозного конкурента продуктам русского земледельческого хозяйства.

4) Багдадский рельсовый проект мешал успеху грандиозного русского проекта Индо-европейского пути, выдвинутого в наших официальных кругах в 1889 г. Это был грандиозный план железной дороги, которая должна была пересечь всю Персию и, соединившись с русскими железными дорогами, связать Петербург сплошным рельсовым путем с берегами Персидского залива, с Индией. Как сообщали многие французские писатели, русский министр финансов Витте неоднократно в своих беседах и переговорах с английскими и французскими государственными деятелями поднимали вопрос о большой Транс-азиатской дороге, о рельсовом пути Петербург — Москва — Оренбург — Мерв — Бомбей, пути, который должен был служить противовесом германской рельсовой колее. Более того, — по словам французского писателя Виктора Берара, именно упорное противодействие со стороны Витте осуществлению немецкого рельсового проекта в Малой Азии было одной из закулисных причин немилости, в которую впал тогдашний министр финансов в июне 1903 г. [1]).

5) Наконец, Багдадская рельсовая колея, эта стальная немецкая лента, которая должна была протянуться от Босфора до Персидского залива, как грозная фортификационная линия, останавливала движение России к «святым местам» в Палестине, к Константинополю и Александретте, к выходу на Средиземное море и, одним словом, мешала осуществлению «великих исторических задач» России, связанных с ближневосточным вопросом.

8. Соперничество России и Германии из-за гегемонии в Малой Азии. — Россия и Армения. — Непримиримость русско-германских империалистических планов в Малой Азии. — Германские страхи и опасения. — Турецкий вопрос и мировая война. — Вопрос о Дарданеллах и Константинополе в мировой войне. — Документы.

Изучая политику важнейших европейских государств в Малой Азии, мы приходим к тому заключению, что сведение всего смысла мировой войны к соперничеству между Германией и Англией не выдерживает критики и является результатом поверхностного знакомства с вопросом. Несомненно, что борьба Германии и Англии за мировую гегемонию являлась одним из важнейших факторов мировой войны и сыграла крупную роль в возникновении мирового пожара. Но наряду с англо-германским конфликтом в происхождении мировой войны сыграло колоссальную роль соперничество России с Германией и с Австрией из-за гегемонии в Оттоманской империи и на Балканах и франко-германское соперничество как из-за Африки, так и из-за железных рудников на европейских границах обеих империй (вопрос об Эльзас-Лотарингии и бас-

---

[1]) Подробно об Индо-европейском пути см. «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего».

сейне Брией). И именно потому, что накануне мировой войны пришли в острое столкновение не только империалистические планы и интересы Англии и Германии, но также Германии и России, Германии и Франции, России и Австрии, мы имели в результате не англо-германскую, а мировую войну.

В частности, в борьбе за Малую Азию главная роль принадлежала двум соперникам — России и Германии. Поскольку Франция и Англия приняли участие в мировой войне, они были вовлечены в последнюю, главным образом, во имя интересов, связанных скорее с другими областями земного шара, чем с Малой Азией.

Для капиталистической Германии вопрос о сохранении и усилении немецкого влияния в Турции приобрел накануне войны громадное значение. Вот что писал автор этих строк накануне войны об интересах Германии в Малой Азии:

«. . . Империалистическая Германия имеет великие промышленные и политические интересы в Малой Азии. Интересы эти настолько реальны, настолько важны, настолько связаны со всей внешней политикой капиталистической Германии в течение последних десятилетий, что с ними не могут не сообразжаться правительства сильнейших европейских государств. Попытка со стороны одной какой-либо державы или группы держав начать раздел Малой Азии, не считаясь с германскими интересами в этих областях, могла бы вызвать войну, перед последствиями которой побледнели бы все подобные катастрофы минувших веков» («Великие железнодорожные и морские пути будущего», см. стр. 78).

Несколькими строками ниже я цитирую в упомянутом труде заявление германского посла в Константинополе Вангенгейма на парадном обеде 29 января 1913 г. в немецком клубе «Тевтония»:

«Германия никогда не позволит России оказать давление на Турцию. Об этом было бы наивно и думать. Для того, чтобы предоставить свободу действий кабинету Сазонова, Германия никогда не согласится принести в жертву свои интересы в Анатолии. Ни сейчас, ни в будущем мы никому не позволим наложить руки на Анатолию».

Империалистическая Германия не прочь была бы принять участие в разделе Оттоманской империи, если бы такой раздел мог сулить львиную долю Германии. Между тем было очевидно, что при разделе или распаде Турции львиная доля достанется России, владеющей Черным морем и соприкасающейся с Турцией на сухопутной границе, затем лучшие куски будут немедленно подхвачены Англией, господствующей на Суэцком канале и Персидском заливе, и Францией, имеющей влияние в Сирии, и только какие-нибудь жалкие остатки будут предоставлены Германии. Не удивительно, что империалистическая Германия старалась отдалить опасность, угрожавшую Оттоманской империи, и стремилась, наоборот, укрепить Турцию, подняв ее военные и экономические силы.

Было ясно, что главная опасность Оттоманской империи грозит именно со стороны России. Милюков уже в 1912 г. на заседании Госу-

дарственной Думы 13 декабря указал на всю важность для России обладания турецкой Арменией. «Положение армян в Ванском санджаке и в соседних местностях, сплошь и в большинстве заселенных армянами, нам безразлично быть не может, — сказал вождь кадетской партии, — местности эти важны и экономически, как рынок сбыта, и стратегически. Уже в Сан-Стефанском договоре мы не только выговорили себе известное влияние в этой местности, но даже граница наша проходила значительно западнее той, которая установлена была на Берлинском конгрессе, захватывая верховья Евфрата».

Понятно, Милюков был безусловно прав, подчеркивая великое экономическое и стратегическое значение турецкой Армении с точки зрения завоевательных планов русского империализма. Овладев турецкой Арменией, представляющей собой грозную, как бы укрепленную самой природой крепость, Россия открывала себе доступ в остальные части Малой Азии, угрожала Месопотамии и Багдадскому рельсовому пути, для защиты которого против русских войск немцам понадобились бы громадные военные силы.

Вот что писал известный немецкий писатель Рорбах в своей книге «Война и германская политика», вышедшая в свет перед началом войны о значении Армении с точки зрения немецких и русских империалистических интересов:

«Армения по своему географическому положению и устройству поверхности является ключом позиции, дающей господство над Анатолией. Таким образом, переход Армении в руки русских означал бы не что иное, как конец существования Турции в качестве самостоятельного государства».

Далее Рорбах пишет: «Допустим нежелательный и, будем надеяться, невероятный случай утверждения русского господства над Арменией. В таком случае Россия, владея Арменией, господствовала бы над всей Малой Азией от Персидского залива до Средиземного моря, подобно тому, как крепость господствует над гласисом. Нельзя представить себе позицию более грозную в отношении всей Малой Азии, чем та, которой будет обладать Россия, объединив в своих руках Закавказье, северную Персию и Армению. Поэтому, если нам необходимо сохранить Турцию, то должна остаться турецкой и Армения. А так как, в силу политических соображений, нам нужно поддерживать Турцию до последней крайности, то мы не должны допускать, чтобы Армения отошла к России».

Между тем, как мы видели из речей Милюкова, русские либералы считали необходимым присоединение турецкой Армении к русским владениям. Одна из причин недовольства нашей буржуазной прессы дальне-восточными авантюрами заключалась в том, что все эти монгольские, манджурские дела отвлекали внимание русской дипломатии от Ближнего Востока. И действительно, после японской войны русское правительство начинает усиленно интересоваться Балканами и Малой Азией.

Но само собой разумеется, что с точки зрения русских империалистов захват Армении должен был явиться лишь первым этапом по направле-

нию к конечной цели — овладению Константинополем и выходами из Черного моря на Босфор и Дарданеллы. Вообще же, с точки зрения русских империалистов, дальнейшее существование Оттоманской империи, как независимого государства, совершенно нежелательно. Как доказывал Милюков в лекции, прочитанной в пользу союза русских городов, «турецкая государственность» представляет собой сосуществование организованного разбойничества с государственной властью, и потому Турцию необходимо-де разделить [1]). Правда, Милюков затруднялся, как примирить с освободительными целями войны явно завоевательную тенденцию, но тут на помощь вождю нашей либеральной партии пришла «историческая традиция»: Россия издавна стремилась к обладанию проливами, и потому надо осуществить, наконец, теперь эту тенденцию русской завоевательной политики и закончить на этом все наши требования к Европе, тем более, что процесс роста государства неизбежно ведет нас к обладанию проливами. Несомненно, что кадетская партия во главе с Милюковым сыграла крупнейшую роль в провокации мировой войны.

Итак, из того, что писалось в русской прессе до мировой войны, из того, что высказывалось во время последней, ясно, что наши правящие круги, наша буржуазия, отказавшись от дальневосточных химер, решили с недавнего времени вернуться к «историческим традициям» русской внешней политики и покончить с Оттоманской империей при первом удобном случае. И нельзя оспаривать, что, начиная с балканской войны, обстоятельства стали складываться необычайно благоприятно для русского наступления на Ближний Восток. Наоборот, результаты этой войны вызвали сильную тревогу в германских империалистических кругах, которые стали опасаться за положение Германии и Турции. Некоторые немецкие публицисты откровенно указывали, что отныне все немецкое здание, возведенное с таким трудом в Оттоманской империи, покоится на песке. И князь Бюлов, бывший германский канцлер, в своей книге «Германская политика» подчеркивает, что последний немецкий военный законопроект, вотированный накануне войны, мотивировался тем положением, которое создавала для Германии балканская война [2]).

Неудивительно, что с момента балканской войны, в которой вся немецкая и австрийская пресса увидели лишь результат интриг русской дипломатии, сумевшей создать на Балканах, прежде всего, в лице Сербии могучий барьер немецкому движению на Ближнем Востоке, русско-германские отношения стали быстро портиться. Усиление военной мощи России, вызывающие статьи известных французских журналистов Стефана Лозана и Жюля Гейцемана во французской прессе, статья афериста

---

[1]) См. «Речь», 18 — IV — 1915.

[2]) См. в упомянутой книге главу о Турции.

Ржевского в русской прессе о том, что в 1917 г. Россия будет иметь на военном положении армию в 7.000.000 человек и будет в состоянии тогда разбить Германию вдребезги, ряд статей в русской печати, обнаруживавших несомненные тенденции наших империалистических кругов покончить в близком будущем с ближне-восточным вопросом в смысле разрешения великих «исторических задач» России на Черном море и в Малой Азии, все это возбуждало сильную тревогу в Германии. Пангерманская пресса неустанно указывала на то, что Россия намерена при удобном случае воспользоваться антиармянскими беспорядками, чтобы занять часть Малой Азии своими войсками и начать раздел Оттоманской империи в ущерб германским интересам. «Раздел Малой Азии против воли или помимо участия Германии не будет допущен», — писала «Магдебургская Газета» 24 января 1913 г., т. е. почти накануне пресловутого немецкого военного законопроекта об экстраординарном увеличении германской армии, законопроекта, по поводу которого «Речь» пророчески писала 28 апреля 1913 г.: «Германия готовится к важным событиям не далее весны 1914 г.». Мы знаем, что «Речь» ошиблась не на много. Война началась не весной 1914 г., а почти сейчас же после весны.

И замечательно, что, ведя кампанию в пользу экстраординарного увеличения вооруженных сил Германии, поддерживая правительственный проект своеобразной военной контрибуции с населением в форме единовременного военного налога в миллиард марок, подготовляя, наконец, страну к идее предупредительной войны, германская шовинистическая пресса с начала 1913 года и вплоть до взрыва европейской катастрофы не переставая трубила о захватных планах России в Малой Азии, о желании держав Тройственного Согласия и, прежде всего, той же России, урвать себе главную часть турецкого пирога, наконец, о том, будто Германия стоит ныне на поворотном пункте своей истории, и что поэтому страна должна поставить в случае нужды все на карту, лишь бы отстоять завоеванные позиции в Малой Азии и этим сохранить свою роль, как мировой державы.

Вообще в течение последних двух лет накануне войны буквально дня не проходило, чтобы один, другой десяток немецких газет не затронули вопроса о перспективах крушения Оттоманской империи и об опасностях, связанных с этой катастрофой для Германии, ее экономического будущего, ее положения, как мировой державы.

Итак, из того, что мы сказали об империалистических планах европейских держав по отношению к Оттоманской империи, мы видим, что «турецкий вопрос», вопрос о разделе оттоманского наследства сыграл крупнейшую роль в происхождении мировой войны, при чем главными действующими лицами в той драме, которая накануне войны разыгралась у постели «больного человека» и явилась одной из основных причин мировой катастрофы, разыгравшейся в 1914 г., были две первоклассные державы, именно Россия и Германия. Две другие державы, имевшие крупные интересы в Малой Азии, именно Англия и Франция,

не обнаруживали однако особой склонности обострять антагонизм с кем бы то ни было из-за турецкого вопроса и готовы были итти на любой компромисс с Германией, лишь бы избегнуть, во-первых, раздела Турции, во-вторых, вооруженного конфликта из-за этой области земного шара. Таким образом, поскольку речь идет о турецком наследстве, о роли этого фактора в мировой войне, последняя явилась, прежде всего, фатальным последствием русско-германского антагонизма в оттоманском вопросе. Это не значит, что в других областях мировой политики Франция и Англия обнаруживали такую же склонность притти к какому-нибудь соглашению с Германией, какую они проявляли в общем в багдадском вопросе. Если Россия и Германия, несмотря на Потсдамский и другие договоры, не могли или не желали притти к какому-нибудь серьезному и прочному соглашению по мало-азиатскому вопросу, Франция и Германия, не могли, как мы увидим ниже, притти к какому-нибудь компромиссу, удовлетворяющему обе стороны, хотя бы, например, по вопросу о Марокко.

Мы видим, что в мировой войне 1914—1918 г.г. вопрос о турецком наследстве, в особенности о Багдадской дороге, о проливах и Константинополе сыграл крупнейшую роль. Тайные документы, захваченные в архиве министерства иностранных дел на другой день после Октябрьского переворота, не оставляют сомнения насчет той основной роли, которую преследовало царское правительство, готовясь к мировой войне. Записки камергера Базили, «Журнал Особого Совещания» 8 февраля 1914 г. и другие документы неопровержимо показывают, в чем заключались основные планы русского империализма. Из других документов явствует, что планы захвата Константинополя разрабатывались нашими военными сферами еще с 1896 г. Неудивительно, что царская Россия относилась с такой враждебностью к империалистической Германии, которая своим проектом Багдадского рельсового пути усиливала Турцию, и одновременно усиливала свое собственное влияние в Константинополе и в проливах, становясь, таким образом, поперек планам царской дипломатии. Об этих планах как нельзя лучше свидетельствует «Журнал Особого Совещания 8 февраля 1914 г.», являющийся безусловно важнейшим историческим документом по вопросу о происхождении мировой войны. Мы приводим его здесь в извлечении.

«Журнал Особого Совещания 8 февраля 1914 г.»

Председательствовал: министр иностранных дел гофм. Сазонов. Участвовали: морской м-р ген.-ад. Григорович, начальник ген. штаба, ген. от кавал. Жилинский, императорский посол в Константинополе гофм. Гирс, товарищ м-ра иностранных дел гофм. Нератов, генерал-квартирмейстер генерального штаба, ген.-л. Данилов, второй обер-квартирмейстер генерального штаба, ген.-м. Аверьянов, временно и. о. начальника морского генерального штаба, капитан 1 ранга Ненюков, начальник ближне-восточного отдела м-ва иностранных дел в звании камергера кн. Трубецкой, начальник второй опе-

ративной части морского генерального штаба, капитан 2 ранга Н е м и т ц. Присутствовали и составили журнал особого совещания: помощник начальника ближне-восточного отдела м-ва иностранных дел в звании камергера Б ю ц о в и вице-директор канцелярии министерства иностранных дел в звании камергера Б а з и л и.

По открытии заседания министр иностранных дел напоминает членам совещания, что в известной им всеподданнейшей записке его, поданной в минувшем ноябре, он почел долгом повергнуть на высочайшее благовоззрение соображения о том, что в связи с изменением политической обстановки нельзя не предусмотреть возможность наступления, быть может, даже в близком будущем, событий, которые коренным образом изменят международное положение константинопольских проливов и что поэтому необходимо безотлагательно при сотрудничестве соответствующих ведомств приступить к выработке всесторонней программы действий, направленной к обеспечению благоприятного нам разрешения исторического вопроса о проливах. С. Д. Сазонов сообщает затем, что государю императору благоугодно было всемилостивейше одобрить изложенные в вышеуказанной записке соображения и разрешить подвергнуть их обсуждению особого совещания.

Заметив, что в настоящую минуту наступление значительных политических осложнений представляется мало-вероятным, министр иностранных дел заявляет, что нельзя однако поручиться за сохранение даже в недалеком будущем существующего положения вещей на Ближнем Востоке. По этому поводу С. Д. Сазонов высказывает твердое убеждение, что если в силу событий проливы должны будут уйти из-под власти Турции, то Россия не может допустить укрепления на берегах их какой-либо иной державы и может поэтому оказаться вынужденной завладеть ими, дабы затем в той или иной форме установить соответствующий ее интересам порядок вещей на Босфоре и Дарданеллах. Заметив, что успех этой операции в значительной степени зависит от скорости ее выполнения, министр указывает на необходимость предусмотреть для разрешения задачи, помимо действий морских сил, еще и десантную операцию. Обращаясь к участникам совещания, С. Д. Сазонов просит их выяснить, что уже сделано и что может и должно быть еще сделано для подготовки возможного нашего выступления на проливах.

По предложению министра иностранных дел совещание обращается к обсуждению вопроса о десантной армии, ее составе и ее мобилизации.

Начальник генерального штаба, прежде всего, указывает, что для завладения проливами необходимо довольно значительное число войск, которое определится в зависимости от политической и стратегической обстановки операции. Обращаясь к тому, какие части могут быть использованы для десантной операции, генерал-от-кавалерии Жилинский заявляет, что для нее намечены расположенные всего ближе к объекту, именно в районе Севастополя и Одессы, 7-й и 8-й корпуса. К ним, вероятно, придется для закрепления операции прибавить еще 2 корпуса из внутренних округов. Начальник генерального штаба указывает затем, что первый эшелон десантной армии, имеющий высадиться одновременно, должен обнимать не меньше одного корпуса, т.-е. от 30 до 50 тысяч человек, так как меньшее количество войск может быть легко подавлено. Я. Г. Жилинский оговаривается при этом, что в виду большой трудности десантной операции первый эшелон войск можно ограничить одним корпусом лишь при особо благоприятных обстоятельствах, когда нельзя ожидать большого сопротивления. Первый отряд десантной армии предполагается составить в виде сводного корпуса из головных частей 7-го и 8-го корпусов, а именно из расположенной

*

в Севастополе и Симферополе 13-й дивизии и расположенных в Одессе 15-й дивизии и 4-й стрелковой бригады.

Сославшись на упомянутую им связь между численностью потребной для завладения проливами армии и политической и стратегической обстановкой этой операции, начальник генерального штаба останавливается на вопросе о возможных противниках наших в этом деле. Таковыми прежде всего явятся турки. Они располагают в настоящее время под Константинополем 7-ю корпусами. Согласно новому плану Энвер-паши, осуществление коего, впрочем, весьма гадательно, они предполагают оставить на европейском берегу проливов 3 корпуса.

По этому поводу министр иностранных дел замечает, что против нашей операции захвата проливов могут еще выступить *Греция* или *Болгария*[1]). Но в силу их исторической вражды и взаимного противоречия интересов есть много шансов, что если одно из этих государств окажется нашим противником, то другое станет на нашу сторону, и что они, таким образом, будут парализовать друг друга.

На вопрос, не можем ли мы рассчитывать в таком случае на поддержку *Сербии*, С. Д. Сазонов *отвечает, что нельзя предполагать, чтобы наши действия против проливов происходили без общеевропейской войны, и что надо думать, что при таких обстоятельствах Сербия направит все свои силы против Австро-Венгрии.*

Начальник генерального штаба отмечает все значение для нас сербского выступления против Австро-Венгрии в случае нашего вооруженного столкновения с последней. По имеющимся у него сведениям, Австро-Венгрия должна будет назначить четыре или пять корпусов на борьбу с Сербией. Генерал Жилинский обращает затем внимание на важность для нас в военном отношении того положения, которое займет *Румыния* в случае обще-европейской войны.

С. Д. Сазонов отвечает, что Румыния, хотя и не вошла формально в Тройственный союз, но, несомненно, заключила направленное против нас военное соглашение с Австрией. Это со своей стороны подтверждает близко знакомый по своей прежней службе с Румынией императорский посол в Константинополе. Наблюдаемый ныне благоприятный нам поворот в румынской политике и общественном мнении позволяет, однако, по мнению министра иностранных дел, до некоторой степени сомневаться в том, выступит ли действительно Румыния против нас в случае нашей войны с Австрией, но положительных оснований на это рассчитывать у нас не имеется.

Возвращаясь к вопросу о возможных наших противниках на проливах, С. Д. Сазонов указывает, что в случае столкновения с Тройственным союзом Германия и Австрия никаких войск в направлении к проливам не пошлют, и что лишь в худшем случае Италия может выслать туда десантный отряд, хотя ей опасно будет оголять свою границу с Францией.

Сославшись на сказанное министром иностранных дел относительно общей обстановки, при которой можно ожидать разрешения вопроса о проливах, начальник генерального штаба со своей стороны высказывает убеждение, что борьба за Константинополь вряд ли возможна без обще-европейской войны. В виду этого генерал-от-кавалерии Жилинский считает долгом подчеркнуть, что трата войск на экспедицию против проливов и даже самая возможность этой операции зависят от общей конъюнктуры начала войны. Намеченные для этой экспедициии южные корпуса могут быть, по словам Я. Г. Жилинского, двинуты на Константинополь лишь при отсутствии борьбы на западном

---

[1]) Курсив везде наш. *М. П.*

фронте, или благоприятном на нем положении вещей. В противном случае войска эти должны будут быть направлены на западную границу, ибо успешная борьба на западной границе решит благоприятно и вопрос о проливах. Так как по плану войны, составленному на случай войны на западном фронте, все войска из внутренних округов должны будут войти в состав действующих на нем армий, то, к сожалению, не представляется возможным заменять на этом фронте намеченные для десантной операции южные корпуса другими частями изнутри империи, дабы корпуса эти могли при всяких обстоятельствах быть направленными в Константинополь.

Из слов начальника генерального штаба императорский посол в Константинополе выводит заключение, что если с начала войны произойдут операции на нашем западном фронте, то нельзя быть уверенным, окажется ли для операции завладения проливами необходимая десантная армия и сможет ли, следовательно, сама эта экспедиция быть осуществлена, когда для нее наступит час. Подчеркнув желательность специально предназначить для десантной операции потребные войска с тем, чтобы они не могли быть отклонены от этой задачи и использованы для другой цели, М. Н. Гирс в виде предложения высказывает мысль, что, быть может, для операции против Константинополя можно было бы назначить расположенные на Кавказе корпуса.

Генерал-от-кавалерии Жилинский не считает высказанную М. Н. Гирсом мысль приемлемой, в виду того, что экспедиция на Константинополь, по предположениям военного ведомства, не может нас избавить от войны на кавказской границе. Большая часть турецких сил расположена в Малой Азии. По плану Энвер-паши в европейской части Турции предполагается оставить лишь 3 корпуса. В случае десантной операции на проливах, нашей задачею должно быть не допустить сосредоточения остальных корпусов у Константинополя и оттянуть их к кавказской границе.

Генерал-квартирмейстер генерального штаба, генерал-лейтенант Данилов добавляет к изложенному, что предназначить расположенные на Кавказе войска для десантной операции против проливов невозможно также и потому, что мобилизация на Кавказе, в силу местных условий, весьма медленна. Генерал-квартирмейстер высказывается затем решительно против возможности предназначения некоторых частей исключительно для экспедиции на Константинополь. По его убеждению, независимо от трудности выполнения задачи по захвату Константинополя, лежащего в глубине Босфора, сколько бы у нас ни было войск, даже гораздо больше, чем теперь, мы всегда должны будем предусматривать необходимость направить все наши силы на запад против Германии и Австрии. Мы должны стремиться к обеспечению успеха на главном театре войны; с победою на этом театре к нам придут благоприятные решения и всех частных вопросов.

С такою постановкою вопроса не соглашается начальник 2-й оперативной части морского генерального штаба, капитан 2 ранга Немитц. Капитан Немитц считает, что мы должны именно одновременно с операциями на западном фронте занять военною силою Константинополь и проливы, дабы создать к моменту мирных переговоров совершившийся факт нашего завладения ими. Только в таком случае Европа согласится на разрешение вопроса о проливах на тех условиях, на которых это нам необходимо. Если из состава теперешней нашей армии нельзя выделить для этой задачи необходимого количества войска, то, по мнению капитана Немитца, надлежит сформировать специально для этой цели три новых корпуса. Такая новая жертва на вооружение не может

быть признана не по силам России, если этим должно быть обеспечено достижение исторических наших задач.

Отвечая капитану Немитцу, начальник генерального штаба указывает, что мысль его создать еще новые корпуса для константинопольской экспедиции не является ныне осуществимой. Проливы имеют в глазах всякого русского такое огромное значение, что можно сказать наверное, что при наступлении опасности их перехода из-под турецкой власти в чужие руки, мы не сможем отказаться от их захвата и, следовательно, тотчас отправить в Константинополь десантную армию. Надо думать, что произойти это может не иначе, как во время кризиса, который разразится обще-европейской войной. Но война на проливах за Константинополь может предшествовать столкновению на нашем западном фронте.

По просьбе министра иностранных дел начальник генерального штаба освещает затем вопрос о сроке мобилизации намеченных для десантной операции войск. 13-я и 15-я дивизия и 4-я стрелковая бригада, т.-е. части, назначенные для формирования первого эшелона десантной армии содержатся в 60-рядном составе рот, и мобилизация их без артиллерийских парков совершается в 5-дневный срок. Остальные части, входящие в 7-й и 8-й корпуса, имеют пока лишь 48 рядов в ротах и мобилизуются поэтому в 8—9 дней. Если бы признано было нужным, возможно привести намеченные для константинопольской экспедиции войска в еще большую готовность доведением их до 84 или даже 100-рядного состава рот. Отметив, что вышесказанное относится только к пехоте, начальник генерального штаба останавливается затем на мобилизации артиллерии. До сего времени в нашей артиллерии существовала в мирное время запряжка только 4-х орудий и 2-х ящиков в батарее, вследствие чего мобилизация ее растягивалась на 18 дней. Во всех пограничных округах устанавливается запряжка в мирное время 6-и орудий и 12 ящиков; при таком составе артиллерия может выступить уже на 2—3-й день мобилизации. Одесский округ относится к внутренним округам. Если бы поэтому признано было нужным держать его в большей боевой готовности, то возможно было бы, если на то последуют высочайшие указания, ввести в артиллерию Одесского округа усиленную запряжку, предусмотренную для пограничных округов. Что же касается кавалерии, то она всегда находится в мобилизованном состоянии. Ее, впрочем, предполагается иметь в десантной армии лишь в количестве одного полка на корпус.

Совещание переходит затем к вопросу о путях сообщения, потребных для доставления десантной армии в порты для посадки на суда. В отношении железных дорог, с точки зрения десантной операции против Константинополя, положение можно признать удовлетворительным.

Совещание обращается затем к рассмотрению вопроса о транспортных средствах, потребных для доставления к проливам десантной армии. Морской министр отмечает, что главное затруднение лежит в полной недостаточности имеющихся у нас в Черном море перевозочных средств. По предложению министра иностранных дел совещание выражает пожелание, чтобы правительство безотлагательно озаботилось выработкой мероприятий к развитию нашего Черноморского торгового флота.

М. Н. Гирс возвращается затем к вопросу о сроке, потребном для выполнения транспортной операции. Указанный капитаном Немитцем двухнедельный срок для прибытия десантных войск в Константинополь, может, по мнению императорского посла в Турции, быть в некоторых случаях чрезвычайно продолжительным. Так, например, экспедиция на Константинополь может быть вызвана анархией в турецкой столице и опасностью резни. В таком случае требуется большая

быстрота действий. В виду этого М. Н. Гирс просит выяснить, до какого срока могло бы быть сокращено при соответствующей подготовке выполнение десантной операции.

Начальник 2-й оперативной части морского генерального штаба отвечает, что в этом отношении все зависит от степени приспособления торгового флота для транспортной операции и предварительной подготовки его мобилизации. Если милитаризовать соответствующим образом суда Добровольного флота, то одна дивизия боевого состава может быть доставлена в Константинополь в недельный срок.

Министр иностранных дел высказывает пожелание, чтобы весь первый эшелон десантной армии, т. е. сводный корпус, мобилизацию коего предположено сократить до 3 — 4 дней, мог быть тотчас посажен на суда и прибыть, таким образом, к Босфору через 4 — 5 дней по объявлении мобилизации.

От обсуждения мер по увеличению нашего торгового флота в Черном море до размеров, отвечающих потребностям десантной операции для завладения проливами, совещание переходит к вопросу о приведении наших черноморских сил в положение, при коем они превосходили бы оттоманский флот и могли бы совместно с армией выполнить задачу прорыва через проливы для их занятия.

Испол. долж. начальника морского генерального штаба сообщает сведения об относительных силах нашего черноморского флота и турецких морских сил. Вследствие принятия морским ведомством экстренных мер удалось настолько ускорить постройку на наших черноморских верфях дредноутов, что можно рассчитывать, что корабли «Императрица Мария» и «Александр III» будут вполне готовы к 1 июня 1915 г. и к 1 сентября того же года, вместо 1916 года, как полагалось по контрактам. К концу 1915 года наш черноморский флот усилится еще третьим черноморским дредноутом того же типа «Екатерина II» и в 1916 году — двумя крейсерами.

Морской министр объясняет затем — почему не удалось предотвратить столь неблагоприятную для нас уступку Бразилией Турции «Рио-Жанейро». Морское ведомство возбудило в свое время вопрос о покупке его Россией, но затем из английских источников было получено сведение, что корабль этот не продается. Морское ведомство в настоящее время очень озабочено тем, чтобы не допустить перехода в руки Турции других, могущих быть купленными, дредноутов. Его императорскому величеству благоугодно было согласиться с этими соображениями и повелеть приобрести продающиеся за границей дредноуты. Морское ведомство занято в настоящее время выяснением того, какие суда могут быть куплены и на каких условиях.

Совещание переходит к последнему из намеченных для его обсуждения пунктов, именно к вопросу о железных дорогах на Кавказе, и, в частности, о так называемой перевальной дороге.

Начальник генерального штаба указывает, что пока перевальная дорога не будет осуществлена, в случае борьбы на нашей турецкой границе, наша армия не будет иметь удовлетворительного сообщения с тылом. Постройка перевальной дороги необходима также для улучшения условий мобилизации на Кавказе. Кроме перевальной дороги, требуются еще некоторые стратегические железные дороги в Закавказье: сплошной двухколейный путь от Тифлиса через Карс и Сарыкамыш до Караургана (на турецкой границе), что и приводится уже в исполнение.

Закончив обзор главных вопросов, выдвигаемых необходимостью планомерной подготовки в недалеком будущем занятия нами проливов совещание, по предложению министра иностранных дел, высказывает

общее пожелание, чтобы правительством в лице всех прикосновенных ведомств приняты были все меры, которых требует техническое исполнение этой задачи. Обращаясь к конкретным мероприятиям, совещание отмечает желательность проведения, прежде всего, нижеследующих мер:

1) чтобы имеющие составить первый эшелон намеченных для константинопольской экспедиции десантных войск 13-я и 15-я дивизии и 4-я стрелковая бригада были доведены до 84-рядного состава рот; 2) чтобы в артиллерийских частях Одесского округа была введена усиленная запряжка в мирное время, предусмотренная для пограничных округов, т.-е. запряжка 6 орудий и 12 ящиков; 3) чтобы совместными усилиями министерства финансов, министерства торговли и промышленности и министерства морского приняты были самые срочные действительные меры к усилению наших транспортных средств в Черном море и, в частности, чтобы правительством заключены были с субсидируемыми пароходными обществами соглашения об увеличении их флотов и при том судами, как в отношении типа, так и в отношении оборудования, удовлетворяющими специальным условиям перевозки войск; 4) чтобы морское ведомство в ближайшем будущем изыскало способ сократить срок, потребный для перевозки к проливам первого эшелона десантной армии в размере 1 корпуса до 4—5 дней со дня отдачи о том приказа; 5) чтобы в возможно скором времени наш Черноморский флот усилен был второй бригадой наиболее современных и мощных дредноутов и 6) чтобы в возможно скором времени был закончен сплошной двухколейный путь от Тифлиса через Карс и Сарыкамыш к Карaургану и была сооружена перевальная дорога; кроме того, необходимо проведение линии от станции Михайлово через Боржом до Карса (с веткой на Ольты), и желательно сооружение частными предпринимателями линии от Батума до Карса.

Совещание просит министра иностранных дел представить эти предложения на благоусмотрение его императорского величества.

Подписали: Сазонов, И. Григорович, Я. Жилинский.

Итак, секретнейшее заседание, на котором разрабатывался план захвата Константинополя и проливов, происходило за пять месяцев до начала мировой войны. При этом усматривалось, что эта операция будет происходить в обстановке мировой войны, и заранее учитывались будущие роли Сербии, Болгарии, Греции, Румынии и других государств. Приняты были определенные решения, и журнал совещания представлен на одобрение Николая II. На подлиннике журнала имеется собственноручная надпись Николая II: «Всячески одобряю заключение Совещания».

Документ этот показывает, что ответственность за мировую войну ни в коем случае не может быть возложена на одну Германию, как бы велики ни были грехи Вильгельма II и его клевретов, как бы несомненны ни были стремления правящих классов Германии к мировой гегемонии. Вместе с тем этот документ показывает, какие причины толкнули младотурок в объятия империалистической Германии. Именно страх перед Россией заставил младотурок, этих вчерашних друзей Франции, отказаться от своих франкофильских и англофильских симпатий и принять участие в мировой войне на стороне Германии. (Подробнее об этом

см. нашу книгу: «Революционная Турция». Глава пятая. Гос. Издательство. 1921 г.)

Ниже мы печатаем другие документы, касающиеся вопроса о Константинополе и разделе Малой Азии и относящиеся к позднейшему периоду, именно к переговорам между союзниками во время мировой войны.

К вопросу о Константинополе и проливах.

Пол. Арх. 14 — Копия 7. 403 спец.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Париже.

7 марта 1915 года № 1265.

Ссылаясь на меморандум здешнего великобританского представителя от 12 марта, благоволите высказать Грэю глубокую признательность императорского правительства за полное и окончательное согласие Великобритании на разрешение вопроса о проливах и Константинополе согласно желаниям России. Императорское правительство вполне оценивает чувства великобританского правительства и уверено, что искреннее признание обоюдных интересов обеспечит навсегда прочную дружбу между Россией и Великобританией. Дав уже обещания касательно условий торговли в проливах и Константинополе, императорское правительство не видит препятствий к подтверждению своего согласия на установление: 1) свободы транзита через Константинополь товаров, не следующих из России, не идущих в Россию, а также 2) свободы прохода через проливы коммерческих судов.

Дабы облегчить предпринятый союзниками прорыв через Дарданеллы, императорское правительство готово способствовать привлечению к этому делу, на разумных началах, тех из государств, содействие коих представляется полезным Великобритании и Франции.

Императорское правительство вполне разделяет мнение великобританского правительства, что священные мусульманские места должны и впредь оставаться под независимым мусульманским владычеством. Желательно выяснить теперь же, имеется ли в виду оставить местности эти под властью Турции, с сохранением за султаном турецким звания халифа, или же предполагается создать новые самостоятельные государства, так как лишь в связи с тем или другим положением императорское правительство в состоянии будет формулировать свои пожелания. Со своей стороны императорское правительство считало бы весьма желательным отделение халифата от Турции. Свобода паломничества должна быть, конечно, вполне обеспечена.

Императорское правительство подтверждает свое согласие на включение в английскую сферу влияния нейтральной зоны Персии. При этом, оно считает однако справедливым выговорить, чтобы районы городов Исфагани и Иезда, составляющие с последними одно неразрывное целое, были закреплены за Россиею, в виду создавшихся там русских интересов.

Нейтральная зона ныне врезывается клином между русской и афганской границей и подходит к самой русской границе у Зульфагара. Поэтому придется часть этого клина присоединить к русской сфере влияния.

Существенную важность представляет для императорского правительства вопрос о железнодорожном строительстве в нейтральной зоне, каковой потребует дальнейшего дружественного обсуждения.

Императорское правительство рассчитывает впредь на признание за ним полной свободы действий в отмежеванной ему сфере влияния, с предоставлением ему, в частности, права преимущественного развития в этой сфере его финансовых и экономических начинаний.

Наконец, императорское правительство считает желательным одновременное разрешение и вопросов в сопредельном с Россией северном Афганистане в смысле высказанных на этот счет императорским министерством пожеланий в предшествовавших в минувшем году переговорах.

(Подп.) Сазонов.

Второй политический отдел.

Справка.

Соглашение о Константинополе и проливах.

19 февраля (4 марта) 1915 года министром иностранных дел была передана французскому и великобританскому послам памятная записка, в коей было изложено пожелание о присоединении к России в результате настоящей войны следующих территорий: города Константинополя, западного побережья Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, южной Фракии до линии Энос — Мидия; побережья Малой Азии между Босфором, рекою Сакария и подлежащим позднейшему определению пунктом Исмидского залива; островов Мраморного моря и островов Имброс и Тенедос. Специальные права Франции и Англии в пределах указанных территорий остались бы ненарушимы.

Как французское, так и великобританское правительства изъявили свое согласие на удовлетворение наших пожеланий, при условии успешного окончания войны и удовлетворения целого ряда притязаний Франции и Англии как в пределах Оттоманской империи, так и в иных местах.

Притязания эти, поскольку они касаются Турции, сводятся к следующему:

Признание Константинополя свободным портом для транзита товаров, не следующих из России и не идущих в Россию, и свободы прохода через проливы коммерческих судов.

Признание прав Англии и Франции в Азиатской Турции, подлежащих точному определению путем особого соглашения между Францией, Англией и Россией.

Сохранение священных мусульманских мест и Аравии под независимым мусульманским владычеством.

Включение установленной соглашением между Англией и Россией 1907 г. нейтральной зоны Персии в английскую сферу влияния.

Признав эти требования, в общем, подлежащими удовлетворению, российское правительство сделало однако некоторые оговорки:

В видах формулирования наших пожеланий касательно священных мусульманских мест, необходимо теперь же выяснить, останутся ли эти местности под властью Турции с сохранением за султаном звания халифа, или же предполагается создать новые самостоятельные государства. По нашему мнению, было бы желательно отделить халифат от Турции. Во всяком случае, свобода паломничества должна быть обеспечена.

Соглашаясь на включение центральной зоны Персии в сферу английского влияния, российское правительство считает однако справедливым выговорить, чтобы районы городов Исфагани и Иезда были закреплены за Россией, а также чтобы часть полосы нейтральной зоны, врезающейся клином между русской и афганской границей и подходящей к самой русской границе у Зульфагара, — была включена в русскую сферу влияния.

Российское правительство считает желательным одновременное разрешение вопроса о сопредельном с Россией северном Афганистане в смысле высказанных им во время переговоров 1914 года пожеланий.

После вступления в войну Италии наши пожелания были сообщены и итальянскому правительству, и последнее выразило, с своей стороны, согласие, при условии победоносного окончания войны, осуществления итальянских притязаний вообще, и на Востоке в частности, и признания нами за Италией в пределах уступаемых нами территорий одинаковых с Францией и Англией прав.

Справка по мало-азиатскому вопросу.

21 февраля 1917 г.

В результате переговоров, происходивших весной 1916 года, в Лондоне и Петрограде, союзные великобританское, французское и русское правительства пришли к соглашению относительно будущего распределения их зон влияния и территориальных приобретений в Азиатской Турции, а также касательно образования в пределах Аравии независимого арабского государства или конфедерации арабских государств.

Соглашение это в общих чертах сводится к следующему:

Россия приобретает области: Эрзерумскую, Трапезундскую, Ванскую и Битлисскую, а равно и территорию южного Курдистана по линии Муша-Серт—Ибн-Омар—Амалия—персидская граница. Конечной точкой русских приобретений на черноморском побережье явился бы подлежащий определению в будущем пункт на запад от Трапезунда.

Франция получает прибрежную полосу Сирии, Аданский вилайет и территорию, ограниченную на юге линией Айнтаб — Мардин до будущей русской границы и на севере линией Ала-Даг — Кесария — Ак-Даг — Ильдыз-Даг — Зара — Огин — Харпут.

Великобритания приобретает южную часть Месопотамии с Багдадом и выговаривает себе в Сирии порты Кайфу и Акку.

По соглашению между Францией и Англией зона между французской и английской областями образует конфедерацию арабских государств или независимое Арабское государство, зоны влияния на каковое одновременно определяются.

Александретта объявляется свободным портом.

В целях обеспечения религиозных интересов союзных держав, Палестина со святыми местами выделяется из состава Турецкой территории и будет подчинена особому режиму по соглашению России, Франции и Англии.

В виде общего правила договаривающиеся державы обязуются взаимно признавать существовавшие уже до войны концессии и преимущества в приобретенных ими районах.

Они соглашаются принять на себя соответствующую их приобретениям долю оттоманского долга.

С подлинным верно:

(Подпись).

Секретная телеграмма поверенному в делах в Париже.

Сообщается в Лондон и Рим.

11 (24) сентября 1917 г. № 4225.

Ссылаюсь на Ваши №№ 947 и 952.

Объяснения, данные Вам Рибо по поводу его заявления в палате о февральском соглашении касательно восточных границ Франции, *к сожалению, грешат не полной искренностью*[1]). Ни в обмене нот с Палеологом, ни в словесных объяснениях моих с Нулансом не возбуждался *вопрос о связи между этим соглашением и соглашением о Константинополе и проливах*. Нуланс предложил мне опубликовать, одновременно с соглашением о французских границах, договоры, заключенные до войны, т.-е. собственно русско-французскую военную конвенцию. На это я заметил, что подобное опубликование общеизвестного договора вызовет в общественном мнении полное недоумение и новые настояния на предании гласности соглашений, заключенных уже во время войны. Между тем, оглашение оных, и в частности итальянского и румынского, признается, повидимому, нашими союзниками недопустимым.

Во всяком случае, мы вовсе не намерены создавать в настоящее деле затруднения Франции и ставить Рибо в еще более неловкое положение. Однако, во избежание в будущем недоразумений, подобных уже дважды имевшим место благодаря его сообщениям в палате, прошу Вас официально заявить французскому правительству, что со стороны России не встречается возражений против оглашения всех вообще соглашений, заключенных как до, так и во время войны, если на это последует согласие со стороны прочих заинтересованных союзников. По вопросу о мало-азиатском соглашении сообщаю Вам мои соображения дополнительно в отдельной телеграмме.

Терещенко.

12 (25) сентября 1917 г. № 4239.

Ссылаюсь на Ваш № 947.

С точки зрения русских интересов, мало-азиатское соглашение не может считаться стоящим особо. *Выполнение его зависит от выполнения соглашений о проливах*. Мысль эта ясно выражена в первой телеграмме о наших видах на Константинополь от 19 февраля 1915 года, № 937, в заключительной фразе и повторена в меморандуме о мало-азиатском соглашении, врученном английскому и французскому послам в Петрограде 4 марта 1916 года, за № 205. В последнем документе сказано: несомненно, что согласие России относительно предшествующих пунктов стоит *в зависимости от осуществления соглашения между Францией и Англией относительно Константинополя и проливов*.

Так как упомянутые наши заявления были приняты французским правительством без возражений, то отсюда следует, *что мало-азиатское соглашение не может быть рассматриваемо отдельно от соглашения о Константинополе и проливах и обратно*[1]), какие-либо изменения в последнем неизбежно так или иначе должны отразиться на первом.

---

[1]) Курсив везде наш. *М. П.*

При этом, если, согласно Рибо, считать мало-азиатское соглашение не законченным, то тем менее у него обязательной силы.

Такой точки зрения благоволите неуклонно держаться в случае дальнейшего обмена мнений с французским правительством.

Копия в Лондон.

Конец только для Лондона.

Текст телеграммы Севастопуло за № 947 сообщается Вам отдельно.

Терещенко.

Считая лишним останавливаться обстоятельно на анализе этих документов, укажем лишь, что эти документы вполне подтверждают нашу точку зрения на вопрос о самодовлеющих целях русского империализма. Мировую войну нельзя рассматривать исключительно как войну между английским и германским империализмом. Это война мировая, война, в происхождении которой русский империализм с его грандиозными планами играл не менее видную роль, чем империализм английский или германский. Даже в сентябре 1917 г., когда русская армия была совершенно обессилена, и немецкие полчища победоносно наступали на наши войска, когда экономическая разруха в империи с каждым днем принимала все более и более ужасающие размеры, когда каждый день затяжки войны грозил стране окончательной гибелью, русский империализм в лице его официального представителя Терещенко не желал отказаться от безумной мечты — овладения Константинополем и проливами, хотя в этот момент союзники России считали уже, очевидно, и неосуществимым и нежелательным удовлетворение этого требования русских империалистов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Борьба за Оттоманское наследство после мировой войны. Лозаннская конференция.

1. Советская Россия и Восток.

В эпоху царизма Восток являлся для России исключительно объектом завоевательной политики и экономической эксплоатации. И, в сущности, вся внешняя политика и военная история России в течение прошлого столетия была, прежде всего, историей борьбы с другими империалистическими державами, вначале с Францией и, главным образом, с Англией, а в течение последнего двадцатипятилетия, накануне мировой войны, с Германией за овладение Востоком. В то время как Англия, начав походное движение со среднего течения Ганга, стала подыматься к северу, овладела бассейном могучей реки на всем его протяжении и плоскогорьями Инда, подчинила себе Кашмир и, перебросившись через вершины Гималаев, утвердила свое владычество в Малом и Среднем Тибете и, выдвинув передовую позицию на Ярканд, проникла в Китайский Туркестан, затем на западе уничтожила империю Сейков, присоединила Пенджаб, перешла средний Инд, овладела английским Афганистаном до Сулеймановых гор и подчинила после трех войн (1839 — 1847, 1878 — 1882) своему исключительному влиянию Афганистан и Белуджистан,—царская Россия, завоевав постепенно северный и южный Кавказ, присоединила к своей территории персидскую Армению, затем Карс и Батум, овладела шаг за шагом Ташкентом, Самаркандом, правым берегом Аму-Дарьи, прилегающими Хивинскими землями, Кокандом, Ахал-текинским оазисом и в своем поступательном движении к Персидскому заливу и обетованной земле Великого Могола пришла в соприкосновение с английскими владениями или зонами английского влияния. И уже при первом взгляде на историческую карту расширения территориальных границ обоих государств — России, стремившейся по направлению к Индии, и Англии, форсированным маршем двигавшейся вперед в северном направлении от индийской границы,—было очевидно, что оба империалистических государства, подобно двум поездам, мчащимся по одной линии, навстречу друг другу, неизбежно должны столкнуться. И, действительно, в целом ряде кровавых эпизодов в нашей внешней истории, в Крымской

кампании, в русско-турецких войнах 1828, 1877 г.г., в войнах с Кавказом, наконец, в войне 1904 — 1905 г. с Японией, старая Россия, Россия Невельских, Черняевых, Скобелевых, Игнатьевых, Алексеевых, Безобразовых всегда имела перед собой Англию Джон-Буля, империалистическую, драчливую Англию Пальмерстона, Биконсфильда, Чемберлена, Сесиль Родса, Керзона и др. в качестве явного или тайного врага.

Одновременно с продвижением по направлению к Персидскому заливу и английским границам, царская Россия стремилась на Дальнем Востоке к овладению тихо-океанским побережьем, к территориальному расчленению Китая, и на Ближнем—к захвату Константинополя с Босфорским и Дарданельским проливами.

Неудивительно, что царская Россия в глазах всех азиатских народов, особенно в глазах всего мусульманского мира, стала рисоваться, как самый главный враг, вековой, непримиримый, всего Востока.

Англия сохранила прочное положение в Индии не столько благодаря своей прекрасно организованной туземной армии, своим эскадрам, своему золоту и мировому влиянию, не столько благодаря естественным преградам и непроходимым высотам Гималаев и Каракорума, не столько благодаря грозным укреплениям Хайберского и Боланского проходов, сколько благодаря тому, что среди этих гор, в узких долинах жили фанатические мусульманские племена, которые были и верными стражами Англии, и оберегали высокие горные проходы от ненавистной всему мусульманскому миру царской России.

Равным образом, все успехи германской дипломатии в Турции, немецкая гегемония в Оттоманской империи накануне мировой войны объясняются в значительной мере страхом Турции перед завоевательными планами северной державы, ненавистью всего мусульманского населения Турции к России.

Все изменилось с того момента, как в России восторжествовала советская власть. Рабоче-крестьянская Россия, могучая, непобедимая в лице ее красных армий, сказочно чарующая в своем новом облике, являлась уже в глазах азиатских народов не вековым мучителем всего мусульманского мира, не врагом, не конкурентом Англии, Германии или Франции в борьбе за раздел Желтого континента, а наоборот, добрым гением, искренним другом всех угнетенных народов Востока в борьбе с мировым империализмом.

Наши мирные договоры с Персией, Афганистаном, Китаем, отказ наш от всех захватов царского правительства в Китае, Манджурии, от всех концессий на леса и рудники, договор о дружбе и братстве с Турцией, наконец, обращение России к правительствам Великобритании, Италии и Германии с предложением пригласить и Турцию на Генуэзскую конференцию, — все это в необычайной степени подняло престиж Советской России в глазах угнетенных масс всего Востока.

Советское правительство обратилось к европейским державам через своих представителей в Лондоне, Берлине и Риме по вопросу об участии Турции на Генуэзской конференции. Советское правительство обращает

внимание своих представителей на слух, будто на Генуэзскую конференцию не приглашена одна Турция. Российским представителям поручается собрать об этом точные сведения и в случае, если этот слух оправдается, предпринять все необходимые возможные шаги для обеспечения приглашения Великого Национального Собрания.

На нашу ноту об участии Ангорского правительства в Генуэзской конференции британское правительство ответило нашему представителю т. Берзину:

«Созываемая в Генуе конференция отнюдь не будет рассматривать турецкого вопроса и, во всяком случае, вопрос о посылке приглашения на эту конференцию турецкому правительству вряд ли является таким вопросом, который касался бы российской торговой делегации в Лондоне или советского правительства в Москве».

Ответ великобританского правительства ясно свидетельствует о недовольстве кругов Англии заступничеством Советской России за борющуюся против европейских хищников Турцию, проливает свет на одну из причин охлаждения Англии по отношению к нам после того, как Англия так энергично настаивала перед Францией на признании Советской России и немедленном созыве Генуэзской конференции с участием России.

И то обстоятельство, что Советская Россия, находящаяся в столь тяжелом положении, так нуждающаяся в восстановлении торговых сношений с европейскими державами и в первую голову с Англией, тем не менее, обратилась с нотой о приглашении Турции на Генуэзскую конференцию, как нельзя ярче, свидетельствует о глубокой искренности дружеских чувств рабоче-крестьянской России по отношению к трудовым массам Востока.

Целая пропасть разделяет политику Советской России от политики царской России.

Особенно ярко пропасть между политикой Советской России по отношению к Востоку, и в частности к Турции, и политикой империалистических держав выявилась на Лозаннской конференции.

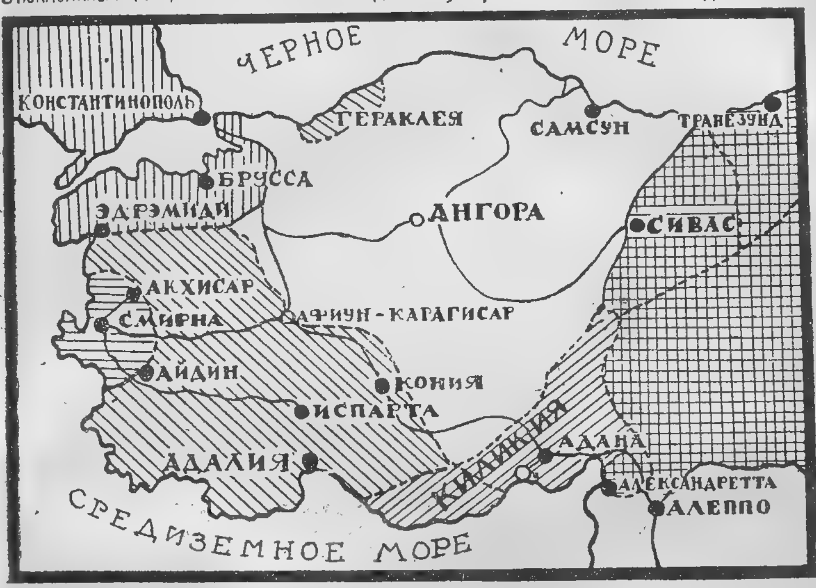
2. Разгром греческой армии. — Английский ультиматум. — Муданское соглашение.

По Севрскому договору, заключенному 10 августа 1920 г. Антантой с побежденной в результате мировой войны Турцией, у последней, до войны занимавшей территорию в 613.724 кв. миль с населением в 21 миллион душ, было оставлено всего 174.900 кв. миль с населением не больше 8 миллионов жителей. В Европе у турок были отняты все владения, за исключением небольшого клочка территории между Чаталджой и Константинополем. Фракия была отдана Греции, а все побережье Босфора, Дарданелл и Мраморного моря было поставлено под контроль «Лиги Наций», при чем Англия, Франция и Италия заняли своими войсками как Константинополь, так и всю зону проливов. Гегемония

в Константинополе и проливах фактически перешла в руки Англии. В Азии от Турции были отторгнуты большие территории для образования «независимой Армении», затем особого арабского королевства «Геджас», зависимого от Англии. Англия, Франция, Греция, Италия получили в свое распоряжение «зоны влияния» в вилайетах Аданы, Смирны, в Палестине, Сирии, Месопотамии.

КАРТА МАЛОЙ АЗИИ.

С ПОКАЗАНИЕМ ТОГО, ЧТО ОСТАВАЛОСЬ В НЕЙ ДЛЯ ТУРЦИИ, В РЕЗУЛЬТАТЕ СЕВРСКОГО ДОГОВОРА.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЗНАКОВ

ЗОНА ИТАЛЬЯНСКОГО ВЛИЯНИЯ — АНГЛИЙСКАЯ ОККУПАЦИЯ — ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ВЕЛИКАЯ АРМЕНИЯ — ГРЕЧЕСКАЯ ОККУПАЦИЯ — ФРАНЦУЗКАЯ ОККУПАЦИЯ

Геройская борьба турецкого народа против расчленения и порабощения Турции привела к окончательному разгрому греческой армии, вооруженной на средства Англии, и к отмене Севрского договора на конференции в Мудании.

Муданская конференция — военное соглашение, подписанное 11 октября 1922 г. между союзными державами и правительством Великого Национального Собрания Турции. Это соглашение, заключенное в результате разгрома греческих армий турецкими войсками, санкциони-

ровало ликвидацию империалистических планов Греции в Малой Азии и передачу Восточной Фракии, включая Адрианополь, Турции. Таким образом одно из основных требований Антанты, выдвинутое в результате победоносной мировой войны 1914 — 18 г.г., а именно — изгнание турок из Европы, было аннулировано на Муданской конференции силой оружия восставшего против Севрского договора турецкого народа. На полях Анатолии греческая армия оказалась разбитой, а вместе с ней разлетелся вдребезги и Севрский договор. Однако, дело национального освобождения турецкого народа от ига империалистических держав не было доведено до конца. Для фактического осуществления «национального обета» и реализации всех стремлений Ангорского Собрания в вопросе о неприкосновенности оттоманской территории победоносная турецкая армия после разгрома греческих войск должна была продолжать свое наступление по планам Кемаля, перейти проливы и занять Константинополь. Но этого не могла допустить Англия, желавшая удержать Босфор и Дарданеллы в своих руках. Сосредоточив до 10.000 солдат в Чанаке и громадный флот в проливах, Англия под угрозой войны потребовала от Ангорского Национального Собрания прекращения дальнейших военный действий. Таким образом, воочию обнаружилось, что война между Турцией и Грецией была по существу войной Турции с Англией. Кемаль, войска которого находились на расстоянии нескольких верст от спешно воздвигнутых английских укрепленных линий на Чанаке, оказался вынужденным отдать приказ о приостановке продвижения своих армий. Было очевидно, что Франция, получив от Англии определенные уступки в вопросе о германских репарациях, перекинулась со всем своим оружием и багажом на сторону Англии, и что, таким образом, Турция стоит перед перспективой войны с европейской коалицией. Во всяком случае, цель Англии заключалась в том, чтобы выиграть время, дабы обеспечить себе необходимых союзников, сконцентрировать все необходимые ей сухопутные и военные силы для защиты своего положения на Ближнем Востоке, дать греческой армии оправиться и т. д. Эта цель была блестяще достигнута в результате вынужденного согласия Турции, не закончив военных действий, начать переговоры в Мудании и подписать Муданское соглашение.

На Муданской конференции было установлено, что все вопросы, касающиеся проливов, прав национальных меньшинств в Турции, капитуляций и вообще статута признанного отныне турецкого государства будут урегулированы на следующей конференции, которая и состоялась в Лозанне.

Разгром греческих армий, победа турецких войск имели громадное влияние на внутреннее положение в Турции и в Греции. Едва закончилась Муданская конференция, как в Анатолии выдвинулись на первый план вопросы внутренней политики и в первую голову вопрос о государственном строе, о султанате.

Результатом борьбы между двумя основными группами в Анатолии,— прогрессивной группой торговой и промышленной буржуазии, имеющей

на своей стороне большинство офицеров и интеллигенции, с одной стороны, и клерикально-консервативной группы, состоящей из зажиточного купечества восточных вилайетов и значительной части духовенства, — явилось уничтожение султаната, но оставление халифа и притом из Османской династии. Последняя уступка явилась результатом давления со стороны второй группы. Как бы то ни было, в самой Анатолии «лед тронулся», был дан серьезный толчок борьбе между политическими группировками за внутренние преобразования [1]).

В Греции события на анатолийском фронте повели к перевороту, к образованию временного революционного комитета, в состав которого вошли, главным образом, офицеры, к аресту и казни пяти министров бывшего кабинета, что вызвало сильнейшее негодование и протесты со стороны правящих кругов Антанты и особенно Англии, которая в лице казненных министров потеряла своих верных лакеев, главных проводников ее «греческой» политики на Ближнем Востоке.

Но особенно значительно было влияние анатолийских событий на пробуждение мусульманского Востока. Скоро после разгрома греческой армии в Ангору прибыла египетская делегация, один из членов которой заявил сотруднику «Ени Гюнь»:

«Англичане хотят, чтобы Египет был представлен в Лозанне делегацией теперешнего правительства, которое является орудием Англии. Данные делегации разработали и передали на одобрение нации «национальный обет» для Египта. Все египтяне, включая сторонников Заглул-паши, приняли этот национальный обет. Целью нашей поездки является укрепление братских сношений Египта с Турцией. Турецкие победы доказали, что Турция является великой нацией Востока. На нее смотрят мусульмане всего мира. Мы хотим, чтобы Турция заключила договор с египетской нацией в соответствии с турецким и египетским национальными обетами. Европа хочет принудить Турцию Севрским договором отказаться от своих прав в пользу Англии».

Эта же египетская делегация в Ангоре опубликовала текст египетского национального обета: «1) Неограниченная независимость всей Нильской долины в пределах ее прежних естественных границ. Аннулирование договора 1899 г. относительно Судана; 2) немедленное очищение от английских войск всей Нильской долины; 3) отмена каких бы то ни было привилегий для англичан в долине Нила; 4) аннулирование всех старых соглашений Англии с Египтом, согласно которым египетский вопрос считается уже разрешенным; 5) аннулирование всех актов, заключенных во время английской военной оккупации; 6) нейтралитет Суэцкого канала и охрана его независимым Египтом; 7) признание религиозного авторитета халифата».

---

[1]) Подробно о борьбе в Национальном Собрании из-за вопроса о султанате см. интересную корреспонденцию Астахова в «Известиях», от 21 — XII — 1922 г.

3. Великий рельсовый путь Каир — Калькутта и английская политика на подступах к этому пути. — Курдский вопрос.

Уже тот отклик, который разгром Греции — сторожевого пса Англии в Малой Азии, — встретил на всем Востоке, должен был заставить Великобританию напрячь все свои силы, чтобы аннулировать по возможности все плоды турецких побед. Кроме того, возрождение Турции, как независимой и сильной страны, грозило превратить в мыльный пузырь все те грандиозные планы, которые империалистическая Англия считала уже близкими к осуществлению. Мы уже не раз отмечали в наших работах, какую роль в происхождении мировой войны сыграл вопрос о великих мировых путях. Знаменитым трем Б (бе-бе-бе) — Берлин — Бизантиум (Византия, Константинополь) — Багдад царская Россия противопоставила два П (пе-пе) Петербург — Персидский залив (первоначально Пешавер), т.-е. проект индо-европейского или транс-персидского пути, который должен был превратить всю Персию в зону русского влияния и усилить экономическую и политическую мощь России в Афганистане, Персидском заливе и на подступах к Индии. Этим проектам Англия противопоставила пресловутые три К (ка-ка-ка) — Капштадт — Каир — Калькутта, железную дорогу, которая должна была при помощи своих ответвлений соединить в одно целое всю восточную Африку от юга до севера (включая Египет), затем Палестину, Аравию, Сирию, Месопотамию, южную Персию и 300-миллионную Индию. Для осуществления этого плана Англия после разгрома Германии и заключения Севрского договора фактически захватила в свои руки весь район бывшей Оттоманской империи, по которому должен был пройти проектируемый рельсовый путь, и подчинила своему полному протекторату всю южную Персию. Сбив в одно целое железным обручем, связав одной цепью все эти территории, изобилующие хлопком (Египет), нефтью (Месопотамия и южная Персия) и другими подпочвенными богатствами, Англия, с одной стороны, подводила громадный сырьевой фундамент под свое промышленное здание, с другой стороны, необычайно усиливала свои стратегические позиции, получая возможность в случае повреждения Суэцкого канала обеспечить быструю переброску войск в Индию и обратно. Само собой разумеется, что овладение этими территориями с помощью рельсового пути давало Англии базу для дальнейших продвижений в Анатолию, северную Персию и необычайно усилило бы мощь Англии во всей Средней Азии, в Тибете, Афганистане и вообще на все Желтом континенте.

В результате мировой войны Англия, казалось, обеспечила осуществление своего великого плана, о котором только недавно могли лишь мечтать английские империалисты. Англия получила мандат на Палестину, мандат на Аравию, мандат на Курдистан.

Пока Великобритания имела шансы захватить весь южно-азиатский район между Суэцким каналом и Индией в свои руки, она могла спокойно смотреть на усиление французской гегемонии на европейском континенте.

Имея основным правилом своей внешней политики сосредоточивать все свои силы в данный момент на одной цели, великобританское правительство позволяет Франции осуществлять свои захватные планы в центральной Европе, овладевать железными и угольными резервуарами района между Мозелем и Рейном, уверенное, что в удобный момент оно сумеет, собрав силы, отбросить Францию назад, как в свое время оно заставило последнюю уйти из Судана, куда направлялся отряд французского полковника Маршана (Фашода). Обеспечив осуществление грандиозного плана рельсовой колеи Капштадт — Каир — Калькутта, овладев богатейшими нефтяными источниками Турции и Персии, захватив гегемонию жидкого топлива в свои руки и переведя значительную часть своего флота на нефтяное отопление, далее, держа в своих руках все важнейшие морские базы в водах, омывающих европейский континент, Африку и южную часть азиатского материка, Суэцкий канал, Дарданеллы и Гибралтар, Капштадт, господствуя самодержавно на Персидском заливе, в Индийском океане, на Средиземном море и Атлантическом океане, — Англия достигала абсолютного владычества на морях в этих важнейших районах. Великобритания получала возможность отрезать метрополию Францию от всей ее колониальной империи, перерезать все французские водные, торговые и военные пути к Алжиру, Марокко, Тунису, Мадагаскару, Индо-Китаю, и таким образом завершила морское окружение Франции в такой степени, в какой не удавалось это Англии даже по отношению Германии Вильгельма. Увлеченная этой мечтой, империалистическая Англия могла спокойно смотреть на временное усиление французской гегемонии в Европе, покоящейся на песке, пока Англия удерживает владычество на морях в своих руках.

Но самая крепкая цепь не может быть крепче самого слабого своего звена. Ахиллесова пята английского проекта, как всех подобных мегаломанских планов, заключалась в необеспеченности подступов к району, по которому должна была пройти великая рельсовая колея, пересекающая территории, богатые нефтью, хлопком, и т. д. Хотя Германия была уничтожена, как великая держава, и выброшена из Малой Азии, но все же англичане не могли считать себя спокойными, пока подступы к району проектируемого рельсового пути и к богатейшим нефтяным источникам Месопотамии находились в руках Анатолийской Турции, стремившейся к высвобождению из-под иностранного гнета. Вот почему Англия поставила своей задачей уничтожить Турцию Ангорского Национального Собрания, которая могла нанести удар английским планам в самом уязвимом месте, порвать великобританскую стальную цепь в самом слабом ее звене, в районе Моссула и Багдада, куда не так трудно было бы при благоприятных обстоятельствах добраться турецким войскам. Отсюда этот план уничтожения Ангорской Турции и вся эта греческая авантюра, так позорно кончившаяся для английского престижа. Отсюда — именно из этого стремления обеспечения подступов в Месопотамию — исходили английские планы образования буферного армянского государства, которое изолировало бы Турцию и одновременно

Россию от Месопотамии. Отсюда, помимо стремления захватить бакинскую нефть, план создания Закавказских республик, чтобы отрезать Советскую Россию от Турции и лишить последнюю поддержки со стороны первой. Отсюда также план создания «независимого» Курдистана, нового буферного государства, в состав которого должен войти как персидский, так и турецкий Курдистан. Англия энергично ведет пропаганду идеи «независимого» Курдистана. В Моссуле два раза в день выходит курдская газета, которая на английских аэропланах рассылается в районы, населенные курдами. Англия снабжает курдских вождей пулеметами и аэропланами, имеющими особое значение в горной войне. «Независимый» Курдистан, создание которого предусмотрено в Севрском договоре, должен — по английским планам — служить преградой одновременно и против возможного-де наступления России по направлению к Персидскому заливу и против наступления турок на Месопотамию. Несомненно, что скоро мы еще услышим о курдском вопросе.

Строя все эти планы и работая над их осуществлением, английские империалисты не учли одного маленького обстоятельства — факта существования Советской России и отражения геройской борьбы Советской России с мировым империализмом на судьбах всего Востока и, в частности, на подъеме энергии и веры в торжество своего дела в Анатолийской Турции. Греция оказалась разбитой, и в английском парламенте ставился уже вопрос об эвакуации английских войск из Месопотамии и даже из Палестины. Английские империалисты со всеми своими мегаломанскими планами насчет образования единой империи от Каира до Бомбея и Калькутты стоят у разбитого корыта.

Но английский империалистический бульдог с своей «мертвой хваткой» не отказывается так легко от своих проектов даже в том случае, когда утопичность и неосуществимость последних становится уже очевидной в значительных кругах самой английской буржуазии.

От планов насчет наемного греческого жандарма, который держал бы в цепях всю турецкую Анатолию и охранял бы, таким образом, подступы к Месопотамии, приходится отказаться, но в руках Англии остались еще Дарданеллы с Константинополем, и Англия решила удержать эти позиции в своих руках, дабы иметь оружие против Советской России и Турции. Только владея Дарданеллами, Англия могла поддерживать деникинские и врангелевские авантюры и высаживать свои и французские войска в Одессе, Севастополе, Николаеве, Батуме, и т. д. Только благодаря господству Англии в проливах, греческий флот мог бомбардировать турецкие черноморские порты и высаживать здесь свои войска.

4. Вопрос о проливах на Лозанской конференции [1].

Вопрос о проливах явился центральным вопросом на Лозаннской конференции, доминировавшим над всеми проблемами восточного вопроса.

[1]) Основными документами для этой главы, кроме материалов, опубликованных в нашей печати, явились следующие официальные документы: 1) Délé-

Наряду с этим вопросом крупное место на Лозаннской конференции заняли вопросы о капитуляциях и национальных меньшинствах, — проблемы, от того или другого разрешения которых зависит судьба Турции, как независимого государства. Остановимся сначала на проблеме проливов.

Официальная точка зрения Р.С.Ф.С.Р. на вопрос о проливах была еще до Лозаннской конференции формулирована 13 сентября 1922 г. в ноте заместителя Народного Комиссара по иностранным делам тов. Карахана министру иностранных дел Великобритании Керзону. В этой ноте мы читаем, между прочим, следующее:

> «Российское правительство считает державы Антанты ответственными за то, что пропуск греческого военного флота через проливы нарушил мирное положение в Черном море и нанес существенный ущерб нормальной и экономической жизни в торговом отношении государств, расположенных на Черном море.
>
> Одновременно Российское правительство считает необходимым коснуться великобританской точки зрения на режим проливов.
>
> Россия не может согласиться с тем, что проливы открыты для военных судов всех наций, и особенно с тем, что Великобритания с союзниками берет на себя регулирование режима проливов вопреки желанию тех государств, чьи жизненные интересы связаны с Черным морем, и голос коих должен быть решающим при разрешении судьбы проливов. Разумеется, все довоенные соглашения о проливах ныне потеряли свою силу, но все они были установлены при участии России, а, следовательно, всякая новая политика, хотя бы уже фактически установленная о проливах помимо России, Российским правительством признана не будет.
>
> Единственный международный акт после войны 1914 года, регулирующий вопрос о проливах, есть русско-турецкий договор, заключенный в Москве в 1921 г. По этому договору предусмотрен свободный проход через проливы судов всех народов лишь для торговых целей. Право на окончательную выработку международного статута проливов признается русско-турецким договором лишь за прибрежными государствами Черного моря. Положение это ныне признано всеми странами, расположенными у Черного моря, кроме Болгарии и Румынии, официальная точка зрения которых мне не известна, но которые едва ли согласятся с устранением от решения вопроса о проливах.
>
> Россия, Турция, Украина и Грузия, охватывающие почти все побережье Черного моря, не могут ни

---

gation de Russie, d'Ukraine et de Géorgie à la Conférence de Lausanne. Mémorandum rélatif au problème d'Orient, pages 10. Lausanne. 1922 (Делегация России, Украины и Грузии на Лозаннской конференции. Меморандум по восточному вопросу, стр. 10. Лозанна. 1922). 2) Ministère des affaires étrangères. Livre Jaune. Documents diplomatiques. Conférence de Lausanne. Tome premier. 21 Novembre 1922 — 1 Février 1923. Paris. Imprimerie Nationale. 1923, pages 616 (Министерство иностранных дел. Дипломатические документы. Желтая книга. Лозаннская конференция. Том первый. 21 ноября 1922 — 1 февраля 1923. Париж. 1923, стр. 616). 3) Conférence de Lausanne. Livre Jaune. Tome II. 1 Février 1923—4 Févreir 1923. Paris 1923, pages 129 (Лозаннская конференция. Желтая книга, том II. 1 февраля 1923 — 4 февраля 1923. Париж. 1923, стр. 129).

за кем признавать право вмешиваться в разрешение вопроса о проливах. Они не откажутся от этой точки зрения даже в том случае, если противоположная точка зрения будет основываться на военно-морском превосходстве. Великобритания должна согласиться с тем, что если обескровленные, дезорганизованные войной европейские державы хотят мира, то они должны разрешить международную проблему не по праву силы, а путем мирного соглашения с теми народами, чьи жизненные интересы затрагиваются данной проблемой. Всякий иной способ разрешения международных вопросов не будет иметь никакой силы и выражается лишь в бессильном бумажном акте, подобно некоторым послевоенным договорам, и сам по себе послужит источником новых конфликтов и затруднений в дружественных сношениях между государствами.

Обращая особое внимание на это последнее соображение в связи с созываемой в Венеции конференцией по ближневосточному вопросу, где будет уделено внимание и проливам, Российское правительство заявляет заранее, что не признает ни одного решения, противоречащего вышеизложенной точке зрения, тем более, что Россия в числе участников конференции не находится».

В следующей ноте тов. Карахана, отправленной 24 сентября 1922 года председателю совета министров и министру иностранных дел Франции Пуанкаре, министру иностранных дел Великобритании Керзону и министрам иностранных дел Италии, Юго-Славии, Болгарии, Румынии, Греции, Египта, мы читаем следующее:

«Никакое решение о проливах, принятое без России, не будет окончательным и продолжительным. Оно создаст лишь почву для новых конфликтов.

Та свобода проливов, которую имеет Великобритания, означает лишь желание сильной морской державы контролировать жизненно необходимый для других государств путь с тем, чтобы держать постоянно их под своей угрозой. В первую очередь эту угрозу своим острием Великобритания направляет против России и Турции.

Великобритания направляет свои военные силы на Ближний Восток, пытается вовлечь в войну с Турцией Францию и Италию, а также Юго-Славию с Румынией. Цель этой подготовляемой войны, как это следует из официального правительственного сообщения Великобритании, — защита Константинополя и нейтральной зоны, а также защита Европы от стремительного и враждебного наступления турок.

Что касается защиты Европы от нападения турок, то это соображение не заслуживает никакого внимания и не может быть признано серьезным ни одним европейским правительством.

Защита же Великобританией и ее союзниками турецкой столицы от турецкого народа, его национальной армии и турецкого правительства, которое требует, чтобы ему не мешали вернуться в свое законное местопребывание, является претензией, могущей вызвать лишь величайшее удивление».

В ноте тов. Чичерина, в которой наш Народный Комиссар иностранных дел от имени Советской России требовал участия на конференции по ближневосточным вопросам, формулирована та же точка зрения о необходимости передачи вопроса о проливах на решение прибрежных государств Черного моря. По этому пункту мы читаем в ноте тов. Чичерина следующее:

«Стремясь к упрочению всеобщего мира и, в частности, к необходимому для достижения этой цели окончательному мирному улажению международных конфликтов на Ближнем Востоке, Российское правительство видит себя вынужденным решительно настаивать на своем участии в конференции по ближневосточным вопросам в целом, без всяких ограничений. Оставляя в то же время за собой право поддерживать постановление русско-турецкого московского договора о том, что окончательная выработка международного статута проливов должна быть передана делегатам черноморских прибрежных стран, Российское правительство, в виду приближения срока конференции, которая будет рассматривать весь комплекс ближневосточных проблем, заявляет о своем требовании участия в ней на равных основаниях с другими договаривающимися сторонами».

Наконец, точка зрения правительства Р.С.Ф.С.Р. на вопрос о проливах была ясно формулирована в обратившем на себя большое внимание в английской прессе интервью председателя Совета Народных Комиссаров тов. В. И. Ленина, данном корреспонденту лондонской газеты «Обсервер» Фарбману. На вопрос последнего: «какова русская программа относительно проливов», тов. Ленин ответил:

«Наша программа относительно проливов, пока еще приблизительная, конечно, содержит в себе, между прочим:

Во-первых, удовлетворение национальных стремлений Турции.

Мы считаем, что не только интересы национальной независимости этого требуют. Наш опыт решения в течение 5 лет национального вопроса в государстве, содержавшем в себе такое обилие национальностей, которое едва ли можно найти в других странах, всецело убеждает нас в том, что единственно правильным отношением к интересам наций в подобных случаях будет максимальное их удовлетворение и создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве. Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны.

Во-вторых, наша программа заключает в себе закрытие проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время. Это непосредственно ближайший торговой интерес всех держав, не только тех, территории которых непосредственно прилегают к проливам, но и всех остальных. Надо иметь в виду, что пацифистских фраз, разговоров и заверений, иногда даже клятв против войны раздается во всем свете необыкновенно много, а готовности сделать действительные шаги, даже самые простые, для обеспеченности мира мы встречаем в большинстве государств, и особенно современных цивилизованных государств, необыкновенно мало. А мы хотели бы и в этом и в подобных вопросах видеть как можно меньше общих заявлений, торжественных обещаний, пышных формул и как можно больше самых простых, самых ясных решений и мер, которые бы действительно вели к миру, если уже не говорить о полном устранении опасностей войны.

В-третьих, наша программа относительно проливов состоит в полной свободе торгового мореплавания. И после того, что я сказал в предыдущей фразе, я думаю что пояснять и конкретизировать этот пункт совершенно излишне».

Программа Р.С.Ф.С.Р. относительно проливов и Константинополя являлась отречением от той политики, которую в этом вопросе проводила царская и кадетская Россия, стремившаяся к изгнанию турок из Европы и овладению Царьградом [1]. Любопытно, что даже после Октябрьской революции наши империалисты не отказывались от захватных планов насчет Константинополя. Так, Сазонов, князь Львов и Маклаков не могли придумать ничего более умного, как представить на конференцию мира от имени какого-то фантастического «русского» правительства меморандум (от 5 июля 1919 г.), в котором они потребовали передачи России мандата на администрацию проливов, равно как участия в управлении Константинополем и константинопольским портом. Конечно, этот меморандум мог вызвать лишь изумление у союзников, и французский писатель Морис Перно в своей книге «Турецкий вопрос» [2] зло высмеивает это шутовское выступление великих государственных мужей до-октябрьской России.

Что касается английских империалистов, то последние после выходки Сазонова и достойных соратников последнего могли лишь еще более укрепиться в мысли о необходимости окончательного овладения Константинополем и проливами, дабы отнять возможность у будущего русского правительства, которое, как казалось им, придет на смену большевистского, увлекаться подобными химерами, противоречащими интересам Великобритании.

Точка зрения правительства Р.С.Ф.С.Р. на вопрос о проливах также не встретила, конечно, сочувствия в английской буржуазной прессе, объявившей «свободу проливов» краеугольным камнем английской ближневосточной политики. Французская печать уже на другой день после Севрского договора разъяснила, что «свобода проливов» обозначает гегемонию в проливах того государства, которое обладает наибольшей морской силой в Средиземном море, т.-е. Англии. Понятно, что не в интересах английских империалистов было бы отказаться от «свободы проливов», обозначавшей гегемонию владычицы морей в Босфоре и Дарданеллах, а, стало быть, и во всех прилегающих водах, в том числе и на Черном море.

«Англия не позволит, чтобы ей закрывали вход в Черное море», — заявил орган Ллойд-Джорджа «Дэйли Хроникль», отвечая таким образом на наше требование о закрытии проливов для всех военных судов в мирное и в военное время. «Необходимо, — писал тот же «Дэйли Хроникль», — соглашение, предусматривающее безусловное сохранение за Англией и союзниками минимума тех завоеваний, которых они добились своей победой над Турцией. Этот минимум сводится к действительной свободе (?) про-

---

[1] Подробно о проливах см. ст. Гурко-Кряжина: «Борьба за проливы» («Новый Восток», № 2).

[2] Maurice Pernot, «La question turque», Paris. 1923.

ливов». Из этого признания мы видим, что одной из основных целей мировой войны было стремление к захвату проливов.

Еще более решительно высказались по тому же вопросу сам Ллойд-Джордж и Чемберлен. Как бы отвечая на интервью, данное тов. Лениным представителю «Обсервер», Ллойд-Джордж через несколько дней в интервью с представителями прессы заявил: «Что бы ни случилось на предстоящей конференции, мы не должны отступать от политики защиты свободы проливов. Мы не стремимся к созданию нового британского Гибралтара. Мы желаем только, чтобы Лига Наций стала хранительницей свободы проливов в интересах всех наций».

А Чемберлен, лидер коалиционных консерваторов, в своей речи, произнесенной в Бирмингаме, прибавил, что «свобода проливов явилась главной целью союзников в войне с Турцией и самым существенным результатом победы над ней», и что «в случае нужды мы подымемся с оружием в руках на защиту достигнутых результатов в интересах Британской империи, заплатившей за свободу проливов кровью своих граждан». Конечно, отстаивая принцип «свободы проливов» и высказывая свою твердую решимость защищать хотя бы с оружием в руках великое достижение мировой войны, английские империалисты доказывали необходимость соблюдения этого принципа опасностью, которой-де грозят Константинополю захватные планы Советской России. Тов. Радек цитировал уже статью главного оруженосца ллойд-джорджевской политики Сайцбодена, который, отвечая в «Дэйли Хроникль» на вопрос, почему Россия поддерживает Турцию, писал: «Ибо, что бы ни говорить о других причинах, Россия сама метит на Константинополь и думает, что будет иметь лучшие виды на захват Константинополя, если между ней и ее старым противником не будет стоять международный закон». Конечно, для предотвращения подобных коварных планов со стороны Советской России было бы в высшей степени целесообразно, с английской точки зрения, попросту превратить Константинополь в английский Гибралтар, однако, к несчастью для английских империалистов, с такой постановкой вопроса не могли согласиться сами «союзники» Англии — Италия, Франция и даже С. Штаты. С итальянской и французской точек зрения окончательное утверждение Англии в проливах обозначало бы превращение не только Черного, но и Средиземного моря в английское озеро и полную гегемонию Англии в этих водах. Кроме того, Франция совершенно не была заинтересована в полном уничтожении Турции, к чему в конечном счете повело бы безраздельное английское господство в проливах. «Англия ничего не проигрывает от крушения Турции», — пишет Морис Перно в своей недавно вышедшей книге. — «Иное положение Франции. В то время, как доля Англии в турецком государственном долге вместе с Бельгией и Голландией не превышает 15%, доля одной Франции превышает 60%, т.-е. достигает капитала в $2^1/_2$ миллиарда франков золотом».

Сверх того, Франция поместила значительные суммы — более 900 миллионов франков — в промышленные предприятия Турции, например, в шолковой промышленности в Бруссе, в табачных плантациях Compagnie des tabacs ottomans, и т. д., которые всецело принадлежат французам, в железных дорогах, например, дорогах Дамаск — Ханаан, Салоники — Константинополь, Смирна — Касаба, всецело принадлежащих французам, и в некоторых других крупных предприятиях, как «Общество выделки восточных ковров», которому принадлежала фактически монополия изготовления ковров в Смирне. Следует еще прибавить те обещания, которые дало Ангорское правительство Франции при последних соглашениях с ней в отношении новых концессий на горные, лесные, железнодорожные и т. д. предприятия.

Что касается С. Штатов, то экономические интересы последних в Малой Азии и Константинополе сильно развились с момента окончания мировой войны. Американцы учредили сотни культурно-просветительных и миссионерских школ в Малой Азии, создали здесь ремесленные школы, мастерские для выделки ковров и отправили многочисленные экспедиции в Турцию для изучения страны. Особенно усилилась экономическая роль С. Штатов в Константинополе. То, что когда то шло сюда из России, как то: пшеница, уголь, спирт, сахар, и т. д., доставляется теперь Америкой. В сентябре 1921 г. ввоз С. Штатов в Константинополь превышал 12 миллионов килограммов, ценностью в 203 миллиона пиастров, и превышал ввоз всех остальных стран, включая и Англию. Вообще американское влияние проникает ныне повсюду в Турцию, выражаясь или в непосредственных торговых связях, или в сети школьных и благотворительных учреждений, которые в конечном счете являются проводниками политического и экономического влияния С. Штатов. Понятно, что при такой заинтересованности в турецких делах и при своем твердом решении добиться участия в эксплоатации нефтяных богатств Малой Азии, С. Штаты, подобно Франции и Италии, не могли сочувствовать превращению Константинополя и проливов в английский Гибралтар, что в конечном счете повело бы к превращению всей Малой Азии в английскую колонию.

Из этого конфликта английских империалистических планов на Ближнем Востоке с интересами Италии, Франции и С. Штатов следует ли, что эти капиталистические державы могли стать на советскую точку зрения о необходимости запрещения прохода военных судов в Черное море? Конечно, нет.

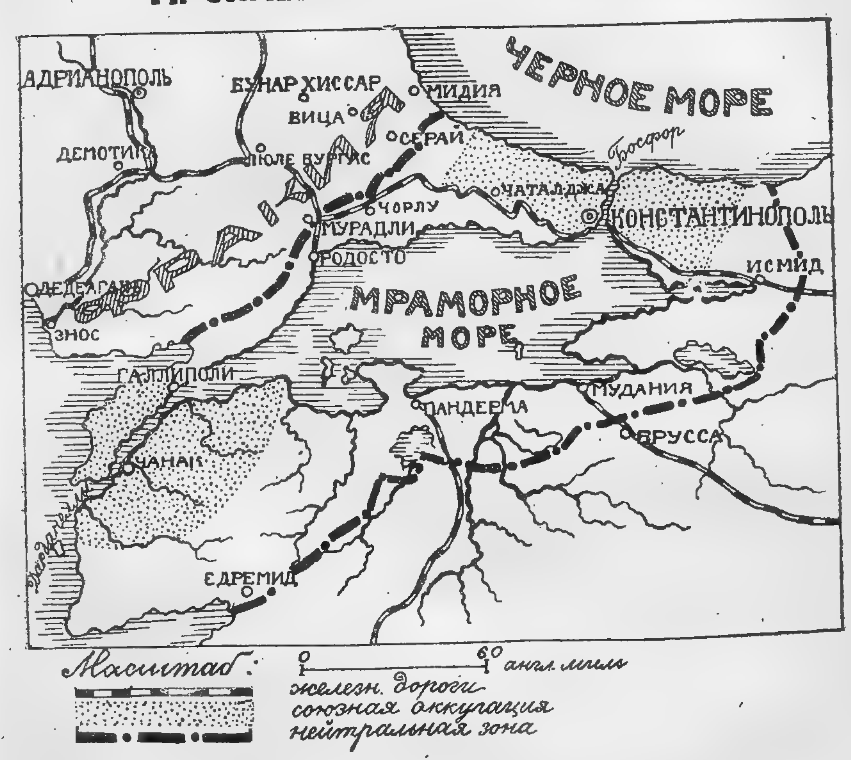
Очень удачно формулирует точку зрения мирового капитализма на этот вопрос французская реакционная газета «Эко де Пари».

«Правительства Лондона, Парижа и Рима думают, что они не должны более заграждать своему военному флоту проходы, которые существенно касаются всех политических и военных действий, развертывающихся в восточной Европе. Они полагают, что всякая опасность нападения Советской России на Польшу и Румы-

нию не уничтожена, и что опасность русско-турецкой коалиции еще не ослаблена».

«Теперь подходим ко второму вопросу. Франция, Англия и Италия, требуя прохода своих боевых судов в Черное море, посягают ли на национальные интересы России? Никоим образом, если принять во внимание, что способ регламентации, принятый союзниками, носит временный

Проливы и Восточная Фракия

характер. Что же касается России, то наша линия поведения должна быть такова: 1) сохранить некоторые меры защиты против большевистского натиска, грозящего европейскому малоустойчивому спокойствию; 2) уважать наследство России будущего, которая, в конце концов, сбросит с себя большевистскую тиранию».

Реакционная французская газета настолько уверена в непрочности большевистского режима, что предлагает установить срок в пять или шесть лет, по истечении которого можно будет пересмотреть снова вопрос о проходе военных судов в Черное море. Если большевистское правительство будет свергнуто, тогда из уважения к новому национальному правительству можно будет отказаться от точки зрения французских реакционеров, — от пункта о проходе военных судов в Черное море.

Таким образом, здесь свободный доступ военным судам капиталистических держав в Черное море рассматривается, как главное средство борьбы с большевистской опасностью, грозящей малоустойчивому, как признают сами реакционеры, порядку вещей, царящему в Европе.

В таком же духе писал о свободном проходе военных судов в Черное море известный французский писатель Рене Пинон в «Ревю де дё Монд» (15 декабря 1922 г.): «Закрыть проливы для военных судов европейских держав значит оставить Румынию под угрозой большевистских ударов без возможности для Европы притти к ней на помощь. Это значит оставить Болгарию в жертву большевистским интригам».

Но это стремление добиться свободы прохода военных судов через проливы направлено не только против Советской России, но и против Ангорской Турции, что вполне явствует из статьи известного французского писателя Говена, который писал следующее:

«Что бы ни говорили личности, занятые тем, чтобы поссорить эти две страны, Англию и Францию, как та, так и другая имеют в виду только гарантию свободы навигации. Англия имела право, во всяком случае, оспаривать предложение Великого Ангорского Собрания, по которому великие державы пользуются правом закрывать проходы по своему желанию во время войны и запретить во всякое время проход военным кораблям. Франция совершила бы предательство против своего союзника и ужасную неосторожность, поддерживая теорию, так же опасную для государств прибрежных к Черному морю, как и для государств не-прибрежных, которые не состоят в союзе ни с Советской Россией, ни с Турцией. Французы, которые основывают нашу политику на вечной дружбе с Турцией, страной с восьмимиллионным населением, немножко близоруки».

В подкрепление позиции Англии и Франции Говен ссылается на точку зрения С. Штатов в этом вопросе:

«Надо заметить, что г. Чайльд, делегат Соединенных Штатов, говорил очень решительно в пользу прохода военных кораблей. В энергичных выражениях требовал он для Соединенных Штатов права «поддерживать морские силы, достаточные для несения охраны на свободных морях, чтобы защищать своих граждан и свои корабли всюду, где бы они ни были, чтобы уничтожить пиратство и другие угрозы и чтобы в случае нужды действовать в пользу человечества, как это недавно имело место на

Востоке». В этом мы находим указание, что правительство Вашингтона решило, под давлением общественного американского мнения, выказать симпатии христианскому населению Востока».

В соответствии с этим стремлением добиться во что бы то ни стало свободного доступа военным судам в Черное море европейские державы официально вручили нашей делегации 29 января проект конвенции о проливах, в каковом проекте (см. § 2) было сказано следующее о свободе прохода и судоходства «по морю и в воздухе в проливе Дарданелл, в Мраморном море и в Босфоре, ниже включенных в общее наименование проливов».

«§ 2. Военные корабли, включая вспомогательные суда, военные транспорты, матки для воздушных кораблей и военные воздушные корабли.

а) В мирное время. Полная свобода прохода днем и ночью, каков бы ни был флаг, без всяких формальностей, сборов или пошлин, но с нижеследующими оговорками касательно совокупности сил.

Максимальная сила, которую одна держава может пропустить через проливы в направлении Черного моря, не будет превышать сил самого сильного флота прибрежных государств Черного моря, существующего в этом море в момент прохода. Однако, державы оставляют за собой право во всякое время и при всяких обстоятельствах посылать в Черное море силы, не превышающие трех судов, из которых только одно может превышать десять тысяч тонн.

На Турции не будет лежать никакой ответственности в отношении числа судов, которые проходят через проливы.

Для того, чтобы позволить исполнять это правило, проливная комиссия, предусмотренная в статье 10, будет осведомляться у каждой прибрежной державы Черного моря 1 января и 1 июля каждого года о числе броненосцев, линейных крейсеров, авиоматок, крейсеров-истребителей, подводных лодок и судов иного типа, равно как гидропланов, коими они располагают в Черном море, отделяя суда в строю от судов с сокращенной командой, судов, находящихся в резерве, починке или в перевооружении.

Комиссия проливов сообщит затем заинтересованным державам о числе броненосцев, линейных крейсеров, авиоматок, крейсеров истребителей, подводных лодок, аэропланов и, в случае надобности, единиц другого типа, из коих состоит самый сильный флот Черного моря. Кроме того, будет доводить до сведения заинтересованных держав о всяком изменении в составе этого флота, происшедшем вследствие входа или выхода одного из его судов в Черное море или из него.

Будет приниматься в соображение для исчисления морской силы, могущей пройти через проливы в Черное море, только число и типы судов, находящихся в строю.

б) В военное время при нейтралитете Турции. Полная свобода прохода днем и ночью, независимо от флага, без всяких формальностей, сборов или пошлин, с теми же ограничениями, как те, которые предусмотрены в § 2, литера а.

Однако, эти ограничения не могут быть применены к воюющей державе в ущерб ее прав воюющей стороны в Черном море.

Права и обязанности Турции, как нейтральной державы, не могут ей позволить принять какую-либо меру, могущую воспрепятствовать судоходству через проливы, воды и воздух, кои должны остаться совер-

шенно свободными в случае нейтралитета Турции на тех же началах, как в мирное время.

Военные суда и военные аэропланы воюющих не будут иметь права производить захваты, осуществлять право осмотра и производить какие-либо иные враждебные действия в проливах.

Что касается снабжения и починок, то будут соблюдаться для военных судов постановления конвенции 13, заключенной в Гааге в 1907 г. о морском нейтралитете.

Впредь до заключения международной конвенции, устанавливающей правила нейтралитета для воздушных кораблей, военные воздушные корабли будут пользоваться в проливах режимом, аналогичным тому, который предоставлен военным кораблям конвенцией 13, заключенной в Гааге в 1907 г.

в) В военное время, если Турция — воюющая сторона. Полная свобода для военных нейтральных судов без каких-либо формальностей, сборов или пошлин, но с теми же ограничениями, которые предусмотрены в параграфе 2, литера а.

Меры, подлежащие принятию Турцией для воспрепятствования неприятельским военным судам и воздушным кораблям пользоваться проливами, не должны быть таковы, чтобы помешать свободному проходу нейтральных судов и воздушных кораблей, и в этих целях Турция обязуется предоставлять сказанным судам и воздушным кораблям необходимые инструкции или лоцманов».

Особенного внимания заслуживает постановление относительно демилитаризации проливов. §§ 4, 5, 6, 7 и 8 проекта держав гласят следующее:

«§ 4. Будут демилитаризованы нижеследующие зоны и острова. Во-первых, оба берега прохода Дарданелл и Босфора на протяжении следующих зон.

Дарданеллы: на северо-западе — полуостров Галлиполи и местность на юго-восток от линии, начинающейся в пункте залива Ксерос и 4 км северо-восточнее Бакла-Бурну, кончающейся на Мраморном море у Зумбаги и проходящей к югу от Кавака (с исключением этой местности).

Босфор (без ущерба специальному режиму относительно Константинополя, см. § 8): на юго-востоке — местность между берегом и линией, нанесенной в 20 км от берега, начинающейся от мыса Эски-Стамбул напротив Тенедоса и кончающейся на Мраморном море в пункте берега, расположенном в 20 км к северу от Карабига; на восток — зона, простирающаяся вдоль линии, проведенной в 15 км от восточного берега Босфора; на запад — зона, простирающаяся до линии, проведенной в 15 км от западного берега Босфора.

Во-вторых, все острова Мраморного моря, кроме острова Эмир-Али-Адаси.

В-третьих, в Эгейском море острова Самофракия, Лемнос, Имброс, Тенедос и Кроликовы острова.

§ 5. Комиссия, состоящая из четырех членов, назначаемых правительствами Франции, Великобритании, Италии и Турции, соберется в течение 15 дней после вступления в силу настоящей конвенции для определения на месте границ зон, предусмотренных в ст. 4, п. 1. На обязанности правительств, представленных в этой комиссии, будет лежать — обеспечить вознаграждение подлежащих представителей.

Все общие расходы, вытекающие из работы комиссии, будут распределены в равных частях между представленными державами.

§ 6. С оставлением в силе особых положений ст. 8 о Константинополе не должно будет существовать в демилитаризованных зонах и островах никаких укреплений, никаких постоянных артиллерийских установок для военного воздухоплавания и никаких морских баз.

Никакая вооруженная сила не должна будет находиться в демилитаризованных зонах и островах, кроме сил полиции и жандармерии, необходимых для поддержания порядка, при чем вооружение их должно будет состоять только из револьвера, сабли, винтовки и четырех автоматических ружей на сто человек. Эти силы не должны будут иметь никакой артиллерии.

На территориальных водах демилитаризованных зон и островов не должно будет существовать никакого орудия подводного действия, кроме подводных лодок.

§ 7. Никакое орудие подводного действия, кроме подводных лодок, не может быть установлено в водах Мраморного моря.

Турецкое правительство не будет устраивать ни на европейском берегу Мраморного моря, ни в части побережья Анатолии, расположенной на восток от демилитаризованной зоны Босфора до Даридже, никаких постоянных артиллерийских и минометных батарей, могущих воспрепятствовать проходу через проливы.

§ 8. В Константинополе, включая сюда Стамбул, Перу, Галату и Скутари, равно как на Принцевых островах и близлежащих окрестностях, может содержаться гарнизон, не превышающий 12.000 человек, для надобности столицы. В Константинополе может быть содержима военная и морская база».

(Полный текст союзного проекта о проливах см. «Желтую книгу»: Conférence de Lausanne (Лозаннская конференция). Tome II, стр. 84—91.)

Ясно, в чем заключается смысл этого проекта. Фактически проливы будут находиться в руках державы, которая господствует на море, т.-е. Англии. Отметим некоторые детали, подтверждающие это заключение.

Хотя проект и ограничивает морские силы, которые каждая держава имеет право провести через проливы, все же предлагается: во-первых, что Турция не будет ответственна за соблюдение этого ограничения; во-вторых, что командующие военными судами не будут обязаны сообщать турецким властям ни количества, ни названия боевых единиц, которые войдут в проливы; в-третьих, что военные суда смогут входить в проливы в продолжение ночи.

В военное время, если Турция сохранит нейтралитет, союзный проект предписывает ей пропускать суда воюющих сторон без ограничения числа, и, стало быть, держава, господствующая на море, может всегда потребовать, чтобы проливы служили ей стратегической дорогой, а в таком случае подобная дорога быстро превращается в базу, как это показал пример греческого флота прошлым летом. Но что скажет та нация, которая, по предположению, будет находиться в войне с господствующей на море державой?

Организация режима проливов, согласно с междусоюзным проектом, отдает, конечно, Константинополь во власть сильной морской державы. Константинополь попадает всецело в зависимость от любой неожидан-

ности, так как каждую ночь неизвестные суда в неизвестном количестве могут войти в Дарданеллы и Босфор.

Осуществление этого проекта имело бы главнейшим результатом утверждение английской гегемонии в проливах, на Черном море и в Средиземных водах. Это настолько очевидно, что даже многие французские газеты сочли необходимым подвергнуть весь проект резкой критике. Так «Тан» в статье от 22 декабря писал следующее о неизбежных последствиях принятия проекта:

> «Как Россия отступила к Москве после того, как Петербург перестал быть в безопасности, так и Турция окопается в Анатолии, где она найдет свою прежнюю воинскую доблесть, и более чем когда-либо ей будет подозрительным все, что приходит с моря. И это не будет к выгоде морских держав.
>
> Что же касается России, — продолжает «Тан», — то она обладает металлургическими заводами и верфями для постройки судов, и ясно, что рано или поздно одно из возможных русских правительств предпримет постройку флота. Правда, в 1856 году, после Крымской кампании, Россия подписала договор, который ей запрещал защиту ее Черноморского побережья, но этот договор был продиктован побежденной России, и он устанавливал только полную нейтрализацию Черного моря, а вовсе не свободный вход туда иностранного флота. Кроме того, мы никогда не должны забывать, что именно под влиянием этого унижения Россия сблизилась с Пруссией, и что, по всей вероятности, войны 1866 и 1870 г.г. были бы невозможны без этого сближения. Мы не должны также забывать, что в 1871 г., после поражения Франции, Англия должна была отказаться от статей, препятствовавших России иметь флот на Черном море. А если бы во время блестящего Парижского конгресса в 1856 г. кто-нибудь предсказал гибельные последствия договора, то какие бы только обвинения ни посыпались на него со стороны персонажей, украшенных орденами. Тем не менее, этот независимый человек был бы прав, и его слова служили бы интересам всех миролюбивых наций.
>
> С нашей стороны мы горячо сожалеем, что вопрос о проливах послужил новым поводом к инциденту на Лозаннской конференции. Мы не думаем, чтобы повелительный тон лорда Керзона и внезапный отъезд английских экспертов послужил действительно на пользу Англии. В особенности мы думаем, что для Франции вовсе не полезно ни поддерживать своего рода ультиматум, который вредит ее сношениям с турками, совершенно не защищая французских интересов в Турции, ни находиться среди держав, которые отказываются рассматривать русские предложения, тогда как Франция и Россия не имеют противоположных интересов на Востоке.
>
> Если бы французская делегация в Лозанне иначе понимала свою задачу, то соображения, высказанные выше, были бы совершенно излишними, и мы бы охотно воздержались развивать их. Мы высказываем наши опасения с сожалением, но думаем, что мы не соблюли бы наш долг французов, если бы мы не высказали их. Лучше сказать правду, если она даже не может быть понята немедленно, чем сохранять поощряющее молчание, в чем придется раскаяться в будущем. Лучше вызвать по отношению к себе неприязнь, чем в будущем испытывать угрызения совести». («Тан», 22 — XII — 1922).

Некоторые французские газеты подвергли критике с военной точки зрения статут о демилитаризации зон проливов, доказывая, что на

практике запрещение возводить укрепления и держать отряды на берегах Босфор и Дарданелл не имеет-де значения. Вот как один французский военный специалист оценивал значение пунктов о демилитаризации зон проливов:

«Форты, которые Турция снесет, очень старые и не имеют никакой ценности. Очень возможно, что эта держава не воздвигнет новых постоянных укреплений на проливах, даже если бы это и было ей разрешено. Даже не принимая во внимание усовершенствований в автомобильном транспорте и в применении железных дорог, которые позволяют пользоваться тяжелой артиллерией большой силы, нужно помнить, что в настоящее время можно привозить большие пушки, калибра приблизительно в 30 сантиметров, во все пункты, где есть хорошие дороги. Нет никакой разницы между дорогой, служащей туристам для экскурсий, и дорогой, которая будет служить во время войны тракторам, везущим пушки. Нет никакой разницы между телеграфным проводом, который передает в мирное время финансовые новости или метеорологические сведения, и проводом, который потом подает сведения о результате стрельбы. В демилитаризованной зоне Турция пользуется свободой строить дороги, хорошие дороги, и даже железные дороги; ей уже ясно дано право устраивать телеграфные и оптические станции. Остается очень немного сделать в случае конфликта, чтобы иметь хорошие батареи с артиллерией на тракторах, расположенных вне демилитаризованной зоны, на расстоянии, которое может быть всегда пройдено в час или два, а может быть и меньше. Надо также заметить, что дальность полета снаряда пушек увеличивает значительно глубину зоны, откуда артиллерия может действовать на проливах, и гусеничная тяга позволяет даже поставить батареи в пунктах, где нет и дорог.

Не надо забывать, что береговые пушки не есть единственная защита против нападающего флота. Гидропланы или, лучше, большие аэропланы могут атаковать флот противника не только на 10 или 20 километров от берега, как это может пушка, но на 100 километров, бросаемые ими снаряды будут скоро достигать 500 или 1.000 килограмм. Никто не может запретить Турции устраивать воздушные порты вне демилитаризованной зоны.

Турецкий флот может оставаться в Мраморном море, в непосредственной близости Босфора и Дарданелл, которым он будет лучшей защитой, между тем как его невидимые подводные лодки будут служить серьезной угрозой для флота, который захочет войти в проливы; турецкому флоту понадобится только несколько часов, чтобы разместить мины или чтобы их предоставить течению, которое идет из Мраморного моря в Эгейское.

Чем больше думаешь об условиях демилитаризации, так долго обсуждаемых, так долго изучаемых, тем более становишься скептиком относительно их результатов».

Нельзя не видеть, что подобные аргументации о безвредности демилитаризации с точки зрения интересов Турции мало убедительны. Пусть будет, что форты, которые Турция обязуется срыть, очень старые

*

и не имеют сами по себе никакой ценности, однако, снабженные современной артиллерией, они оказались настолько действительными, что все флоты Антанты не могли во время мировой войны прорваться через проливы, и последние так и не были взяты силой, несмотря на бесчисленные жертвы союзников в безумных попытках форсировать Дарданеллы. Конечно, стране, обладающей высоко развитой промышленностью и мощной военной индустрией, было бы сравнительно легко укрепить быстро те или другие угрожаемые пункты своей береговой линии, но это неприменимо к Турции и тем более к Дарданеллам, при условии права свободного прохода военным судам других стран в любое время днем и ночью. Во всяком случае, аргументация, с которой мы только что познакомились, была бы убедительной, если бы сторонникам ее удалось доказать своим правительствам необходимость срытия всех укреплений во французском Тулоне, английском Гибралтаре, американском Панамском канале, и т. д. Но об этом французские военные специалисты даже и не заикаются. Надо думать, что все эти рассуждения насчет действительной ценности демилитаризации зон проливов имеют целью в лучшем случае подсластить пилюлю, которую преподносят туркам.

Само собой разумеется, что проект европейских держав подвергся резкой критике в Ангорском Национальном Собрании и вызвал возражения со стороны турецкой делегации на Лозаннской конференции. В одной из своих речей по поводу статута о проливах Исмет-паша сделал следующее заявление:

> «Оборона проливов обозначает в то же время защиту турецкой столицы, Мраморного моря и Восточной Фракии. Неукрепление проливов оставляет районы самые чувствительные и самые важные для Турции без малейшей защиты во власти неожиданной атаки. Ни одна из держав, присутствующих на конференции, не лишена права защищать свою столицу. Турция зато будет каждый момент рисковать увидеть свою столицу разрушенной одним ударом флота иностранного государства или занятой отрядом какого-либо государства. Понятно, что при такой возможности столица рискует сделаться театром всевозможных несчастий.
>
> Есть еще другой пункт, который я также хочу обсудить в интересах всеобщего мира. В виду стратегической важности проливов, завоевание их каким-нибудь государством Средиземного или Черного морей обеспечит последнему весьма важное преимущество с самого начала войны. Следовательно, вполне естественно, что как только будет возможность войны между прибрежными государствами Черного моря и государствами Средиземного моря, каждое из них будет стремиться наложить свою руку как можно скорее на проливы. Первый результат этого покушения вызовет внезапную войну из-за распри, которая могла бы быть иначе разрешена, не прибегая к оружию. Вторым результатом было бы вовлечение Турции в эту войну, даже если бы она не была ничем заинтересована в конфликте, в силу одного факта, что она была бы атакована. Эти соображения показывают, что положение вещей, вытекающее из демилитаризации проливов, делает иллюзорным мир между государствами Черного и Средиземного морей,

с одной стороны, и Турцией, с другой. Следовательно, необходимо, чтобы Босфор и Дарданеллы так же, как и Константинополь, не были доступны неожиданностям, идущим с материка и с моря. Эта обеспеченность может быть достигнута укреплением и способами защиты, испытанными до сего времени. Как только эти районы будут в безопасности от неожиданностей, все государства, которые нарушат международные правила, не будут иметь никакого шанса одержать мгновенный успех, и державы будут иметь возможность принять соответствующие меры» [1]).

Точка зрения Р.С.Ф.С.Р. на вопрос о проливах была на Лозаннской конференции формулирована тов. Чичериным в его речи от 8 декабря 1922 г., которую мы проводим здесь в виду ее важности в извлечении [2]). Как указано в цитируемом стенографическом отчете, опубликованном французским министерством иностранных дел, указанная речь тов. Чичерина явилась ответом на речь лорда Керзона.

Декларация Г. В. Чичерина.

8 декабря 1922 г.

«Рассмотрев со всем необходимым вниманием декларацию, которую г. председатель великобританской делегации сделал на последнем заседании первой комиссии от имени пригласивших держав, русская, украинская и грузинская делегации более чем когда-либо имеют решимость поддерживать взгляды, выраженные в декларации от 4-го декабря.

«Господин председатель британской делегации противопоставляет нашим тезисам аргументы, вытекающие будто бы из международного права и исторических интересов балканских государств, прибрежных к Черному морю. Мы рассмотрим в отдельности каждый из этих доводов.

«Что касается международного права и исторических прецедентов, то они в действительности лишь укрепляют наши тезисы. Лорд Керзон называет парадоксом то утверждение, что свобода торгового плавания в Черном море может быть обеспечена лишь в том случае, если Турция будет иметь возможность применять в деле защиты проливов все методы современной военной техники; однако, если ограничиться лишь одним примером, укажем на Панамский канал, который, будучи одним из самых важных мировых путей сообщения, является на деле укрепленным и одновременно находящимся вне международного контроля. Другой пример, это—Суэцкий канал, где, согласно международного права, должна была бы действовать международная комиссия, но последняя никогда больше не созывается.

«Таким образом, требуя свободы укрепления для проливов Босфора и Дарданелл, Россия и ее союзники лишь требуют применения принципов, которые две из великих держав, здесь представленных, применяют у себя;

---

[1]) См. Conférence de Lausanne. Tome premier, стр. 133—134. Курсив везде наш (Лозаннская конференция).

[2]) См. Conférence de Lausanne. Tome premier, стр. 135—138. Курсив везде наш (Лозаннская конференция).

правда, что Суэцкий и Панамский каналы открыты для прохода военных флотов. Но пример последней мировой войны доказал, что государства, владеющие проливами, могут применять в них режим, который является для них подходящим, не беспокоясь о том или ином правиле международного права. С другой стороны, закрытие Босфора и Дарданелл для военных флотов было признано международными конвенциями и договорами и тем самым стало законом международного права. К тому же приравнивание лордом Керзоном режима Босфора и Дарданелл к режиму других проливов не имеет оснований, так как первые из них являются, собственно говоря, не проходом между двумя открытыми морями, но входом и выходом моря, рассматриваемого многими авторами и, между прочим, бывшим министром по иностранным делам Франции, как закрытое море [1]).

«Господин председатель британской делегации озабочен нахождением для проблемы проливов постоянного и удовлетворительного разрешения. Россия, Украина и Грузия тем более озабочены этим, ибо они являются государствами прибрежными Черного моря. Предложенное нами решение не является идеальным, так как оно представляет для России и для ее союзников большие невыгоды. Обязательства, которые Россия готова добровольно взять на себя — не посылать свой флот из Черного моря в Средиземное, не иметь свободной дороги для этого же флота на Петроград и Владивосток — представляют для нее серьезные ограничения и неудобства. Если, тем не менее, Россия и ее союзники выдвигают это разрешение, то это потому, что исторический опыт доказал, что это единственное разрешение, которое удовлетворяет все интересы. Если Англия не желает видеть русский флот в Константинополе, как в 1833 г., а Россия—флот Англии в проливах, как во время Крымской войны, то русское предложение дает эту взаимную гарантию.

«Идеальное решение проблемы заключалось бы в прекращении всякого рода морских вооружений на всех морях. Но при настоящем положении единственно возможным компромиссом между противоположными интересами является закрытие суверенной Турцией проливов для военных судов.

«Нам противопоставляют также интересы торговли, которые будто бы требуют присутствия иностранных флотов. Эта старая теория является

---

[1]) Здесь Г. В. Чичерин читает выдержку из книги Габриеля Ганото «Балканская война», стр. 199:

«В действительности Черное море является мешком. Судьба его вряд ли кого-нибудь интересует, кроме прибрежных его государств. Так как Черное море — внутреннее море, его внутренний и внешний режим должен зависеть почти исключительно от воли прибрежных государств: России, Турции, Румынии, Болгарии надлежит сговориться о своих общих интересах. Примирение этих интересов не замедлит в скором времени произойти. Как конфедерация балканских народов будет располагать раньше или позже территориями полуострова, так и конфедерация Черного моря явится, вероятно, одним из решений будущего, и вопрос о проливах будет урегулирован ею, как между жителями одного дома устанавливается порядок входа в дом и ухода из него. Я не понимаю, как столь естественное и столь желательное соглашение так долго откладывается».

весьма неуместной в тот момент, когда Америка, одновременно с беспримерным увеличением своего торгового флота, взяла на себя инициативу положить конец морским вооружениям. Торговый тоннаж повсюду увеличивается, тогда как стремятся к уменьшению военных флотов. Если западные державы, посылая к нам свои торговые суда в сопровождении военных судов, желают подражать приемам, употребляемым ими в колониальных странах, они совершенно ошибаются, полагая, что Россия этому подчинится. Упорное желание этих держав усилить свой торговый флот на нашем побережье сохранением вооруженных флотов может быть лишь выражением стремления заменить право силой. Развитие торговых сношений в Черном море представляет собой для нашего народа, в десять раз более многочисленного, чем народ Румынии, жизненный интерес. Это — одна из существенных задач, которые мы ставим перед собой, тогда как приглашающие державы ссылаются на мнимые интересы торговли, в целях создания условий, которые в действительности являются подготовкой к новой блокаде России.

«Приглашающие державы противопоставляют нам также мнимые интересы Болгарии, которую они сами разоружили, и Румынии, которая в эпоху экспансионистской политики царизма никогда не возражала против этого режима. Желая создать положение вещей, которое увековечивает в Черном море беспорядок и конфликты, имеют претензию обеспечить Румынии ее спокойствие. Если державы в тот момент, когда они собираются нанести ущерб жизненным интересам России, выдвигают в качестве аргумента ссылку на мнимые интересы Румынии, эта последняя потеряет значительно больше, чем выиграет. Сделать из Румынии вторую Грецию значит оказать ей весьма плохую услугу. Россия и ее союзники, со своей стороны, совершенно чужды всякого агрессивного духа по отношению к Румынии. Мы всегда готовы тщательно рассмотреть совместно с Румынией всевозможные средства для прекращения какого бы то ни было разногласия между нами.

«Г. председатель британской делегации был совершенно прав, когда говорил, что *в вопросе о проливах бывшая роль России и западных держав сегодня перевернута*. Если наши предшественники старого режима, Извольский и его приспешники, стремились открыть русскому флоту выход из проливов, то это было в целях экспансионистских и агрессивных, это имело целью угрожать миру и безопасности других стран. *Закрытие проливов для военных судов являлось плотиной, которую западные державы противопоставляли этим вожделениям.* В настоящее время роли перевернуты; отказавшись от агрессивных целей, *новая Россия желает сохранить плотину против нападений других, и та же Великобритания, которая когда-то стремилась защитить этой плотиной свою мировую мощь, желает сегодня воспользоваться кратковременным ослаблением России и устранить эту старую*

плотину проливов, которая является препятствием, мешающим Англии воспользоваться этим временным ослаблением России.

«Мир не укрепляют, когда нагромождают военные силы, как в этом столь часто упрекали Бисмарка. Мир укрепляют, когда разделяют враждебные силы. Плотина, которую мы желаем воссоздать, основывается на том же принципе, который, согласно мнению всех правителей Великобритании — либералов, консерваторов, коалиционистов — и согласно взглядам многих государственных людей других стран Антанты, защищался этими странами во время великой войны, — на принципе национальности. Разве этот принцип был провозглашен для того, чтобы от него отказались, когда дело идет о героическом турецком народе? Система, которую нам противопоставляют, всецело направлена против этого же принципа в отношении России и ее союзников.

«Эта система может быть определена следующим образом: как связать Россию и как организовать войну в проливах. Сохранение в Черном море, согласно этой системы, превосходных сил неприязненных государств не является средством примирения с Россией; в этом выражается желание терроризовать Россию, но она не подчинится. Что же касается режима, который хотят утвердить в проливах, это — организация не мира, но войны. Силы каждой державы, которые оставляют в Черном море, не будут превосходить силы самого сильного флота прибрежных держав. Флоты приглашающих держав будут, таким образом, если взять их всех вместе, в три раза сильнее самого сильного флота прибрежных держав. Державы, которые говорят в этом зале, как и во многих других, выступая единодушно, будут иметь, следовательно, в Черном море подавляющее превосходство. Если прибрежные державы сговорятся о демилитаризации своих морских сил, всякая посторонняя держава, однако, сможет содержать в Черном море три судна, из которых одно только сможет иметь тоннаж, превышающий 10.000 тонн. Если из этих судов два будут иметь 10.000 тонн и третий 30.000 тонн, каждая посторонняя держава будет содержать в Черном море флот в 50.000 тонн, в то время как прибрежные державы будут совершенно обезоружены на море. Странный способ благоприятствования морскому разоружению. В военное время, если Турция будет нейтральна, нападающие на Россию державы могут вводить свои флоты в Черное море без какого бы то ни было ограничения. Турция, будучи разоружена в проливах, будет поневоле игрушкой в руках этих держав.

«Проект демилитаризации проливов предусматривает, что Турция во время войны может вносить изменения в этот режим. Но как превратить сразу демилитаризованную зону в зону защищенную? Турции запрещается подготовлять оборону берегов проливов. Во всей области, соседней с проливами и с Мраморным морем, никакая железная дорога, никакое шоссе не могут быть построены, так как они могут служить к перевозке военного снаряжения. Контрольная комиссия, которая будет наблюдать за разоружением, сможет вмешиваться в местные дела, так как от нее

будет зависеть толкование положений о разоружении. Турецкий флот, если он будет проходить через проливы, не сможет даже останавливаться в своей собственной стране. С другой стороны, если Турция будет воевать, она будет принуждена предоставить полную свободу прохода нейтральным военным судам, и это внесет неописуемый беспорядок в ее средства обороны. Это конец независимости Турции. Режим, предложенный для Черного моря, неприемлем для России, и в то же время свободная и суверенная Турция, самостоятельность и независимость которой режим, предложенный для проливов, делает невозможными, является, по нашему мнению, столь же необходимым элементом мира, как в сердце Европы нейтральная Швейцария или как Бельгия.

«Порвав с политикой наших предшественников, мы еще не ищем укрытия для подготовки нападения на других, как это инсинуировали по отношению к нам. Наш Черноморский флот исключительно оборонительный. Проливы должны быть закрыты для нас, как и для других. Мы желаем установить прочное положение вещей. Это является частью установления всемирного прочного положения вещей, которому мы желаем содействовать. Не будет прочного положения вещей без содействия России. Для России и ее союзников должна быть обеспечена возможность развиваться свободно и без помех. Для этого проливы должны быть закрыты для военных судов, и, таким образом, соперники должны быть разделены; как основание этой системы, полная свобода и суверенитет Турции должны быть сохранены».

В другой своей речи на заседании проливной комиссии от 19/II тов. Чичерин сказал, между прочим, следующее:

«В своих основных чертах проект, представленный приглашающими державами, является вопиющим нарушением безопасности России и ее союзников, нарушением независимости суверенитета Турции и нарушением интересов всеобщего мира.

«Я глубоко огорчен необходимостью констатировать, равным образом, что во всех замечаниях первого британского делегата по поводу турецкого контр-проекта и во всех возражениях союзных экспертов господствует одна основная мысль: вся их забота направлена к тому, чтобы сделать невозможным всякий контроль военного мореплавания. Они даже не соглашаются на турецкую просьбу о гарнизоне в Галлиполи. Таким путем они совершенно разоружают Дарданеллы. Разве после этого важна небольшая уступка, которую они сделали по отношению к азиатскому берегу Мраморного моря? Эти так называемые уступки имеют ничтожное значение. В действительности вход в Константинополь открыт, как и вход в Черное море. Первый британский делегат не нашел возможности образовать блок из всех держав для ограничения флотов, но разве не является обычным фактором установление величины контингентов для различных держав? Все эти декларации (лорда Керзона) преследуют одну цель—сделать невозможной защиту проливов и Константинополя и подставить Россию под удары крупных флотов.

«Первый британский делегат хочет представить Россию и ее союзников, как изолированных. Но мы имеем мощного союзника, это — плательщики налогов во всех странах. Это — наш союзник завтрашнего дня, он поймет, что система, которую хотят применить сегодня для увеличения сфер морских действий, система увеличения морских сил, система создания угроз против России, поведет к увеличению расходов и крупных лишений для масс. Крупные течения общественного мнения создаются плательщиками налогов, которые ныне требуют разоружения и бережливости и которые завтра обеспечат успех точке зрения, защищаемой здесь Россией и ее союзниками» [1]).

5. Уступчивость Турции в вопросе о проливах. — Проблема проливов в будущем.

Как мы видим, председатель турецкой делегации на Лозаннской конференции Исмет-паша в своих речах доказывал, — не расходясь в этом отношении с тов. Чичериным, — насколько свободный доступ военным судам иностранных государств в проливы грозит безопасности Константинополя и противоречит интересам Турции, как независимого государства. Однако, *турецкая делегация быстро пошла на уступки Антанте в вопросе о проходе военных судов через проливы и не обнаружила в защите своей точки зрения на этот вопрос того упорства и энергии, которые были проявлены ею в вопросе о национальных меньшинствах, капитуляциях и экономических отношениях с Западом и т. д.* Как объяснить эту странную уступчивость турецкой делегации в вопросе, столь важном с точки зрения защиты независимости Турции?

Еще при мартовских переговорах 1922 г. Антанты с Константинополем и Ангорой, когда проектировалась восточная конференция, Константинополь соглашался на открытие проливов и их демилитаризацию, Ангора же решительно отвергла уступки в этом вопросе. *Но уже в начале сентября, за две недели до Муданской конференции, Мустафа-Кемаль в своем интервью, напечатанном в «Дэйли Мэл», говорит о согласии Турции на открытие проливов для военных судов.* Итак, был какой-то момент в средине 1922 г.,—как раз в период охлаждения, связанного с отъездом Али-Фуада из Москвы, — когда Турция решилась купить мир с Антантой этой важнейшей из уступок — открытием проливов для военных судов, т.-е. закреплением этой величайшей победы английского империализма на Востоке. Крайняя уступчивость турецкой делегации на Лозаннской конференции по столь жизненному для Турции

---

[1]) См. цитируемый выше стенографический отчет Лозаннской конференции, стр. 227—228. Курсив везде наш.

вопросу объясняется тем, что турки, очевидно, были связаны каким-то соглашением.

Заметим, что на Парижском совещании (Керзон, Пуанкаре, Сфорца) был принят меморандум от 23 сентября от имени Англии, Франции и Италии, в котором было указано, что предварительным условием созыва Лозаннской конференции является согласие Турции на открытие проливов. Очевидно, уже тогда было известно, что в этом вопросе Турция уступит.

Открытие проливов является крупнейшей победой Англии, а потому и большим поражением Турции. В самом деле, открытие проливов для военных судов делает Англию, владычицу морей, полным хозяином в Босфоре и Дарданеллах и настолько противоречит элементарным интересам безопасности Константинополя, что совершенно ясно, что длительное согласие Турции на эту систему исключено. Даже французский «Тан» указывал, что система Керзона создает ирредентизм, а потому и объективную почву для будущего русско-турецкого союза, столь неприязненного европейским державам и, прежде всего, Англии.

Открытие проливов бьет по элементарным интересам безопасности Турции. Советская точка зрения на вопрос о проливах, так ярко изложенная тов. Чичериным на Лозаннской конференции, единственная, отвечающая интересам Турции, и потому нельзя сомневаться, что вместе с ростом национального самосознания в Турции неизбежна решительная борьба против уступок, сделанных Антанте в вопросе о проливах, и неизбежно образование единого фронта с Россией на базе программы, формулированной нашей печатью и нашими официальными представителями как до Лозаннской, так и на самой Лозаннской конференции.

6. Национальный и экономический вопрос на Лозаннской конференции.

Вопросы, обсуждавшиеся на Лозаннской конференции, рассматривались тремя комиссиями: 1) комиссией по вопросам территориальным и военным — режим проливов; 2) комиссией о режиме иностранцев в Турции и национальных меньшинствах; 3) комиссией по финансовым и экономическим вопросам: порты и железные дороги, санитарные вопросы.

Мы остановились более или менее обстоятельно на вопросе о проливах, как он был поставлен на Лозаннской конференции. К сожалению, мы не в состоянии в данном случае с желательной подробностью остановиться на других важнейших вопросах, по которым приняты те или другие решения на конференции. Достаточно сказать, что в одних только цитированных выше обеих «Желтых книгах» о Лозаннской конференции, опубликованных французским министерством иностранных дел и полученных нами недавно, содержится около 800 страниц большого формата, принятого для этого рода официальных изданий. Само собой разумеется, что тщательное изучение всех документов по национальным и экономическим вопросам, обсуждавшимся на конференции, потребует немало

времени и вызывает необходимость в специальных работах по этим вопросам, от того или другого разрешения которых зависит судьба Турции. Мы надеемся в ближайшем времени посвятить отдельный труд этим вопросам, пока же ограничимся некоторыми основными выводами.

Полный текст мирного договора был вручен в официальном порядке туркам 29-го января. Этот текст занимает в «Желтой книге» целых 80 страниц (см. том первый, стр. 347 — 425) и состоит из 160 параграфов.

В союзнический проект мирного договора были включены пункты, являющиеся решением многих вопросов, не обсуждавшихся на Лозаннской конференции. Решения эти приноровлены к Севрскому договору в духе, явно неблагоприятном для Турции, и включают: окончательный отказ Турции от Додеканеза, Египта, Судана, признание Турцией английской аннексии Кипра, аннулирование привилегий для триполитанских турок, предусмотренных по договору 1912 года в Уши. Далее имеется статья, фактически означающая, что Турция должна признать мандаты Лиги Наций на принадлежавшие ранее Турции территории. Надо принять во внимание, что совсем недавно Исмет-паша заявил, что Турция не признает мандатов.

Что касается границ, то союзнический проект оставляет Карагач за Грецией и предусматривает арбитраж Лиги Нации в вопросе о Моссуле. Вместе с тем союзники добиваются от турок признания договоров Версальского, договора в Нейи и других. При этом проект не содержит никаких политических гарантий неприкосновенности нейтральных и демилитаризованных зон и границ во Фракии, несмотря на настояния в этом отношении со стороны турецкой делегации в заседании комиссии. Проект хочет навязать Турции решения многократно отвергавшиеся турецкой делегацией в течение дебатов, и несовместимые с турецкой независимостью и суверенитетом. Союзники добивались от Турции учреждения, сроком, по крайней мере, на 5 лет, корпуса иностранных юридических советников, которые должны иметься при каждом трибунале, в первую очередь при трибуналах Константинополя, Смирны, Самсуна и Аданы, а также при апелляционном и кассационном суде. Эти трибуналы должны являться единственно компетентными судебными учреждениями по всем делам иностранцев, касающимся суммы свыше 50 турецких лир, а также по уголовным делам, если в них замешаны иностранцы, давно проживающие в Турции.

Соглашаясь в принципе с точкой зрения Турции, что оттоманский долг должен распределяться между странами-наследниками Оттоманской империи, проект союзников в то же время окончательное решение этого вопроса ставил в зависимость от согласия на это кредиторов, что делает это решение иллюзорным. Проект требует, чтобы урегулирование всех законов, относящихся к оттоманскому долгу, содержалось в самом мирном договоре, тогда как турецкая делегация настаивала на том, чтобы этот вопрос был разрешен особой декларацией, с мирным договором не связанной. Проект предусматривает уплату Турцией 15 миллионов турец-

ких лир золотом, в качестве возмещения за военные убытки иностранцев. Наконец, проект восстанавливает в общей форме все контракты между Турцией и иностранными подданными, заключенные до 1918 года, и требует восстановления старых концессий, предусматривая лишь их приспособление к новым экономическим условиям. Это требование союзников находится в открытом противоречии с формальными декларациями Ангорского правительства, опубликованными в октябре 1922 г., содержание которых сводилось к аннулированию всех договоров Константинопольского правительства.

В проекте оставались лишь те уступки, которые союзники вынуждены были сделать туркам в вопросе о проливах и меньшинствах, благодаря присутствию на конференции России.

Мы уже отметили, что, не обнаружив никакой силы сопротивления в вопросе о проливах, оправдывая свою уступчивость необходимостью передышки,—это, дескать, есть новый Брест,—турки одновременно проявили громадную силу сопротивления по вопросам о меньшинствах, капитуляциях и экономических отношениях с Западом. В вопросах о меньшинствах союзники сделали серьезнейшие уступки Турции, хотя они отказались третировать последнюю, как равноправную державу. Разрыв произошел по вопросам юридическим и экономическим.

Надо заметить, что в вопросах о меньшинствах и капитуляциях турки боролись очень энергично, и здесь единство фронта с Россией не мало содействовало успеху турок. Между прочим, европейская пресса подчеркивала, что с момента прибытия Чичерина сопротивление турок требованиям Антанты особенно усилилось.

По вопросу о меньшинствах Лозаннская комиссия настаивала на определении понятия национального меньшинства по расовым, религиозным и лингвистическим признаком, стремясь включить в национальные меньшинства также арабов и курдов. Турки согласились трактовать, как национальные меньшинства, лишь немусульманские элементы (minorités non musulmanes) и добились признания своей точки зрения. Таким образом, курды и арабы исключены из договоров. Далее, по отношению к христианским меньшинствам Антанта отказалась от своего притязания поставить эти меньшинства под свой специальный надзор, от посылки особых верховных уполномоченных. Турция согласилась лишь примириться с тем положением, в каком находятся все другие государства, имеющие договоры о меньшинствах (Польша, Чехо-Словакия, Юго-Славия, и т. д.).

По армянскому вопросу союзники отказались от требования создания «национального очага» для армян в Турции.

По греческому вопросу союзники согласились на принудительный обмен всего греческого населения Турции (за исключением Константинополя) на мусульманское насе-

ление Греции. Таким образом, все турецкие граждане греческого происхождения изгоняются и обмениваются на мусульманское население Греции. Это страшный удар панэллинизму.

Греческий патриарх лишается всяких атрибутов и перестает быть главой администрации греческих школ, судов, и т. д.

Все эти победы турецкой дипломатии на Лозаннской конференции были вырваны после вступления французов в Рур.

Гораздо труднее была борьба в экономических и юридических вопросах. В экономических вопросах была особенно заинтересована Франция, вложившая громадные капиталы в турецкие железные дороги, порты, и т. д. и потому не желавшая отказаться от своих концессий, от капитуляций, и т. д. Наоборот, в вопросе о меньшинствах Франция обнаруживала уступчивость. Большая часть французских газет придерживалась в этом вопросе точки зрения корреспондента «Тан» Эрбетта, который писал следующее: «Франция не может допустить, чтобы под предлогом защиты национальных меньшинств делались попытки превратить эти меньшинства в агентов иностранной политики, которая стремится расчленить или поработить Турцию. Керзон в своей речи требовал создания «очага для армян» по соседству с кавказскими нефтяными источниками и учреждения контрольной комиссии в Константинополе — центральном пункте проливов. Нам бы не понадобилось прибегать к историческим воспоминаниям, если бы французская делегация выказала в Лозанне немного более гибкости, чем было проявлено в Лондоне» (курсив наш).

Общность интересов Франции и Англии в вопросе о капитуляциях затрудняла борьбу за отмену последних. Неприкосновенность капитуляций отстаивали и С. Штаты. Но в этом вопросе турки упорно держались непримиримой позиции и, не соглашаясь на внесение каких-либо коррективов в режим капитуляций, требовали полной отмены последних.

По вопросу об иностранцах союзники требовали для последних различных привилегий, но, в конце концов, отказались от многих своих претензий, за исключением освобождения своих подданных в Турции от принудительных займов и поборов военного характера. Турки в вопросе об иностранцах настаивали на следующих пунктах: 1) иностранцам не должно быть предоставляемо право свободного доступа в Турцию; 2) иностранцы, за исключением тех, которые ныне уже проживают в Турции, не имеют права заниматься в Турции свободными профессиями (адвокатурой, медицинской практикой, и т. д.); 3) право иностранцев на покупку недвижимого имущества в Турции должно быть ограничено лишь территорией больших городов.

В вопросе об иностранцах турки вполне основательно требовали взаимности.

Мы указали выше, что союзнический проект (в §§ 71 — 117) восстановлял в общей форме все контракты между Турцией и иностранными подданными, заключенные до октября 1918 г., и требовал восстановления старых концессий, предусматривая лишь их приспособление к новым

экономическим условиям. Турки потребовали выделения статей 71 — 117 и предложили союзникам вступить в отдельные переговоры по этим статьям. Турки желали оставить за собой право аннулировать все контракты и концессии, подписанные прежде. Заметим, что статьи 71 — 117 подтверждали не только старые концессии, но и те, о которых только велись переговоры, и этим самым подтверждалась концессия «Тёркиш Питролиём», в которой заинтересован Керзон.

Теперь турки дают эту последнюю концессию американскому адмиралу Честеру. Эта концессия распространяется на территории, по которым проходят французские и английские железные дороги, и захватывает наиболее богатую часть Моссульского района (Керкук, Сулеймание), на которую претендует «Тёркиш Питролиём К°».

Вообще вопрос о моссульской нефти сыграл видную роль на Лозаннской конференции, хотя о нефти в официальных речах ничего не говорилось. «Только потому, что Англия желает сохранить нефть Моссульского района, союзники препятствуют счастливому окончанию Лозаннской конференции», — объясняет «Матэн» все затруднения конференции (29/XII — 1922 г.). Исмет-паша заявил специальному корреспонденту «Матэн» Жюлю Зауервейну: «Кризис, переживаемый конференцией, не имел бы места, если бы мы уступили англичанам в Моссульском вопросе, т. е. в вопросе о нефти. Вопрос о Моссуле, поставленный чрезвычайно грубо, придал переговорам почти трагический характер. Британская делегация, которая отлично видела, что невозможно никакое соглашение относительно уступки территории Моссула, старается перенести переговоры на другую почву, чтобы иметь на своей стороне державы, если разрыв станет неизбежным. Моссульский вопрос можно охарактеризовать в нескольких словах. Англичане нам сначала заявили, что они дали обещание уступить Моссул арабам. Мы же им доказали, что арабы не составляют даже одной десятой населения Моссульского вилайета. Затем нам пытались доказать, что Моссул составляет географическую часть Месопотамии[1]). Мы же, наоборот, показали, что Моссульский вилайет составляет одно целое с Анатолией. Наконец, англичане, за недостатком аргумента, прибегли к сомнительному способу. Они заявили, что Моссул был занят победоносными войсками, и что его территория принадлежит им по праву завоевателя. Допустим на момент этот аргумент, хотя, конечно, с точки зрения права он имеет слишком малую ценность. На их аргумент я ответил, что все это не соответствует действительности, и что англичане заняли Моссул спустя много недель после заключения перемирия и не встретили решительно никакого сопротивления, точно так же, как они заняли Константинополь, и как они при помощи своих союзников греков заняли Смирну».

---

[1]) Подробно о Месопотамии и борьбе за эту часть Малой Азии см. В. А. Кряжин, «Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке (Сирия и Палестина, Киликия, Месопотамия и Египет)». Москва, 1923. Издание Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения.

В вопросе о Моссуле Турция проявляет необычайную твердость. Ангорское Национальное Собрание постановило отклонить Лозаннский договор, пока не будет разрешен Моссульский вопрос, т.-е. вопрос о моссульской нефти.

Как известно, Лозаннская конференция закончилась разрывом. На пленарном заседании Лозаннской конференции от 3. февраля турки, несмотря на самые энергичные настояния Англии, Франции и Италии, отказались подписать мирный договор, спроектированный союзниками. Как формулирует французский посол Бомпар, делегат на Лозаннской конференции, в своем докладе президенту совета и министру иностранных дел Пуанкаре[1]), турецкая делегация согласилась подписать конвенцию о проливах (свободный проход военных судов) и о границах Фракии, но отказалась принять статьи об экономических вопросах и юридических гарантиях, соглашаясь допустить европейских юридических советников в Турцию лишь с совещательным голосом, при чем эти советники, согласно турецкой формулировке, могут намечаться только из граждан нейтральных стран и ни в коем случае не из граждан стран, подписавших мирный договор и участвовавших на Лозаннской конференции. Как сообщает Бомпар в своем докладе, Исмет-паша в своем последнем заявлении снова подтвердил, что экономические требования, выдвинутые союзниками, обрекают Турцию на экономическое рабство, а юридические противоречат признанию турецкого суверенитета.

Как бы то ни было, Лозаннская конференция явилась крупнейшим историческим фактором. В первый раз в истории восточное государство, вчерашняя полуколония, выступает за зеленым столом против единого фронта капиталистических держав всей Европы и С. Штатов и решительно отстаивает свое право на полную независимость по целому ряду важнейших вопросов. Разрыв конференции представляет еще более крупный факт, который скажется на пробуждении национального самосознания всех восточных народов. Турция не побоялась угроз Керзона и показала это всему миру, настаивая на том, чтобы ее третировали, как равноправное государство.

Если Турция могла так стойко держаться на Лозаннской конференции, если ей удалось, не вызвав катастрофы и нападения со стороны союзников, уйти с Лозаннской конференции, это случилось благодаря бескорыстной поддержке со стороны Советской России.

Те громадные уступки, которых Турция добилась в Лозанне, были результатом единого русско-турецкого фронта. Вообще только дружественные отношения с Россией создали для Турции то крепкое дипломатическое положение, которое позволило ей столько отвоевать в Лозанне,

---

[1]) См. Livre Jaune. Tome II, Conférence de Lausanne, p. p. 126 — 129 (Желтая книга, т. II. Лозаннская конференция).

позволило затем безнаказанно порвать с Антантой и позволяет дальше держаться твердой линии. Если бы Турция лишилась дружественных отношений с Россией, она оказалась бы целиком в руках Антанты.

7. Национальный вопрос и будущее Турции.

Устойчивость Турции, как независимого, суверенного государства, возможность ее дальнейшего развития будет зависеть в первую голову от двух элементов: от сохранения ее дружественных отношений с Советской Россией, во-первых, и от разрешения национального вопроса—во вторых. Если Советская Россия, атакованная со всех сторон, сумела победить Колчака и Деникина, Юденича и Врангеля и сбросить в море экспедиционные отряды англичан, французов, американцев, японцев, и т. д., то случилось это не в малой степени благодаря поддержке многомиллионных национальностей России, — киргизов, башкир, татар, кавказских народностей, и т. д., убедившихся в искренности национальной политики Советского правительства. Это с достаточной яркостью подчеркнуто во всей литературе и, прежде всего, в статьях т. Сталина, который, наряду с тов. Лениным, и явился главным руководителем и основоположником политики национального мира и национальной свободы в России.

До октябрьской революции Россия, подобно Турции, была в сущности больным человеком именно благодаря руссификаторской политике царизма, создавшей пропасть между царизмом и национальностями старой России, затем благодаря полу-империалистической политике меньшевиков и эс-эров, приведшей к отходу лучших элементов этих национальностей от керенщины [1].

Эта национальная политика старой России обусловила слабость 150-миллионного государства, обладающего колоссальными рессурсами (хлебом, лесами и т. д.), неисчерпаемыми подпочвенными богатствами (уголь, железо, нефть, золото, платина), в борьбе с бедной Японией, а затем с Германией и Австрией. Царская Россия всегда была «колоссом на глиняных ногах».

И новая Турция, несмотря на свои блестящие военные победы, геройский дух ее мужественного крестьянства, неисчерпаемые подпочвенные богатства, останется больным человеком, пока ей не удастся разрешить национальный вопрос. Конечно, Турция должна самым решительным образом бороться против всяких попыток со стороны отдельных национальностей искать разрешения тех или других наболевших вопросов в помощи капиталистических правительств. И чем больше будет расти национальное самосознание отдельных народностей Турции — курдов, арабов, армян, и т. д., — тем более в народных массах этих национальностей будет шириться и крепнуть убеждение, что

---

[1]) См. тезисы т. Сталина, одобренные Ц. К. партии («Правда», 24 марта 1923 г.).

всякое обращение за помощью к капиталистическим державам Европы или к правительству С. Штатов является актом предательства по отношению к собственному народу, по отношению к Турции, по отношению ко всему Востоку. Изменниками и предателями, агентами иностранного капитала, проводниками захватной политики на всем Востоке являются: армянские дашнаки, с их разбитыми мечтами о «национальном очаге» под эгидой европейских или американских хищников, стремящихся лишь к захвату кавказской нефти, железнодорожных концессий и т. д.; еврейские националисты, сионисты, стремящиеся стать проводниками английского империализма и английскими жандармами на страже Суэцкого канала; далее, многие турецкие граждане греческого происхождения, помогавшие империалистической Греции, побитому сторожевому псу Великобритании на Ближнем Востоке, и все подобные приспешники враждебных Турции государств.

Что дало грекам и армянам покровительство могучих мировых держав? Всем известна трагедия армянского народа. И греческие мечты кончаются изгнанием из Турции, изгнанием, в результате которого погибнут тысячи и тысячи несчастных людей, поверивших мошенникам европейской дипломатии, готовым за концессию на нефть и на железную дорогу отдать целые народы на поток и разграбление. Равным образом, все интриги и шашни с Англией сионистов могут кончиться катастрофой для десятков тысяч поверивших их бредням людей, новыми погромами и вторым исходом из Египта, — изгнанием из Палестины.

Недалеко то время, когда курдские, арабские, еврейские, и т. д. народные массы Турции, подобно сознательным грузинским рабочим, заклеймившим позором всех этих господ Чхенкели, обивающих пороги европейских бандитов, пригвоздят к позорному столбу и своих националистов, ищущих покровительства империалистических стран, стремящихся лишь к закабалению всей Турции, превращению последней во второе Марокко или Индию. Но чем сильнее будет итти этот процесс отвержения народными массами своих вчерашних вождей, наемных агентов международного капитала и проводников иностранной захватной политики, тем более будет расти стремление к истинному самоопределению на основах полного национального равноправия и добровольности. Турция перестанет быть больным человеком и будет существовать, как единое многонациональное государство, лишь в той мере, в какой ее прогрессивным элементам, носителям будущего, удается перевернуть старые отношения между народами, подорвав старую национальную вражду, расчистить почву для сотрудничества народов и завоевать турецкому крестьянству и пролетариату доверие его инонациональных братьев не только в самой Турции, но во всей Азии и Европе. Сим победила Советская Россия; применением этой единственно разумной, единственно возможной национальной политики будет спасена и Турция.

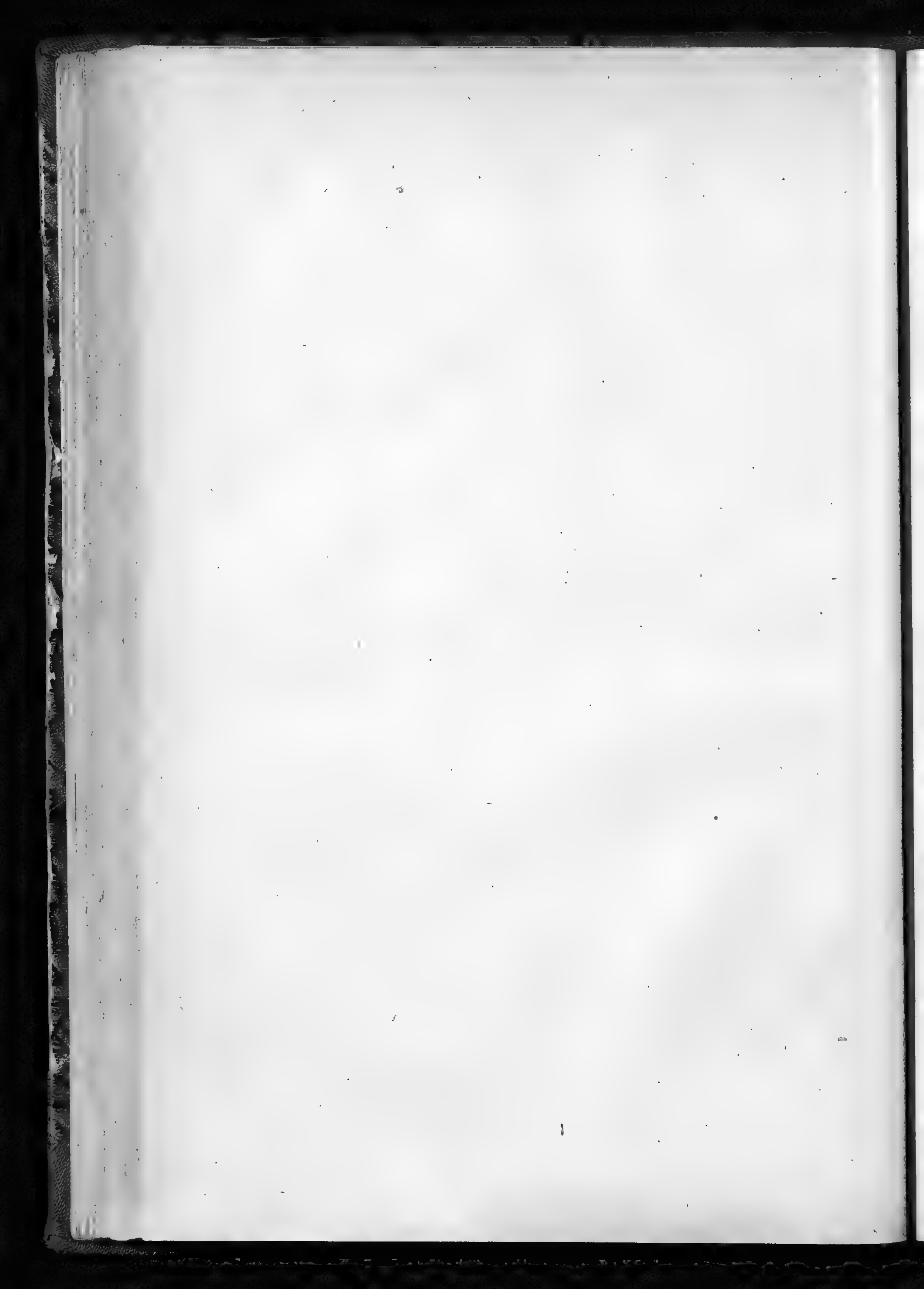
«Для империализма существенно соревнование нескольких крупных держав в стремлении к гегемонии, т.-е. к захвату земель не столько прямо для себя, сколько для ослабления противника и подрыва его гегемонии».

Ленин («Империализм, как новейший этап капитализма»).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БОРЬБА ЗА АФРИКУ

*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Трагедия Черного континента.

1. Цивилизация и «дикие» племена.

Африканский континент безусловно является по судьбе, выпавшей на долю его населения в течение последних столетий, самой несчастной частью света. В течение многих веков цивилизованная и христианская Европа охотились в Африке за так называемым «черным деревом», попросту за чернокожими, которых европейские капиталисты вывозили в Новый Свет для принудительной работы на положении невольников в плантациях сахарного тростника, кофе, хлопчатника в Америке. Миллионы негров преждевременно погибли в результате ужасов этого рабства, но эта торговля черным деревом доставляла такие выгоды европейским капиталистам, что первоклассные державы вели в предшествующие века друг с другом, под разными благородными принципами, войны за монополию торговли неграми, как ведут теперь войны за какую-нибудь железнодорожную концессию, обладание проливами и т. д. Так, по знаменитому Утрехтскому договору 1713 г., закончившему войну за испанское наследство, Англия получила привилегию ввозить ежегодно в течение тридцатилетия по 4.800 рабов в испанские колонии Америки [1]. Но так как до истечения этого срока испанский король Филипп V дерзновенно объявил эту привилегию уничтоженной, ссылаясь на то, что Англия ввозила контрабадным путем в испанские колонии большое количество рабов сверх определенного по Утрехтскому договору, английское правительство не сочло возможным оставить без ответа этот вероломный акт испанского правительства, нарушившего им же подписанный договор, и объявило в 1739 г. войну Испании — во имя расширения английской торговли рабами в испанских колониях.

Торговля рабами уничтожена ныне в Европе и Америке, но это не значит, что рабство уничтожено в самой Африке. Наоборот, на Черном континенте оно продолжает существовать и в течение последних десятилетий; благодаря проникновению европейского влияния вглубь

---

[1] См. Карл Маркс: «Капитал». Т. I, стр. 642. Перевод под ред. П. Струве.

Африки, с прелестями рабства ознакомились племена, не знавшие его. Правда, это рабство приняло новые формы: негров уже не вывозят для продажи в Америку; их не принуждают ударами кнута работать на плантациях за океаном; их теперь насильственно заставляют оставаться на месте. Да и какой смысл теперь вывозить негров в Новый Свет для принудительной работы на американских плантаторов, когда есть возможность эксплоатировать негров на самом Черном континенте, заставляя их добывать каучук, алмазы [1]), золото, и т. д. в пользу европейских капиталистов. В Бельгийском и Французском Конго негров принуждают доставлять государству определенное количество каучука, слоновой кости, и т. д. Каждая деревня облагается определенным натуральным налогом. Горе деревне, обнаружившей неаккуратность в выполнении этой повинности и навлекшей на себя за это «преступление» гнев высшей администрации. Власть рассматривает недоимку, как результат лени, преступных наклонностей, и посылает против провинившейся деревни карательную экспедицию. Наемные солдаты врываются в бедные хижины, жгут их, убивают мужчин, насилуют женщин, отрезают руки и ноги детям. О таких беспримерных зверствах бельгийских администраторов рассказывает бывший судья в Бельгийском Конго г. Лефран в своей книге, вышедшей за 4 года до мировой войны [2]). «Вся эта высоко-культурная деятельность короля Леопольда привела к тому,—говорит капитан Менье в своей книге «Черная Африка»,—что благодаря угнетению со стороны цивилизаторов негры постепенно возвращаются в первобытное состояние и превращаются в животных. Ни подъема материального, ни подъема морального — таков результат этой цивилизаторской деятельности, толкающей целую расу к вырождению и гибели». И капитан Менье сочувственно цитирует следующие слова английского писателя Уайта:

«Цивилизация! громкое слово в устах европейцев, старающихся прикрыть свои эгоистические планы гуманными мотивами. Какую цивилизацию ввели европейцы на Черном континенте и чем улучшили они участь своих африканских братьев?» Эти горькие слова в устах капитана Менье, профессора французской военной школы, человека умеренных взглядов, далеких от идей социализма, в достаточной мере показывают, насколько варварский образ действий европейских цивилизаторов в Африке бросается в глаза всем, кто не заинтересован по тем или другим мотивам в сокрытии истины относительно того, что представляет собой политика капиталистических государств на Черном континенте. И не только бельгийские «цивилизаторы» вырезывают, жгут, засекают до смерти несчастный «черный скот», очутившийся в их власти. Не лучше поступают с неграми и немецкие культуртрегеры (носители культуры), доказывающие, что

---

[1]) В 1913 г. было добыто в южно-африканских владениях Англии алмазов на 285 милл. франков, в немецких владениях было добыто алмазов в том же году на 54 миллиона франков.

[2]) Станислав Лефран, «Конгский режим». (Stanislas Lefranc, «Le régime congolaire)». Льеж, 1910.

в Африке, где так трудно найти домашних животных, негрское население должно играть исключительно роль «рабочего скота», и только. Многим памятны еще те разоблачения, которые были сделаны в германском рейхстаге по поводу подвигов Петерса, Велана, Аренберга, ген. Тротта и других немецких «цивилизаторов» в Германской Африке. Как в аду

КАРТА АФРИКИ
ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

живется неграм и в южно-африканских владениях «гуманной» Англии, где победители англичане и побежденные в трансваальской войне буры окончательно примирились друг с другом на почве сохранения рабства и звериной политики по отношению к негрскому населению в Южной Африке. Между тем во время этой войны либеральной Англии с маленькими рабовладельческими республиками Южной Африки многие наивные

оптимисты ждали благотворных результатов от этой кровавой войны, открывшей нынешнее XX столетие, и были уверены, что победа Англии поведет к уничтожению рабства в Трансваале и Оранжевой республике.

2. Рельсовая политика европейских государств в Африке.

С того момента, как торговля рабами и вывоз негров в Америку были запрещены, значение африканского континента, как рынка для сбыта европейских товаров, как поставщика различных «экзотических» товаров—какао, кофе, слоновой кости, каучука, и т. д.,—начинает все более и более возрастать. В то время как в 1820 г. внешняя торговля Африки едва равнялась — не считая экспорта черного дерева — 40 милл. франков, в 1872 г. она достигла уже 368 милл. фр., в 1885 — 975 милл., в 1897 г., т.-е. в конце XIX столетия, $2^1/_2$ миллиардов фр. Европейский ввоз в Африку равнялся 1.300 миллионов, а вывоз 1.200 миллионов. Из этих итогов исключены цифры, относящиеся к африканским территориям в бассейне Средиземного моря, т.-е. к Марокко, Триполи, Алжиру, Тунису и Египту. В 1900 г., в начале нынешнего столетия, внешняя торговля африканского континента — исключая упомянутые области Средиземного бассейна — превышала 3 миллиарда франков.

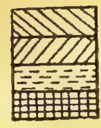
Но в течение последних двух десятилетий африканский континент начинает все более и более интересовать европейских капиталистов не столько в качестве рынка для сбыта различных европейских товаров, сколько в качестве места приложения европейских капиталов. Колонии существуют не для того, чтобы с них получать деньги, а для того, чтобы в них пристраивать деньги, — эта сущность современной европейской колониальной политики нигде не проявляется с такой яркостью, как именно на африканском континенте.

По занимаемой им поверхности (530.000 квадратных миль) африканский континент является по величине третьей частью света, уступает Азии и Америке, но зато и превосходит в три раза Европу. Одна из географических особенностей, имевших громадное влияние на социальную и экономическую историю Африки, заключается в слабом расчленении береговой линии Черного континента. Это — громадная компактная масса, в которую воды нигде не врезываются глубоко. Здесь нет ни полуостровов, ни больших заливов. Будучи, как мы сказали выше, в три раза обширнее по занимаемому ею пространству, чем Европа, Африка имеет всего 28.000 километров береговой линии, в то время, как Европа имеет 32.000. Другая особенность африканского континента заключается в том, что в то время, как в Европе реки долго служили главными путями сообщения и играют поныне колоссальную роль в передвижении товаров и человеческих масс от одной области к другой, на Черном континенте реки изобилуют порогами и в большинстве случаев совершенно непригодны для плавания. Таким образом, в Африке рельсовый путь является единственным коммуникационным путем между различными областями, единственным средством европейского внедрения в Черный континент и его

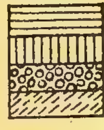
РАЗДЕЛ АФРИКИ ПОСЛЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

АНГЛИЯ
ФРАНЦИЯ
БЕЛЬГИЯ
ПОРТУГАЛИЯ

ЛИБЕРИЯ
АБИССИНИЯ
ИТАЛИЯ
ИСПАНИЯ

ГЕРМАНИЯ

колонизации. Вот почему вопрос о великих рельсовых путях играет такую важную роль в африканской политике европейских государств, вот почему каждая первоклассная держава имела накануне нынешней войны свой план грандиозного рельсового пути, который должен был пересечь всю Африку от севера до юга или от востока до запада. И совершенно правильно французский писатель Кодвелль говорит, что вся африканская политика европейских государств сводится, прежде всего, к этим проектам рельсовых путей и к борьбе за эти пути [1]).

И немецкий министр колоний Дернбург в своей докладной записке по поводу германских колоний в Африке писал:

«Жертвы, которые мы до сих пор вынуждены были приносить в находящихся под нашим протекторатом странах, только в незначительной степени связаны с экономическими интересами. Но опыт всех стран показал, что без железных дорог большие колониальные владения остаются непрочно завоеванными, экономически мало доступными».

Итак—без железных дорог нельзя обойтись; итак—современная капиталистическая колониальная политика начинается с постройки железных дорог. Выстроят одну железную дорогу, за ней последует другая, и на все это уйдут миллиарды, извлеченные путем займов из метрополии. Стало быть, прежде чем данная колония начнет поглощать всякого рода хлопчато-бумажные и другие товары, не имеющие отношения к металлургической промышленности, на сумму, составляющую хотя бы десятую часть расходов по управлению колониями, на армии, железные дороги, и т. д., металлургисты успевают нажить сотни миллионов франков на поставке рельсов, локомотивов и т. д. для данной колонии, за обладание которой метрополии приходится приплачивать ежегодно громадные суммы денег. Кроме металлургистов, наживают на колониальной политике банки, устраивающие займы на расходы, связанные с колониальными авантюрами, на «стратегические» железные дороги, военные порты и т. д.

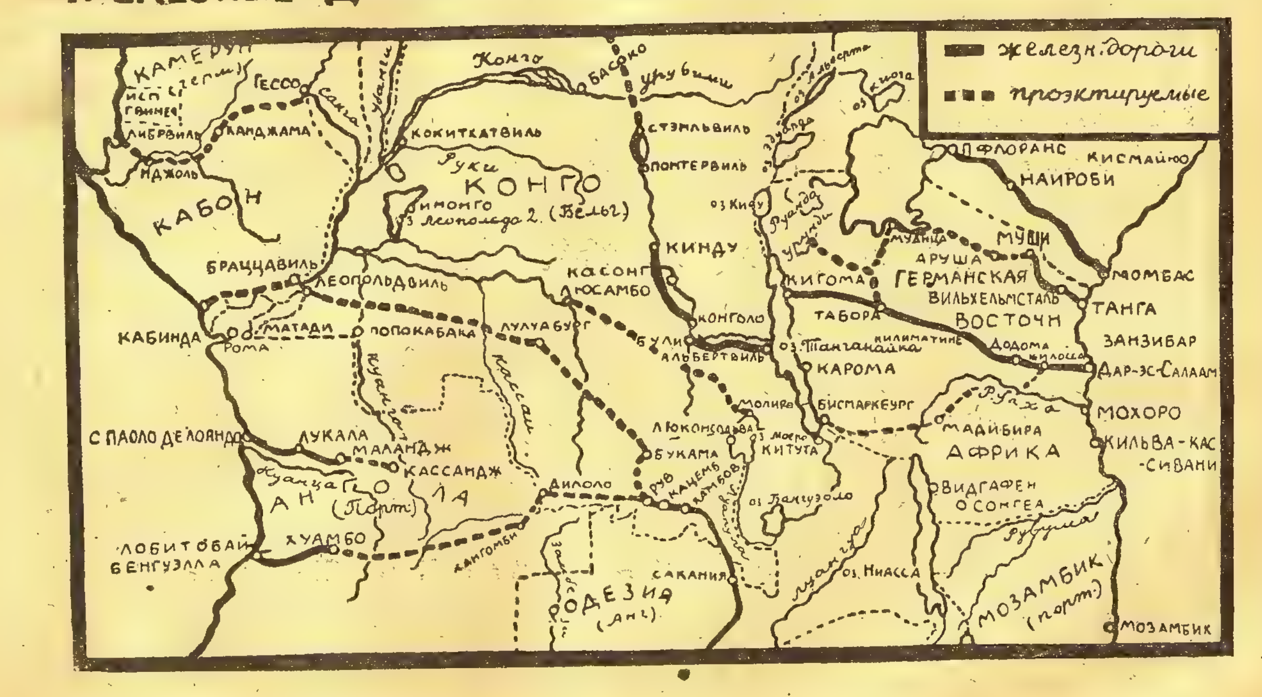
В течение последних десятилетий было выдвинуто несколько проектов грандиозных африканских рельсовых путей. Три первоклассных государства упорно боролись, начиная с последней четверти минувшего столетия до мировой войны, за господство на Черном континенте: Англия, Франция и Германия. Каждое из этих государств выдвинуло свой проект трансафриканского пути.

Наиболее грандиозный проект принадлежит, как и следовало ожидать, величайшей африканской державе — Англии. Согласно английскому проекту, на Африку должен быть наброшен железный великобританский крест, который пересечет Черный континент на всем протяжении с севера на юг, от Каира до Капштадта (10.000 кило-

---

[1]) В. Кодвелль, «Общая европейская политика в Африке» (W. Caudwell, «La politique générale européenne en Afrique»). Париж. 1912 г. См. стр. 16.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ В ЭКВАТОРИАЛЬНОЙ АФРИКЕ.

метров и с востока на запад, от Бейры до Логито-Бай, протяжением в 4.000 километров.

Этому грандиозному проекту великобританских капиталистов зажарить всю Африку на решотке из английских рельсов французские металлургисты противопоставили свой проект произвести ту же операцию, но уже с помощью французских рельсов.

Проект французской транс-африканской дороги был выдвинут известным инженером Анри Бертело, членом французского металлургического треста и инициатором грандиозной парижской подземной дороги (метрополитена). По плану Бертело транс-африканский рельсовый путь должен был начаться у Алжира, прорезать всю Сахару и Конго, пройти через богатую медью африканскую область Котангу и, сомкнувшись с английской рельсовой дорогой, дойти до Капштадта, на крайнем юге Черного континента. Этот рельсовый путь явился бы, по словам Бертело, величайшей по протяжению железнодорожной артерией в мире.

Немецкие империалисты выдвинули проект транс-африканской дороги с востока на запад. И накануне мировой войны немцы энергично вели свои железнодорожные сооружения с обеих сторон океанов. Так, в одном только Камеруне, т.-е. в своих западных африканских владениях, Германия израсходовала в 1909 — 1911 г.г. 18 миллионов марок на железные дороги. В 1913 г. бюджетная комиссия германского рейхстага приняла экстраординарный расход в 17 миллионов марок на сооружение железных дорог в Восточной Африке.

Наряду с этими тремя грандиозными проектами были выдвинуты еще два, более скромных, но все-таки крайне соблазнительных железнодорожных плана: 1) французский план транс-сахарской дороги, за который стояли группы финансистов и металлургистов, объединившихся вокруг капиталиста Поля Леруа-Болье, главного редактора журнала «Французский Экономист»; 2) итальянский проект транс-сахарской дороги от Триполи к центру Африки. Уже давно итальянская империалистическая пресса изображала Центральную Африку, как безграничную территорию, богатую несметным количеством золота, слоновой кости, страусовых перьев, невиданной растительностью, и т. д., кишащую миллионами и миллионами чернокожих, грезящих наяву о невиданных ими ситцевых, коленкоровых и других легких материях, чтобы прикрыть ими свое обнаженное, палимое тропическим солнцем тело и готовых-де за несколько аршин ткани отдать целый груз слоновой кости или слиток золота. И эта проектируемая триполийская железная дорога к Судану должна была играть в недалеком будущем роль оживленнейшего бульвара, по которому сотни и сотни поездов двигались бы вглубь Африки, привозя туда европейские товары, тысячи туристов, желающих ознакомиться с тайнами тропических лесов, и возвращаясь обратно с грузом богатств Черного континента.

Однако, уже при одном взгляде на карту африканского континента видно, с какими осложнениями было неизбежно связано осуществление

всех этих проектов. В самом деле, поперек всем этим планам первоклассных государств стоял факт существования в Африке, во-первых, ряда независимых христианских и туземных мусульманских государств, как, например, Трансвааля, Оранжевой республики, Марокко, Триполи и т. д., во-вторых, колоний второстепенных держав — Бельгии, Португалии, у которых необходимо было отнять их африканские владения, чтобы иметь

возможность осуществить грандиозные рельсовые проекты, созданные английскими, французскими, германскими империалистами.

Борьба за раздел последних остатков африканского континента сыграла, несомненно, колоссальную роль в происхождении мировой войны... В начале нынешнего столетия на африканском континенте существовали следующие самостоятельные или полунезависимые государства: Оранжевая республика, Трансвааль, Марокко, Абесиния, республика Либерия и Триполитания. Все эти государства занимали площадь

в $3^1/_2$ миллиона квадратных километров с населением в 14 миллионов душ. Вся остальная Африка, площадью в 27 миллионов квадратных километров, с населением приблизительно в 130 миллионов душ, принадлежала уже европейским государствам, при чем владения последних распределялись следующим образом:

Государства.	Квадратных км.	Численность населения.
Англия	9.535.000	58.000.000
Франция	7.700.000	27.000.000
Бельгия	2.240.000	25.000.000
Германия	2.500.000	11.000.000
Португалия	2.200.000	4.500.000
Италия	2.060.000	1.800.000
Испания	550.000	450.000.

Итак, в начале нынешнего столетия из всей африканской территории, площадью в 30.000.000 километров, с населением в 140 миллионов душ, приблизительно десятая часть оставалась незанятой европейскими государствами.

Чтобы осуществить грандиозный план транс-африканского пути от Каира до Капштадта, английским империалистам нужно было, прежде всего, покончить с независимостью бурских республик. Это было достигнуто в результате южно-африканской войны 1899—1902 г.г. Война Англии с маленькими бурскими республиками разожгла аппетиты империалистов во Франции, в Италии, в Германии и дала новый толчок интенсивному движению этих государств на Черный континент. Франция бросилась с удвоенной энергией расширять свои владения в Центральной и Западной Африке и стала подбираться к Марокко, выдвинув одновременно проект великого транс-африканского пути. Италия, имевшая, как мы видели, свой проект великого пути в богатую неисчерпаемыми сокровищами Экваториальную Африку, объявила в 1911 г. войну Турции и овладела Триполи. Таким образом, накануне мировой войны в Африке оставалось только одно независимое государство—Абесиния. Но не только владения недавно независимых африканских государств привлекали к себе жадные взоры империалистов первоклассных государств. Очень ценные территории Черного континента принадлежали второстепенным европейским государствам, как, например, Португалии и Бельгии, и это, само собой разумеется, вводило в искушение сильные державы. «Экспроприация Португалии является неотложной мерой, которая диктуется *международными интересами*», — говорил с присущим ему цинизмом в начале нынешнего столетия один из вождей английского империализма Сесиль Родс. Но и германские империалисты считали необходимым в *«международных интересах»* экспроприировать бельгийские и португальские территории и присоединить последние к владениям Германии. Само собой разумеется, что эти притязания первоклассных государств крайне обостряли и осложняли африканскую проблему, борьбу за раздел последних остатков Черного континента, и фатально

втягивали в мировой конфликт не только великие державы, но и маленькие страны, вроде Португалии и Бельгии, которые уже накануне войны стремились связаться определенными договорами с первоклассными странами, чтобы обеспечить неприкосновенность своих территорий в Африке.

3. Германские планы в Африке.

Немецкие колонии в Африке занимали по численности населения 4-ое место в ряду владений других государств на Черном континенте и значительно уступали в этом отношении бельгийским. Но уже в начале нынешнего столетия известный французский писатель по вопросам колониальной политики Жан Дарси отмечал колоссальную роль Германии во всех вопросах африканской политики и говорил: «Может быть, в данный момент нет в Африке ни одного вопроса, по поводу которого Германия не могла бы сказать своего слова, и куда мы ни оглянемся на Черном континенте, повсюду влияние Германии оказывается громадным. Идет ли речь о будущности Конго, или португальских колониях, или об англо-бурском конфликте, Германия всюду встает перед нами на первом плане, готовая навязать свою волю или отстоять свои интересы» [1].

И значение немецких колоний в Африке с каждым годом все возрастало. Внешняя торговля этих колоний поднялась с 105 милл. фр. в 1905 г. до 300 миллионов фр. в 1912 г., т.-е. утроилась. Производство каучука достигло в 1911 г. цифры 21 милл. фр., какао — 4 милл. фр., хлопка — 6 милл. фр., и т. д. Но главное значение немецких колоний, как французских, английских и т. д., заключалось не в роли экспортеров всех этих экзотических товаров, а в роли рынков, во-первых, для вывоза германских капиталов, во-вторых, фабрикатов германской металлургической индустрии.

В общем, частный капитал, работавший в германской Африке, определился накануне войны в 410 милл. марок. Этот капитал на $^3/_4$ принадлежал немецким акционерным обществам и на $^1/_4$ иностранным обществам — бельгийским, голландским, шведским, и т. д. Но так как капитал имеет интернационалистические тенденции, то неудивительно, что подобно тому, как мы видели это по отношению к багдадской дороге, в Германской Африке работал и французский капитал. Так, общество «Новый Камерун» являлось чисто французским обществом.

И подобно тому, как вся германская политика в Оттоманской империи и на Ближнем Востоке вращалась вокруг багдадского железнодорожного вопроса, являвшегося в течение последних двух десятилетий важнейшей проблемой международной рельсовой политики, одним из главных стержней германской империалистической политики в Африке сделался проект рельсового пути от восточного побережья Черного континента

---

[1]) **Жан Дарси**, «Африканское равновесие в XX веке». (Jean Darcy, «L'équilibre africain au XX siècle»). Париж. 1900 г. См. стр. 5, 6.

до западного; иначе говоря, проект транс-африканской железной дороги. И германское правительство с поразительной энергией работало над осуществлением этого проекта. В 1904 г. протяжение немецкой железнодорожной сети в Африке равнялось 479 километрам, в 1913 г. эта сеть равнялась 4.176 километрам, т.-е. увеличилась в 9 раз за десятилетие. По официальной немецкой статистике, на сооружение законченных уже железных дорог и имевших быть выстроенными в ближайшее время было израсходовано государством 300 миллионов марок. Эти сооружения поглотили большую часть колониальных займов, выпущенных до 20 июня 1914 г. Наряду с этими государственными железнодорожными предприятиями, в немецкой Африке действовали, конечно, и частные железнодорожные компании: «Восточно-африканская железнодорожная компания» и «Камерунская железнодорожная компания». Благодаря колониальным займам и деятельности частных железнодорожных компаний, немецкая рельсовая линия с поразительной быстротой врезывалась вглубь Африки. Германские капиталисты мечтали о создании грандиозной африканской немецкой империи от моря до моря, от Индийского океана до Гвинейского залива. Но для осуществления этого соблазнительного плана нужно было соединить три разрозненных куска, на которые была разбита Германская Африка накануне войны, в один цельный кусок. А этого можно было достигнуть лишь на счет других государств, лишь путем перекройки карты европейских владений в Африке, путем присоединения к Германии французских, португальских и бельгийских колоний, лежащих между ее территориями. Одним словом, нужно было или насильственно экспроприировать часть французских, бельгийских и португальских колоний, или добиться добровольной уступки этих территорий.

Начало осуществления этого плана было положено пресловутым франко-германским договором 4 ноября 1911 г. По этому договору Франция уступала в пользу назойливого соседа территорию во Французском Конго площадью в 250.000 километров. Эта уступленная французами территория открывала немцам при посредстве двух полосок земли, так называемых щупалец, доступ к Бельгийскому Конго, к которому Германия давно подбиралась. Кроме того, существуют самые серьезные основания предполагать, что по одному из тайных пунктов франко-германского договора 1911 г. *Франция без согласия на то самой Бельгии передала свое право преемственности на Бельгийское Конго Германии.*

После заключения этого договора и слепому стали ясны африканские планы Германии. Как формулировал французский министр Рибо в сенате по поводу франко-германского договора: «Германия желала получить доступ в Конго и Убанги, и она этого добилась. Она преследует политические и экономические цели: она *желает прорезать Африку великим рельсовым путем. Но мы также* можем построить великую транс-африканскую дорогу»... Накануне мировой войны Германия сделала новый шаг к осуществлению своих африканских империалистических планов. За несколько месяцев до мировой войны

Германия добилась от Англии согласия признать португальскую колонию Анголу входящей в сферу германского влияния, между тем как Германия признавала такие же права за Англией относительно Мозамбика.

Но все эти компромиссы и частичные уступки Англии, Франции, Германии друг другу не могли разрешить антагонизма империалистических планов этих великих государств в Африке. Во-первых, Германия стремилась во что бы то ни стало овладеть Бельгийским Конго и областью Катангой, изобилующей богатейшими в мире медными рудниками, перед

неисчерпаемыми сокровищами которых бледнеют, по вычислениям некоторых экономистов и в особенности Буттенбаха, даже все медные залежи в С. Штатах. Во-вторых, Германия не желала отказаться от своих притязаний на Марокко.

Поперек немецким планам относительно Бельгийского Конго и Катанги стояли два государства: во-первых, сама Бельгия, во-вторых, Великобритания. Бельгийские империалисты согласились бы скорее вступить в союз с Францией и Англией против Германии и вовлечь свою страну

в мировой конфликт, чем добровольно уступить Конго немцам. Что же касается английских империалистов, последние сами имели виды на Бельгийское Конго и не желали уступить эту важную часть африканского пирога немцам.

С другой стороны, делая различные уступки Германии в Малой Азии и Центральной Африке, французы желали добиться от немецких империалистов компенсации в виде отказа немцев от всяких притязаний на Марокко. Но Германия не желала отдать без боя Франции Марокко, эту важную африканскую область, богатую железными рудниками и расположенную на побережье Средиземного моря, этого великого торгового пути из Америки и Европы в Азию. Германия предъявила притязания на часть Марокко. Этого решительно не желали допустить ни Франция, стремившаяся овладеть всем Марокко, ни Англия, считавшая крайне опасным для сохранения мирового положения Великобритании допущение Германии к северному побережью Африки. Вопрос о Конго и Марокко сыграл громадную роль в происхождении мировой войны, и потому необходимо остановиться на происхождении этих двух вопросов более подробно.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бельгия и вопрос о Конго в мировой войне.

1. Конгское предприятие короля Леопольда—«Заморский банк».—Планы бельгийских империалистов.

Едва ли существует другая колония, изучение которой было бы так полезно для понимания экономической подоплеки империализма, как изучение современной истории Конго. Дело в том, что раньше чем сделаться «государственной» собственностью, бельгийской колонией, Конго являлось личной собственностью покойного короля Леопольда, главного акционера нескольких бельгийских банков и видного члена бельгийского металлургического треста, — треста, объединенного вокруг железо-угольной компании Угри-Марией [1]).

Происхождение государства Конго относится к 1876 г., когда знаменитый путешественник Стэнли дошел до устьев реки Конго и открыл миру тайны Экваториальной Африки. Стэнли исследовал и описал огромные, прежде неведомые территории внутри африканского материка и доказывал, что все пространство между тропиками представляет богатейшее поле для эксплоатации. Подвиги Ливингстона, Стэнли, Саворьяна Брацца и т. д. произвели сильнейшее впечатлéние в мире финансистов и металлургистов, которые увидели в этих открытиях лишь новое средство для наживы. В 1876 г. в Брюсселе была созвана по инициативе бельгийского короля Леопольда, главного акционера важнейших бельгийских банков и металлургического треста, международная географическая конференция. Председатель конференции, сам король Леопольд, обратил внимание членов конференции на великие перспективы, открывающиеся в Центральной Африке, и указал на необходимость «приобщения к цивилизации» безграничных африканских территорий. После трехдневной болтовни на общие темы, географическая конференция разошлась, вотировав резолюцию, подсунутую клевретами Леопольда и стоявшей за ним кучки металлургистов и финансистов, о создании «Международной

---

[1]) Многочисленные сталелитейные заводы и угольные копи компании Угри - Марией расположены в могучей промышленной области Льежа, металлургическая индустрия которой славится во всем мире.

*

Африканской Ассоциации» в целях приобщения Центральной Африки к «благам европейской цивилизации, прогресса, науки и человечности». Исполнительным и руководящим органом этой ассоциации являлась «Международная Комиссия», которая должна была заседать в Брюсселе и состояла из 5 членов: самого короля Леопольда и еще четырех членов, действовавших заодно с королем. Таким образом, дело приобщения Центральной Африки к благам европейской цивилизации подпало влиянию короля Леопольда, что так соответствовало планам бельгийских финансистов.

Прежде всего бельгийская финансовая и металлургическая олигархия решила завладеть Конго. В 1882 г. была образована в Брюсселе «Международная Ассоциация Конго», которая вступила в переговоры с негрскими князьками в Конго и путем подкупа добилась от многих из них отказа от своего суверенитета и передачи последнего означенной ассоциации. После этого важного успеха Международная Конгская Ассоциация стала добиваться от европейских государств признания своих территориальных и торговых прав на Конго. Однако, на почве этих бельгийских притязаний возник ряд дипломатических конфликтов и осложнений. С особенной неприязнью к притязаниям Леопольда отнеслись английские империалисты. Основное положение английской империалистической политики заключалось в том, что всякая еще незанятая или неорганизованная область земного шара принадлежит по праву Англии, и что поэтому «всякое государство, приобретающее территорию в каком бы то ни было пункте земного шаар, наносит — по выражению французского писателя Дарси — личное оскорбление английскому народу». Однако, мощь и обширность английской колониальной империи возбуждали зависть в правящих классах многих государств, и поэтому последние не прочь были поддержать короля маленькой Бельгии в пику Англии. Таким образом, когда в 1884 — 1885 г.г. состоялось собрание международной африканской конференции в Берлине, державы, участвовавшие в конференции, дали санкцию бельгийским колониальным компаниям признать Независимое Государство Конго, государем которого объявил себя бельгийский король Леопольд II.

Итак, в начале Бельгия, как государство, и бельгийское правительство не имели никаких прав на Конго. Как выразился Леопольд в своем послании 16 апреля 1885 г., «между Бельгией и Независимым Государством Конго существует только личная связь». Однако, это не помешало королю потребовать в 1889 г. у парламента кредита в 10 миллионов франков. Этот кредит был вотирован. В 1890 г. возникли новые финансовые затруднения. Касса «Независимого Конгского Государства» была пуста. Заем в 150 милл. фр., выпущенный для разных предприятий в Конго, потерпел полное фиаско; было очевидно, что новая колония не окупает расходов на ее содержание, и мало кто хотел рисковать своими капиталами, вкладывая их в конгские операции. Король попросил у парламента ссуды в 25 миллионов франков. Это вызвало сильное волнение в бельгийской прессе. Чтобы успокоить часть недоволь-

ных, король внес в парламент предложение, по которому Бельгия получает право с 1900 г. аннексировать в любой момент Независимое Государство Конго со всеми его богатствами и т. д. В то же время король представил в парламент текст своего завещания, по которому он завещал, в случае своей смерти, все свои суверенные права на Конго Бельгии. Но это предложение не встретило особенного сочувствия в бельгийской прессе. Ведь колония давала колоссальные убытки, и многие не предполагали, чтобы король из личного кошелька поддерживал свое предприятие. В 1895 г. в виду новых финансовых затруднений и необходимости в большей ссуде Леопольд II заявил, что он готов немедленно отказаться от всех своих прав на Конго и уступить последние Бельгии. Министерство приняло проект короля и внесло проект закона об аннексии Конго в палату. Но проект вызвал сильный протест в стране. Многие органы прессы, начиная от социалистических и кончая некоторыми клерикальными, начали горячую кампанию против плана присоединения Конго к Бельгии. В палате создалась сильная оппозиция, и, таким образом, последовал министерский кризис, и проект был снят с очереди.

Такое отношение не только левых элементов прессы, но и значительной части бельгийской буржуазии к колониальным авантюрам в Африке было вполне понятно. В сущности Конго, как и всякое колониальное предприятие, являлось с финансовой точки зрения крайне невыгодным предприятием, притом владение им было сопряжено с международными опасностями.

Сторонники конгского предприятия часто указывали на значение Конго в качестве рынка для бельгийской промышленности и приводили цифры, из которых явствует, что внешняя торговля Конго с каждым годом все более и более увеличивалась. Эта торговля равнялась 15 милл. фр. в 1893 г., поднялась до 72 милл. фр. в 1900 г. Европейский ввоз в бельгийское Конго в этом году равнялся 25.000.000 фр., из которых 17.000.000 приходилось на долю Бельгии. Но, как доказал известный английский писатель Морель, специалист по вопросу о Конго, главную массу товаров, ввезенных на сумму 25 милл. фр. в Конго, именно на сумму 15 милл. фр., составляли машины, телеграфная и телефонная проволока, пушки, револьверы, ружья, патроны, взрывчатые вещества, и т. д., — одним словом, предметы, в которых нуждались бельгийские чиновники и 15.000-бельгийская армия, удерживавшая в подчинении превращенное в рабство негрское население Конго, а не сами туземцы, покупавшие ежегодно товаров максимум на 10 миллионов франков. Из этой цифры на долю бельгийской вывозной промышленности приходилось едва ли более 7 милл. фр. Но что значила эта цифра 7 милл. фр. или даже 17 милл. фр. для Бельгии, общий экспорт которой за границу вычисляется в миллиардах [1]).

Итак, конгское предприятие короля Леопольда и стоявшей за ним кучки финансистов и металлургистов не сулило никакой выгоды соб-

[1]) В 1912 г. внешняя торговля Бельгии (экспорт и импорт) равнялась 8 миллиардам франков.

ственникам Конго и грозило разорить их. Сам король Леопольд вложил значительную часть своего личного имущества в Конго и рисковал потерять большие капиталы на своей авантюре. Чтобы сделать конгское предприятие выгодным делом для его организаторов и руководителей, оставалось одно средство: нужно было применить тот метод, на котором основана вся современная колониальная политика, именно, нужно было заставить Бельгию принять Конго и взять на себя расходы по содержанию этой колонии. Тогда бельгийские народные массы оплачивали бы все средства, необходимые на содержание войск в Конго, на сооружение великих и малых железнодорожных путей в этой колонии, на субсидии мореходным компаниям в Конго, на жалованье чиновникам и т. д., а все доходы получали бы финансисты и металлургисты, заинтересованные в конгских предприятиях.

Несмотря на поражение, понесенное в 1895 г. бельгийскими империалистами в парламенте в их попытке навязать Конго Бельгии, сторонники присоединения этой колонии не пали духом и продолжали свою аннексионистскую кампанию. В 1899 г. бельгийские империалисты нашли важного союзника своим планам в лице новообразованного «Заморского Банка» (Banque d'Outremer). Этот банк был создан при участии короля Леопольда и других крупнейших бельгийских финансистов и металлургистов. Как видно уже из самого названия «Заморский», принятого банком, главным полем деятельности последнего должны были служить заокеанские страны. Банк поставил своей целью концентрацию всей энергии и жизненных сил страны вокруг идеи бельгийского империализма. «Заморский банк» занял видную роль в Китае. Он принял совместно с банками первоклассных европейских государств участие в выпуске ряда китайских займов. Он взял на себя финансирование и руководство китайскими «угольными копями в Кайпинге», самыми грандиозными копями на азиатском континенте, доставлявшими ежегодно около $1^1/_2$ миллионов тонн угля, т.-е. вдвое больше, чем самые крупные угольные копи в самой Бельгии. «Заморский Банк» принимал участие также в создании различных промышленных предприятий (каучуковых плантаций и т. д.) в голландских колониях. Кроме того, в самой Европе «Заморский Банк» контролировал ряд предприятий, как, например, судостроительный завод, сооружавший специальные суда для колоний и новых стран.

«Заморский банк» находился в самых тесных связях с металлургической компанией Угри-Марией, владевшей многочисленными сталелитейными и чугуно-плавильными заводами и угольными копями в промышленной области Льежа [1]). Этот металлургический синдикат производил

---

[1]) Кроме многочисленных заводов в Бельгии, эта компания владела несколькими сталелитейными заводами в Германии (в Роданже) и во Франции (в Лонгви). Таким образом, эта «бельгийская» компания носила в известной степени «интернациональный» характер.

ежегодно от 800.000 до миллиона тонн стали. Из угольных копей, принадлежавших синдикату Угри-Марией, ежегодно извлекалось колоссальное количество угля. Общество владело крайне богатыми угольными рудниками, — так, богатство угольных копей этой компании в бассейне Брией определялось в 150 милл. тонн.

Само собой разумеется, что, будучи тесно связан с бельгийским угольно-металлургическим синдикатом, «Заморский Банк» был особенно заинтересован в присоединении Конго к Бельгии, в сооружении в этой колонии на государственный счет рельсовых путей для сбыта локомотивов, вагонов, сотен тысяч тонн рельсов, угля и т. д. Как это неоднократно подчеркивали многие бельгийские писатели, и как это, между прочим, формулировал французский сенатор Лас-Кас на заседании французского парламента, «страна, подобная Конго, имеет значение лишь постольку, поскольку она прорезана железнодорожными путями», ибо реки в этой области изобилуют порогами и несудоходны. Стало быть, для бельгийской металлургической промышленности открылось широкое поле деятельности в Конго. Значительные дивиденды сулила колония и банкам, благодаря перспективам многочисленных займов, которые можно было бы выпускать на сооружение рельсовых путей в Конго. Но все эти операции могли давать верные доходы только в случае аннексии Конго Бельгией, т.-е. в том случае, если бы бельгийский народ взял на себя все расходы по содержанию армии в Конго, по гарантии железнодорожных и других займов, обеспечив, таким образом, финасистов и металлургистов, заинтересованных в конгских делах, от всякого риска.

«Заморский Банк» взял на себя руководство кампанией в пользу аннексии Конго. Многие бельгийские газеты, только недавно осуждавшие идею присоединения Конго к Бельгии, доказывавшие всю невыгодность для бельгийского народа этого колониального приобретения, переменили роль, получив или очень выгодные объявления от бельгийского металлургического и финансового треста, или попросту взятку. И вот пресса начинает доказывать, как много выиграет Бельгия в своем международном престиже, в мировой политике, когда громадная колония в Конго, площадью в несколько миллионов километров, занимающая пространство, в 84 раза превосходящее территорию самой Бельгии, богатая каучуком, слоновой костью, какао, медными рудниками в Катанге, и т. д., войдет в состав Бельгийской империи. Вся эта аннексионистская кампания принесла плоды, и когда в августе 1908 г. законопрокт о присоединении Конго к Бельгии был поставлен на голосование бельгийского парламента, этот закон после долгих дебатов был вотирован большинством 83 голосов против 54. Против аннексии вотировали все социалисты и часть радикалов. Многие либералы, несколько лет назад резко опровергавшие идею присоединения Конго к Бельгии, вотировали ныне за законопроект. Как всегда бывает в подобных конфликтах, часть консервативной и умеренной буржуазии, относившаяся отрицательно к конгскому предприятию, не желала обострять борьбы с металлургической и финансовой олигархией, заинтересованной в Конго, чтобы не нарушать

социальной устойчивости, не колебать общественного «равновесия сил». Было очевидно, что победить сторонников аннексии можно только тесным союзом с социалистами и энергичной поддержкой кампании последних против колониальных авантюр. Но такой союз был очень опасен с точки зрения господствующих классов, ибо он мог в данный момент усилить рабочую партию, собравшую на последних выборах (1904) 325.000 голосов, и поэтому-то многие противники аннексий из буржуазных классов решили сложить оружие и примириться с неизбежным злом, тем более, что социалисты в своей агитации против капиталистического строя злоупотребляли, по мнению умеренных, «конгским вопросом» и на частичных выборах в мае 1908 г. выиграли несколько депутатских мандатов в ущерб и католикам, и либералам. Таким-то образом, аннексия, трижды отвергнутая или отсроченная в бельгийском парламенте (в 1875, 1901, 1905 г.г.), подвергшаяся несколько лет назад самой беспощадной критике на страницах многих органов бельгийской буржуазной прессы, была вотирована бельгийским парламентом и сенатом и окончательно санкционирована законом 18 октября 1908 г.

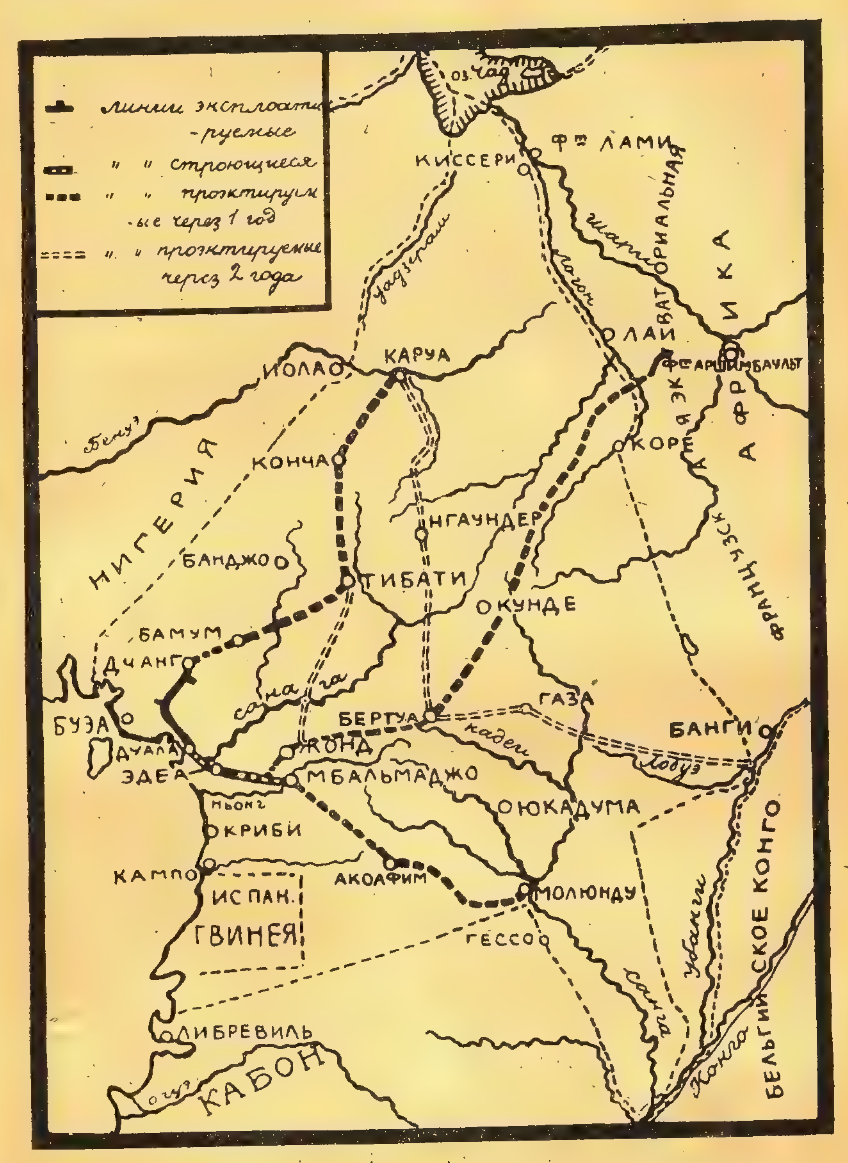
Маленькая Бельгия, вся территория которой занимает 29.000 кв. километров, получила колонию в $2^1/_2$ миллиона кв. километров и превратилась в четвертую по размерам колониальную империю, стоявшую впереди Германии.

2. Бельгия как империалистическая держава. — Конгская авантюра и ухудшение мирового положения Бельгии. — Вопрос о Конго в мировой войне.

Вотум бельгийского парламента о присоединении Конго к Бельгии санкционировал выступление нейтрального бельгийского государства на путь империалистической политики. В самом деле, пока Конго представляло собой «независимое государство», связанное лишь личной унией с Бельгией, до той поры нейтральная страна стояла вне мировых конфликтов из-за раздела Африки, и всякие осложнения на Черном континенте могли угрожать только частной собственности короля Леопольда и кучки бельгийских капиталистов, владевших Конго. После провозглашения закона 18 октября 1908 г. дело принимало иной оборот. Отныне всякое покушение на территорию Бельгийского Конго явилось бы покушением на территорию самой Бельгии, и, таким образом, маленькая страна, неприкосновенность границ которой была гарантирована великими державами, сама компрометирует идею нейтралитета и неприкосновенности своей территории, вмешиваясь в африканский конфликт и борьбу первоклассных европейских государств из-за Черного континента, — борьбу, которая могла привести и привела в конечном счете к мировой войне.

И, действительно, после принятия бельгийским парламентом законопроекта об аннексии Конго, международное положение Бельгии

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ КАМЕРУНА

ухудшается. До 1908 г. главная опасность «Независимому Государству Конго» угрожала со стороны Англии. Известно, какую лицемерную агитацию вели против Бельгийского Конго члены «английской ассоциации для реформы Конго», разоблачая все ужасы, которые совершались в этой области, забывая, однако, в период этой деятельности и шумной кампании упомянуть о тех зверствах, которыми британский империализм опозорил себя в южно-африканских колониях Англии, не говоря уже о несчастной Индии с ее чумой и голодовками. Эта кампания против бельгийских зверств в Конго имела громадный успех в Англии, и речи против порядков, царивших в «Независимом Государстве Конго», произносились не только на публичных митингах, но и в церквах представителями духовенства; наконец, тронная речь Эдуарда VII в палате лордов 29 января 1908 г. показала, что вопрос о «Независимом Государстве Конго» принимает крайне серьезный характер, и что само английское правительство официально предостерегает Леопольда II по поводу его бесчеловечной политики в отношении к туземному населению Конго.

«Мое правительство, — сказал король Эдуард VII, — испытывает сильное волнение по поводу невыносимого положения, в котором находится туземное население Конго. Единственное желание моего правительства—это увидеть, что правительство Конго честно управляет своим государством. ..»

Итак, здесь Леопольд II официально обвинялся в бесчестном отношении к своим несчастным подданным в Конго. Главная причина этой необычной щекотливости в вопросах международной политики, этого участия, принятого Англией в судьбе несчастного населения Конго, заключалась в том, что Англия сама имела виды на эту область Африки в связи со своими рельсовыми проектами. Кроме того, английские капиталисты были крайне недовольны тем, что Леопольд II фактически совершенно уничтожил свободу торговли в Конго, передав эксплоатацию богатств этой колонии нескольким десяткам компаний, которые монополизировали в своих руках добывание и вывоз различных продуктов Конго.

Однако, критикуя самым жестоким образом порядки, царившие в Конго, английская пресса и английские депутаты в парламенте неоднократно подчеркивали, что они атакуют Леопольда не как конституционного короля Бельгии, — ибо Англия питает к Бельгии самые горячие симпатии и дружбу, — а «как государя африканской области Конго, как монарха, который захватил эту область во имя принципов морали, цивилизации, а между тем ввел в этой части света такой зверский режим, подобного которому мир еще не видел» [1]).

Итак, до 1908 г. опасность со стороны Англии угрожала не самой Бельгии, а «Независимому Государству Конго», частной собственности главного международного торговца каучуком и слоновой костью, короля Леопольда, и нескольких бельгийских монопольных компаний. С 1908 г.,

---

[1]) См. речь Джорджа Паркера и других членов палаты общин на заседании 3 июня 1906 г.

ГИБРАЛТАРСКИЙ
ПРОЛИВ И
ТАНЖЕР.
ФРАНЦИЯ
ИСПАНИЯ
ПОРТУГАЛИЯ
МАРОККО
ТУНИС
ТРИПОЛИ
ТИРЕНТСКОЕ МОРЕ
ОПОРТО
ЛИССАБОН
КАДИКС
СЕВИЛЬЯ
ГИБРАЛТАР
ГИБРАЛТАРСКИЙ ПРОЛИВ
ТАНЖЕР
ЦЕУТА
ЭЛЬ-АРИШ
ФЕЦ
МАРОККО
ОРАН
АЛЖИР
КАРТАГЕНА
ВАЛЕНСИЯ
МАДРИД
САРАГОССА
БАРСЕЛОНА
ТУЛУЗА
ТУЛОН
МАРСЕЛЬ
О. МИНОРКА
О. САРДИНИЯ
О. КОРСИКА
МИЛАН
ВЕНЕЦИЯ
ФЛОРЕНЦИЯ
РИМ
НЕАПОЛЬ
ПАЛЕРМО
ЛИКАТА
КАТАНЦАРО
О. МАЛЬТА
САРАЕВО
БИСЕРТА
ТУНИС
ТРИПОЛИ
РИО ДЕ ОРО

с момента издания акта о присоединении Конго к Бельгии, тучи начинают сгущаться на самом горизонте Бельгии, при том эти тучи идут не с северо-запада, а с востока, не со стороны Англии, а со стороны Германии. И опасность начинает угрожать не только Бельгийскому Конго, но и самой Бельгии.

Великое международное значение Бельгийского Конго заключается именно в том, что оно не только отделяет северную английскую Африку от южной, но и Восточную Германскую Африку от Западной Германской Африки. До 1908 г. немецкое правительство покровительствовало «Независимому Государству Конго», защищало детище Леопольда II от английских поползновений, рассчитывая, что у Леопольда не хватит средств довести начатое дело до конца, и что, таким образом, эта обширная область попадет в руки Германии. По одному из пунктов конвенции, подписанной в 1895 г. между Леопольдом и французским правительством, право преемственности на Бельгийское Конго, в случае отказа Леопольда от этой области, принадлежало Франции. Германия надеялась добиться от Франции тем или иным путем уступки ей этого права преемственности.

После передачи Конго Бельгии немецкая империалистическая пресса круто изменяет свой тон в вопросе о Бельгийском Конго. Германские газеты, как, например, «Крестовая Газета», открыто заявляют, что отныне Германия не будет поддерживать Бельгию против Англии. Более того, германские органы печати начинают переводить на немецкий язык различные статьи, появлявшиеся в английской прессе о страшных зверствах в Бельгийском Конго, и начинают доказывать, что в интересах человечности, морали и т. д. нужно отнять у Бельгии Конго и присоединить эту область к Германии. Так, переводится на немецкий язык и распространяется в тысячах экземпляров беспощадный обвинительный акт против Независимого Государства Конго, написанный когда-то знаменитым английским романистом Конан-Дойлем. Одновременно публикуется карта условий раздела Бельгийского Конго между первоклассными державами. Одним словом, в Германии начинается анти-конгская кампания, подобная той, которая велась недавно в Англии, — кампания, имевшая целью доказать немецкому народу, что бельгийцы неспособны колонизировать Африку, и что одна Германия призвана приобщить к цивилизации несчастных негров, превращенных бельгийцами в рабов.

С особым усердием германская пресса начинает заниматься вопросом о Конго и германо-бельгийскими отношениями, начиная с пресловутого франко-германского договора 1911 г. Основываясь на конфиденциальном заявлении канцлера Кидерлен-Вехтера на заседании бюджетной комиссии рейхстага 21 января 1911 г., германская империалистическая пресса дает понять, что Франция уступила свое право преемственности на Бельгийское Конго Германии, и подчеркивает, что маленькой Бельгии не к чему владеть такой большой колонией, как Конго. На генеральном собрании Немецкого Колониального Общества в Гамбурге в июне 1911 г., состоявшемся под председательством принца Альберта Мекленбургского,

депутат рейхстага Бухрат подчеркивает — при одобрении присутствующих, — что отныне немецкие владения в бассейне Конго не отделены уже колониями крупных держав, а лишь территориями, принадлежащими маленьким государствам, что значительно облегчает немецкую задачу в Африке. Итак, теперь, чтобы соединить Камерун с Восточной Германской Африкой и осуществить план немецкой африканской империи от моря до моря и прорезать весь Черный континент с востока до запада сплошным рельсовым путем, нет нужды врываться во владения крупных государств, а достаточно экспроприировать территории, принадлежащие крошечному государству, пигмею перед германским колоссом. Естественно, что эти взгляды вызывают сильную тревогу в бельгийских империалистических кругах, и многие органы бельгийской прессы, в том числе «Географическое Движение», орган, посвященный, главным образом, защите бельгийской колониальной политики, начинают усиленную кампанию против захватных планов германского империализма на счет Конго. Но это еще более подливает масла в огонь, и германские империалисты начинают с еще бо́льшим рвением отстаивать священные права Германии экспроприировать — во имя принципов человечности, прогресса, цивилизации, наконец, в силу тайного договора с Францией — Бельгийское Конго. И бельгийские империалисты приходят к тому заключению, что единственное средство дать отпор германским притязаниям — в сближении с Францией и Англией, соперниками Германии в борьбе за мировую гегемонию.

Не ограничиваясь доказательством прав Германии на Бельгийское Конго, немецкая империалистическая пресса начинает грозить самой Бельгии и открыто отвергает принцип нейтралитета этой страны, — нейтралитета, несовместимого с захватной политикой в Африке. Как подчеркивали изо дня в день некоторые органы германской прессы, Бельгия, аннексировавшая африканскую область, из-за которой ведут между собой борьбу мировые державы, — борьбу, которая пока ведется дипломатическим путем, но может кончиться кровавой войной, — этим самым нарушила свой нейтралитет и подвергает себя всем опасностям, связанным с борьбой за раздел территории земного шара (Бернгарди). Такими аргументами германская печать подготовляет общественное мнение к перспективе нарушения бельгийского нейтралитета германскими войсками и строит юридический фундамент, на котором воздвигается право Германии напасть на соседнюю страну, жившую с Германией в мире и в общем поддерживавшую самые дружественные и доверчивые отношения с немецкой империей. С каким доверием относились даже многие представители бельгийского официального мира и бельгийской армии к германскому правительству, видно из того, что за год до войны группа немецких офицеров, приехавших в Бельгию, выразила желание осмотреть форты Льежа [1]), ей было дано такое разрешение. Однако, поведение некоторых

[1]) Как известно, Льеж был первой крепостью, на которую напали германцы, начав войну на западном фронте.

органов немецкой прессы, книги Бернгарди и других возбуждали сильное волнение в некоторых кругах Бельгии. В апреле 1913 г. на заседании бюджетной комиссии рейхстага один из представителей немецкой социал-демократической фракции, указав на поведение некоторых органов немецкой прессы, на слухи, циркулирующие в Бельгии относительно намерения Германии в случае войны с Францией нарушить нейтралитет Бельгии, потребовал от министра иностранных дел категорического заявления по этому поводу в интересах доброго имени Германии. Министр Ягов в ответ на речь социал-демократического депутата сказал: «Нейтралитет Бельгии определен международными конвенциями, и Германия решила уважать эти конвенции».

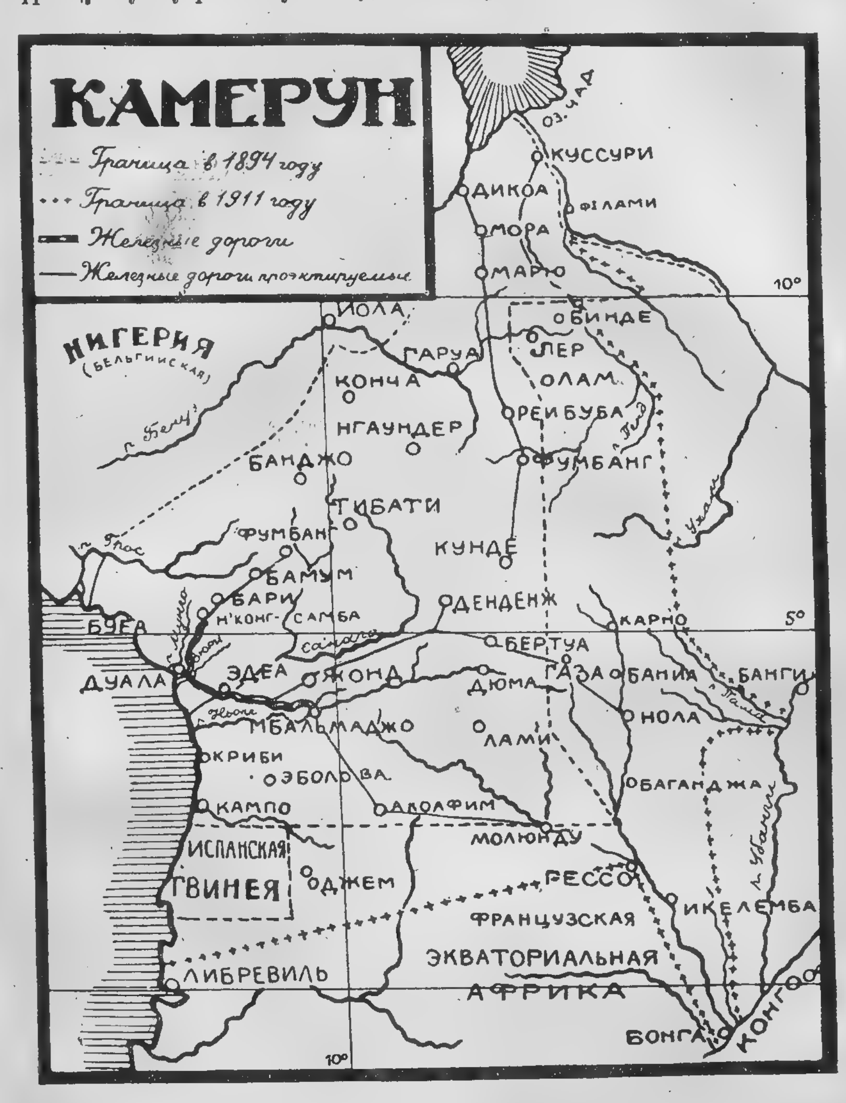
Когда один из социал-демократов, присутствовавший в качестве члена на заседании бюджетной комиссии, потребовал более ясных и категорических заявлений, заметив, что он не удовлетворен этим кратким ответом, Ягов заявил, что он не считает нужным прибавить что-нибудь к своим словам.

Едва проходит год со времени этих дебатов в бюджетной комиссии рейхстага, как Германия объявляет войну России и Франции и, нарушая подписанные ею же международные конвенции об уважении к конвенциям, о котором так лицемерно говорил Ягов в апреле 1913 г., врывается в Бельгию и предает нейтральную страну мечу и пожару.

Многие американские, французские, швейцарские и т. д. военные писатели, как, например, Рейнах, полковник Леконт и другие специалисты, ставят вопрос, не было ли нарушение бельгийского нейтралитета крупнейшей военной ошибкой со стороны германского генерального штаба. Принимая во внимание техническую неподготовленность Франции к мировой войне, по крайней мере, в первый период кампании 1914—1915 г.г., отсутствие у французов тяжелой артиллерии, недостаток снарядов в пограничных крепостях и т. д., эти военные критики утверждают, что фронтальная атака против вогезской границы, произведенная немецкой армией в начале войны с такой же энергией, с таким же колоссальным и невиданным в мировой истории числом батальонов, с таким же количеством тяжелой и средней артиллерии от пушек в 170 *мм* до пресловутых орудий в 420 *мм*, наконец, со всем этим страшным военным аппаратом, который обрушился на Бельгию в начале войны, — что подобная беспримерная по своей напряженности и силе атака, направленная против вогезской границы, дала бы Германии более положительные результаты и привела бы немецкую армию под стены Парижа гораздо раньше, чем это случилось в действительности, а это имело бы серьезные и крайне неблагоприятные для противника Германии последствия на весь дальнейший ход событий. Но немецкие генералы, говорят критики, захотели маневрировать, и в результате Жоффр подвел их под свой «маневр» и победил в исторической битве на Марне.

Возможно, что с чисто военной точки зрения немецкий генеральный штаб совершил грубую ошибку, бросившись на Бельгию, потеряв время на походное движение по этой стране и навязав себе вдобавок на шею

и самое Бельгию и, кроме того, Англию. Возможно, что, бросившись на вогезскую границу, немецкие войска легко прорвались бы здесь через французскую укрепленную зону, ибо история с Верденом доказала, что

даже на 19-й месяц войны эта крепость была недостаточно укреплена. и немцы чуть было не овладели ею. Все это возможно, и нельзя оспаривать, что все эти указанные выше соображения военных критиков имеют

под собой веские основания. Но несомненно, что немецкий генеральный штаб принимал во внимание все слабые и сильные стороны походного движения через Бельгию и допускал возможность невмешательства Англии в результате нарушения бельгийского нейтралитета.

Но в данном случае немецкая стратегия подчинилась немецкой политике, планам германского империализма. Германия начала мировую войну, а одной из важнейших проблем мировой политики являлся вопрос о Бельгийском Конго, лежащем на перепутьи транс-африканских великих рельсовых дорог будущего, Конго, богатом каучуком и, особенно, медными рудниками, имеющими крупное значение для Германии с ее беспримерно развившейся металлургической индустрией, далеко опередившей железную индустрию всех других европейских стран и в том числе Англии. Нарушение бельгийского нейтралитета, оккупация германскими войсками бельгийской территории давали возможность немецким империалистам не только аннексировать часть бельгийской территории, но и получить в случае победного мира в обмен за очищение всей остальной Бельгии колонии последней на Черном континенте.

Таким образом, Бельгия оказалась втянутой в мировую войну не только потому, что она расположена на одной из военно-стратегических дорог, ведущих из Берлина в Париж, а и по той причине, по какой оказалась втянутой в ту же мировую войну крошечная Португалия, лежащая на западном побережье Пиренейского полуострова, т.-е. совершенно в стороне от театра военных действий, от стратегических дорог, по которым двигались французские или немецкие войска; одним словом, Бельгия была вовлечена в войну, как м и р о в а я держава, имеющая важные интересы на Черном континенте, борьба за раздел которого явилась одной из причин мировой войны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Колониальная эпопея Третьей республики накануне мировой войны.

1. Французский империализм.

«Французский империализм»! Это сочетание слов может показаться неподходящим многим читателям. Мы привыкли говорить: «немецкий империализм», «английский империализм», «русский империализм», но не употребляем этого выражения, говоря о внешней политике Франции»,— писали мы в 1911 г. «Между тем за последние тридцать лет ни одно государство не развивалось так быстро в территориальном отношении, как Франция». За объявлением французского протектората над Тунисом последовало завоевание Тонкина, аннексия Аннама и Камбоджи, овладение Мадагаскаром, захват Конго, присоединение безграничных территорий в Западной Африке. Таким образом, на место маленькой Франции 1871 г. площадью в 576.608 *кв. км* создалась обширная империя, располагающая территорией в 11.000.000 *кв. км*, с населением в 80.000.000 душ. И понятно, что все эти территории не были добыты мирным дипломатическим путем. Были годы, когда буквально дня не проходило, чтобы французские войска в том или другом месте не сражались против туземцев, защищавших независимость своей страны против республиканских наемников. Так, чтобы не заходить далеко, в одном только 1908 г. в Мавритании [1]) французские войска выдержали 125 сражений, при чем в пятнадцати случаях потерпели поражения. В том же самом году французы одержали ряд «блестящих» побед в территории Чада, в пресловутом Уадае, о котором столько писалось во французской колониальной прессе. Так, по французским официальным данным, «в сражении при Эль-Садети (июнь 1908) неприятельская армия силой в 10.000 человек оставила на поле брани 2.000 человек убитыми. Весь лагерь и 24 знамени достались нам» [2]). Но не только в Западной Африке про-

[1]) Мавритания — одна из шести провинций, образующих вместе так называемую «l'Afrique Occidentale» («Западная Африка»). Население Мавритании — 220.000 жителей.

[2]) «Bulletin du comité de l'Afrique Occidentale française». Novembre 1908 («Бюллютень Комитета Французской Западной Африки».)

исходило это грозное наступательное шествие французских батальонов, сопровождавшееся убийствами сотен и тысяч туземцев и сожжением их бедных лачужек, всего их добра. В том же 1908 г. 7 сентября «французский отряд, состоящий из 13 стрелковых рот, двух батальонов иностранного легиона, пяти эскадронов и т. д., в составе 5.000 человек, в сражении при Бу-Денибе, на алжиро-мароккской границе, разбил на голову 20-тысячную армию, после нескольких часов боя».

Итак, из года в год тянется эта кровавая эпопея, которая во французской литературе вызывает ужас и отвращение у одних, пробуждение атавистических инстинктов, крики торжества и дикое улюлюкание у других.

Понятно, что эта эпопея имеет уже своих героев, погибших там, в глубине Африки, во славу французского оружия. Создалась уже целая литература, публицистическая, беллетристическая и т. д., посвященная описанию и прославлению как подвигов французских войск, так в особенности отдельных жертв разных «катастроф» в глубине Черного материка. Виконт Е. М. Вогюэ в «Les routes» («Дороги»), Баратье в «A travers l'Afrique» («Через Африку»), Ланфан в «La Grande route» («Большая дорога»), наконец, Поль Адам в романе «La ville inconnue» («Неведомый город»), с большим или меньшим талантом и увлечением воспевают африканскую Илиаду современной Франции, прославляя погибших героев.

У Баратье (в «La mort d'un heros», в «Les préludes de la colonne», в «L'Honneur des Noirs», в «La forêt vierge», в «Le Sphinx» [«Смерть героя», «Первая стычка», «Честь черных», «Девственный лес», «Сфинкс»], и т. д.) наряду с описанием кровавых, беспощадных сражений и победного шествия французских отрядов, встречаете яркие, проникнутые любовью к природе, картины африканских красот, могучих рек с их берегами, населенными неизвестными племенами, девственных лесов с их тропической растительностью, звездного неба в Судане в душную ночь, картины, в которых проявляется такая острая зрительная память и восприимчивость автора, что, когда откладываешь книгу в сторону, эти образы надолго остаются в зачарованном мозгу.

Из последних произведений этой эпической литературы, посвященной прославлению периода, предшествовавшего мировой войне, особенное внимание определенных кругов Франции обратил на себя внимание новый роман Поля Адама «La ville inconnue» («Неведомый город»). Перед нами встают походные картины пестрой армии, в которой вместе с белыми войсками шествуют союзные арабы племени улэд-слиман и сенегальцы расы бомбара, бесстрашные, дисциплинированные, неутомимые, выносливые вояки, солдаты по ремеслу, солдаты по крови, единственные в современной французской армии, напоминающие, по словом знатоков военной истории, знаменитых «ворчунов», старых закаленных в боях солдат Первой Империи. Среди европейцев мы видим то же различие рас, характеров и темпераментов. Тут и Сильвен де Реттель, предки которого со времени крестовых походов не раз высаживались на африканской терри-

тории, командовали королевскими галерами и взяли Алжир, и Кампион, бедный капитан, который под африканским небом и неприятельскими пулями добывает средства к существованию своей жене и детям, ожидающим его в Тулоне. Тут и старший вахмистр Мэри, бывший когда-то членом анархо-синдикалистской конференции труда, перешедший в африканские батальоны, чтобы не быть вынужденным в день стачки стрелять в своих товарищей, тут и офицер-геолог, разыскивающий копи и надеющийся когда-нибудь разбогатеть. Тут и эльзасский еврей, замечательный филолог, который под неприятельскими пулями продолжает в Экваториальной Африке свои лингвистические исследования. Но у всех этих людей, столь непохожих друг на друга, прорывается одно, общее им всем, темное и могучее чувство. Их всех влечет вперед жажда опасности, стремление к приключениям, дух авантюры. Но вместе с этим духом авантюры и под влиянием его рождаются представления о цивилизаторской миссии. Достаточно им встретиться с проявлением зверств у враждебных негрских племен, и анархист Мэри восклицает, выражая идею автора: «Нужно преследовать эти дикие племена». И на остриe солдатских штыков этот анархист Поля Адама вносит цивилизацию в дикую Африку. Является своеобразный энтузиазм, вера в конечное великое значение миссии, готовность на жертвы. Там, в Париже, сидят карьеристы, темные дельцы, бандиты, которые по мере возможности воспользуются их героизмом в своих личных интересах. Но наши африканцы не думают об этом, их не беспокоят такие соображения. Влекомые таинственным инстинктом, преданные как бы какой-то мистической идее, они, как пчелы, совершают свое дело, глядя в лицо смерти и умирая без страха.

В таком духе рисуют французские художники психологические мотивы великой колониальной эпопеи Третьей Республики. Но какими соображениями, какими своекорыстными интересами руководятся в своей деятельности те, сидящие там в Париже темные дельцы, бандиты, которые держат в своих руках все пружины внешней и внутренней политики своей страны и направляют свои непобедимые батальоны то против бастующих рабочих, то против африканских дикарей, не желающих сразу признать все прелести европейского режима и без боя подчиниться великой Франции? На этот вопрос французские беллетристы не дают никакого ответа, да, и не ставят его. Посмотрим, как ставится и разрешается этот вопрос во французской публицистике, в бесчисленных журнальных статьях и сотнях книг, посвященных колониальной политике Франции.

2. Буржуазные теории о значении колониальной политики для Франции.

Если резюмировать взгляды теоретиков современного плебейского империализма Третьей Республики на сущность и движущие мотивы великой колониальной эпопеи последних десятилетий, мы придем к заключению, что три основных элемента лежат в основе лихорадочной завоевательной политики Франции, ее ненасытной погони за новыми и новыми

*

землями. Это, во-первых, стремление нации найти резервуар, который мог бы поглотить избыточное население, не находящее себе поприща деятельности на родине, во-вторых, военно-стратегические соображения, стремление увеличить население французской империи, чтобы из воинственных арабских, кабильских и, главным образом, негрских племен составить многочисленные регулярные войска, которые не только могли бы защищать колонии Франции от внешнего врага, но и оказывать поддержку войскам метрополии в случае столкновения с Германией. Наконец, в-третьих, железные законы промышленного развития, которые побуждают всякую страну, стремящуюся сохранить свое положение на мировом рынке, к завоеванию новых территорий, для сбыта туда, под защитой охранительных пошлин, фабрикатов отечественной индустрии.

В качестве мест для французской колонизации завоеванные Францией территории ничуть не оправдали тех надежд, которыми увлекались оптимисты. В 1906 г. в Алжире насчитывалось 615.618 европейцев, в том числе французов 278.976, т.-е. 45% европейского населения. На основании данных за последние десятилетия П. Леруа-Болье недавно высчитал, что в 1930 г., т.-е. через столетие после того, как французский флаг поднялся над Алжиром, в этой старой и самой близкой к Франции колонии, будет насчитываться 750 — 780 тысяч европейцев на $5^1/_2$ миллионов туземцев-мусульман. Следует прибавить, что среди этих 750 тысяч европейцев преобладающую массу составят иностранцы не-французского происхождения, главным образом, испанцы, которые теперь уже по численности преобладают в провинции Оран, затем итальянцы и т. д. Если мы обратимся ко второй французской колонии на севере Африки, именно к Тунису, мы увидим, что здесь результаты 30-летнего господства Франции оказались для нее еще более мизерными. В 1906 г. в Тунисе на два миллиона туземного населения было 25.000 французов (не считая оккупационных войск) и 70.000 итальянцев. И здесь, в Тунисе, пропорция с каждым годом растет в пользу итальянцев, как растет в Алжире в пользу испанцев.

Если оставить в стороне Алжир и Тунис, относительно всех остальных колоний (Мадагаскара, Индо-Китая, Экваториальной Африки, и т. д.) тем более приходится сказать, что они абсолютно никакого значения для французской эмиграции не имеют и не могут иметь. Как показала тщательная анкета, произведенная комитетом Дюплэ, за исключением Туниса и Алжира, все остальные французские владения отличаются климатом, крайне нездоровым для европейцев. В этих областях белые неспособны к продолжительному труду, к более или менее длительному напряжению. Кроме того, естественные богатства всех этих владений крайне преувеличены [1]).

---

[1]) «Doit on aller aux colonies». Par Doucet. Enquête du comité Dupleix auprès des gouverneurs, colons, commerçants etc. (Дусэ, Следует ли итти в колонии?)

Отсутствие прироста населения во Франции, обусловливающее ежегодное относительное по сравнению с Германией уменьшение числа новобранцев, давно беспокоило правящие круги страны. Военный министр Мессими, в бытность свою в 1908 г. докладчиком по военному бюджету, представил проект введения всеобщей воинской повинности в Алжире, где до сих пор туземцы служили во французской армии лишь в качестве наемных волонтеров. Но идея организации сильной армии из арабов вызвала необычайное волнение в Алжире. Прежде всего заявили протест сами французские колонисты, считавшие безумием обучить военному делу и вооружить сотни тысяч арабов, с трудом переносящих французское господство. Более того, некоторые французские алжирцы постарались всякими путями взбудоражить само мусульманское население Алжира, и когда правительство приступило к переписи с целью определения числа молодых людей, способных носить оружие, во многих местностях возникли серьезные беспорядки, при чем арабские женщины кричали: «Вы отняли у нас все наши земли, все наше имущество, теперь хотите отнять наших мужей, сыновей и братьев».

Таким образом идея организации многочисленной армии из алжирских туземцев потерпела фиаско. В том же 1908 г. полковник Манжен [1]) выступил с идеей организации «черной армии» из сенегальских и суданских негров. Этот проект встретил полное сочувствие как в правящих кругах метрополии, так и среди французского населения Алжира. Организация многочисленных черных батальонов, значительную часть которых можно было бы держать в качестве противовеса, сделала бы безопасным введение в Алжире всеобщей воинской повинности среди арабов и кабилов, которых в случае бунта можно было бы смирить с помощью негрских полков, и в результате дала бы возможность правящим классам Франции спокойно относиться к уменьшению прироста населения в метрополии и без страха глядеть на будущее, на ежегодное увеличение числа новобранцев в Германии по сравнению с Францией и на то обстоятельство, что первая могла мобилизовать на 1.250.000 человек больше, чем вторая.

Таковы радужные мечты, которые в уме французского империалиста возникают при мысли о черных батальонах. Понятно, далее, какие услуги правящим классам Франции могла бы оказать армия, состоящая из черных солдат, пьянеющих в момент боя [2]), с наслаждением идущих против своих и чужих, не знающих никого, кроме своих начальников. Однако,

---

[1]) См. его книгу «La force noire» («Черная сила») и ряд статей в «Ревю де Пари» за 1909, 1911. Особенную тревогу вызвал проект Манжена в Германии, где шовинистическая пресса посвятила сотни статей вопросу о «черной армии» (см. хотя бы «Ди Пост» 8, 9 июля 1911).

[2]) Как рассказывает с умилением специальный корреспондент газеты «Матэн» (9 августа 1911), во время сражений при замирении Шауйа приходилось три раза под ряд командовать «прекратите огонь», прежде чем удавалось заставить негров остановить стрельбу.

при объективном изучении вопроса, ясно, что организовать многочисленную армию из негров французской буржуазии едва ли удастся [1]).

Самый главный аргумент, на который ссылаются империалисты в защиту завоевательной колониальной политики, заключается в великом экономическом значении колоний в качестве важнейшего рынка для сбыта товаров, производимых фабриками и заводами метрополии. Мы встречаемся с этим аргументом не только в многочисленных газетных и журнальных статьях и в толстых книгах, в речах министров и в палате депутатов и сенате, но даже и в торжественных речах президентов республик во время их поездок в ту или другую колонию (посещение Алжира президентом Лубэ в 1903 г., Туниса Фальером в 1911). И во всех этих статьях и книгах, речах министров и президентов Франции о внешней колониальной торговле мы встречаем одни и те же вздутые цифры, одни и те же явно фальсифицированные данные, одну и ту же ложную от начала до конца статистику.

Все рассказы и официальные доклады о поразительно быстром развитии колониальной торговли Франции, о великом значении для ее промышленности завоеванных территорий представляют собою ту официальную лживую «историю» [2]), которая имеет мало общего с действительностью и пишется специально для торжества определенного дела, ad usum Delphini или ad usum populi («для пользования дофина» или «для народа») в применении к великой французской демократии [3]).

Если бы колонии действительно играли такую колоссальную роль в развитии современного капитализма и являлись его главной питательной артерией, в таком случае судьба многих государств была бы иная, чем мы видим на самом деле. Богатейшие колониальные владения не помешали Испании снизойти до состояния самой отсталой промышленной страны в Европе, и, наоборот, почти полное отсутствие ценных колониальных владений не воспрепятствовало Германии сделаться величайшей индустриальной державой в мире, с чудовищной быстротой превратившейся в первоклассное

---

[1]) Опыт войны 1914—1918 г.г. подтвердил те предположения относительно создания многочисленной негрской армии, которые мы высказывали до войны. Попытки набрать в Африке полумиллионную армию черных солдат, как мечтали некоторые поклонники «черной армии», закончились фиаско. Набор 50.000 человек в Западной Африке вызвал восстание, которое в конце 1915 г. приняло, по словам губернатора этой области, огромные размеры («Journal Officiel de l'Afrique Occidentale». Janvier 1917.—«Журналь Оффисиель дел Африк Оксиденталь»).

[2]) Такую же ложь представляли утверждения наших нововременских империалистов относительно крайней важности Монголии для русских торговых интересов.

[3]) Это не исключает того положения, что французская внешняя торговля в XX столетии развивалась довольно быстро, но это развитие совершилось, главным образом, благодаря усилению товарооборота Франции с Германией, Англией, Бельгией и другими промышленными странами, а не благодаря расширению французской колониальной империи.

капиталистическое государство. Кто не знает, что Германия повсюду успешно боролась один-на-один с Англией, вырывая у последней мировую гегемонию, что она далеко опередила Францию, которая некогда по оборотам своей торговли занимала второе место, а накануне войны занимает пятое и стоит позади маленькой Голландии. Ни одна держава в мире не присоединила за последние тридцать лет столько новых территорий к своим владениям, как Франция, и все же последняя развивалась гораздо медленнее, чем Германия. В течение периода Второй Империи по ускоренному темпу своего промышленного развития Франция шла впереди остальных стран, но в течение периода Третьей Республики она сильно отстала. Франция шла впереди всех остальных стран в успешной колониальной политике, в захвате все новых и новых территорий, опередив в этом отношении даже Англию, а позади всех — в развитии мореходства, железнодорожного транзита, оборудования портов, речных систем, каналов, и это сильно задерживало развитие производительных сил Франции, несмотря на ее колоссальные подпочвенные богатства, благоприятный климат и удобное географическое положение.

Когда некоторые вульгаризаторы экономического материализма заодно с буржуазными учеными вроде Рене Пинона и Ганото и империалистами вроде Чемберлена, Биконсфильда, Криспи, Жюля Греви, и т. д., говорят нам, что современная индустрия не может существовать без колоний, которые являются главной питательной артерией для капитализма, они совершают — одни бессознательно, другие же, так сказать, с заранее обдуманным намерением — подстановку слов и понятий, придавая часто колониальной торговле то значение, какое имеет вообще внешняя торговля.

Можно ли представить себе до-военную Германию с ее гигантской, лихорадочно развивающейся индустрией, с ее великими портовыми городами Гамбургом и Бременом без внешней заморской торговли, которая ежегодно оценивалась в миллиардах марок? Конечно, нет.

И в это время одним из важнейших условий, содействовавших поразительно быстрому росту немецкой промышленности, является именно бедность Германии колониями. По вычислениям «Форвертс» и других немецких газет, все расходы на колониальные германские владения обошлись за время с 1885 по 1907 г. в 1.536.100.723 марок, между тем весь торговый оборот Германии с колониями за период от 1885 до 1904 г. равнялся 318 милл. марок. В 1905 г. оборот всей внешней немецкой торговли с колониями равнялся 64 милл. марок, между тем вся внешняя торговля Германии в том же году — 13.270.000.000 марок: таким образом колониальная торговля Германии равняется приблизительно $^{1}/_{200}$ части общей суммы оборотов ее внешней торговли.

Гораздо значительнее торговые обороты Франции с ее колониями, но чтобы определить, какую роль в экономическом развитии Франции играет колониальная торговля, нужно вычислить, сколько стоило Франции завоевание ее колоний, как отзывались на покупательной силе собственно

французского рынка, на обеднении ее крестьянства и пролетариата, на общей отсталости страны в индустриальном отношении колоссальные расходы, связанные с агрессивной колониальной политикой, с великой завоевательной эпопеей Третьей Республики.

Что же побуждает современную Францию вести столь энергичную колониальную политику, каждый раз грозящую стране опасными международными осложнениями, чуть было не вызвавшую во время инцидента при Фашоде войну с Англией и затем в 1905 г. с Германией? Где нужно искать основные пружины этой авантюристической и столь гибельной для промышленного развития страны лихорадочной погони за новыми и новыми территориями?

3. Колонии как рынок для сбыта чиновников.

До 1871 г., особенно в эпоху Второй Империи, Франция играла доминирующую роль в Европе и всеми силами старалась сохранить свою гегемонию на континенте. Но после того, как вместе с страшным разгромом 1871 г. для нее поневоле кончилась эра авантюр в самой Европе, энергия воинствующих «гусарских» элементов страны направилась в сторону Африки и Азии. Агрессивная колониальная политика и плебейский империализм на место империализма бонапартистского явились блестящим средством, с одной стороны, загладить позор внешних поражений и снова поднять престиж Франции, с другой — удовлетворить аппетиты тех элементов, в поддержке которых так нуждалась республиканская буржуазия.

Осуществление грандиозных африканских и азиатских планов Франции началось в 1878 г. сейчас после Берлинского конгресса. Именно на этом историческом конгрессе Бисмарк, желавший отвлечь внимание французов от «расщелины в Вогезах» (la trouée des Vosges), оказал серьезную поддержку французским дипломатам в осуществлении их планов. «Никто не был более счастлив, чем он, — говорит известный писатель Эрнест Лемонон, — видеть наши войска удаляющимися из Европы, чтобы водрузить наше знамя где-нибудь в песках Африки или в Индо-Китае» [1]).

Очень важным моментом в истории французской колониальной эпопеи был период пресловутого дела Дрейфуса, и в особенности годы, непосредственно следовавшие за окончанием этого дела, нанесшего страшный, казалось, непоправимый удар военщине. Не имея возможности в виду условий нового времени итти на какие бы то ни было уступки притязаниям военщины внутри страны, вынужденная порой применять скрытое осадное положение по отношению к самой армии (как это было после дела Дрейфуса, когда во всех полках была введена пресловутая система — «fiches» — надзора со стороны франк-масонских лож за подозрительными офицерами),

---

[1]) «L'Europe et la politique britannique» par Ernest Lemonon. Paris. 1910. См. стр. 85. (Эрнест Лемонон, Европа и британская политика).

буржуазия тем охотнее шла на уступки гусарским элементам армии в области внешней политики. Только в 1900 г. кончается дело Дрейфуса, а уже в 1901 г. французы, опираясь на права, предоставленные им договором 1845 г., заключенным после победы при Исли, заставляют марокского султана подписать протокол относительно полицейской охраны и торговли в областях, прилегающих к французским владениям. Этот договор 20 июля 1901 года является базой современной французской политики в Марокко. С этого времени Марокская империя становится главной точкой приложения дипломатической и военной энергии Франции. Вместе с тем продолжается с удвоенной силой завоевательная политика в Центральной и Западной Африке. Тагит (август 1903 г.), Эль Мунгир (сен. 1903 г.), Фигит, Уджа, Казабланка, Танжер, Бу-Дениб (сен. 1908 г.), Фец, и т. д. — в Северной Африке, Арада, Эль-Садетти, Ам-Тиман, и т. д. — в Центральной — вот пункты, где военщина Франции получила свой реванш за поражения в деле Дрейфуса, вот места сражений и кровавых боен, где получили возможность проявить свою ищущую выхода энергию храбрые «гусары» и вообще беспокойные элементы армии, мечтавшие порой о походе на Елисейский дворец, совершавшие под пьяную руку крайне неприличные демонстрации перед статуями Республики, как это сделала в одном из южных городов группа офицеров в виде протеста против пересмотра дела Дрейфуса.

Наряду с военщиной и всей системой милитаризма колоссальную роль в создании и развитии колониальной эпопеи плебейского империализма играет бюрократический характер французского государства.

На Индийском океане лежит маленький остров Майотт. На этом островке имеется всего 11 тысяч жителей, тем не менее республика назначает сюда чиновников всех рангов и ведомств, в том числе и судебного. Но судьям нечего делать, и они большую часть времени проводят в отпуску. И вот, как рассказывает сенатор Эмбер, главный правитель острова именем республики издает порой такого рода декреты: «Господин Г., канцелярский служитель, назначен исправляющим должность прокурора республики и начальником судебного ведомства острова Майотт в замещение г. Р., находящегося во временном отпуску». «Господин А., надсмотрщик 3-го класса общественных работ, назначен исправляющим должность президента судебного трибунала 1-ой инстанции острова Майотт» [1]).

Чинам судебного ведомства и другим высшим бюрократам буквально нечего делать на острове, и они предпочитают получать свои оклады, проводя большую часть года вне места службы. Островок Майотт с населением в 11 тысяч жителей, с его громадным штатом никому не

---

[1]) **Charles Humbert**: Les Frances lointaines. La Grande Revue. 10 juillet 1909. (Зарубежная Франция).

нужных чиновников, пожирающих весь бюджет колонии, как капля, отражающая солнце, дает нам яркое представление о некоторых, при том самых безобидных сторонах бюрократической системы, царящей во всей остальной французской колониальной империи.

Таким образом, одна из основных целей французской колониальной политики заключается в увеличении числа доходных бюрократических местечек. Одним из первых актов французского правительства сейчас же после завоевания Мадагаскара была отправка на остров целого отряда чиновников. Раненые и больные тяжкой экспедиции 1895 года еще заполняли военные госпитали, а уже 30 декабря того же года правительство французское утвердило в Тананариве апелляционный суд, назначило его членов, не зная еще, какое законодательство будет введено на острове: французское или местное. Были назначены также инспекторы французских школ, хотя еще не было ни одной школы.

И этот бюрократический характер всей французской колониальной политики не только не ослабел за последнее десятилетие, но, наоборот, с каждым годом все более обострялся. Наконец, зло приняло столь резкие формы, что начало волновать даже правящие круги Франции. Известно, какой протест в колониальной прессе вызвал доклад Виолетта в палате депутатов о колониальном бюджете на 1911 г. Характеризуя положение вещей в Экваториальной Африке, Виолетт указывает, что главной причиной бедственного состояния этой колонии является «чрезмерное развитие чиновничества» (un développement exagéré du fonctionnarisme). Эта колония дает каждый год дефицит: 876.000 фр. в 1906 г.; 420.000 фр. в 1907 г.; 700.000 фр. в 1908 г.; 881.000 фр. в 1909 г. [1]). Между тем, начиная с 1895 г., метрополия представила в распоряжение этой колонии 100 милл. фр. Куда же идут все эти миллионы, которые стоили столько крови и пота французскому крестьянству и пролетариату? На проведение какой-нибудь ненужной железной дороги, которая ляжет надолго бременем на французский бюджет, на содержание армии лишних чиновников, которым нет уже места во Франции [2]). И многие

---

[1]) № 376. Chambre des Députés. Budget général de l'exercice. 1911. Budgets locaux des colonies. Par M. Maurice Violette. Paris. 1910. (М. Морис Виолетт, Палата депутатов. Бюджеты военный и национальный).

[2]) До 1907 г. не было известно ни точное число французских чиновников, ни сколько они стоят стране. Только с 1907 г. правительство стало печатать в докладе о бюджете данные о числе чиновников. К 1-му янв. 1909 г. на службе у государства (не считая штатов министерства военного, морского и колоний) считалось 430.992 чиновника, на службе департаментской и коммунальной 271.001. По приблизительному расчету Демартиала, президента первой федерации чиновников, только 300.000 человек из этой страшной бюрократической армии, об окладах которых имеются более точные сведения, должны были получить в 1911 г. 660 миллионов фр. жалованья. Таким образом несомненно, что вся армия чиновников стоит ежегодно стране более миллиарда франков. («Матэн». 20 дек. 1910.)

из африканских чиновников получают огромные оклады, которые ежегодно возрастают, несмотря на тяжкое финансовое положение управляемых ими колоний.

Любопытно отметить, из кого выбираются чиновники для управления какой-нибудь мало известной африканской колонии, на кого возлагается священная миссия цивилизовать диких негров и приобщать их к высшей культуре. Среди нынешних правителей Африки мы находим одного бывшего часовых дел мастера, одного профессора музыки, одного декоратора, одного помощника нотариуса, наконец, даже одного секретаря биржи труда в Каркасоне. Все это, конечно, представители очень почтенных профессий, однако, занимаясь ими, будущие администраторы едва ли готовились к колониальной карьере, к насаждению цивилизации в полудикой Африке. Все это—люди, которым не повезло в жизни или которым попросту захотелось сделаться во что бы то ни стало чиновниками с установленным жалованьем и обеспеченной на старость пенсией.

Всякого рода авантюристы или попросту искатели теплых местечек шли на новые земли бросать семена французской цивилизации, не имея никакого понятия ни об языке несчастных туземцев [1]), судьбами которых они брались распоряжаться, ни об их обычаях, правах, земельном устройстве и всем строе жизни, слагавшемся в течение тысячелетий, который эти пришельцы собирались изменить в один день путем канцелярских декретов и циркуляров.

И это было бы еще полбеды. Сколько среди этих как будто бы незлобивых людишек, проживших до того во Франции всю свою жизнь спокойно, не сделав никому вреда, оказалось вдруг бесчеловечных извергов, проявивших все темные стороны своей натуры, как только в их власти очутилась бесправная негритянская масса, над которой они могли измываться, сколько их душе было угодно. Знаменитый процесс Гуда и Токе (1905 г.), двух колониальных администраторов, которые взрывали на воздух провинившихся в каком-либо пустяке негров, подкапывая под них динамитные патроны, и затем заставляли других пить бульон из мертвых голов их замученных и убитых соплеменников, или захватывали всех женщин и детей какой-нибудь деревни и держали их в плену, не давая им ни воды, ни пищи, пока их мужья и отцы не доставляли полностью всей наложенной на данную деревню натуральной повинности, что часто заканчивалось гибелью несчастных женщин и детей после страшных

---

[1]) В течение двух лет в Индо-Китае туземцы-революционеры печатали по-китайски в официальном органе, издаваемом французским правительством, прокламации, призывавшие к восстанию против иноземцев и убийству всех французов, и во всей французской администрации, во всем ученом мире колонии не нашлось ни одного человека, который заметил бы это своевременно. Как доказал Фарженель в ряде статей, напечатанных в «Эхо Китая» (Шанхай), в «Журналь Азиатик» (Париж), в «Ройэл Эшиэтик Сосайити» (Лондон) и вызвавших сенсацию в бюрократических сферах Парижа и во всем колониальном мире, даже официальные синологи оказались далеко не на высоте положения, попросту говоря, не умели даже читать по-китайски. Чего же после этого требовать от рядовых колониальных чиновников?

дней, проведенныхх в маленьких душных клетках, — все эти ужасы, обнаруженные миссией Бранца, лишь чуточку приподняли завесу, скрывающую от непосвященного мира всю отвратительную картину, какую представляет собой цивилизаторская деятельность Франции [1]), как и других капиталистических стран среди низших рас. Но весь ужас колониальной политики заключается не в зверствах и злоупотреблениях отдельных личностей, до каких пределов ни доходила бы разнузданность их диких инстинктов, а в общем характере всей колониальной системы, которая повсюду покоится исключительно на силе штыка и пули, на тюрьме и казнях, и сводится к самому бесстыдному грабежу туземцев, к расхищению всех их земель, к безграничной эксплоатации населения завоеванных территорий, к выжиманию человеческого пота и крови такими способами, применение которых вызвало бы восстание в самых отсталых уголках Европы. Известный доклад бывшего офицера колониальной армии и депутата Винье-д'Октона, который по поручению правительства в течение трех лет (1907 — 1909) изучал положение вещей в северо-африканских владениях Франции, автора книги «La sueur du Burnous» [2]) показывает, что республиканская Франция в своих преступлениях по отношению к населению заморских владений не далеко ушла от Франции прошлых веков и десятилетий, от Англии Чемберлена и Керзона, от Германии Петерса, Аренберга, Велана, генерала Тротта и др.

И Экваториальная Африка отнюдь не представляет исключения в ряду других французских колоний: говоря об Индо-Китае, этой самой населенной французской колонии (16.634.000 жителей в 1910 г.), которая обошлась Франции со времени присоединения Камбоджи (1863), по вычислениям некоторых статистиков, в колоссальную сумму от 6 до 8 миллиардов фр., Виолетт замечает, что весь общий бюджет индо-китайской империи пожирается тучей чиновников, оплачиваемых вне всякой пропорции и совершенно бесполезных.

Весь этот общий бюджет (81 миллион фр. в 1900 г.) уходит, главным образом, на содержание 10.000 чиновников, в числе которых имеется 3.150 европейцев. В число этих 10.000 чиновников не входит «страшная армия бюрократов, оплачиваемых местными и провинциальными бюджетами» (L'armée formidable entretenue par les budgets locaux et provinciaux [3]). В самом деле, в Индо-Китае было в 1897 г. 2.866 европейских чиновников, в 1902 г. 3.777, в 1906 г. 4.390, и, наконец, в 1911 г. 5.863 [4]).

---

[1]) Гуд и Токе осуждены уголовным судом в Браццавиле (Конго) 23 авг. 1905 г. к каторжным работам на пять лет. Этот процесс наделал в свое время много шума во Франции, вызвал ряд замечательных статей о темных сторонах французской колониальной политики (см. ст. Клемансо, Руанэ и др.).

[2]) «La sueur du Burnous» par Vigné d'Octon. Paris. 1911. (Винье д'Октон, Труд туземцев).

[3]) См. цитированный доклад Виолетта, часть первая, стр. 42.

[4]) «Bulletin du Comité de l'Asie française», Avril 1911 (Бюллетень комитета Французской Азии).

Какой тяжестью французский колониальный бюджет ложится на туземца, видно из следующих официальных данных. В Кохинхине каждый плательщик податей уплачивает ежегодно прямых налогов 16 пиастров (около 16 рублей). Между тем, как констатирует Виолетт, нуждающийся туземец проживает в месяц всего $1^1/_4$ пиастра, мелкий крестьянин—3 пиастра, более состоятельный туземец, соответствующий маленькому французскому рантье — 6 пиастров [1]). Таким образом, у преобладающей части населения (крестьянства) одни прямые налоги отнимают более половины ежегодных доходов, а у людей более или менее состоятельных — почти четверть. Если прибавить сюда таможни, акциз на алкоголь, опиум, соль, затем всякого рода местные, провинциальные, муниципальные поборы, мы получим представление о том невыносимом тяжелом бремени, которое лежит на туземцах и которое, по словам Мессими, «ведет Францию к самым ужасным авантюрам».

Как европейцы внедряют цивилизацию в «полудиком» Индо-Китае, видно из следующего факта, о котором впервые рассказал в палате депутатов Прессансе [2]). Так как водочная монополия представляет собой главный источник индо-китайского бюджета, было предписано всем чиновникам поощрять туземцев к потреблению алкоголя, попросту говоря, к пьянству. И случилось то, что резидент провинции Сон-Тай, насчитывающей 200.000 жителей, получил официальную благодарность и повышение по службе за то, что ему удалось довести потребление алкоголя (чистого) в своей провинции до 560.000 литров в год. Даже «Тан» признал, что каждого туземца принуждали пить как можно больше спирту. Когда жители одной деревни заявили своему мандарину, что у них нет средств покупать требуемое количество спирта, мандарин ответил: «Вы едите три раза в день рис. Ешьте рис всего один или два раза в день, и у вас хватит средств покупать казенный спирт».

Между тем, близость Индо-Китая к вечно волнующемуся и возрождающемуся Китаю, японские победы над русскими, разбившие во всем Желтом мире вчерашний страх перед, казалось, непобедимыми белыми завоевателями, подвиги неуловимого Де-Тама, полная невозможность для Франции содержать в Индо-Китае такую значительную военную силу, какою обладает Англия в Индии, — все это усугубляет критическое положение этой части французской колониальной империи. В 1907 году генерал Фамен, начальник колониальных войск при министерстве военных дел, подал в отставку, не желая брать на себя ответственности за положение вещей, создавшееся в Индо-Китае. В интервью с сотрудником «Журналь» генерал указал, что население Индо-Китая самым бессовестным образом эксплоатируется бюрократией, что дух возмущения растет в стране, что туземцы после японских побед уже не считают французов непобедимыми, и что катастрофа неизбежна, если Франция не изменит

---

[1]) См. цитированный доклад Виолетта, часть 1, стр. 8.

[2]) Речь Прессансе в палате депутатов 2 апр. 1909 г. Вышла отдельной брошюрой: «Gabégies et atrocités coloniales» par Fr. Pressensé. Paris. 1909. (Колониальный обман и жестокость).

всю систему управления колониями и не начнет править последней вместе с туземным населением, а не против последнего. В 1909 г. другой смелый офицер, полковник Бернар, в письме, напечатанном в «Тан» (5 сент.), резко восстал против системы займов и сооружения ненужных железных дорог, ложащихся тяжким бременем на туземцев, разоряющих население и не дающих последнему ничего. «Наша колония гибнет; многие уже предсказывают неизбежность ее потери для нас. И метрополия, вместо того, чтобы прийти на помощь своей колонии, облегчить бремя, лежащее на ней, только еще более гнет и давит последнюю. Вот где лежит самая страшная опасность... Если колония погибнет, можно будет сказать, что это метрополия ее убила». Понятно,что такие откровенные речи со стороны более смелых и честных офицеров не приходятся по вкусу представителям военщины и бюрократии, которые в случае признания основательности подобных суждений, делают из них лишь тот вывод, что метрополия должна затратить новые сотни милл. фр. на усиление колониальной полиции, армии и флота, на укрепление Сайгона, на создание сильных опорных пунктов в стране в виду неизбежного в близком будущем восстания.

То, что мы сказали об Экваториальной Африке, Индо-Китае, и т. д., применимо ко всей колониальной империи Франции. Все эти колонии служат лишь предлогом для увеличения миллионной армии чиновников, необходимых для военщины, ищущей авантюр, дешевых лавров, новых орденов, за подвиги в гражданской или завоевательной войне с туземцами, но в то же время эти колонии ложатся тяжким бременем на французский бюджет и являются каторжным ярмом, стесняющим развитие французской промышленности.

4. Колониальная политика и французский бюджет.

Однако, все это не останавливало стремления господствующих классов Третьей Республики к расширению и без того грандиозной колониальной империи, несмотря на то, что эта колониальная политика связана с обострением международных отношений и, прежде всего, с колоссальными расходами. По официальным правительственным данным, представленным в марте 1911 г. палате депутатов докладчиком Шерном, расходы, связанные с военными операциями в Марокко, обошлись Франции за четыре года (1907—1910) в 77.280.924 фр.

На самом деле подобное вычисление расходов, связанных с марокккской авантюрой, совершенно произвольно и неправильно, ибо здесь приняты во внимание только затраты на содержание французского экспедиционного корпуса в Марокко, на стоимость провианта, снарядов, патронов, и т. д., израсходованных именно в этой стране и только в ней. Однако, мы знаем, что всякого рода колониальные авантюры фатально ведут за собой колоссальные побочные расходы и в областях, лежащих вне территории, из-за которой ведется борьба. И умолчание об этих-то расходах в официальных отчетах является самым грубым обманом со стороны бухгалте-

ров колониальной партии. Вычисляя стоимость марокской авантюры для Франции за четырехлетний период с 1905 г. по 1908 г., французский писатель Делези правильно рассчитал так:

Экстраординарные военные расходы	22.000.000 фр.
Улучшение вооружения и приведение в боевое состояние всего флота	100.000.000 »
Расходы, вызванные франко-германским конфликтом из-за Марокко	223.000.000 »
Итого . . .	345.000.000 фр. [1])

Если произведем правильный подсчет всех расходов, в которые обошлась Франции марокская авантюра с начального ее момента (взятие Туата в 1900 г.), и включим сюда затраты, связанные с экспедицией в Фец и замирением Марокко, окажется, что эта авантюра обошлась до 1910 г. немногим менее миллиарда франков [2]). Тунисская авантюра повела к образованию тройственного союза, толкнув Италию в объятия Австрии и Германии, что вызвало для Франции колоссальные расходы на укрепление юго-восточной границы. Марокская авантюра, сблизив Испанию с Германией, в свою очередь, немалым бременем легла на французский бюджет.

Что же дало Марокко до сих пор Франции в смысле рынка для сбыта французских товаров? По данным, опубликованным в 1909 г. управлением французских таможен, внешняя торговля Марокко в 8 портах, открытых для последней, определялась в следующих цифрах:

Страны.	1907.	1908.	1909.
Англия	25.428.561	41.480.000	52.339.763
Франция	22.820.135	31.760.000	34.071.999
Германия	9.983.318	10.800.000	13.582.539
Испания	3.116.145	4.700.000	6.455.946
Прочие страны	3.517.183	6.160.000	

Если мы к той торговле, которую сама Франция ведет с Марокко, прибавим и цифру торгового оборота Алжира по сухопутной границе с Марокко, то окажется, что Франция стоит позади Англии. Так, в 1909 г. торговля всей Франции и ее колоний с Марокко по сухопутной и морской границам равнялась 51.255.999 фр., между тем как торговля Великобритании с Марокко только по морской границе — 52.339.763 фр., а Германии—13.582.533 фр. «Французская торговля с Марокко,—плачется Жак Барду в «Опинион»,—стоит на месте, между тем английская торговля с Марокко увеличилась на 10 милл. фр., испанская—на 2 милл.

[1]) «Le bilan de l'affaire marocaine» par Francis Delaisi. «La Revue», 1908, № 5. (Франсис Делези, Баланс марокской авантюры).

[2]) По официальным данным, представленным в сенат, военные расходы на марокскую экспедицию с 1909 г. по 1914 г. обошлись в 700.000.000 фр. Во всяком случае, расходы в нынешнем столетии, связанные с марокской авантюрой, можно определить, самое меньшее, в 2 миллиарда франков.

франков». Не следует, кроме того, ни на минуту забывать, что главными предметами французского ввоза являются оружие, амуниция и жизненные продукты для экспедиционного корпуса, так что львиная доля французского ввоза потребляется самими французами и ложится на французского же плательщика налогов [1]). Можно сказать без натяжки, что французское оружие открывает африканские рынки английской индустрии, — и отчасти даже германской. В 1907 г. английская торговля с Марокко — $25^1/_2$ милл. фр., в 1908 г. — $41^1/_2$ милл. фр., а в 1909 г. — более 52 милл. фр. В Казабланке в 1906 г. до французской оккупации британская торговля определялась в 3.641.522 фр., а в 1909 г. — в 9.479.273 фр. В области Шуайа, вокруг Казабланки, английская недвижимая собственность оценивалась в 1908 г. в 2.312.000 фр., а французская всего в 1.756.000 фр. Вообще французское экономическое влияние в Марокко очень слабо. Из восторженного доклада, представленного одним из апологетов французской колониальной политики Уалидом на конгрессе торговых палат, заседавшем в Рубе (июль 1911г.), видно, что к этому моменту в Марокко имелось 250 французских торговых домов, что французские капиталы, вложенные в различные марокккские предприятия, равнялись 25 милл. фр. [2]). Действительно, «гора родила мышь». Таковы были блестящие результаты марокккской авантюры, и была опасность, что в недалеком будущем Германия, которой приобщение Марокко к «европейской культуре» ничего не стоило, будет играть в империи султана более значительную экономическую роль, чем Франция.

И как пагубно отзывается вся эта безумная колониальная политика на покупательных силах населения, на росте производительных сил в самой Франции! Правда, если судить по официальным данным, колониальная политика обходится Франции сравнительно не очень дорого. По бюджету 1898 г. в графе «министерство колоний» (ministère des colonies) мы видим не очень большую для Франции цифру — 92 милл. фр. Бюджет министерства колоний в 1903 г. — 112 милл. фр., в 1907 г. — 110 милл. фр., в 1911 г.—103 милл. фр. [2]). Итак, колониальный бюджет как будто даже имеет тенденцию понижаться. Но эти цифры представляют собой лишь обман зрения. Если внимательно вчитаться в любой ежегодный бюджетный доклад палате депутатов, мы увидим, что тысячи различных расходных статей, внесенных в бюджет других министров: военного, морского, иностранных дел, общественных работ, и т. д., на самом деле, идут

[1]) Численность французского экспедиционного корпуса в Марокко увеличилась за период с 1910 по 1914 г. в четыре раза, с 22.000 человек в 1910 г. до 90.000 в 1914 г. Само собой разумеется, что это повело к скачкообразному росту французского экспорта в Марокко за эти годы.

[2]) «La pénétration comerciale et industrielle du Maroc par l'Algérie et les ports» par William Oualid. (Виллиам Уалид, Торговое и промышленное проникновение в Марокко через Алжир и порты).

[3]) 1144. Chambre des Députés. Rapport sur le budget général de l'exercice, 1911, par le député Henry Chéron. См. стр. 408. (Анри Шерон. Доклад о военном бюджете).

исключительно на колонии. Так, в бюджете военного министерства за 1911 г. мы находим цифру 50 милл. фр. на содержание алжирской армии, $40^1/_2$ милл. фр. — на колониальные войска в Индо-Китае, Мадагаскаре, Экваториальной Африке, и т. д., и уже только эти две цифры сразу удваивают колониальный бюджет. А сколько денег уходит на содержание портов, угольных станций, арсеналов в колониях? Значительная часть бюджета морского министерства, определенная на 1911 г. в колоссальную сумму 416.380.618 фр., должна быть отнесена на счет колоний. Далее, ко всем этим расходам нужно прибавить субсидии, выдаваемые мореходным компаниям, совершающим рейсы к колониальным портам, премии частным судовладельцам, колоссальные затраты на проведение ненужных и убыточных железных дорог, содержание подводных кабелей, уплату пенсий вдовам и сиротам офицеров, умерших в колониях, содержание в госпиталях Парижа, Тулона и т. д. военных, заболевших и потерявших способность к труду вследствие убийственного климата в колонии и возвращенных на родину, и т. д., и мы увидим, что официальную цифру колониального бюджета нужно увеличить в несколько раз, чтобы получить истинное представление о той денежной сумме, в какую обходится французскому народу его великая и многомиллионная колониальная империя, сохранение и расширение которой является, несомненно, одной из важнейших причин ужасающего роста французского государственного бюджета, достигавшего в 1911 г. колоссальной цифры — 4 миллиардов 305 милл. фр. Вот как сенатор Готье в своем докладе сенату говорит об этом бюджете:

> «Этот бюджет на 120 миллионов фр. превышает бюджет 1910 г., который, в свою очередь, превысил бюджет 1909 г. на 180 милл.; таким образом всего за два года ежегодная сумма налогов, извлекаемых из населения, повысилась на 300 милл. фр.
>
> Французский бюджет — сравнительно самый значительный бюджет во всем мире. Он превышает английский бюджет, который вместе с колоссальной суммой, идущей на рабочее страхование, и при населении, численно превосходящем наше, доходит всего до 171.857.000 фунтов ст., т.-е. до 4 миллиардов 297 миллионов фр. А так как национальное богатство Англии на $^1/_3$ превышает национальное богатство Франции, стало быть, можно сказать, вместе с Леруа-Болье, что французский бюджет по меньшей мере на $^1/_3$ тяжелее для населения республики, чем социалистический бюджет Ллойд-Джорджа для Англии».

И, конечно, в графе расходов бюджета первенствующую роль играют расходы по военному министерству (армия и флот в 1911 г. — 1 миллиард 314 милл фр., т.-е. 30% всех расходов), связанные не в малой степени с колониальным империализмом.

5. Колонии как рынок для французской индустрии.

Но что же дают Франции, не говоря о Марокко — стране, которая пока еще не присоединена к владениям республики — все остальные колонии, занимающие территорию в 11 милл. кв. километров, с населе-

нием в 40 милл. душ? Если верить официальным данным, торжественным речам президентов республики, министров, и т. д., колонии играют роль грандиозной важности рынка для французской индустрии, без которого последняя не могла бы развиться. «Внешняя торговля всех французских колоний, вместе взятых, достигла в 1908 г. колоссальной цифры 2 миллиарда 66 милл. франков!»—восклицает восторженно Легарпантье, автор статьи в «Ревю де Франсэ» [1]). Из этой суммы на долю внешней торговли Алжира приходится 821 милл. фр., Индо-Китая—523 милл. фр., Туниса — 217 милл. фр., Западной Африки — 193 милл. фр., Мадагаскара — 53 милл фр., Конго — 27 милл. фр. По самым последним официальным данным внешняя торговля французской колониальной империи (без Алжира и Туниса) достигла в 1909 г. 1 миллиарда 90 милл. франков. Следующая таблица указывает на рост внешней торговли французской колониальной империи в течение десятилетия 1899—1909.

Внешняя торговля (в милл. фр.) французских колоний со всеми странами (включая Францию).

Колонии:	1899 г.	1909 г.
Индо - Китай	253	523
Французская Индия	14	40
Французская Африка (без Алжира и Туниса)	207	396
Французская Америка	132	101
Колонии на Тихом океане	26	27 [2])

Таким образом, мы видим, что внешняя торговля французских колоний в Америке сильно пала за последнее десятилетие, тихоокеанских колоний — осталась в стационарном состоянии, внешняя же торговля французских владений в Африке и Азии, главным образом, в Индо-Китае сильно поднялась, более чем удвоилась, увеличившись только для последней колонии на 270 милл. фр. Несомненно, что эта цифра встречает восторженные ссылки на нее. Однако спрашивается, в какой мере эта цифра соответствует действительности? Гастон Леришэ, отнюдь не являющийся принципиальным противником колониальной политики, желающий своей стране сохранить и увеличить заморские владения и требующий лишь некоторых реформ в этой области, следующим образом характери-

---

[1]) Legarpenthier, «Le commerce de la France avec ses colonies: Algérie-Tunisie». La Revue des Français. 25 Avril, 1911 (Легарпантье, Торговля Франции с колониями: Алжир—Тунис). В таком же восторженном тоне написаны все статьи о колониальной торговле в «Ази Франсэз», в «Журналь дез Экономист», в «Ревю Политик э Парлементер». Поездка Фальера в Тунис и речь, произнесенная им в Бизерте 18 апр. 1911 г. о необычайном экономическом развитии Туниса со времени провозглашения французского протектората над ним (1884 г.), о росте его внешней торговли, которая с 76 милл. фр. в 1884 г. поднялась до 223 милл. фр. в 1909 г., — вызвала особенно много статей во французской прессе о великом значении для Франции ее колониальной империи, равно как о колоссальной пользе, которую сами колонии извлекают, благодаря их зависимости от цивилизованной Франции.

[2]) См. предыдущее примечание.

зует приемы, которыми пользуются официальные статистики, определяя размеры внешней торговли данной колонии:

«Определяется отдельно цифра экспорта из Кохинхины, затем Аннама, Тонкина, Камбоджи, Лаоса. Умалчивается о том, что их продукты экспортируются из Сайгона, так что одни и те же товары фигурируют в цифрах экспорта из Кохинхины, Камбоджи и Лаоса. То же самое следует сказать относительно Аннама и Тонкина, которые, собственно говоря, не имеют никакого порта; они также отправляют небольшое количество экспортируемого ими товара в Сайгон. Одним словом, весь экспорт из Индо-Китая концентрируется в Сайгоне. И к цифре экспорта из Сайгона незачем прибавлять цифры экспорта из Аннама, Тонкина, Камбоджи и Лаоса [1]). Однако если мы будем придерживаться правильного метода, цифра экспорта сильно упадет; то, чего именно официальные статистики не желают... Таким же образом устанавливаются статистические данные и в остальных колониях. Допустим, например, что перед нами караван товаров, направляющийся из центральных областей Судана к побережью. В первом же пункте, где находится французский пост, представитель республики записывает с самым серьезным видом ценность товаров, перевозимых караваном. То же самое повторяется на втором посту, затем на третьем пункте, и т. д. до побережья. В конце года все данные поступают в один центр, слагаются и затем объявляется, будто внешняя торговля колонии равняется тому и тому-то» (Gaston Leriché, «Nos colonies telles qu'elles sont». Paris. 1903. — Гастон Лерише, Каковы наши колонии в действительности).

Но допустим — возразит, может быть, иной читатель, — что все эти указания на вздутые цифры и рекламный характер ежегодных официальных докладов о состоянии внешней торговли французских колоний совершенно правильны, все же остается несомненным тот факт, что внешняя торговля французских колоний не стоит на одном месте, а наоборот, прогрессирует в необычайной степени. Что бы ни говорить, а если внешняя торговля Индо-Китая определялась в 1889 г. в 253 милл. фр., а в 1909 г. в 523 милл. фр., значит, внешняя торговля этой колонии за 10 лет удвоилась, что представляет собой значительный экономический прогресс. Но и здесь дело не так просто, как кажется при первом взгляде.

Для оценки промышленного прогресса Индо-Китая всегда берется, как исходная точка, 1899 год или какой-нибудь из предшествующих ему годов и сравнивается с любым из позднейших годов. Результаты получаются блестящие. Почему именно берется для сравнения 1899 год, а не 1901? Дело в том, что в 1900 году была введена на индо-китайских таможнях новая фиксация ценности импортируемых и экспортируемых товаров, поднявшая номинальные цены последних в необычай-

---

[1]) Это равносильно тому, как если бы мы для определения суммы вывоза нашей пшеницы из черноморских губерний прибавили к цифре одесского экспорта вывоз из отдельных городов: Елисаветграда, Тирасполя и т. д. и всех деревень, отправляющих свою пшеницу за-границу через Одессу же.

ной степени. Так, таможенная оценка 100 килограммов хлопчатой бумаги была повышена с 125 франков до 300, 1 килограмма золота с 2.160 фр. до 3.500 фр., 1 тонны угля с 16 фр. до 35, китайского табаку с 1 франка до 3 фр. Но особенно была вздута оценка шелка с 6 франков 30 сантимов до 63 франков, т.-е. увеличение в десять раз. Понятно, насколько подобные таможенные кунштюки и трансформации, правда, выгодные для казны, делают крайне затруднительным, если не невозможным, определение истинного, реального, а не фиктивного роста внешней торговли данной колонии. «Мы убеждены, — говорится в докладе, представленном торговой палатой Ханои (Hanoi), — что, если произвести оценку французского импорта, базируясь на тарифе 1893 г., придется таможенные данные за 1907 год уменьшить, по крайней мере, на 25%». Но торговая палата выразилась слишком мягко. В действительности сравнительная статистика, основанная на подобного рода таможенной переоценке товаров, представляет собой попросту явный обман, совершенно скрывающий истинное положение вещей.

В самом деле, если мы возьмем за исходный пункт 1901 год, мы убедимся, что *собственно французская* торговля с Индо-Китаем не растет, а уменьшается, что *французское экономическое и торговое влияние в этой колонии сокращается* с быстротой, которую не в состоянии скрыть даже таможенные махинации. Из опубликованного доклада главного директора таможен в Индо-Китае г. Пикона о состоянии навигации и торговли в этой колонии в 1910 г. явствует, что в то время, как вообще внешняя торговля Индо-Китая с 1901 г. по 1910 г. возросла на 46% (363 милл. фр. в 1901 г., 529 милл. фр. в 1910 г.), *внешняя торговля этой важнейшей французской колонии именно со своей метрополией уменьшилась не только относительно, но и абсолютно*. В то время, как внешняя торговля всех прочих стран с Индо-Китаем возросла с 62% в 1901 г. до 70,7% в 1910 г., импорт Франции и всех колоний французских в Индо-Китае пал со 100.166.982 фр. в 1901 г. до 85.199.076 фр. в 1910 году, [1]) т.-е. уменьшился на 15%. Далее, в то время, как в 1901 г. движение французской навигации к портам Индо-Китая в два раза превышало немецкую навигацию, втрое — английскую, в шесть раз — норвежскую, в 1910 г. Франция стоит позади Англии, опережает Германию всего на $^1/_5$, а Норвегию едва на $^1/_2$.

Итак, и здесь, в этой старой французской колонии, на завоевание и сохранение которой под французским владычеством истрачено столько миллиардов фр., погублено столько жизней, Франция играет ту же роль, что и в Марокко: *французские солдаты, французские миллиарды в период, предшествовавший мировой*

[1]) Ministère des colonies (Office Colonial). «La navigation et le mouvement commercial de l'Indo-Chine en 1910» par M. *Picanon*, Directeur général des douanes et régies de l'Indo-Chine. 1911. (М. *Пиканон*, Навигация и торговля Индо-Китая).

войне, открывают и завоевывают новые территории в интересах английского, немецкого и вообще европейского капитала, капитала тех стран, которым не стоило никаких жертв завоевание нового рынка для сбыта своих фабрикатов, и которые поэтому остаются в чистом выигрыше по сравнению с Францией.

И все, что мы сказали относительно Индо-Китая, тем с большей силой применимо ко всем остальным французским колониям, не исключая даже Алжира, — этой наиболее драгоценной жемчужины в колониальной короне Франции. По данным, опубликованным официальным изданием «Statistique générale de l'Algérie» (Общая статистика Алжира) за период времени от 1830 по 1887 г., общая сумма государственных расходов в Алжире достигла около 5 миллиардов фр. (4.868 милл. фр.), а доходы, полученные за этот период, не превысили $1^1/_4$ миллиарда (1.256 милл.); таким образом, превышение расходов над доходами достигло колоссальной цифры 3.762 милл. фр., т.-е. почти 4 миллиарда фр. За последние 25 лет, протекшие с 1887 г., ежегодный дефицит, по вычислению П. Леруа-Болье, равнялся 80 милл. фр. Таким образом, Алжир обошелся Франции до сих пор в шесть миллиардов фр. В эту сумму не включены расходы по военному флоту, по специальной охране алжирского побережья, проценты по займам, вызванным затратами на эту колонию, и т. п.

Если же принять во внимание расходы по завоеванию Алжира и организации порядка в стране, то мы придем к выводам Жана Эсса [1]), что Алжир до сих пор обошелся Франции более, чем в 20 миллиардов фр. [2]).

Известный алжирский статистик Солье в своем докладе о бюджете на 1904 год доказал, что по отношению к алжирскому экспорту цифра 149.514.000 фр. таможенной оценки нужно уменьшить на 67.429.000 фр., т.-е. почти вдвое. До такой степени произвольно повышена была стоимость почти всех предметов вывоза...

И чему тут удивляться? Нужно ведь показать, что колонии оправдывают все расходы, связанные с ними; нужно дать возможность империалистам и даже социалистам, зовущим к примиренчеству с колониальной политикой, доказывать, будто эта последняя необходима в интересах развития всей национальной промышленности, с существованием и ростом которой тесно связано благосостояние, могущество и политическое влияние рабочего класса.

Кому же нужна эта колониальная политика, эти бесконечные авантюры и непрерывные завоевания все новых и новых территорий? Прежде всего — военщине и бюрократии. Для военщины отказ от колониальных авантюр, это — безработица, это — бесплодная,

---

[1]) Jean Hess. «La vérité sur l'Algérie». См. стр. X, 353 и т. д. (Жан Эсс, Правда об Алжире).

[2]) Если официальные данные преуменьшают расходы на страну, то они до крайности преувеличивают торговые выгоды от нее.

скучная жизнь в маленьком гарнизоне без надежды на быстрое повышение. Требовать от влиятельных шефов армии, чтобы они предпочли мирную политику политике насилий и завоеваний, — это значит требовать невозможного. Требовать от некоторых министров, пуще огня боящихся всяких международных осложнений, чтобы они в интересах мира более энергично сдерживали воинствующих африканских генералов, требовать этого в тот момент, когда господствующие классы так нуждаются в поддержке со стороны военщины для обуздания вечно бунтующего или готового к восстанию то здесь, то там населения метрополии — это значит не понимать взаимооотношений между франк-масонствующей буржуазией и клерикальным офицерством.

Но колонии не только предлог для увеличения штата чиновников, для доходных местечек военным и гражданским бюрократам, колонии не только места убежища для исчезающего в самой Европе режима, основанного на полном бесправии населения и деспотизме власти, колонии — средство наживы для кучки финансистов, биржевых дельцов и королей некоторых отраслей индустрии, занятых производством предметов, имеющих непосредственно отношение к военно-морскому делу, как, например, металлургической. Для хищных финансистов нет более выгодных операций, чем всякого рода экзотические дела, связанные с колониальными авантюрами. Займы правительствам отсталых стран вроде Марокко, где ростовщичество является обыденным фактом, спекуляции насчет всякого рода проектов разработки угольных копей, эксплоатации золотоносных приисков, железных дорог в мираже ново-открытых Эльдорадо, сказки о фантастических прибылях в недалеком будущем, — все эти маленькие панамы дают колоссальные барыши всякого рода авантюристам наживы.

И особенно много выигрывают благодаря колониальным завоеваниям короли металлургических трестов [1]). Для представителей этой индустрии, все искусственное процветание которой в современном строе покоится исключительно на милитаризме, грабеже и насилии, нет бесплодных ненужных колоний, нет пустынь. Всякая новая территория, хотя бы представляющая собой голую выжженную солнцем и несчастную пустыню, на которой и травка не вырастет, все же является желанным приобретением, ибо нет клочка земли, которого нельзя было бы прорезать железной дорогой. И понятно, что металлургические короли, Шнейдеры (Крезо) и т. д., идут всегда рука-об-руку с представителями военщины.

Вот как полковник Эннебер описывает Судан:

«Великолепны, безграничны минеральные богатства этой удивительной страны. Невозможно пересчитать, сколько золота, серебра, меди, фосфатов и т. д. содержит почва Судана... И что за удивительная

---

[1]) Подробнее о связи металлургической индустрии с колониальной политикой см. Собр. сочин., т. I. «Империализм».

растительность! Какие леса хлопчатника, баобаба, пальмовых, апельсиновых, каучуковых деревьев... Какие поля маиса, индиго, кофе, перцу, табаку, сахарного тростника.

«Центральная Африка!.. Именно здесь находится самый чистый источник богатства, обильный, неистощимый источник, бьющий непрерывной и широкой струей... Богаты и прекрасны области, орошаемые Нигером, Бенуа и Шари. Они обладают всеми элементами, необходимыми для цветущего благосостояния» [1]).

Вся эта красноречивая тирада кончается, понятно, требованием постройки великого железнодорожного пути, который соединил бы эти страны с Алжиром, прорезав «большой бульвар Сахары»...

Да что говорить о Судане? Даже пресловутая пустыня Сахара была не раз представлена во французской литературе, как лучшая жемчужина среди других африканских сокровищ. Вот как известный французский экономист и темный делец П. Леруа-Болье, финансовые подвиги которого разоблачил Октав де-Винье, писал в 1904 г. о Сахаре:

«Нет никакого сомнения, что если мы сохраним обе эти области — Сахару и Судан, — они составят самую лучшую французскую колонию для эксплоатации» [2]).

И чтобы превратить Сахару в житницу, «которая через несколько десятилетий могла бы прокормить десять или даже двадцать миллионов людей», достаточно провести через Сахару несколько железных дорог. Вот как выражается по этому поводу наш великий ученый: «Мы говорим во множественном числе: транс-сахарские железные дороги, а не транссахарская железная дорога».

Сколько сотен миллионов франков будет стоить проведение, скажем, двух железнодорожных линий через Сахару на протяжении тысяч километров, какой убыток будут давать ежегодно эти дороги, прорезывающие океан песку и камней, все это пустые вопросы, которые мало волнуют Леруа-Болье. Что за беда, что ежегодный дефицит будет погащаться потом и кровью рабочего населения Франции! Зато металлургическая индустрия получит сразу громадный заказ на поставку рельсов и т. д.; зато финансисты получат изрядный куш на акциях «великого железнодорожного пути через Сахару» (grande voie ferée trans-saharienne) [3]).

В общем французский империализм, французская колониальная политика разоряют Францию, мешают развитию многих отраслей ее торговли, промышленности, за исключением привилегированных отраслей последней, задерживают рост производительных сил страны. Вся эта

---

[1]) «De Paris à Tombouctou en huit jours», par le lieutenant colonel Hennebert. Paris. P. p. 81, 275. (Эннебер, В восемь дней из Парижа в Тимбукту).

[2]) Paul Leroy Beaulieu, «Le Sahara, le Soudan et les chemins de fer trans-sahariens». Guillaumin et C°. Paris. 1904. (Поль Леруа-Болье, Сахара, Судан и транссахарские железнодорожные пути).

[3]) О транс-сахарском пути см. Собр. сочинен., т. II, «Империализм» и борьба за «великие железнодорожные и морские пути будущего».

колониальная политика с ее шумной рекламой тех прибылей и выгод, которые Франция извлекает будто бы в результате открытия новых рынков, новых территорий для эксплоатации или для эмиграции, представляет собой грандиозную панаму. В самом деле, в то время, как вся довоенная Европа семимильными шагами шла вперед в области великих технических сооружений, в то время, как довоенная Германия строила все новые и новые железнодорожные ветви, производила гигантские работы по сооружению своих портов, затрачивая на один только Бремен 213 миллионов марок, углубляя каналы, соединяя речные системы, и т. д., в то время, как Англия собиралась затратить на улучшение своих каналов 740 миллионов фр., а Америка — 1.500 миллионов фр., — французские порты, французские железные дороги находились в состоянии, недостойном великой страны, и каждый месяц газеты печатали телеграммы о катастрофах с человеческими жертвами на французских дорогах, особенно на знаменитой Западной линии. Французская пресса вопила об упадке французского мореходства, о падении торгового значения Марсели, Руана, Гавра, Шербурга, которые очень плохо оборудованы и не могут конкурировать по своему устройству даже с некоторыми итальянскими портами, не говоря о таких грозных соперниках, как Гамбург, Бремен, Ливерпуль, и т. д. Зато Франция тратила сотни миллионов франков на улучшение портовых сооружений в Казабланке, Сайгоне, Бизерте, собирается превратить Танжер в первоклассный порт, сооружает никому не нужные и убыточные дороги в малонаселенных областях Аннама, Камбоджи, Центральной Африки и т. д. Каждый год Сена выходит из своих берегов и затопляет города и деревни, принося убытки в сотни милл. фр., а страна все не соберется осуществить знаменитый проект углубления и расширения Сены, за который еще в 1890 г. высказалось 147 общин и 65 торговых палат. Французские курорты, далеко превосходящие по климатическим условиям, красоте местоположения и составу минеральных источников германские и австрийские, находятся в плачевном положении; наконец, многие области на юге Франции, богатые таким количеством гидравлической силы, как ни одна из европейских стран, за исключением Швейцарии и Скандинавского полуострова, до сих пор бедны фабриками и заводами, между тем как применение той же гидравлической силы и электричества к промышленным целям с поразительной быстротой превращает отсталую Швейцарию в новую Бельгию. Зато французские миллиарды уходили на русские займы, на индо-китайские железные дороги, на алжирскую армию, на военные экспедиции в Марокко, Экваториальной Африке, и т. д. [1]).

---

[1]) Французские колонии могли бы играть для французской промышленности важную роль в качестве источников сырых материалов, но французский капитализм мало пользуется в этом отношении колониями. Зато этот захват колоний давал возможность французским трестам и синдикатам не допускать германские картели к монополистическому овладению важнейшими источниками сырых материалов. На практике французского империализма как нельзя ярче оправдывается положение Ленина, положение, согласно которому для

«Но пока еще во Франции мало кто понимает смысл и значение колониального империализма, его губительное влияние на индустриальное развитие страны, его неразрывную связь с промышленной отсталостью Франции по сравнению с довоенной Германией, и голос пока еще редких писателей, авторов отдельных монографий о той или другой французской колонии, выступающих с здравым суждением по данному вопросу, все еще остается гласом вопиющего в пустыне»...

Эти строки были написаны нами в 1911 г. С этой поры совершились грандиозные события, которые заставят народные массы Франции более внимательно отнестись к вопросу о колониальной политике III Республики, о роли этой политики в происхождении мировой войны и о влиянии колониальных авантюр на ослабление как индустриальной, так и военной мощи Франции.

империализма характерно стремление к захвату земель не столько прямо для себя, сколько для ослабления противника и подрыва его гегемонии. (См. Н. Ленин, Империализм как новейший этап капитализма, стр. 87. Москва 1919).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Марокккий вопрос и мировая война.

1. Предостережение некоторых буржуазных писателей по поводу опасностей, связанных с марокккой авантюрой. — Жорес и мароккская авантюра.

Вопрос о Марокко играл громадную роль в мировой войне в качестве одного из важнейших факторов, вызвавших эту катастрофу. Уже накануне войны известный французский писатель Жорж Обер, коммерсант и финансист и, стало быть, человек очень умеренного образа мыслей, доказывал в своей книге «Франко-германское безумство», что война между Францией и Германией неизбежна, и что два обстоятельства разделяют обе стороны: Эльзас-Лотарингия и в особенности Марокко. Все новейшие осложнения, — доказывает Обер, — начались в сущности из-за Марокко. В 1900 г. международное положение было вполне устойчивое, но Франция обратила свое внимание на Марокко, и с той поры все заботы французов сосредоточились на одном грубом и неотвязном вопросе: когда будет война с Германией.

«В момент всемирной Парижской выставки, — говорил Обер, — и в течение двух-трех последующих лет отношения между Францией и Германией были очень корректные, международное положение не внушало никакой тревоги... Как вдруг Франция начала сложными и хитрыми маневрами подбираться к Марокко. И это было исходной причиной того печального положения, в котором мы находимся теперь.

«Группа приверженцев захватной колониальной политики, бессовестных спекуляторов, более озабоченных своими личными делами, чем интересами Франции, решила, что необходимо завоевать Марокко.

«... Но как только мы начали приводить свои планы в исполнение, Вильгельм высадился в Танжере, приветствовал мароккского султана и формально обещал последнему поддержку в случае, если Франция его атакует...

«И с той поры мы живем в неизвестности, в тревоге... В 1904 г. французская рента стоила 97 фр., в 1913 г. французская рента стоила меньше 84 фр. Это сопоставление резюмирует тревожное положение, в котором мы живем эти 8 лет» [1]...

---

[1]) Жорж Обер, «Франко-германское безумство» (Georges Aubert, «La folie franco-allemande»). См. стр. 34—43. Париж. 1914.

Из буржуазных писателей с особой настойчивостью указывал на опасные для Франции последствия марокккской авантюры Виктор Берар, автор целого ряда книг по внешней политике. В ряде замечательных статей, опубликованных в консервативном журнале «Парижское Обозрение» за 1908—1911 г.г, Виктор Берар предостерегал страну от роковых последствий, неизбежно связанных с продолжением завоевательной политики по отношению к Марокко, политики, диктуемой исключительно интересами финансовой олигархии, но эта кампания Берара не пришлась по вкусу многим читателям консервативного журнала, и талантливому журналисту пришлось покинуть «Парижское Обозрение» [1]).

Но и во время самой войны немало объективных писателей из буржуазной среды подчеркивали громадное значение марокккских осложнений в качестве важнейшего фактора, толкнувшего к мировой войне. Так, барон Байенс, бывший бельгийский посланник в Берлине, занимавший ответственный пост в правительстве короля Альберта, указывает в своей интересной книге «Германия перед войной», что марокккский вопрос был первопричиной целого ряда дипломатических осложнений, которые несколько раз колебали европейский мир и, в конце концов, сделали войну неизбежной [2]).

Автор посвящает марокккскому вопросу специальную главу, которая является одной из наиболее интересных в его книге.

С особой силой и задолго до войны разоблачала всю опасность, связанную с марокккской авантюрой, социалистическая партия. Социалистические газеты в течение последних лет накануне войны чуть ли не каждый день посвящали более или менее обстоятельные статьи и заметки марокккским делам и указывали, что вся эта завоевательная политика французских импералистов фатально толкает страну к кровавому конфликту с Германией. Социалистические ораторы на народных собраниях и митингах неустанно боролись против захватных планов французской буржуазии и доказывали, что отказ от проектов завоевания Марокко был бы вернейшей гарантией франко-германского мира.

Но с особой энергией и поразительным талантом вел кампанию против марокккской авантюры Жорес, который и заплатил своей жизнью прежде всего за тот огненный пыл и ту страстность, которые проявил великий трибун французского пролетариата в борьбе против агрессивных планов французского империализма. В своих удивительных речах во французском парламенте в январе 1908 г., в декабре 1911 г. Жорес вскрывал всю подоплеку марокккской авантюры и предостерегал страну от опасных

---

[1]) Любопытно, что в то время, как все другие статьи Берара по вопросам внешней политики, печатавшиеся в «Парижском Обозрении», вышли в отдельных книгах, выдержавших некоторые по несколько изданий, упомянутые статьи о Марокко за 1908—1911 г.г. не вышли отдельным изданием.

[2]) См. книгу: Барон Байенс, «Германия перед войной». (Baron Bayens. «L'Allemagne avant la guerre»), глава 6. Марокккский вопрос, 211—235. Париж, 1915.

последствий, связанных с планами правящих кругов Франции, с завоевательными проектами Делькассе, Пишона, Клемансо, Бриана и других министров.

Свою речь на заседании палаты 24 января 1908 г. Жорес начал следующими характерными словами:

«Я умоляю правительство и палату депутатов спасти Францию каким-либо решительным и ярким актом от *страшной авантюры* [1]), в которую с каждым днем все глубже и глубже вовлекается наша страна...»

Жорес ни на одну минуту не мог допустить мысли о возможности европейской войны и всеми силами своего существа гнал от себя эту

[1]) Курсив мой. *М. П.*

мысль. Он верил, хотел верить, что дружными усилиями пролетариев можно удержать мир между народами, помешать королям и императорам вызвать всеевропейский пожар. Но в глубине души Жорес всегда предчувствовал опасность, связанную с «страшной авантюрой» в Марокко, и вот почему он с таким неослабевающим упорством, с такой железной энергией, с таким огненным пылом боролся против разбойничьих планов французской буржуазии в Северной Африке.

И вот как Жорес в речи, произнесенной им 19 и 20 декабря 1911 г., объяснял причины обострения франко-германских отношений на почве марокккского вопроса:

«... Вот уже 40 лет, как в Европе не было войны. Конечно, германская дипломатия не всегда была безупречной, конечно, она не раз в своих жестах проявляла и грубость, являвшуюся результатом военных побед, и затаенную злобу за старые унижения и неловкость — то робкую, то вызывающую, присущую новичкам, — но в сущности германская дипломатия умела сохранять необходимую умеренность...

«Вот уже 40 лет, начиная с 1870 г., как в Центральной и Западной Европе царит мир. В течение этого периода людские и производительные силы Германии увеличились удивительным образом: ее население почти удвоилось, ее фабрики, ее заводы обрабатывают руду и уголь, которые доставляет ей ее богатая подпочва, и, чтобы прокормить это быстро растущее население, чтобы найти рынки для этой быстро развивающейся индустрии, Германия устремляет свой взор за пределы своей территории; она увеличивает свой торговый флот, она развивает свой экспорт, она стремится расширить свои рынки. Но здесь, господа, снова проявляется то несчастное стечение обстоятельств для Германии, которое можно констатировать во всей ее исторической жизни, именно то, что великая держава всегда приходит поздно. В то время, как в XVI и в половине XIX века германская нация была рассеяна, наполовину парализована, в то время, как ее старые, когда-то могучие по своей торговле, ганзейские города погибали в общем крушении и беспомощности германской нации, — голландцы, португальцы, испанцы, французы бросали свои корабли по всем морям и завоевали отдельные страны. И когда в конце XIX века и начале XX Германия, под влиянием потребностей ее экономического и индустриального роста, бросила свой взор на мир, она увидела, что Канада принадлежит Англии, что Австралия принадлежит Англии, что Южная Африка принадлежит Англии, что часть, великолепная часть африканского континента принадлежит Франции, что везде все позиции заняты, что повсюду весь мир распределен. И тогда, господа, вы понимаете и вы должны понять, что Германия не могла не начать следить с самым тщательным вниманием, чтобы новый раздел последних остатков земного шара не был произведен ей в ущерб. (Движение на скамьях правой, в центре и на различных скамьях левой.)

«... И вот почему, когда в 1904 и 1905 г.г. начали осуществляться различные дипломатические комбинации, имевшие непосредственной целью распределение новых зон влияния, было грубой и непроститель-

ной ошибкой со стороны французской дипломатии не позаботиться о том, чтобы серьезными переговорами устранить всякие поводы к конфликтам с Германией на этой почве.

«Франция — свободная страна, сознающая свою силу и охраняющая свою независимость. Однако, в обмен за ту долю влияния, которую Франция получает в Марокко, она обязана чем-нибудь другим народам и в особенности Германии, которую она должна вознаградить какими-нибудь компенсациями экономическими или, по крайней мере, территориальными»...

Жюль Делаай. Нет, нет, Франция ничем не обязана по отношению к Германии.

Г. Дриан. Г. Жорес, вы говорите языком германского канцлера [1]).

Итак, мы видим, что в данном случае Жорес высказывал очень умеренные взгляды. Он признавал за Францией право стремиться к усилению ее экономического и политического влияния в Марокко, но он одновременно признавал и за Германией право усиливать свое влияние в других незанятых областях мира. Однако эти умеренные взгляды Жореса казались ненасытным французским империалистам святотатством, изменой родине.

С особой силой Жорес говорил в этой речи о своей скорби по поводу того, что Франция, которая всегда являлась не только великой материальной силой, но прежде всего силой моральной, палладиумом свободы, воплощением духовного благородства, в течение последних лет, благодаря своей мароккской политике, взяла на себя инициативу в нарушении международных договоров, в клятвопреступлении, в пренебрежении к принятым на себя обязательствам. Франция сказала Италии: «Позволь мне взять Марокко, которое не принадлежит ни тебе, ни мне, а я тебе позволю взять Триполи, с которой мы находимся в самых дружеских и сердечных отношениях».

И упоминание Жореса о нарушении Францией международных конвенций вызвало такое волнение в палате, что президент последней трижды призывал великого трибуна к порядку и пригрозил лишить его слова. Но это не смутило Жореса, и он продолжал свою речь в том же тоне. Жорес доказывал, что политика современных европейских государств, основанная на грабеже и притеснении слабых стран, на циничном нарушении международных договоров, более безнравственна, чем политика Макиавелли, ибо Макиавелли советовал не стесняться правилами нравственности и данным словом, поскольку такая беззастенчивость в средствах может помочь освобождению отечества, освобождению Италии. Ныне же и для Франции, и для Германии, и для Италии, и для Англии, и для Испании дело идет не о спасении их национальной независимости, а попросту о выгодных делах, о борьбе за рынки, и поэтому особенно возмутительно это постоянное нарушение обяза-

[1]) См. брошюру «Франко-германское соглашение» («L'accord franco-allemand»). Речь, произнесенная Жоресом в палате депутатов 19 и 20 дек. 1911 г., стр. 14—15.

тельств, принятых на себя державами. И когда Жорес указал, что Франция нарушила обязательства, принятые ею на себя на международной Алжесирасской конференции по поводу Марокко, в палате поднялся страшный шум. Многие депутаты правой собирались демонстративно покинуть зал заседаний, чтобы показать, что они не желают слушать подобных кощунственных слов; многие радикалы грозили Жоресу кулаками, требуя, чтобы он взял свои слова обратно, в ответ на что лидер социалистов несколько раз говорил энергично «никогда».

В следующем 1912 г., когда ясно обнаружилось, что французская буржуазия решила покончить с независимостью Марокко, Жорес снова произнес в палате депутатов (на заседании 15 июня) страстную речь против договора о протекторате над Марокко. Жорес энергично протестовал по поводу того, что французское правительство вводит в Марокко режим, ненавистный туземному населению. «Я скажу, — воскликнул Жорес, — нечто такое, что вам покажется, пожалуй, смешным: по какому праву мы берем Марокко? Ведь Марокко — старая культурная страна, которой мы обязаны многим. Эта замкнутая культура стала теперь миролюбиво приноравливаться к европейской цивилизации и приближаться к ней. Мы горячо протестуем против того, что это культурное сближение пресекается военным завоеванием и промышленной эксплоатацией». И Жорес разоблачает те ужасы, какими сопровождается аннексия Марокко.

Но все эти призывы к справедливости, все эти предостережения остаются гласом вопиющего в пустыне, и французское правительство неуклонно продолжает свою марокскую политику, несмотря на то, что даже в буржуазной прессе слышались порой голоса, указывавшие на то, что борьба за Марокко может привести к международной войне. Так, умеренный орган «Журналь де Деба», пользующийся большим влиянием в буржуазных кругах, заявляет 17 мая 1911 г. в статье «Марокк-ская война»: «Надо отозвать войска из Марокко и прекратить войну против марокских племен». Но газета «Время» («Temps»), верный рупор французских империалистов, осуждает такую робость и настаивает на энергичном продолжении начатой политики и доказывает, что все идет к лучшему в наилучшем из миров.

И французские империалисты, действительно, продолжают раз начатую политику, стремясь к уничтожению самостоятельности Марокко и окончательному завоеванию этой страны. Таким образом, франко-германские отношения все более и более обостряются, и каждый шаг французской наступательной политики в Марокко приближает Европу к мировой войне.

2. Тайные договоры о разделе Марокко.

Решение французских империалистических кругов овладеть во что бы то ни стало Марокко ясно обозначилось для всех лиц, более или менее посвященных в то время в дипломатические «тайны», в 1901 г. В конце

этого года, как это скоро сделалось известным, благодаря намекам итальянского министра иностранных дел Принетти в итальянском парламенте и заявлениям Делькассе 24 мая и 3 июля 1902 г. в французской палате, между Францией и Италией было подписано тайное соглашение о Триполи и Марокко. Этот тайный итало-французский договор 1901 г. о разделе последних еще незахваченных никем остатков северо-африканского побережья явился поворотным пунктом в истории Европы. С этого момента из года в год почти непрерывно развиваются одно за другим события, которые фатально толкают Францию к конфликту с Германией и всю Европу к мировой войне.

Тайный итало-французский договор 1901 г. предоставляет свободу действий Франции в Марокко, а Италии — в Триполи. Санкционировав притязания империалистов на Триполи, эту область Оттоманской империи, Франция этим самым толкала Италию к борьбе с Турцией, войне, которая разразилась в 1911 г. Эта итало-турецкая война 1911 г. поколебала силы Турции и разожгла аппетиты балканских империалистов, которые и решили воспользоваться временным ослаблением Турции, чтобы напасть на последнюю и захватить, лицемерно прикрываясь теми или другими благородными лозунгами, часть оттоманской территории. Так начались балканские войны, открывая эпоху нового раздела оттоманского наследства.

Вместе с тем, санкционировав притязания Франции в Марокко и усилив наступательное движение французской республики в этой части Африки, тайный договор 1901 г. [1]) постепенно повел к крайнему обострению франко-германских отношений и в конечном счете явился одной из причин мировой войны.

Главным толчком, побудившим французских империалистов приступить к подготовительным мерам для захвата Марокко, послужила англобурская война 1899—1900 г.г., утвердившая гегемонию Англии в Южной Америке. После того, как Великобритания усилила свое внимание в южной части Черного континента, империалистическая Франция сочла необходимым в интересах сохранения «равновесия сил» в Африке усилить свое влияние в северных областях африканского континента. Таким образом агрессивная политика в XX столетии, явившаяся исходным пунктом дальнейших роковых событий, была начата двумя величайшими европейскими либеральными державами — свободной Великобританией и республиканской Францией.

---

[1]) После заключения тайного итало-французского договора 1901 г. сделалось очевидным, что Италия, несмотря на свой формальный союз с Германией и Австрией (тройственный союз), связала себя какими-то условиями с Францией и обязалась не воевать с последней в случае вооруженного франко-германского конфликта. «Ни в коем случае, ни в какой форме, — заявил Делькассе 23 июля 1902 г. — Италия не может играть роль орудия или пособника в нападении на нашу страну». В таком же решительном тоне о миролюбивом характере франко-итальянских отношений высказался итальянский министр Принетти 24 мая 1902 г.

Но договор с одной Италией не был достаточен, чтобы обеспечить возможность осуществления французских империалистических планов относительно Марокко. Было очевидно, что Германия, опираясь на международный трактат, подписанный в Мадриде в 1880 г. и предоставивший всем европейским державам равные права в Марокко, а также на германо-марокккский торговый договор 1890 г., не позволит Франции нарушить суверенитет Марокко в ущерб экономическим и политическим интересам Германии. Немецкие империалисты с завистью смотрели на усиление французского и английского влияния на северном побережьи африканского континента и не теряли надежды, что в случае окончательного раздела Марокко, Германия получит свою часть добычи и сумеет утвердиться в этой области Африки, богатой железом и медью и лежащей на перепутьи двух великих торговых и военных дорог: средиземной — от Гибралтара к Суэцу, и атлантической — от Гамбурга, Антверпена, Лондона, и т. д. к Капштадту. Таким образом, было ясно, что Германия соглашается признать недействительной международную конвенцию 1880 г. о суверенитете Марокко только в том случае, если и ей будет предоставлена какая-нибудь доля в разделе этого «независимого и суверенного» марокккского государства. Но так как французские империалисты решили ни в коем случае не допустить участия Германии в разделе Марокко, считая, что это африканское государство должно почти целиком — за исключением доли, которую волей-неволей пришлось уступить Испании, — войти в состав французской колониальной империи, являлось опасение, что немецкие империалисты не ограничатся одними воплями о «вероломном» нарушении французским правительством международной конвенции 1880 г. относительно Марокко, о полном пренебрежении к экономическим интересам Германии и к германо-марокккскому торговому договору 1890 г., а прибегнут сверх того к более опасным мерам для защиты немецких империалистических планов в Северной Африке.

Чтобы иметь возможность осуществить свои завоевательные планы относительно Марокко вопреки противодействию Германии, Франция подписала 8 апреля 1904 г. договор с Англией, по которому Франция признала за Великобританией право на господство в Египте, Англия же согласилась не противодействовать планам Франции относительно Марокко.

Не ограничиваясь договором с Англией, Франция в том же году подписала соглашение с Испанией относительно Марокко. В объявленной для всеобщего сведения декларации от 6 октября 1904 г. Испания и Англия провозгласили свою твердую решимость охранять независимость и неприкосновенность Марокко под верховной властью султана. Но — такова честность дипломатов — в тот самый день, когда Франция и Испания подписали этот договор для всеобщего сведения, министры обоих правительств подписали тайный договор, коим «независимое»,

«неприкосновенное» Марокко делится на зоны влияния между Францией и Испанией, и признается принцип раздела Марокко между обеими подписавшими тайный договор странами.

3. Германские интересы в Марокко.—Борьба за марокские рудники.—Металлургический синдикат братьев Маннесманов и роль этого синдиката в марокской политике Германии.

Итак, к концу 1904 г. четыре из государств, подписавших в 1880 г. конвенцию о неприкосновенности и независимости Марокко, а именно: Франция, Англия, Италия и Испания, связались договорами, фактически отвергавшими конвенцию 1880 г. и санкционировавшими французские империалистические планы относительно этой африканской области.

Однако, германское правительство решило не допустить осуществления этих планов. Уже давно миновала для Германии та эпоха, когда князь Бисмарк, тогдашний канцлер империи, и князь Хлодвиг Гогенлоэ, немецкий министр иностранных дел, объявляли, что «так как Германия не имеет никаких интересов в Марокко, она будет держаться по отношению к этому государству той политики, которая совпадает с политикой Франции» [1]. С того момента, как были произнесены эти слова, много воды утекло, и Германия превратилась в мировую державу, имеющую важные экономические интересы во всех уголках земного шара. В 1903, 1904, 1905 г.г. Германия по своей роли во внешней торговле Марокко занимала 3-е место, идя непосредственно за Францией и Англией. Пять немецких мореходных компаний, в том числе «Гамбург-Американская линия» и «Северо-Германский Ллойд», совершали регулярные рейсы к 8 марокским портам, открытым для торговли. В самом Марокко работало 40 немецких фирм, в которых было вложено около 10 миллионов марок. Но все это было только началом, и германская буржуазия имела основание рассчитывать, что в близком будущем Марокко может сделаться важным пунктом приложения германской энергии и германских капиталов.

Но более всего Марокко интересовало германских империалистов с двух точек зрения. Во-первых, немецкое правительство рассчитывало во что бы то ни стало овладеть при разделе Марокко какой-нибудь частью побережья этого государства, чтобы создать здесь угольные стоянки для немецкого военного флота и, таким образом, усилить германское влияние на атлантическом побережье Африки и на великой средиземной военно-торговой дороге от Гибралтара к Суэцу. Во-вторых,—на это указывал, между прочим, депутат Марген в своей речи на заседании французской

---

[1] См. телеграмму французского посланника в Берлине французскому министру иностранных дел Фрейсине от 23 апреля 1880 г. Цитировано по книге Андре Тардье, «Алжесирасская конференция» (André Tardieu, «La conférence d'Algésiras»). Paris. 1907.

палаты депутатов 21 ноября 1923 г., — Германия, как величайшая металлургическая держава в Европе, испытывавшая крайний недостаток в железной руде, давно обратила свое внимание на подпочвенные богатства Марокко, на железные и медные рудники этой африканской территории и стремилась наложить на них свою руку. Германские исследователи знали, что Марокко изобилует медью, что богатейшие залежи этого металла находятся в горной цепи Атлас, проходящей по Марокко. Многие исследователи указывали, что железная руда встречается в Марокко на каждом шагу, что медь (преимущественно в области Суз) собирается прямо на поверхности земли [1]).

Первыми из немецких капиталистов явились в Марокко пресловутые братья Маннесман, которые откупили у султана монополию на эксплоатацию всех медных рудников Марокко. А за братьями Маннесман, — по словам депутата Марген, — последовало и германское правительство. Таким образом, Германия искала в Марокко того же, чего она искала в африканской области Катанга, входящей в состав Бельгийского Конго, именно, медных и железных рудников. И, действительно, есть серьезные основания предполагать, что подпочва Марокко изобилует непочатыми залежами угля и разных металлов. По утверждению некоторых инженеров и геологов, железные рудники Марокко превосходят по своему качеству знаменитые рудники в Бильбао, где извлекается из руды 50% железа, в то время как марокккские рудники дают 75%. Неудивительно, что металлургисты всех стран обратили такое внимание на Марокко. Для эксплоатации железных рудников в Марокко образовалось два треста. Во главе одного из этих трестов стала фирма четырех братьев Маннесман. Фирма Маннесман поддерживала Марракешского султана Мулай-Гафида и дала последнему денежные средства для вооружения своих партизанов для низвержения его брата Абд-эль-Азиза, царствовавшего в Феце. В награду за услуги, оказанные ему братьями Маннесманами, Мулай-Гафид, сделавшись повелителем всего Марокко, уступил Маннесманам более 600 концессий по эксплоатации различных богатств Марокко и в том числе всех рудников в горной области Риф, лежащей на Средиземном побережье Марокко, особенно богатой железом и медью.

Фирма Маннесман (Société Mannesman frères) не была исключительно немецкой фирмой. Братья Маннесманы прекрасно понимали, что для осуществления их планов им нужна поддержка интернационального капитала, содействие магнатов международной финансовой олигархии. Братья Маннесманы обижались, когда французы называли их синдикат «чисто немецким». Открытым письмом 19 сентября 1909 г. в «Матэн» братья Маннесманы протестовали против клички

---

[1]) См. заседание французской палаты от 21 ноября 1913 г. О недостатке железа в Германии см. нашу книгу: «Империализм» (Собр. сочин. Издан. Гос. Изд., т I, стр. 224 и сл).

«немецкий синдикат», приклеиваемой к их фирме. «Наш синдикат, — гордо заявили они, — носит интернациональный характер. В нем принимают участие французские капиталисты и финансисты, равно как капиталисты испанские, австрийские, и т. д.». В двух интервью, опубликованных во французской газете «Тан» и в немецкой «Берлинер Тагеблат», братья Маннесманы сообщали имена своих компаньонов и назвали многих французов, в том числе двух известных капиталистов Отриена и Гоньте, далее испанцев, как, например, герцога Товар, мадридского губернатора. Наконец много англичан, бельгийцев, итальянцев и т. д.

Эта полунемецкая, полуинтернациональная фирма братьев Маннесман, поставившая своей целью овладение всеми железными, медными и т. д. рудниками в Марокко и получившая в 1908 г. от султана Мулай-Гафида очень важную концессию на эксплоатацию всех рудников в Рифе, вела борьбу с франко-германским синдикатом «Унион де мин марокэн», главным акционером которого являлся Шнейдер, французский пушечный король. В этот же синдикат вместе с Шнейдером входил и пресловутый Крупп, боровшийся совместно с французскими капиталистами против синдиката братьев Маннесман. В синдикате Шнейдера на долю французских капиталистов приходилось 62 %, немецких 20%, английских 6%, испанских 6%, итальянских 4%, португальских 2%.

Итак, в борьбе между двумя металлургическими синдикатами французского пушечного короля Шнейдера и четырех братьев Маннесман мы видим борьбу между двумя интернациональными трестами за монопольное господство в Марокко. Пока оба эти треста не слились в одном могучем синдикате, борьба между ними, естественно, носила обостренный характер, и в полемике друг с другом противники старались всеми средствами скомпрометировать один другого. Так, в 1909 г. «Парижское Эхо», главный орган Шнейдера, опубликовало несколько заметок о том, что в синдикат братьев Маннесман входят не чистокровные немцы, но — о ужас! — исключительно немецкие евреи. На это тяжкое обвинение неутомимые братья Маннесманы ответили письмом в «Парижское Эхо», в котором сообщили, что членами синдиката состоят исключительно чистокровные немцы и самые чистокровные французы.

Роль фирмы братьев Маннесман в марокканских осложнениях была очень крупной. Когда на заседании германского рейхстага в марте и апреле 1910 г. пангерманские депутаты атаковали «нерешительную» политику правительства в марокканском вопросе, при чем очень часто упоминалось имя братьев Маннесман, министр иностранных дел Шен возражал, что германское правительство не может брать на себя роль адвоката «братьев Маннесман» (9 марта), что, как ни велико экономическое значение концессий, полученных Маннесманами, нельзя утверждать, будто здесь идет речь о жизненном вопросе для Германии. Уже одна возможность подобного замечания в устах германского министра

иностранных дел показывает на колоссальную роль, которую фирма Маннесман играла в марокканских делах [1]).

На заседании бюджетной комиссии рейхстага 11 марта 1910 г. были внесены две резолюции — Эйхова и Либермана фон-Зонненберга. Резолюция Эйхова выражала пожелание, чтобы «правительство самым энергичным образом защищало интересы братьев Маннесман». В еще более решительном тоне составлена резолюция Либермана фон-Зонненберга, указывающая на крайнюю важность для германской индустрии концессий, полученных братьями Маннесман на эксплоатацию железной руды в Марокко, и заканчивающаяся следующей жалобой:

«Во Франции создалось впечатление, что германское правительство оставляет на произвол судьбы братьев Маннесман».

Однако, комиссия сочла крайне опасными обе предложенные резолюции, равно как резолюцию национал-либералов, составленную в таком же решительном духе, и нашла, что правительство одно должно быть судьей в том, чего нужно требовать в Марокко, и что, во всяком случае, в столь опасном международном вопросе, как марокканский, нельзя отдавать императорское правительство связанным по рукам и ногам во власть братьев Маннесман.

В самом деле, в тот момент Германия была не подготовлена к войне, а между тем крайние притязания синдиката Маннесман и ненасытные аппетиты этой фирмы грозили разрывом франко-германских переговоров, а стало быть, и войной. Однако, если германское правительство не раз заявляло официально о своей независимости от фирмы братьев Маннесман, все-таки несомненно, что когда германское правительство послало в июле 1911 г. военное судно в Агадир, оно выбрало именно этот пункт для своей демонстрации в виду тех интересов, которые братья Маннесманы имели в этой области и прежде всего в округе Суз, где работали представители фирмы. И «Тан» [2]) не без основания объяснило «агадирский удар» желанием германского правительства отстоять интересы фирмы Маннесман, имевшей своих агентов в Таруданте. Во всяком случае, если германское правительство постоянно стремилось доказать, что оно в своей внешней политике отнюдь не является орудием в руках фирмы Маннесман, оно в то же время подчеркивало,

---

[1]) Деятельности братьев Маннесман в Марокко посвящена специально изданная германским правительством «Белая книга» о марокканских делах, розданная в январе 1910 г. членам германского рейхстага. Это — полная история фирмы братьев Маннесман от начала ее деятельности в Марокко, с 1910 г. «Белая книга» состоит из 17 больших страниц с приложением, содержащим 73 официальных документа о фирме Маннесман. Роль братьев Маннесман в марокканских осложнениях служит одним из ярких примеров колоссального влияния, какое металлургические тресты играют в современной международной политике вообще, в происхождении мировой войны в частности, и является вместе с тем доказательством, какое важное значение в современной колониальной политике имеет вопрос о монополистическом обладании источниками сырых материалов.

[2]) «Тан», 6 июля 1911 г.

что оно не допустит монополизации металлургических богатств Марокко Францией или Испанией. Так, в начале 1913 г. товарищ министра иностранных дел Циммерман заявил, что Германия не позволит вывоза железной руды из области Рифа, пока не будет выработан регламент об эксплоатации рудников в этой области Марокко. Вслед за этим заявлением Германия отправила ноту испанскому правительству, гласящую о том, что Германия налагает свое «вето» (запрет) на экспорт руды из Марокко. В результате этой ноты все работы по эксплоатации рудников в области Рифа были прекращены, и Англия, заинтересованная в эксплоатации рудников, начала дипломатические переговоры по данному вопросу с Германией [1]).

Как великая металлургическая держава, стремившаяся сохранить свою гегемонию на европейском металлургическом рынке, Германия стремилась наложить свою руку на марокские рудники и, во всяком случае, не дать возможности Франции или Англии усилить свою мощь путем монопольного овладения богатой железом и медью марокской территорией в ущерб экономическим интересам Германии.

4. Танжерский удар. — Призрак мировой войны в 1905 г. — Падение Делькассе и Алжесирасская конференция.

Договоры, подписанные Францией в 1901 г. с Италией и в 1904 г. с Англией, ясно показывали, что Франция решила во что бы то ни стало овладеть Марокко и присоединить к своим владениям на севере Африки, именно к Алжиру и Тунису, новую обширную колонию. Однако, само собой разумеется, что германские империалисты не могли отнестись равнодушно к захватным планам Франции относительно такой важной африканской области, как Марокко. 27 мая 1904 г. Немецкое Колониальное Общество вынесло следующую резолюцию:

«В виду неожиданного положения, созданного в Марокко англо-французским соглашением, колониальное собрание считает необходимым, чтобы имперское правительство предприняло шаги для достижения следующих условий: в случае, если status quo [2]) в Марокко будет изменено в пользу Франции, Германская империя должна получить компенсации, равные приросту французского могущества в Марокко, — компенсации, соответствующие и важности германских экономических интересов в этой стране, и потребностям германского флота в морских базах, и потребностям расширения немецкого населения [3]).

Итак, германские империалисты отнюдь не желали удовлетворяться предоставлением им прав более или менее свободной торговли в Марокко,

---

[1]) «Время» («Temps») 26 мая 1913 г.

[2]) Прежнее положение.

[3]) См. Андре Тардье. «Алжесирасская конференция», стр. 46. Париж. 1917.

выгодными торговыми договорами и т. д. Нет, они желали получить, во-первых, часть побережья Марокко для создания здесь опорных баз для германского торгового и военного флота, а, во-вторых, вообще принять участие в разделе Марокко, если другие государства решат уничтожить самостоятельность и территориальную неприкосновенность последнего.

И на самом колониальном собрании докладчик граф Иоахим Пфейль объяснил, что надо было бы направить в Марокко те 32.000 эмигрантов, которые ежегодно уезжают в С. Штаты, что эмигранты найдут в этой африканской области климат и условия, соответствующие их навыкам и энергии, и т. д., и сказал, между прочим: «Мы должны приобрести Марокко, хотя бы ценой войны».

Через несколько дней Пангерманский Союз в Любеке на своем годовом собрании высказался столь же энергично о Марокко и потребовал во имя экономических и политических интересов Германии уступки ей атлантического побережья. Собрание потребовало от правительства, чтобы оно стало твердой ногой в Марокко. Наконец, годом позже Теобальд Фишер, этот наиболее авторитетный выразитель германской империалистической программы относительно Марокко, заявил, что в случае раздела империи шерифа Германия потребует в качестве минимума уступки ей части Марокко, расположенной между Атласом и Атлантическим океаном к югу от Рабата, включая область Суз, оставив Франции всю остальную часть Марокко.

Уступая требованиям империалистов, германское правительство решило прибегнуть к энергичным действиям, чтобы показать, что Германия не желает отказываться от своих «прав» в Марокко.

Это был момент, когда Россия была занята войной с Японией, и Франция не могла ожидать никакой поддержки со стороны своего союзника.

31 марта 1905 г. Вильгельм II по совету своего канцлера Бюлова [1]) высадился в марокканском порте Танжере и, принятый Мулей Абд-эль-Малеком, экстраординарным посланником марокканского султана, произнес следующие слова, которые произвели сенсацию во всей Европе и особенно во Франции:

«Признавая султана совершенно свободным и независимым сувереном своей страны [2]), я желаю столковаться с ним о средствах защиты германских интересов в Марокко».

В своей речи, обращенной к представителям немецкой колонии в Марокко, Вильгельм заявил, что «независимый марокканский султан должен держать свою страну открытой для мирной конкуренции всех наций, без монополии и без аннексий», что «Германия имеет большие интересы в Марокко», что «права всех держав в Марокко равны в силу суверенной власти султана и независимости страны».

---

[1]) **Князь Бюлов**, «Германская политика» (см. главу о марокканском вопросе.)

[2]) Курсив мой. *М. П.*

«Мой визит в Марокко, — сказал Вильгельм II, — является признанием независимости этой страны». И, чтобы подчеркнуть это заявление императора, «Дейче Банк» ссудил правительству марокканского султана 10 миллионов марок, дабы освободить его от необходимости обращаться за деньгами к французским банкам.

Поездка Вильгельма II в Танжер показала французским империалистам, что Германия не позволит им одним так легко проглотить целиком весь марокканский пирог. Германия потребовала созыва международной конференции для разрешения марокканского вопроса и установления прав различных держав в этой части Африки. Но главный представитель французских империалистов, министр иностранных дел Делькассе, не желал слышать о международной конференции по поводу Марокко. Уже в 1905 г. Делькассе готов был начать войну с Германией из-за Марокко. Чтобы получить «свободу действий» в Марокко, Делькассе в 1901 г. уступил непринадлежащее Франции Триполи Италии, северное побережье Танжера — Испании (октябрьский договор 1904), он отказался в пользу Англии по договору 8 февраля 1904 г. от французских прав в Египте, от интересов Франции на великом пути Капштадт-Каир, уступил одновременно Великобритании французские рыбные промыслы в Новой Земле, — и вдруг теперь Делькассе приходилось отказываться и от Марокко и признать всю политику в течение последних лет потерпевшей полное фиаско. На это Делькассе не мог согласиться, и он готов был скорее поставить на карту судьбу Франции и всей Европы, пожертвовать миллионами человеческих жизней, чем отказаться от своих империалистических планов.

Поэтому, когда на экстренном заседании французских министров 6 июня 1905 г. президент совета и министр финансов Рувье ознакомил своих коллег с теми печальными результатами, к которым привела страну политика Делькассе, и поставил дилемму: или согласие на конференцию, или отказ от конференции, и в последнем случае неизбежная война с Германией, — война, к которой Франция совершенно не готова, — Делькассе заявил, что он не раскаивается в своей политике и что он, наоборот, требует доведения ее до логического конца[1]. Он признал невозможным отдать марокканский вопрос на обсуждение третьих держав и требовал разрешения марокканской проблемы хотя бы войной, если Германия, действительно, думает серьезно стать поперек планам Франции. Чтобы ободрить своих коллег и рассеять их страхи пред перспективой вооруженного конфликта с грозным соседом, Делькассе заявил, что Англия согласна подписать с Францией оборонительный союз и поддержать Францию всеми силами своих флотов в случае, если Германия осмелится атаковать ее. Основываясь на этом обещании Англии, Делькассе заявил о необходимости отвергнуть немецкое требование созыва международной конференции

[1]) См. статью «Забытая страница» в газете «Фигаро» от 3 марта 1911 г.

по поводу Марокко. Но президент совета министров Рувье гневно заявил, что «у него скорее отсохнет рука, чем он согласится подписать этот оборонительный союз с Англией, что германское правительство передало ему, Рувье, о своем намерении немедленно объявить войну Франции, если последняя примет английское предложение».

«Пусть французские министры знают, по крайней мере, чем они рискуют», — велел передать Вильгельм II правительству республики. «Нанси, взятый в 24 часа, немецкая армия перед Парижем через 3 недели. Революция в 15 главных городах Франции и семь миллиардов франков контрибуции за все повреждения, которые английский флот не преминет нанести немецкому», — вот какой перспективой пригрозил Вильгельм II Франции.

Но эти перспективы не напугали Делькассе. В ответ на заявление Рувье, Делькассе, как рассказывали в то время, прошептал: «Объявим мобилизацию» [1]). Но все министры отвергли это безумное предложение, и Делькассе тут же заявил о том, что он подает в отставку. И, действительно, немедленно после окончания совета министров Делькассе подал президенту республики прошение об отставке.

Итак, уже в 1905 г. Европа чуть было не сделалась, по воле Делькассе и других империалистов, ареной мировой войны из-за Марокко. А между тем в этот момент Франция совершенно не была подготовлена к войне, и поэтому с особой силой восстал на совете министров против планов Делькассе военный министр Берто. Как писала в 1915 г. франкофильская швейцарская газета «Женевуа», «если бы Франция в 1905 г. начала войну с Германией, Франция теперь уже не существовала бы». Не следует забывать, что в течение шести месяцев после этой тревоги поезда днем и ночью циркулировали по восточной железной дороге, подвозя боевые запасы и артиллерию к пограничным крепостям [2]). В общем было затрачено около 300.000 фр. на пополнение боевых запасов в этих крепостях и на приведение последних в готовность.

16 января 1906 г. международная конференция по вопросу о Марокко собралась в Алжесирасе. Эта конференция не оправдала надежд, которые возлагали на нее германские империалисты. Французская дипломатия заручилась поддержкой держав, на помощь которых рассчитывала Германия. Испания поддержала Францию, так как последняя обещала и ей часть Марокко, и Испания, естественно, желала разделить это африканское государство между двумя наследниками, а не тремя, рассчитывая в первом случае получить бóльшую долю добычи. Италия была предоставлена свобода действий в Триполи, и она обязалась поддерживать французские планы в Марокко. Наконец, даже вторая союзница Германии, Австро-Венгрия, не обнаружила особого рвения в защите на Алжесирасской конференции немецкой политики по отношению к Марокко.

---

[1]) См. Шарль Моррас, «Киль и Танжер», стр. 147. Париж, 1910.
[2]) «Юманитэ» 22, X, 1905.

Дело в том, что французская дипломатия обещала предоставить Австро-Венгрии свободу действий на Балканах, если последняя поддержит Францию в Марокко, и Австро-Венгрия нашла это предложение очень выгодным. И поэтому, когда впоследствии Австро-Венгрия аннексировала Боснию-Герцеговину, французская дипломатия отнеслась очень снисходительно к этому акту со стороны Двуединой империи в награду за политику последней на Алжесирасской конференции [1]).

Резолюция Алжесирасской конференции разочаровала немецких империалистов, но все же эта конференция связывала руки французским империалистам. Конференция предоставила большую свободу действий интернациональному капиталу, интернациональным трестам и синдикатам, и этим самым она мешала монополизации Марокко исключительно в интересах французского национального капитала, французских трестов и синдикатов. В общем, результаты конференции не удовлетворили ни французских, ни германских империалистов, поэтому было очевидно, что конференция не разрешила франко-германского конфликта из-за Марокко, а лишь отсрочила это разрешение на другое время. Во всяком случае, Алжесирасская конференция признала «тройной принцип суверенитета и независимости султана, территориальной неприкосновенности его государства и свободной торговли без какого бы то ни было неравенства». Вместе с тем конференция поручила Франции и Испании надзор за сохранением порядка на марокккской границе в 8 открытых для торговли марокккских портах. В своей книге «Германская политика» Бюлов определяет значение резолюции Алжесирасской конференции в следующих словах: «Резолюции Алжесирасской конференции положили конец французским планам тунисификации Марокко. Эти резолюции являются для нас своего рода погремушкой, с помощью которой мы будем подымать каждый раз шум, как только Франция будет делать попытки привести в исполнение свои планы». Действительность не оправдала этих оптимистических надежд Бюлова, и Франция, несмотря на постановления Алжесирасской конференции, неуклонно шла к завоеванию Марокко.

5. Агадирский удар 1911 г.—Вмешательство Англии.—Снова перед призраком мировой войны.—Франко-германский компромисс 1911 г.

Танжерский удар был первым острым проявлением противоречий французских и германских интересов в Марокко. Не успело улечься впечатление, произведенное на всю Европу Танжерской демонстрацией, как в октябре 1908 г. снова вспыхнул конфликт между Францией и Германией из-за Марокко. Поводом к тому конфликту послужил арест французскими властями 25 сент. 1908 г. в марокккском порту Казабланке 6 дезертиров французского иностранного легиона, в том числе трех немцев, получивших проходное свидетельство от немецкого консула

[1]) См. речь Жореса на заседании французской палаты депутатов от 19, 20 дек. 1911 г.

в Казабланке. Так как во время этого ареста подвергся оскорблениям со стороны французских солдат чиновник немецкого консульства г. Юст, сопровождавший дезертиров и посадивший их на немецкое судно, германское правительство потребовало от французского извинений по поводу инцидента в Казабланке. Конфликт принял столь острый характер, что французским войскам на немецкой границе было запрещено отлучаться из казарм, были приняты экстренные военные меры и было решено в принципе мобилизовать класс резервистов, освобожденный в сентябре 1907 г. Английская пресса дала понять, что Великобритания поддержит Францию всеми силами в случае нападения со стороны Германии. «Вильгельм II согласился отказаться от своего плана начать войну из-за пустячного повода», — говорит Ив Гюйо, рассказывая об этой истории.

Наконец, третий и самый опасный конфликт из-за Марокко вспыхнул в 1911 г. в связи с пресловутым «агадирским ударом» (coup d'Agadir). За пятилетний период от созыва Алжесирасской конференции до 1911 г. Франция значительно усилила свое влияние в Марокко и с каждым днем все энергичнее и успешнее уничтожала последние остатки марокской независимости. В начале 1911 г. Франция мобилизовала громадные военные силы в Марокко и предприняла экспедицию в Фец, столицу этого государства. Вступление французских войск в Фец, занятие ими Мекинеца и других важнейших пунктов Марокко взволновало германских империалистов. Было очевидно, что, несмотря на резолюцию Алжесирасской конференции, Франция решила уничтожить независимость Марокко и превратить эту область во французскую колонию.

В начале июля 1911 г. германское правительство объявило о своем решении послать немецкое военное судно в Агадир, марокский порт на Атлантическом побережьи, якобы для защиты жизни и интересов немецких подданных в Марокко в виду анархии, царящей в этой стране. Объясняя значение этой демонстрации, немецкая империалистическая газета «Теглихе Рундшау» (Tägliche Rundschau) писала:

«Немецкий народ очень нуждается в колониях. Возможно, что Франция предложит нам Конго. Однако, Германия не желает компенсации в других местах, она желает получить часть Марокко».

Перспектива появления немецкого судна у Агадира вызвала сильное волнение во французских правящих кругах, во всей прессе. Был созван экстренный совет министров. Было предложено в ответ на немецкую демонстрацию послать в Агадир французское военное судно. Но при сложившихся обстоятельствах это было равносильно объявлению войны, и потому это предложение было отвергнуто, на этот раз сам Делькассе, в этот момент французский морской министр, нашел предложение крайне опасным. Между тем тон германского правительства и немецкой империалистической прессы становился все более угрожающим. Вначале германское правительство предупреждало, что оно пошлет в Агадир маленькую миноноску «Пантеру», теперь оно решило придать

более энергичный характер своей демонстрации и отправило в Агадир крейсер «Берлин» с экипажем в 260 человек и 130 офицеров.

Положение снова приняло крайне опасный характер. Но здесь опять вмешалась Англия. Как только в Англии получилось сообщение о намерении Германии послать «Пантеру» в Агадир, английский министр иностранных дел сэр Эдуард Грэй призвал германского посланника Вольфа-Меттерниха к себе и заявил ему, «что положение крайне серьезное» и что «вопрос о посылке немецкого судна в Агадир будет рассмотрен в английском кабинете министров». Итак, Англия решительно давала понять, что вопрос о немецких притязаниях в Марокко затрагивает не только Францию, но и Англию. На следующий день Грэй снова призвал к себе Вольфа-Меттерниха и категорически сообщил последнему, что Англия не признает никакого договора между Францией и Германией, заключенного помимо Англии, что последняя должна принять участие в каких бы то ни было переговорах, которые отныне будут вестись по поводу Марокко. *Английское правительство дало понять, что оно не желает допустить Германию утвердиться в какой бы то ни было части Марокко.* Вся английская пресса стала трубить о той опасности, которой подвергнется мировое положение Великобритании, если Германия захватит Атлантическое побережье. Наконец, министр финансов Ллойд-Джордж в речи, произнесенной им во дворце лорда-мэра 21 июля 1911 г., по соглашению с своими коллегами [1]), заявил, что «если сохранение мира может быть куплено путем отказа Великобритании от того великого и выгодного мирового положения, которое она заняла в результате вековых побед, в таком случае такой мир был бы невыносимым унижением для великой нации, подобной нашей» [2]). Это была прямая угроза войной по адресу Германии, если последняя будет упорствовать в своих требованиях уступок в мароккском вопросе. Английское правительство провозгласило категорически, что оно не допустит никаких немецких территориальных приобретений в Марокко. «*Вопрос о безопасности нашей международной торговли не является партийным вопросом*», грозно заявил по адресу Германии в той же речи Ллойд-Джордж, давая понять, что в мароккском вопросе и либералы, и консерваторы будут действовать солидарно, считаясь исключительно с имперскими интересами, и не оста-

---

[1]) Впоследствии, именно 27 ноября 1911 г., английский министр иностранных дел сэр Эдуард Грэй на заседании палаты общин подтвердил в официальной декларации, что речь Ллойд-Джорджа от 21 июля была произнесена по поручению кабинета. См. «Политическая жизнь», том 6, стр. 100. («La Vie politique».)

[2]) Речь Ллойд-Джорджа вызвала такую тревогу во Франции, что через день после ее произнесения английский посланник в Париже Берти выехал в Лондон с секретной миссией изложить английскому кабинету точку зрения французского правительства, считавшего речь Ллойд-Джорджа чересчур воинственной и несоответствующей миролюбивому настроению Франции, отнюдь не желавшей войны из-за Марокко. См. мою статью «Внешняя политика в 1911 г.», «Современник», 1912 г. январь. Стр. 228.

новятся даже перед войной во имя охраны господства Великобритании на всех морских путях.

Империалистическая Англия готова была в 1911 г. начать войну с Германией из-за Марокко и заявила правительству республики о своем намерении притти на помощь Франции всеми своими вооруженными силами. Кроме того, как об этом сообщил депутат Годен де-Вилен на заседании французской палаты, Россия дважды во время Агадирской истории предлагала свою вооруженную помощь Франции. Все это подбодрило французскую военную партию, и в сентябре 1911 г. вдоль немецкой границы от Виллерсекселя до Нанси были произведены маневры французских войск [1]).

Итак, в 1911 г. в третий раз чуть было не вспыхнула война между Германией и Францией из-за Марокко, — война, в которую оказалась бы втянутой вся Европа.

Однако, и во Франции, и в Германии восторжествовала партия мира, и решено было начать переговоры о компенсациях Германии за предоставление свободы действий французам в Марокко.

В виду решительного противодействия Англии, Германия, совершенно не готовая в тот момент к морской войне, согласилась отказаться от требований каких-либо территориальных уступок в Марокко. Зато Германия потребовала себе важных экономических уступок в Марокко. Германия потребовала, чтобы все Марокко было разделено на две зоны, на северную и южную. Северная зона входила в область преимущественного экономического влияния Франции, а южная — Германии. В северной зоне Германии должно было быть предоставлено 30% всех правительственных заказов по сооружению дорог, портов, и т. д., а в южной 70%. Та же пропорция должна была быть соблюдена в предоставлении прав Франции и Германии по эксплоатации железных рудников Марокко, так что 70% всех таких рудников в южной зоне должны были перейти в руки Германии. Французская пресса решительно отвергла это требование Германии и доказывала, что уступка в данном пункте была бы торжеством немецкой фирмы братьев Маннесман, вовлекшей Германию на путь марокккской авантюры и непрестанных конфликтов с Францией из-за этой части африканского континента.

Кроме того, Германия потребовала от Франции уступки ей всего Французского Конго от Санги до океана, всего французского Габона, далее, передачи Германии права преемственности на Испанскую Гвинею и на Бельгийское Конго. В награду за эти компенсации Германия согласилась предоставить Франции свободу действий в Марокко вплоть до готовности признать французский протекторат над Марокко.

Итак, хотя Германия взяла на себя в течение последних десятилетий роль друга и защитника 300 миллионов мусульман, рассеянных по всему миру, и хотя князь Бюлов в своей книге «Германская политика»

---

[1]) «Политическая жизнь» («La Vie politique», t. VI). Париж. 1913 г. См. стр. 121.

доказывал, что Германия потеряет свой престиж в Турции, если согласится отдать после Танжера мусульманское Марокко на съедение французам, все-таки она соглашалась примириться с полным уничтожением самостоятельности Марокко, с «тунисификацией» этой мусульманской страны в награду за предоставление немецким металлургистам монополии на эксплоатацию значительной части рудников в Марокко и за уступку Германии обширных территорий в Африке.

Возможно, что империалистическая Франция, предоставленная самой себе, неподготовленная к войне с Германией, вынуждена была бы или пойти на серьезные уступки немецким требованиям, или окончательно отказаться от своих планов превращения Марокко во французскую колонию, но Англия стояла на-страже и заявила, что германские притензии являются попыткой к такому нарушению равновесия в Центральной Африке, которое может поколебать мировое положение Англии. Здесь опять-таки вставал вопрос о великих английских рельсовых проектах от Каира до Капштадта и от Индийского океана до Атлантического.

Германии пришлось значительно сократить свои требования, и «агадирский удар» закончился франко-германским договором 4 ноября 1911 г., удовлетворившим лишь в самой незначительной степени притязания немецких империалистов относительно африканского континента. По вопросу о Марокко Германия добилась признания принципа свободной торговли и равенства экономических прав Франции и Германии в империи шерифа. Кроме того, Германия обеспечила за собой право эксплоатации железных рудников Марокко и беспошлинного вывоза металлов из Марокко в Германию.

Франко-германский договор 1911 г. не улучшил отношений между Францией и Германией, наоборот, он увеличил точки соприкосновения между обеими сторонами в Африке и этим создал поводы к новым и новым трениям между договаривающимися сторонами. «Не подлежит никакому сомнению», — писал автор этих строк в своей упомянутой статье о «Внешней политике» в 1911 г. [1]) — «что теперь для Франции в результате только что подписанного договора нет другого выхода, как или вступить в более тесное сближение с Германией, или же начать эру небывало обостренной экономической и дипломатической борьбы с могучим соседом, — борьбы, которая фатально поведет к кровавому конфликту, невиданному до сих пор в истории, и в который будут вовлечены многие другие государства и при том не только державы Тройственного Согласия и Тройственного Союза, но также Бельгия, Испания и другие заинтересованные страны».

После договора 4 ноября 1911 г. Германия и Франция не вступили в тесное соглашение друг с другом. Наоборот, германские империалисты

---

[1]) Мих. Павлович, «Внешняя политика в 1911 г.» («Современник», 1912 г. Январь. Стр. 232, 233).

увидели в ноябрьской конвенции 1911 г. дипломатическое поражение Германии, требующее реванша. Отныне марокканский вопрос становится, по выражению Жюля Камбона, французского посланника в Берлине, в тайной ноте министру иностранных дел Пишону от 30 июля 1914 г., своего рода «национальным вопросом» для Германии, «жизненным вопросом», от того или другого разрешения которого зависит, будет ли Германия расширяться вовне или нет.

В свою очередь французская шовинистическая пресса начинает писать об уступках в Экваториальной Африке, вырванных Германией у Франции, как о величайшем оскорблении, нанесенном престижу Франции. Основная идея французской империалистической прессы заключалась в том, что Франция имеет право овладеть всем Марокко, и что она не обязана давать какие-либо компенсации Германии за расширение Франции в той или другой части континента. И эта пресса изображала государственных деятелей вроде Кайо, признававших необходимым сделать некоторые территориальные уступки Германии в Африке, или социалистов вроде Жореса, как людей, подкупленных немецким правительством.

Конвенция 4 ноября 1911 г. обострила отношения не только между Францией и Германией. Передача Францией права преемственности на Бельгийское Конго Германии вызывала сильную тревогу в империалистических кругах Бельгии, увидевших, что Германия решила во что бы то ни стало овладеть бельгийской колонией. Отныне в правящих кругах нейтрального государства все более и более крепнет мысль о необходимости теснейшего сближения с противниками Германии, Францией и Англией, для противодействия немецким захватным планам в Африке.

6. Политика Англии в марокканском вопросе. — Основные тенденции английской мировой политики. — Борьба против утверждения Германии в Марокко. — Политика английских колоний в марокканском вопросе.

Изучая различные перипетии марокканского конфликта, мы видим, с каким упорством и непримиримостью Англия становилась в решительные моменты поперек германским империалистическим планам в северо-западной части Африки. Готовая итти на уступки в багдадском вопросе, где Германии приходилось преодолевать сопротивление могучей России и иметь сверх того дело с правительством Оттоманской империи, вдесятеро более сильным, чем правительство султана Марокко, Англия в марокканском вопросе не желала и слышать о каких-либо существенных уступках Германии, и, наоборот, толкала Францию к самому энергичному сопротивлению немецким планам. Далее, те самые английские газеты, которые относились совершенно равнодушно к таким фактам, как вопиющее нарушение Францией Алжесирасского договора, выразившееся в занятии французскими войсками марокканских областей Уджи и Шауйи, в высадке

в Казабланке 25.000-французской армии, доведшей численность французских войск в Марокко до 75.000 человек, наконец, в экспедиции в Фец,— одним словом, в постоянном уничтожении самостоятельности Марокко, или как занятие Испанией порта Лараша и высадка в Марокко 40.000-ой армии; те самые английские газеты, которые не проронили ни одного протестующего слова по поводу всех этих актов международного разбоя и вероломного нарушения торжественно подписанных при участии Англии договоров, подняли отчаянный вопль, когда Германия послала к берегам Марокко небольшое военное судно, и стали кричать о ненасытных аппетитах Германии, об ее разбойничьих планах. Между тем и при посещении Танжера, и при посещении Агадира немецким военным судном ни один немецкий моряк не был высажен на берег и ни один марокканец не был убит, в то время, как от французских и испанских пуль пали уже десятки тысяч туземцев.

Некоторые английские публицисты, как например Морель, наивно трактовавший вопрос о марокккской политике английского правительства с этической точки зрения, никак не могли понять причины этой глубокой разницы в отношении министерства и прессы к Франции и Испании, с одной стороны, и в Германии—с другой. Чтобы понять политику Великобритании в марокккском вопросе, достаточно взглянуть на географическую карту африканского континента и на положение Марокко в Африке. В самом деле, Марокко представляет собой как бы краеугольный камень северной части Черного континента, командующий сообщением между двумя морями и расположенный как раз насупротив Гибралтарского пролива. Марокко находится в северо-западной части Африки и омывается на западе Атлантическим океаном, а на севере — Гибралтарским проливом и водами Средиземного моря. Английские империалисты всегда рассматривали марокккский вопрос с точки зрения господства Великобритании в Гибралтарском проливе. Владея Гибралтаром, Англия командует доступом к Средиземному морю, этой великой военно-торговой дороге из важнейших стран Европы и Америки в Азию. Англия не желала допустить утверждения на северном берегу Африки, как раз насупротив Гибралтара, какой-нибудь сильной сухопутной и морской державы, которая могла бы угрожать интересам английской мировой торговли. Англия самым энергичным образом поддерживала Испанию против Франции, поскольку последняя стремилась к захвату африканского побережья, прилегающего к Гибралтару и близлежащим областям. В этом отношении политика английского правительства была ясна. Англия стремилась не только к интернационализации Танжера, она желала полной изоляции этого важнейшего порта, лежащего неподалеку от Гибралтара, с помощью государства-буфера, с помощью испанского гласиса, который в случае нужды мог бы защитить этот великий стратегический пункт против возможного в будущем натиска французских батальонов. Испано-французское соперничество в Марокко являлось с английской точки зрения лучшим

средством охраны великой морской дороги, идущей через Гибралтарский пролив к Суэцкому каналу, берегам Индии и китайским водам [1]).

Однако, поддерживая в Марокко Испанию против Франции, Англия одновременно всеми своими силами поддерживала в той же части Африки Францию против Германии, не допуская территориальных захватов последней в северо-западной части Черного континента. Английские империалисты имели основание опасаться, что могучая Германия, развивавшая не по дням, а по часам с лихорадочной быстротой свои экономические и военные силы, сумеет, захватив хотя бы клочок Марокко, сделаться опаснейшим соперником Англии на Средиземном море и на Атлантическом океане. Франция и Испания в Марокко нейтрализовали друг друга и ослабляли ту опасность, которая со стороны каждой из этих держав могла бы грозить Англии. Между тем появление нового элемента в лице грозной Германии на марокккской арене могло решительно изменить всю ситуацию в этой части земного шара. Испания и Германия могли бы легко столковаться между собой и стать поперек и Франции, и Англии в Марокко. Между тем Испания сама по себе не могла быть опасной Англии. И вот почему во время англо-французских переговоров 1904 г. о Марокко Англия поставила условием, чтобы все африканское побережье насупротив Гибралтара было предоставлено Испании, и чтобы Франция раз навсегда отказалась от всяких попыток распространить свое влияние и на эти области, где только слабая Испания могла быть безопасным соседом для английских владений в Гибралтаре. И в марокккском вопросе Англия продолжала свою старую политику, политику великобританских торговцев, для которых основной задачей имперской мировой политики является охрана торговых путей и, прежде всего, пути на Индию. Для охраны своего господства на этом великом пути Англия захватила Гибралтар, Мальту, Кипр, оккупировала Египет и Суэцкий канал. В Малой Азии она наложила свою руку на Бассору и на все южное течение Евфрата, чтобы не позволить немецкому стальному клину врезаться в Персидский залив, откуда идет близкий путь на Индию и в другие части Азии. В Персии она столковалась с Россией в 1907 г. и подчинила своей гегемонии всю южную Персию, чтобы охранять те же пути и подступы к Индии.

И в то время, как Великобритания продолжала свою традиционную политику и направляла всю свою энергию прежде всего на охрану мировых путей английской торговли, довоенная Германия, эта величайшая металлургическая и индустриальная держава, стремилась прежде всего овладеть элементами, которые обеспечили бы гегемонию Германии, как промышленной державы. И потому она разыскивала в Марокко прежде всего подпочвенные богатства, железную руду, медь и другие металлы, столь необходимые для мощной германской промышленности, для заводов

---

[1]) См. мою статью: «Внешняя политика в 1911 г.» («Современник». 1912 г. № 1, стр. 224 — 228).

Круппа, Тиссена, Эргарта, и т. д. [1]). И если ей нужен был какой-либо порт на марокском берегу, это было необходимо прежде всего для того, чтобы, минуя французские, испанские и другие таможенные рогатки, свободно вывозить из Марокко все то, что искала в этих областях германская индустрия. Правда, по конвенции 4 ноября 1911 г., Германия, как мы упомянули выше, выговорила себе право экспортировать беспошлинно из Марокко железную руду и поставила условием, что никакая вывозная пошлина не будет установлена в марокских портах на эксплоатируемые металлы, но пока Германия не владела хотя бы клочком марокской территории и своим собственным портом на Атлантическом океане, она не считала обеспеченными интересы своей металлургической промышленности в Марокко.

Понадобился кровавый урок мировой войны, чтобы вся Европа поняла роль металлов, железа, меди, никкеля, и т. д. — в качестве основных элементов военной и экономической мощи Германии, — и те мотивы, которые толкали Германию к борьбе за Марокко и некоторые другие колонии.

Во время марокских осложнений 1911 г. и шума, поднятого международной прессой в связи с агадирским инцидентом и бряцанием оружием в Англии, Франции и Германии из-за марокского вопроса, обнаружился один любопытный факт, значение которого было совершенно не оценено в то время, и который тем не менее оказал свое влияние на происхождение мировой войны, в той решительной политике, которую сразу заняла Англия, как только в июле 1914 г. вспыхнул конфликт между Францией и Россией, с одной стороны, Германией и Австрией — с другой. «Агадирский инцидент» вызвал волнение не только в европейской прессе, но также в прессе южно-африканской и австралийской. Влиятельные органы южно-африканской и австралийской печати с необычайным сочувствием цитировали пресловутую речь Ллойд-Джорджа от 21 июля 1911 г. и указывали, что в интересах охраны безопасности обоих великих торговых путей через Средиземно-Суэцкий канал и Атлантического — от берегов Англии в Капштадту — водворение Германии в Марокко не должно быть допущено. И, таким образом, борясь с немецкими планами в Марокко, лондонский кабинет защищал интересы не только английского империализма, но и империализма великобританского, т. е. Англии со всеми ее колониями.

---

[1]) Насколько германские капиталисты интересовались вопросом о подпочвенных богатствах той или другой области, видно из того, что на всех немецких картах обозначаются залежи металлов, в то время, как в Англии и Франции, не говоря уже о других странах, подобные указания имеются лишь в специальных атласах. См. речь Маргена на заседании французской палаты депутатов 21 ноября 1913 г.

7. Марокская авантюра и ее влияние на ослабление экономических и военных сил Франции.

Марокская авантюра дорого обошлась Франции. В 1908 г. известный писатель Делези определял стоимость марокской авантюры только за 4-летний период с 1905 по 1908 г., т.-е. с момента танжерской истории, в 345.000.000 фр. Но особенно много затратила Франция на марокские дела именно за последующий пятилетний период, предшествовавший мировой войне.

По официальным данным, представленным в сенат, военные расходы на марокскую экспедицию превысили за этот период 700 милл. фр., а именно:

В 1909	17.000.000
» 1910	12.000.000
» 1911	63.000.000
» 1912	133.000.000
» 1913	244.000.000
» 1914	333.000.000
Итого . . .	802.000.000.

В действительности, военные расходы Франции за период с 1900 по 1914 г. в связи с марокской авантюрой были значительно выше. Ведь франко-германские осложнения из-за Марокко дали повод французским милитаристам потребовать значительного увеличения военного бюджета республики для усиления численности сухопутной армии, введения трехлетней воинской службы на место двухлетней, создания новых эскадр в Средиземном море, и т. д. Во всяком случае, расходы Франции в нынешнем столетии, связанные с марокской авантюрой, можно определить минимум в 2 миллиарда. Эти непроизводительные расходы явились одним из элементов, ослабивших развитие производительных сил Франции.

В то время, как Германия семимильными шагами шла вперед в области технических сооружений, без которых совершенно невозможен технический прогресс в современную нам эпоху, в то время, как Германия строила все новые и новые железнодорожные ветви, производила гигантские работы по сооружению и расширению своих портов, затрачивая сотни и сотни миллионов рублей на Гамбург, Бремен, и т. д., углубляла старые каналы и проводила новые для соединения речных систем, — Франция в области технических работ стояла на одном и том же месте, — и ее порты, ее железные дороги, ее каналы оставались в состоянии, недостойном великой страны. Таким образом, в то время, как Германия с поразительной быстротой развивала свои экономические силы и превращалась в величайшую в мире промышленную державу, Франция, несмотря на ее колоссальные богатства, на ее железо, на ее гидравлические силы, на ее прекрасное географическое положение, и т. д., отставала не в малой мере, благодаря своей разпуз-

данной колониальной политике, всем этим тунисским, алжирским, индо-китайским и, наконец, марокканским авантюрам, от своей грозной соперницы в борьбе за мировую гегемонию на поле экономической борьбы. После того как Франция затратила на алжирскую авантюру 4 миллиарда франков [1]), на завоевание отдаленного Индо-Китая 6 миллиардов франков, страна вынуждена была выбросить в начале XX столетия на марокканские дела более 2 миллиардов. Само собой разумеется, что эта разорительная политика колониальных авантюр не могла не оказать своего губительного влияния на индустриальное развитие метрополии, на ее промышленную отсталость, на упадок ее влияния на мировом рынке.

Но колониальные авантюры ослабили не только экономическую мощь Франции, они повели к уменьшению и ее военной мощи. Обыкновенно в опровержение этого положения указывается на факт участия в рядах французской армии негрских, марокканских и т. д. батальонов, сражавшихся в мировой войне на европейском фронте. Но численность этих войск по отношению ко всей мобилизованной французской армии была незначительна. В общем, за исключением наемных туземных войск и полков, набранных из французских колонистов, многомиллионное население французских колоний не было привлечено и не могло быть привлечено к защите метрополии. Когда в октябре 1916 г., т.-е. после более чем двухлетней войны с Германией, редактор известной газеты «Л'Энформасьон» Леон Шавенон указал на необходимость даровать алжирским арабам равноправие, чтобы иметь возможность ввести в Алжире всеобщую воинскую повинность и набрать, таким образом, 300 — 400-тысячную армию [2]), этот совет был встречен крайне неодобрительно в колониальной прессе. Французские империалисты предпочитали скорее пожертвовать жизнью еще одного миллиона французских крестьян и рабочих, вовлечь в войну Румынию, Грецию, Португалию, чем даровать права французских граждан своим алжирским, тунисским и т. д. подданным. Согласно тайным желаниям французских империалистов, если для победы над Германией нужно было даровать равноправие алжирцам, тунисцам и аннамитам, в таком случае выгоднее проиграть войну и сохранить зато внутренний status quo (прежнее положение) в колониях.

Итак, 50-миллионное население французских колоний приняло сравнительно ничтожное участие в обороне метрополии против внешнего врага. Между тем, военная экспедиция последних десятилетий не в малой мере дезорганизовала военный аппарат Третьей Республики. Не следует забывать, что в течение последнего десятилетия были годы, когда буквально дня не проходило, чтобы французские войска в том или другом месте африканского континента не сражались против туземцев.

---

[1]) См. статью известного французского экономиста **Поля Леруа-Болье** в «Обозрении двух миров» 19 января 1908 г., стр. 16.

[2]) «Энформасьон», 18 октября 1916 г.

Особенно упорные и кровавые сражения велись в Марокко. Вот список крупных экспедиций в одном лишь Марокко за последние годы.

1907 г. март — экспедиция французского отряда Друда (4.000 человек). Октябрь — экспедиция генерала Друда (6.300 человек). Декабрь — экспедиция генерала Друда (9.000 пехотинцев и 2.850 кавалеристов); сверхсметные расходы — $10^{1}/_{2}$ милл. франков.

1908 г. 1 января — экспедиция генерала Друда (4.000 человек). 16 января — экспедиция генерала Амада (8.400 человек). Февраль—экспедиция генерала Амада (10.000 человек и 4.000 лошадей. Март—экспедиция генерала Амада (14.000 человек и 4.640 лошадей). Все эти экспедиции имели целью замирение мароккской области Шауйи. Сверхсметные расходы 38.198.000 франков.

1909 г. Период спокойствия. Экстраординарные военные расходы в Марокко — 16.711.000 франков.

1910 г. Непрерывные экспедиции в области Казабланки. Поход на Тадлу. Сверхсметные расходы — 11.775.000 франков.

1911 г. Экспедиция 27.000-го отряда под командой Мирнье на Фец. Занятие Мекнеса. Экспедиция 14.000-го отряда под командой Путэ в Деббон. Сверхсметные военные расходы — 63.062.895 франков.

1912 г. Непрерывные стычки в горном массиве. Восстание регулярных марокккских войск. Штурм Феца французскими войсками (25 — 30 мая). Весь этот период характеризуется непрерывным увеличением численности французского экспедиционного корпуса в Марокко, а именно:

1 июня	44.203	человек.
1 сентября	51.949	»
1 декабря	61.609	»

Экстраординарные военные расходы 133.477.302 фр.

1913 г. Подготовительные меры к взятию Тазы. Экстраординарный отряд — 74.000 человек. Экстраординарные военные расходы — 210.000.000 фр.

1914 г. Взятие Тазы. Численность экспедиционного отряда — 90.000 человек.

Из-за чего возникали все эти экспедиции? Вот как объясняет французский писатель Делези происхождение первой из упомянутых выше карательных экспедиций:

«Агенты Крезо нашли в Рас-Фураль, на территории воинственного племени бенни-снассен, прекрасную руду с богатым содержанием металла (65%). Но население не позволило эксплоатировать эту руду. Туземцы стреляли в французов. Примчался ген. Лиотэй с 9.600 человек, 2.850 кавалеристов, 3 батареями пушек, 4 секциями горной артиллерии, 2 секциями митральез. Бенни-снассен были усмирены в течение месяца и приговорены уплатить большой штраф, но так как они не в состоянии были уплатить наложенной на них большой суммы, то они согласились в виде возмещения

разрешить эксплоатацию железных рудников на их территории» [1]).

Таким образом, пушечный и металлургический король Шнейдер поставил на своем и лишний раз иллюстрировал могущество пушечных и металлургических царьков Франции во внешней политике Третьей Республики. В интересах-то этих королей французская армия в Марокко была доведена накануне войны до внушительной цифры 90.000 человек.

Итак, накануне мировой войны Франция содержала целую армию в Марокко. Не трудно себе представить, какое колоссальное количество снарядов, патронов, и т. д. пришлось израсходовать за этот долгий период непрерывных экспедиций, где в сражениях участвовали тогда десятки тысяч человек с обеих сторон [2]). Так, во время экспедиции генерала Амада в Шауйю в 1908 г. (14.000 человек, 4.600 лошадей, 16 полевых орудий, 6 горных пушек, 20 митральез) было израсходовано, по докладу Думера, 66.200 снарядов, 17.000.000 патронов и приведено в полную негодность солдатское обмундирование на значительную сумму (более 2 милл. фр.). Само собой разумеется, что во время экспедиций следующих годов, в которых участвовало с французской стороны уже не 14.000, а 40 — 90 тысяч солдат, и бои носили при том более упорный характер, было израсходовано несравненно большее количество снарядов и попорчено не только много одежды, но и орудий. И хотя сенат и палата депутатов постоянно вотировали новые и новые кредиты на колониальные экспедиции, военное министерство, находя эти кредиты недостаточными, щедрой рукой тратило на колониальную армию и колониальные экспедиции запасы патронов, снарядов, обмундирование, хранившиеся в запасных цейхаузах армии [3]). Таким образом, когда началась мировая война, оказалось, что Франция, богатая Франция, мобилизовала больше солдат, чем у нее нашлось в запасе солдатских штанов и головных уборов. В первый месяц войны обнаружилась чудовищная недостача в снарядах, патронах, даже в ружьях.

Франция вообще отставала от Германии в смысле технического оборудования своей армии, а тут еще обнаружилось, что марокская авантюра сильно расшатала военный аппарат французской армии. Достаточно указать, что французская армия имела всего 4 бронированных

[1]) «Итог марокской авантюры» («Le bilan de l'affaire marocaine»). «Ревю» 1908, август.

[2]) Очень часто эти экспедиции стоили французской армии больших потерь не только снарядами, но и людьми. Так, экспедиция в Фец в 1911 г. обошлась в 677 человек убитыми и в 4.000 человек выбывшими из строя от болезней, ран, и т. д. «Матэн» 18 янв. 1914 г.

[3]) Неудивительно, что когда в результате «танжерского удара» и крайнего обострения франко-германских отношений в 1905 г. была произведена ревизия боевых запасов, в крепостях на восточной границе было обнаружено такое опустошение военных складов, что пришлось затратить экстренно около 300 милл. франков на улучшение вооружения и пополнение боевых запасов этих крепостей и в течение шести месяцев подвозить днем и ночью по восточной железной дороге снаряды, патроны, и т. д. для опустошенных запасных цейхаузов и складов.

автомобиля, вооруженных митральезами, при том, когда началась война, все эти автомобили находились в Марокко [1]), так что их оказалось возможным пустить в ход на французском фронте только после битвы на Марне, когда значительная часть французской территории оказалась занятой немецкими войсками. То же самое можно сказать о многих тяжелых орудиях системы Банжа, которые находились в Марокко и которые пригодились бы французской армии в битве при Шарлеруа.

8. Кому пошла на пользу марокккская авантюра.—Обеззмеление туземного населения в Марокко.—Банки и марокккская авантюра.—Французский металлургический синдикат и Марокко.— Роль фирмы Шнейдера в марокккской авантюре.—Марокко и мировая война.

Марокккская авантюра, в связи со всей колониальной политикой республики, задержала экономическое развитие Франции, помешала росту ее производительных сил и расшатала военный аппарат и организацию оборонительных сил страны. Вместе с тем марокккская авантюра являлась, как об этом свидетельствуют все объективные французские писатели, как социалистического, так и умеренного лагеря, одним из важнейших факторов непрерывного обострения франко-германских отношений в течение последних 15 лет до войны, а, стало быть, она послужила в конечном счете одной из главных причин мировой войны. Какие мотивы толкали французских империалистов к овладению Марокко? С того момента, как французские империалисты выдвинули проект транс-сахарской железной дороги,—проект, который вскоре был заменен более грандиозным планом французского транс-африканского пути из Алжира до Капштадта, — французская литература, посвященная африканским вопросам, начинает усиленно обсуждать вопрос о присоединении Марокко к французским владениям. «Марокко является бульваром, ведущим к Алжиру», доказывали французские империалисты. Французское господство в Алжире, населенном 4 миллионами воинственных мусульман, является непрочным, пока Франция не утвердила своего господства в Марокко, соприкасающемся с Алжиром на протяжении 1.200 километров. Подобно тому, как Великобритания, прежде чем осуществить свой грандиозный проект великого рельсового пути от Каира до Капштадта, оказалась вынужденной утвердить свое господство на территории независимых недавно бурских республик, подобно тому, как Россия для осуществления своего проекта великого пути к Тихому океану оказалось вынужденной фактически уничтожить суверенитет Китая в прилегающих к рельсовому пути областях, — подобно тому и Франция не может взяться ни за какие великие «культурные» начинания и грандиозные технические работы на территории своей африканской империи, пока не будет твердо обеспечено господство Франции в принадлежащей ей части Черного континента. А так как фундаментом

---

[1]) «Матэн», 18 сент. 1916 г.

французской африканской империи является Алжир, а спокойствие в Алжире зависит от положения в соседнем Марокко, стало быть, Франция должна во что бы то ни стало включить Марокко в границы своей африканской империи. Иначе какая-либо иностранная держава, утвердившаяся или хотя бы получившая некоторое влияние в Марокко, сумеет в случае нужды, через посредство мусульманских агитаторов, набранных в Марокко и подосланных в Алжир, возбуждать миллионное население этой колонии против французского господства и, таким образом, будет угрожать прочности всего здания французской африканской империи. «Марокко, подчиненное французскому влиянию, — писал Делькассе представителям французского правительства за границей в своей ноте от 12 апреля 1904 г., — обозначает укрепление французского господства на севере Африки. Марокко, подчиненное иностранному влиянию, обозначает вечную угрозу нашей империи».

Итак, чтобы сохранить Алжир, нужно завоевать Марокко,—такова была основная идея французских империалистов в их африканской политике. Правда, существовал другой, более дешевый и более надежный способ скрепления уз между Алжиром и Францией, именно — дарование гражданского и политического равноправия 4-миллионному мусульманскому населению Алжира, но на такую «революционную» меру республиканская Франция не могла согласиться, несмотря на 85 лет своей «цивилизаторской» деятельности в Алжире. Когда накануне мировой войны во время дебатов о введении трехлетней воинской повинности во Франции некоторые органы французской печати и в том числе такие умеренные, как «Тан», указывали на необходимость дарования равноправия алжирским мусульманам и привлечения последних к воинской повинности, эти советы были отвергнуты правительством, как идущие вразрез с основными принципами французской колониальной политики. И когда в начале мировой войны все алжирские общины обратились к правительству с петициями, выражая свои верноподданнические чувства и свою готовность встать на защиту метрополии и высказались в пользу призыва всех способных носить оружие алжирских мусульман, указав при этом, что великая республика найдет данный момент подходящим для провозглашения равенства всех своих граждан, независимо от их национальности и религиозного вероисповедания, это воззвание мусульманского населения Алжира осталось попрежнему гласом вопиющего в пустыне. Французская буржуазия, лицемерно провозглашавшая войну с Германией великой освободительной войной, предпочла сохранить режим вопиющего неравенства, административного произвола, и т. д. в своих мусульманских колониях вместо того, чтобы дарованием равноправия увеличить францизскую армию своими мусульманскими подданными на 10 — 15 корпусов, которые помогли бы Франции победить «варварскую» Германию.

Кому же пошла на пользу мароккская авантюра? П р е ж д е в с е г о, б а н к а м и в с я к о г о р о д а а к ц и о н е р н ы м о б щ е с т в а м, а т а к ж е о т д е л ь н ы м п р е д п р и и м ч и в ы м к а п и т а-

листам, которые с самого начала марокккской авантюры стали закупать земельные участки в Марокко. Как писал в 1912 г. радикальный депутат Дюмениль, в Марокко происходит небывалая земельная спекуляция. В Танжере и Казабланке цены на землю поднялись настолько, что строить новые дома не представляется возможным. В Шауйе, которая считается замиренным краем, ни один колонист не в состоянии приобрести участка земли. Все заранее скуплено земельными банками и крупными капиталистами, которые перепродают участки по необычайной высокой цене. В городах цена на квадратный метр земли поднялась с 3 — 5 франков до 100 — 170 фр., т.-е. увеличилась в 30 — 50 раз.

Несомненно, что когда Марокко будет окончательно покорено, обезземеление населения, процесс закабаления туземцев пойдет таким же быстрым путем, каким он шел в Алжире и Тунисе, т.-е. таким лихорадочным темпом, который по своей интенсивности превосходит многие аналогичные картины, нарисованные могучей кистью Маркса [1]).

Обезземеливая туземное население, французские капиталисты не только сосредоточивать в своих руках безграничные земельные латифундии, они создают в колонии «относительное перенаселение рабочих» и получают возможность эксплоатировать ново-образованных пролетариев на самых возмутительных условиях.

Обезземеленным собственникам ничего не остается как заниматься разбоем или же продавать свою рабочую силу капиталистам. В том и другом случае руководители империалистической политики лишь выигрывают. Учащение случаев разбоя дает возможность империалистам кричать о необходимости замирения края, о посылке новых экспедиционных отрядов, о занятии новых стратегических пунктов и т. д. Что же касается вынужденной продажи своей рабочей силы, то еще Маркс сказал: «Отнятие земли у народных масс составляет основание капиталистического способа производства (см. «Капитал», т. I, глава XXV, Современная теория колонизации). Но эта колониальная политика обеспечивает не только недавно завоеванную колонию дешевым рабочим трудом. Она дает возможность и самой метрополии импортировать десятки тысяч дешевых рабочих рук из только что завоеванной колонии и, таким образом, бороться с повышением заработной платы во Франции. И чем сильнее и быстрее развивается процесс экспроприации частной собственности у туземного населения в каком-нибудь Марокко, тем более увеличивается и растет армия безработных в колонии, тем полнее обеспечивается, по выражению Маркса, снабжение рабочего рынка дешевыми руками для господина капиталиста (см. «Капитал», т. I, глава XXV. Современная теория колонизации).

И многие французские буржуазные писатели откровенно указывают на эту полезную сторону колониальной политики. Так, Жорж

---

[1]) См. мою статью: «Мусульманский вопрос во Франции». («Современник», 1912. Кн. XI, стр. 334 — 341.)

Жари в своей книге «Французские интересы в Марокко» с особым ударением останавливается на проблеме рабочей силы во Франции и указывает, что благодаря тем громадным резервам рабочих рук, которыми располагают французские колонии, французская индустрия и французское сельское хозяйство не будут иметь недостатка в рабочих руках. И, действительно, в южных городах Франции, в Марселе, Тулоне, и т. д., в северном фабричном округе, т. е. в департаментах Лилля, Рубэ, и т. д., алжирцы, тунисцы, и т. д., начинают занимать по численности все более и более видное место в армии чернорабочих. Особенно сильный толчок в этом направлении дала мировая война, благодаря которой на всех французских фабриках появились не только новые десятки и десятки тысяч рабочих из Алжира, Туниса, Марокко, но и из более отдаленных колоний [1]) (Индо-Китай).

О том, как отдельные банки и отдельные финансисты наживались на марокккской авантюре, рассказывает, между прочим, Мопассан в своем известном романе «Чудный друг» устами г-жи Вальтер, жены темного финансиста, организовавшего совместно с министром иностранных дел Ларошем экспедицию в Танжер. Г-жа Вальтер, метресса журналиста Леруа, советует последнему купить на 10.000 фр. марокккских бумаг, доказывая, что эта операция даст ему через несколько месяцев более 50.000 чистой прибыли. На основании подслушанного ею разговора между ее мужем Вальтером и ставленником последнего, министром иностранных дел Ларошем, метресса Леруа сообщает последнему следующую важную государственную тайну.

«Экспедиция в Танжер была решена ими (Вальтером и Ларошем. *М. П.)* с того дня, как Ларош занял пост министра иностранных дел. Мало-по-малу они скупили весь марокккский заем, который пал до 64 или 65 франков. Они скупили этот заем очень ловко через посредство всякого рода темных агентов, которые ни в ком не возбуждали подозрения насчет серьезности дела. Они одурачили даже Ротшильдов, удивлявшихся, почему это постоянно требуются марокккские бумаги. Ротшильдам назвали имена посредников, людей темных, подозрительных, не имеющих веса на бирже. Это совершенно успокоило банк Ротшильдов. И вот теперь будет послана экспедиция в Танжер и, как только наши войска будут там, государство гарантирует заем. Наши друзья (Ларош и Вальтер. *М. П.)* выиграют 50 или 60 миллионов франков. «Понимаешь, в чем дело? Понимаешь, почему все держится в такой тайне и почему боятся малейшей нескромности?».

Но наибольшую долю доходов, извлеченных в результате марокккской авантюры, получили французские металлургисты с пресловутой пушечной фирмой Шнейдера во главе. Эта фирма через посредство преданных ей органов печати вела самую энергичную

---

[1]) Georges Jary, «Les intérêts de la France au Maroc». См. стр, 264, 265 и 266 и д. Париж. 1911.

кампанию в пользу завоевательной политики в Марокко и требовала самых решительных мер для усмирения «свирепых» горцев, населяющих эту африканскую область. Жорес в своей замечательной речи о марокской авантюре цитировал на заседании палаты 25 июля 1911 г. следующие строки из «Парижского Эхо», главного органа фирмы Крезо, о методах действий французских войск в Марокко:

«Разорить этих неукротимых горцев, у которых воинская доблесть соединяется с свирепой глупостью, сжечь все на своем пути, пройти по их стране, как Аттила, — вот единственное средство внушить этим людям уважение и вызвать с их стороны удивление».

И Жорес нарисовал картину зверств, совершаемых французскими экспедиционными колоннами в Марокко, картину пожаров, поднимающихся над безграничной марокской равниной и окутывающих дымом голубые вершины гор, — пожаров, которые, по словам Жореса, привели бы в восторг самого Нерона и которые так радуют взор журналистов, посылающих корреспонденции из Марокко в главный орган фирмы Шнейдера.

Провокационная роль фирмы Шнейдера в марокской авантюре была до войны очевидна многим французским социалистам, забывшим теперь о роли этой военной фирмы во внешней политике Третьей Республики. В своей обстоятельной и тщательно документированной речи перед судом присяжных 24 дек. 1907 г. Эрве, привлеченный к ответственности по обвинению в оскорблении французской армии, доказал, что *за спиной всех акционерных обществ, заинтересованных в марокских делах, стоит фирма Шнейдера*. Он показал, что так называемая «Марокская компания» и «Союз марокских рудников» являются не более, как отделениями фирмы Шнейдера [1]).

Фирма французского пушечного короля Шнейдера работала в Марокко не одна, а в компании с различными иностранными металлургистами и в том числе с немецким пушечным королем Круппом. Но «Союз марокских рудников», в котором Крупп и Шнейдер работали рука об руку и в котором французским капиталистам принадлежало 62%, а немецким 20%, наткнулся на противодействие со стороны другой интернациональной группы братьев Маннесман. Фирма Маннесман вела в Германии ожесточенную кампанию против имперского правительства за его уступчивость в марокском вопросе и после ноябрьского договора 1911 г. между Францией и Германией упомянутый синдикат Шнейдера-Круппа «Союз марокских копей» оказался вынужденным уступить синдикату братьев Маннесман часть своих прав на эксплоатацию марокских рудников. Оба соперника решили распределить между собой эксплоатацию богатств Марокко. На долю фирмы Ман-

---

[1]) См. *Гюстав Эрве*, «Против грабежа в Марокко». (Gustave Hervé, «Contre le brigandage marocain».) Речь, произнесенная на суде присяжных в декабре 1907 г. Париж. 1907.

несман должно было прийтись 40%, на долю синдиката Шнейдера-Круппа 40%, на долю группы банков 20%.

Но марокксная авантюра лишний раз показала, что всякого рода международные тресты и синдикаты отнюдь не обеспечивают сохранения мира между государствами, а, наоборот, порой лишь обостряют отношения. Прежде всего, в самом синдикате «Союза марокксвих копей» возникли трения. Группа немецких капиталистов с Круппом во главе находила, что ее доля — 20% — недостаточно велика, тем более английская группа находила, что и ее доля — 6% — недостаточна. В конце концов группе Шнейдера пришлось сократить свою долю до 50% вместо прежних 62%. Но эта уступка не могла удовлетворить компаньонов Шнейдера, тем более, что в последнее время отношения немецкого пушечного короля Круппа с его французскими коллегами стали портиться и потеряли прежний сердечный характер. Впервые черная кошка между Круппом и его французскими друзьями пробежала из-за пресловутого дела Уэнцы, о котором было пролито столько чернил во французской прессе и произнесено столько горячих речей в парламенте. Дело Уэнцы сводится в двух словах к следующему. Синдикат металлургистов получил от французского правительства концессию на сооружение в Алжире рельсового пути протяжением в 245 километров от железного бассейна Уэнцы до порта Бонн. Этот синдикат металлургистов высчитал, что железная дорога будет окупать свои расходы, и ее акции начнут давать дивиденд только в том случае, если дорога будет ежегодно транспортировать минимум один миллион тонн железа. Но оказалось, что все французские заводы обязались брать в год не более 360.000 тонн руды. Оставалось еще 640.000 тонн для пополнения минимума. Тут на помощь пришел Крупп, который согласился покупать ежегодно громадное количество железа, добываемого в Уэнце, для немецких заводов. Самой собой разумеется, что французские металлургисты и, прежде всего, пушечный король Шнейдер восторженно встретили предложение Круппа и решили принять его с распростертыми объятиями в консорциум для эксплоатации железных богатств алжирской области Уэнцы. Но эти комбинации вызвали сильное волнение во Франции. Многие обыватели не могли понять, как можно совместить ежегодные затраты сотен и миллионов франков на оборону страны против Германии с отдачей тому же наследственному врагу для эксплоатации богатейшей по залежам железа африканской области и открывать немцам доступ в Алжир с его беспокойным мусульманским населением. Тщетно «Тан» и другие консервативные газеты защищали Круппа, — комбинация провалилась, и немецкому пушечному королю не удалось в компании с Шнейдером наложить свою руку на Уэнцу, железное богатство которой определялось в 50 миллионов тонн. Круппу пришлось расстаться с своим другом Шнейдером и уйти из консорциума. Само собой разумеется, что это не могло содействовать укреплению симпатии Круппа к Франции.

Но главные неприятности между Францией и Германией возникли из-за вопроса о сооружении железных дорог в Марокко. Германия потребовала, чтобы ей было предоставлено одинаковое с Францией участие в сооружении, как в настоящем, так и в будущем, всех железных дорог в Марокко. Как констатировал известный французский писатель Фелисьен Шалей в статье «Агадирская тайна», именно в вопросе о железных дорогах в Марокко французские и германские планы оказались совершенно непримиримыми. Французы хотели провести две военные дороги в Шауйе и Удже, немцы выдвинули проект экономической дороги от Танжера к Фецу, затем немецкие металлургисты, само собой разумеется, желали, чтобы значительная часть железнодорожного материала, вагонов, рельсов, паровозов, была приобретена в Германии. Не ограничиваясь этим, немецкие капиталисты потребовали, чтобы часть железнодорожных служащих в Марокко была набрана из немцев. Одним словом, немецкий консорциум отнюдь не желает ограничиться пассивным участием немецких капиталистов в синдикате для эксплоатации богатств Марокко. Нет, германские капиталисты потребовали, чтобы им была предоставлена определенная доля, равная французской, в непосредственном сооружении не только «государственных» шоссейных дорог, рельсовых путей, портов, набережных, телеграфных и телефонных линий, но и во всех муниципальных работах, как то: улучшении города, расширении улиц, устройстве скотобоен, водопроводов, сточных каналов, сооружений и эксплоатации городских трамваев, электрического и газового освещения. И когда на заседании германского рейхстага 19 мая 1914 г., т.-е. за три месяца до войны, товарищ министра иностранных дел Циммерман подчеркнул, что Германия имеет право на соответствующую долю во всех муниципальных работах, и что монополизация Францией всех городских работ была бы нарушением постановлений Алжесирасской конференции, вся французская буржуазная пресса [1]) нашла немецкие притязания чрезмерными и, в свою очередь, объявила их идущими в разрез с резолюциями Алжесирасской конференции.

Итак, несмотря на всякого рода интернациональные тресты, франко-германские консорциумы, отношения между Германией и Францией из-за Марокко после Алжесирасской конференции отнюдь не улучшались, а ухудшались с каждым годом. И основная причина этого ухудшения франко-германских отношений заключалась в стремлении французской финансовой и металлургической олигархии монополизировать в своих руках господство над Марокко, с целью предоставления французским капиталистам наибольшей доли в эксплоатации всех богатств этой африканской области.

---

[1]) См., например, статью «Муниципальные работы в Марокко» в «Тан» от 20 мая 1914 г., а также соответствующие статьи в «Эко де Пари» за то же число.

Член французского парламента Дени Кашен в следующих словах формулировал на заседании палаты депутатов 16 дек. 1911 г. причину недовольства некоторых французских «патриотов» франко-германским кондоминиумом.

«Мы мечтали о французском Марокко, а вместо этого нам подарили интернациональное Марокко».

Само собой разумеется, что при таком ненасытном аппетите влиятельнейших представителей французской финансовой и металлургической олигархии, при желании немецких капиталистов наложить с своей стороны во что бы то ни стало руку на Марокко и монополизировать в своих руках эксплоатацию тех или других богатств этой области, отношения между Францией и Германией неизбежно должны были портиться, несмотря на всякого рода резолюции Алжесирасской конференции и франко-германские тресты и синдикаты, которые в лучшем случае смягчали борьбу между отдельными национальными группами капиталистов, а отнюдь не уничтожали ее.

И, таким образом, марокккская авантюра толкала Францию и Германию к неизбежному конфликту. «Остановитесь!» — взывал Жорес в статье от 1 мая 1911 г. в «Юманитэ», призывая французское правительство отказаться от завоевательных планов в Марокко. — «Позор правительству, если оно будет продолжать экспедицию, которая не имеет даже тени предлога и которая может только создать международные осложнения. Какое преступление давать поводы германскому милитаризму к осуществлению его планов, дать оружие в руки немецкой реакции» («Юманитэ» 2 апреля 1911). И Жорес доказывал в той же статье, что германское правительство, напуганное ростом социализма, ищет диверсии, и что лучший повод для этой диверсии создает Франция своей марокккской авантюрой. «Мы никогда не найдем достаточно сильных слов, — воскликнул Жорес 11 мая 1911 г., — чтобы показать, какой тяжестью давит марокккское преступление на обще-европейскую политику!»

И Жорес день за днем бичует «мрачных шарлатанов», ведущих «бесчестную, лицемерную и лживую политику» в Марокко и толкающих страну к войне с грозным соседом [1]).

Не из буржуазных писателей лишь очень немногие поддерживали Жореса. Так, консервативный писатель Артур Мейер писал 26 августа 1908 г. в «Голуа»: «Нужно признать с грустью, что мы совершили крупную ошибку, предоставив одному лишь Жоресу честь заклеймить

---

[1]) Наряду с Жоресом с особой энергией боролся против марокккской авантюры и Эрве. В одной из своих многочисленных статей по этому вопросу, именно в статье «Навстречу войне» («Vers la guerre») Эрве подчеркивал, что марокккская авантюра приведет к мировой войне, и ставил вопрос, как предотвратить надвигающуюся катастрофу. Единственное средство помешать европейской войне Эрве видел в восстании пролетариата во Франции, Германии, Англии, России и Италии в день объявления мобилизации. (См. «Социальная война» («La guerre Sociale»), 17 — 23 июня 1908.)

бессмысленную и опасную политику министерства». Другие буржуазные писатели ставят, наоборот, в преступление Жоресу его кампанию против марокккской авантюры. Так, Ла Шене упрекает покойного Жореса в том, что последний 25 июля 1914 г., т.-е. за несколько дней до войны, произнес речь в Лионе, в которой доказывал, что марокккская авантюра явилась исходным пунктом глубоких потрясений в Европе, и связывал австрийский ультиматум с результатами балканских войн, а балканские войны — с итало-турецкой войной и триполийской авантюрой, последнюю же — с планами Франции относительно Марокко.

Но само собой разумеется, что лишь совершенно невежественные в вопросах международной политики и явно недобросовестные люди могут ставить в упрек Жоресу его точку зрения на колоссальную роль марокккской авантюры в крайнем обострении международных отношений накануне мировой войны.

В настоящее время едва ли найдется хотя бы один честный французский писатель, который не признавал бы, что марокккская авантюра явилась важнейшим фактором, вызвавшим мировую войну. Так, откровенный империалист граф де-Фельс пишет в своей книге «Французский империализм», вышедший уже во время войны, следующее:

«Главная ошибка нашего империализма, которая должна была повлечь за собой самые роковые последствия, заключалась в марокккском предприятии, как оно было задумано Делькассе. Известно, что Делькассе заключил с Испанией договор о разделе Марокко, противоречащий традициям нашей африканской политики; более того, он сообщил этот договор Англии и в результате переговоров подписал соглашение с Италией по поводу Триполи... Италия, не встречая с нашей стороны никаких препятствий развитию ее имперской политики в Африке, начинает войну с Турцией, которая открывает эру раздела этой империи». И далее французский граф де-Фельс доказывает, что итало-турецкая война возбудила аппетиты у сербов, болгар и греков и, таким образом, породила обе балканские войны 1912 и 1913 г.г., из которых самым непосредственным образом (directement) вытекает мировая война 1914 г.[1]).

Таким образом, даже во время войны некоторые консервативные французские писатели вроде де-Фельса, Лебона, и т. д., признавали, что Германия не была единственным виновником мировой войны, и что французская политика в течение последнего десятилетия, в свою очередь, фатально толкала к мировой катастрофе. «Несомненно, что когда кончится война и у многих буржуазных писателей не будет тех мотивов к искажению исторической истины, какие имеются ныне, ответственность Франции в войне 1914 — 1918 г.г. будет признана даже многими из тех писателей, которые ныне не считают удобным подымать покрывало Изиды над недавним прошлым, чтобы не ослаблять энергии народных масс в «освободительной» борьбе с «варварской» Германией, этим непри-

---

[1]) См. comte de-Fels, «L'impérialisme français» (Граф де-Фельс, «Французский империализм»). Париж. 1916.

миримым врагом человечества, стоящим на пути культуры, цивилизации, мирного развития народов, и т. д.» — писали мы в 1917 г. И, действительно, мы видим, что Нитти, например, в своей книге «Европа без мира» признает теперь лишним сваливать всю ответственность за войну на одну Германию.

Из сделанного нами выше анализа политики воевавших государств в Азии и Африке мы приходим к тому заключению, что великая мировая война 1914 — 1918 г.г. явилась результатом непримиримого конфликта империалистических интересов и захватных планов целого ряда государств, не только Англии и Германии, но Германии и России, Германии и Франции, Германии и Бельгии, и т. д. И именно потому, что накануне мировой войны пришли в острое столкновение империалистические интересы и планы не только каких-либо двух держав — России и Германии, или Англии и Германии, и т. д., — мы имели не русско-германскую, а мировую войну.

И если мы поставим вопрос, кто же является виновником мировой войны, мы должны будем ответить словами французского буржуазного писателя и ярого патриота Густава Лебона. «Да, Германия первая начала войну 1914 г. *Именно она бросила в переполненную до краев чашу ту последнюю каплю, благодаря которой эта чаша, наконец, перелилась.* Но если мы пожелаем глубже исследовать вопрос о причинах мировой войны, т.-е. о том, кто наполнил эту чашу, а не только о том, кто влил последнюю каплю, вызвавшую страшное наводнение, разлившееся губительным потоком, океан слез и крови по всему миру, мы придем к заключению, что ответственность за мировую войну падает на все втянутые в нее государства. Если мы отвлечемся от событий последних дней, предшествовавших войне, и возьмем более продолжительный период, хотя бы период последних 14 лет накануне войны, мы увидим, что и Франция, и Англия, и Германия, и Россия, и даже нейтральная Бельгия своей политикой в Конго с одинаковым усердием наполняют роковую чашу, которая в конце июля 1914 г., благодаря безумному акту австро-германского правительства, разлилась огненной лавой по всей земле, разнося повсюду смерть и разрушение».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Борьба за Африку после мировой войны.

1. Раздел Африки по Версальскому миру. — Экспроприация германских колоний.

Известный английский министр Уинстон Чёрчилль, идеолог и практик английского империализма, он же герой Архангельска, в следующих очень розовых тонах изображает европейское равновесие накануне мировой войны.

«Накануне катастрофы мир был великолепен («very brilliant»). На обоих полушариях народы, увенчанные своими властителями... Обе европейские системы (Двойственный и Тройственный союзы) спокойно противостояли друг дружке во всем их великолепии. Их связывала вежливая, благоразумная, мирная и, в общем и целом, — искренная дипломатия... Было достаточно какой-либо ноты, замечания посла, секретной фразы в парламенте, чтобы изо дня в день приводить в состояние равновесия эту огромную систему. Учитывались слова, даже шушукания. Какой-нибудь жест мог стать многозначительным...».

Конечно, Черчилль слишком идеализирует старый порядок. Никакой гармонии интересов, никакой идиллии в том виде, как ее рисует Черчилль, само собой разумеется, не было в предвоенной Европе, иначе не произошло бы мировой войны. Однако, существовало все же известное равновесие, хотя и неустойчивое. Теперь старое равновесие вместе с порабощением Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и выходом России из семьи капиталистических держав совершенно разрушено, нового же равновесия не создалось.

Мировая война и Версальский договор привели к нарушению равновесия не только в самой Европе, но и в Азии, и на Африканском континенте. Вопрос о нарушении равновесия в Азии изучен нами в первой части этого труда.

Война привела к такому переделу мира и разделу колоний, которые совершенно нарушили и без того неустойчивое равновесие, существовавшее до мировой войны, и, таким образом, создала более могуществен-

ные, чем прежде, факторы будущих вооруженных конфликтов. В период, предшествовавший мировой войне, весь африканский материк был разделен между тремя великими империями: Англией, Францией и Германией.

Приводимые ниже цифры иллюстрируют пространственные пределы их владений, наряду с территориями, принадлежащими другим европейским государствам. Одновременно приводятся количественные данные о народонаселении означенных земельных пространств.

ГОСУДАРСТВА.	Площадь (в кв. км).	Число жителей.	Примечания.
Франция	9.500.000	24.500.000	без Марокко.
Англия	9.000.000	28.000.000	» Египта.
Германия	2.200.000	16.000.000	
Португалия . . .	3.000.000	5.500.000	
Бельгия	2.382.000	19.000.000	
Италия	1.266.000	275.000	
Испания	261.000	635.000	

По официальным данным 1912 г. Германией были израсходованы для ее африканских владений следующие суммы: для Германской Юго-Западной Африки—107 миллионов марок, для Камеруна—96 миллионов, для Того — $5^1/_2$ милл. марок, итого свыше 300 миллионов марок. Именно в Африке находились важнейшие немецкие колонии.

Торговый оборот немецких колоний в Африке достигал ежегодно в последний период накануне войны в среднем приблизительно 210 милл. марок, из каковой суммы около 82 миллионов марок выражали цифру экспорта товаров из Африки. Из этой суммы около 29 миллионов марок — экспорт алмазов из Германской Восточной Африки, 17 миллионов — каучук, 11 миллионов — миндаль и пальмовое масло, 4 миллиона марок — медь и свинец, 2 миллиона марок — хлопок, 1.300.000 марок — кофе.

Железнодорожная немецкая колея в Африке достигала накануне войны 4.000 километров. В германские порты в Африке заходило ежегодно около 2.000 германских и 500 иностранных пароходов [1]).

[1]) Пьер Алип, Немецкая провокация в колониях и колониальные проблемы мировой войны (Pierre Alype. La provocation allemande aux colonies et les problêmes coloniaux de la guerre. Paris-Nancy. 1916, p. 284), см. стр. 69.

Число немецких предприятий в африканских колониях равнялось 300: 146 — в германской Юго-Западной Африке, 115 — в Восточной, 68 — в Камеруне. Среди плантационных немецких компаний в Африке первое место занимали общества по добыче каучука. Таких компаний

КАРТА
германских колоний в Африке.

числилось 47 : 30—в Восточной Африке, 14—в Камеруне и 3—в Того; 11 компаний занимались культурой и приготовлением какао, 18—культурой хлопка и т. д.

Нижеследующая таблица дает представление о германских африканских колониях.

Того.

Территория	85.461 кв. км.
Жителей	2,5 милл. (в 1899 г.).
Бюджет	3.150.000 мрк. (1912 г.).
Ввоз	3.279.708 » (1899 г.).
Вывоз	2.582.701 »

Германская Восточная Африка.

Территория	946.500 кв. км.
Жителей свыше	7 милл. (из них 4.227 европ., немцев 3.113 в 1910 г.).
Вывоз	20,8 милл. мрк. (1910 г., слоновая кость, каучук, кожа, рис).
Ввоз	36,7 » » (1910 г.).
Доходы	15 » » } (бюджет 1912 — 1913 г.).
Расходы	19 » » }
Железные дор.	1.065 км (в 1911 г.).

Германская Юго-Западная Африка.

Территория	836.100 кв. км.
Жителей	90 тыс. (из них 13.952 европ., 11.140 немцев, в 1911 г.).
Доходы	21,7 милл. мрк. } (бюджет 1912 — 1913 г.).
Расходы	36,1 » » }
Ввоз	44,3 » »
Вывоз	34,7 » » (1910 г., алмазы, медь, свинец, кожа, страусовые перья).

Камерун.

Территория	790.000 кв. км.
Жителей	2.720 тыс. (суданские негры, белых 1.537 в 1913 г.).
Доходы	7.210 тыс. мрк. } (бюджет 1913 г.).
Расходы	9.590 » » }
Ввоз	29.318 » » (из Германии 23.048.000 марок 1911 г.).
Вывоз	21.251 » » (в Германию 20.091.000 марок).
Железные дор.	241 км (в 1912 г.).

Главнейшие предметы ввоза и вывоза этих колоний следующие: германская Ю.-З. Африка — алмазы, медь, свинец, кожа, страусовые перья; Судан — каучук, пальмовая сердцевина, какао, пальмовое масло. Колонии Германии, хотя и были незначительны по размерам, все же представляли известного рода ценность, и лишение их для Германии большая потеря.

Общий оборот немецкой торговли со всей Африкой, т.-е. не только с германскими, но и с французскими, английскими и др. колониями, равнялся в 1913 г. 750 миллионам марок (519 миллионов — ввоз в Африку, 230 миллионов — вывоз). Вся немецкая внешняя торговля в 1913 г. выразилась в цифре 21 миллиарда марок. По Версальскому

договору Германия лишилась права вести самостоятельную торговлю с Африкой, и, таким образом, немецкая торговля с Черным континентом, достигавшая накануне войны $^3/_4$ миллиарда марок и быстро развивавшаяся, сведена теперь к нулю.

По англо-германскому договору 1912 г. о разделе Черного континента Германия должна была получить бо́льшую часть португальских колоний: Анголу и Мозамбик. Этим проектом правительства обоих хищнических держав пытались установить равновесие на Черном континенте и устранить опасность войны [1]).

Мировая война и Версальский мир совершенно разрушили равновесие на африканском континенте и создали здесь крайне неустойчивое положение, чреватое грозными последствиями. «Версальский договор отдал Англии до 2.000.000 кв. километров германских владений в Африке, и в настоящее время африканская империя Великобритании занимает площадь немногим более $11^1/_2$ миллионов кв. километров с 60-миллионным населением. Африканская империя Франции после присоединения большей части германских колоний Того и Камеруна занимает площадь в 10 милл. кв. километров с населением в 40 миллионов душ.

Захват Англией и Францией всех германских колоний вызвал критику даже со стороны некоторых буржуазных писателей Франции и Англии, опасающихся неизбежных последствий такого раздела африканского континента. Заслуживает внимания статья известного французского профессора Шарля Жида, напечатанная в «Форин Эфэр» и рисующая точку зрения этого буржуазного экономиста на раздел Африки по Версальскому договору [2]).

---

[1]) По вопросу о разделе Африки см. К. М. Трояновский, «Новый передел Африки после Версальского мира» (Новый Восток, № 1); см. его же «Марокко, как фактор мировой политики» «Вестник Народного Комиссариата по Иностранным Делам», июнь, 1922); см. также Криккель, «Новая Африка». («Вестник Народного Комиссариата по Иностранным Делам», январь — март, 1922 г.).

[2]) Цитируем по переводу в «Вестнике Нар. Ком. Ин. Дел», 25 — VIII, 1920.

«Правительства Согласия на все обращенные к ним запросы неизменно отвечали, что их военные цели и все то, что они намерены потребовать от Германии, можно формулировать в этих трех словах: восстановление, возмещение и гарантии, — восстановление насильно завоеванных народов, возмещение всех понесенных убытков, гарантии против возможности объявления новой войны Германией. Довольно трудно подвести под какой-нибудь из этих трех основных принципов 119 статью мирного договора, в силу которой Германия отказывается от «всех своих прав и привилегий на заморские владения». Эта статья оправдывалась стремлениями туземцев освободиться от деспотического правления. Таким образом уничтожение прав Германии является мерой защиты, напоминающей отмену родительских прав, в случае жестокого их обращения с детьми. Но кто произнес приговор? Те, которым это было выгодно. И кто был охвачен таким состраданием к угнетенным германским подданным? Представители государств, колониальная политика которых пестрит преступлениями, о которых сообщал Морель в своей книге «Порабощение цветных рас».

Итак, мы видим, что Ш. Жид критикует отнятие у немцев африканских колоний из страха перед большевизмом и немецкой пропагандой. Само собой разумеется, что привлечение немецких капиталистов к совместной с английскими и французскими трестами эксплоатации черного населения отнюдь не ослабило бы роста национально-революцион-

---

«Вполне возможно, что туземцы германских колоний выражали желание избавиться от германского гнета. Но я уверен, что, если бы британские и французские колонии были заняты германцами, туземцы выражали бы те же пожелания.. И вообще каждый туземец, подданный какой-либо европейской державы, всегда рад переменить своего господина на другого, безразлично, каким-бы новый ни был.

«Для оправдания экспроприации германских колоний выдвигали и другой предлог: Мера эта являлась необходимой гарантией всеобщего мира. Если Германия сохранит свои колонии, то она ими будет пользоваться для набора цветных войск и для образования подводных баз. Последний аргумент особенно забавен, так как договор запрещает Германии иметь или строить хотя бы одну подводную лодку. Упоминание же о цветных войсках является неприкрытым цинизмом в устах тех, кто пользовался туземными силами в продолжение всей войны, и которые теперь, когда война кончилась (как нас, по крайней мере, уверяют), проводят в очень широком масштабе наборы туземцев. Я не знаю, что происходит в английских колониях. Но что касается Франции, то она содержит на Рейне, в Сирии и в Марокко около 200.000 туземных войск, но так как это число все-таки недостаточно, она производит наборы, несмотря на протесты населения, в Тунисе и на Мадагаскаре.

«В своем докладе сенату о ратификации мирного договора Леон Буржуа оправдывал аннексию Камеруна и Тоголанда следующим образом: Франция не ведет империалистической политики, но для нее было необходимо выравнение границ ее владений». С натяжкой можно применить этот аргумент к Тоголанду, который является узкой полоской земли между французской и английской территорией. Но совершенно нелепо называть аннексию Камеруна, который больше, чем сама Франция, выравнением границ.

«Перед войной определение границ Камеруна и Французского Конго являлось предметом долгих переговоров, за которые впоследствии Кайо терпел столько жестоких нападок. В результате переговоров Германия отказалась от всех своих притязаний в Марокко за часть Французского Конго.

«Справедливость требует признать, что у Германии сравнительно с другими государствами было очень мало отрядов из туземцев. У нее был только в Камеруне отряд из 1.749 (1.550 туземцев) и в Восточной Африке армия генерала фон-Леттова-Форбека, приблизительно такой же численности. Оставим в стороне этот лицемерный предлог. Лучше прямо сказать, как это сделал наш министр иностранных дел Пишон: «Неужели вы думаете, что победа не дает некоторых прав победителю? Я же думаю, что в некотором отношении нужно признать это «право победителя», которым бы, без сомнения, воспользовалась Германия, если бы она выиграла войну. Я очень хорошо понимаю, что было бы почти невозможно не дать Австралии германских колоний в Тихом Океане, а Южно-Африканскому Союзу — Германскую Юго-Западную Африку. Австралия пожертвовала 50.000 своих сынов в Дарданеллах и, естественно, требовала за это какой-либо компенсации.

«Германия предвидела потерю этих колоний в случае своего поражения и примирялась с этим заранее.

ного движения на африканском континенте, движения, которое, хотя и медленно, но неуклонно усиливается.

Во всяком случае, соображения Ш. Жида насчет опасности «африканского большевизма» не лишены основания. Не говоря уже о хорошо

«Но дело обстояло совершенно иначе относительно Камеруна, Тоголанда и собственно Германской Восточной Африки. В первый год войны Антанта заявляла, что эти колонии захватываются, как залог, который будет возвращен в тот день, когда Германия эвакуирует французскую и бельгийскую территории. Экспроприация же Германской Восточной Африки тем более несправедлива, что в момент окончания войны эта территория не была еще завоевана.

«Теперь же Франция не только отнимает у Германии часть Французского Конго, присоединенную к Камеруну, в результате переговоров 1911 г., но и весь Камерун. Ценность этой колонии должна была быть принята во внимание при определении суммы возмещений убытков, требуемой от Германии. Положение таково. С одной стороны, Германия лишается каждой пяди своей территории вне пределов Европы, с другой стороны, Англия и Франция, которые уже перед войной владели громадными землями за морем, значительно их расширили. В одной Африке, поверхность которой равняется $11^1/_2$ миллионам квадратных миль, Англия и Франция вместе владеют 9 миллионами, т.-е. территорией, превышающей вдвое территорию Европы. Остальные же области разделены между Бельгией, Португалией, Италией и Испанией, за исключением двух небольших самостоятельных государств — Абесинии и Либерии.

«Неужели можно серьезно возражать против того, что эти меры вызваны не соображениями о прочном мире и даже не стремлением использовать громадные естественные богатства Африки. В международной области вновь возрождается система латифундий, которая окажет такое же роковое влияние на развитие мира, какое она имела в истории частной собственности. Особенно для Франции, рост населения которой остановился перед войной, и которая потеряла во время войны около двух миллионов (даже если принять во внимание Эльзас-Лотарингию); особенно для Франции, которая до войны была не в состоянии использовать большую часть своих африканских владений, которая теперь после затраты крупных капиталов принуждена производить займы, не время увеличивать свои заморские владения еще на один миллион квадратных километров.

«Несмотря на все обвинения, Германия управляла своими колониями очень разумно.

«Накануне войны Германия проложила 4.176 километров железной дороги, в то время как Франция в своих более обширных владениях, которыми она владела более продолжительное время, имела только 2.500. Германия развела цветущие хлопковые плантации, в то время, как мы делали только первые попытки. Наши офицеры, которые участвовали в завоевании Камеруна, не скрывали своего удивления перед грандиозными гигиеническими сооружениями и лабораториями по исследованию местностей. Мы должны помнить еще об одном: в Африке назревают крупные события, в которых можно усматривать *африканский большевизм*. Медленно созревает идея пан-африканизма. В 1918 году в Париже состоялся все-африканский конгресс, на который было обращено мало внимания. Но за ним последуют другие конгрессы, которые будут носить совсем другой характер. Если Германия будет совер-

известных всем фактах, характеризующих рост и силу национально-революционного движения в английском Египте, и в других английских колониях Африки не все обстоит благополучно.

2. Революционное движение на Черном континенте.

Война произвела заметный сдвиг в мировоззрениях негритянского образованного и полуобразованного классов английских колоний. К лозунгам о «самоопределении народов», о «правах национального меньшинства» и др. не остались глухи и эти слои туземного населения, и они были восприняты ими в своеобразном освещении [1].

Весной 1920 г. в Акре собрался конгресс негритянской интеллигенции всех английских колоний Западной Африки, — «Конференция уроженцев всех английских колоний Западной Африки».

Английское правительство сначала приветствовало эту конференцию, видя в ней безобидный съезд для информации правительства о нуждах колоний, но вскоре ход дебатов конференции принял нежелательный для английского правительства оборот. Конференция с самого начала присвоила себе название «Национального конгресса Британской Западной Африки» и в первой же резолюции потребовала предоставления прав участия в выборах в колониальные парламенты для всего туземного населения колоний. Конгресс выбрал делегацию, которая поехала в Лондон. В Лондоне делегация выступила уже, как «выразительница пожеланий туземного населения всех четырех колоний Британской Западной Африки» и даже сделала попытку войти в сношение с Лигой Наций. Здесь, однако, вмешалась английская администрация, нашедшая в Нигерии и Золотом Береге несколько своих сторонников из числа негритянской интеллигенции, которые согласились выступить против требований делегации и объявили ее вообще неправильно выбранной.

Волнение, поднятое этим конгрессом, не улеглось, несмотря на все старания английской администрации, ищущей новых путей для компро-

---

шенно отстранена от управления Африкой, она будет проводить вполне определенную политику. Она, как и на Востоке, будет возбуждать африканские народы против их угнетателей, будет выставлять себя их незаинтересованной защитницей и освободительницей, как единственная держава, не имеющая африканских владений. А Германия, как известно, умеет вести пропаганду. Если же, наоборот, как мы должны надеяться, африканские государства придут к решению о необходимости положить конец эксплоатации, которая веками парализовала развитие этой несчастной части человеческого рода, если они направят свою политику на создание самоуправления африканских народов, то понадобятся объединенные усилия их всех для того, чтобы искупить грехи сынов Иафета. И если только Англия и Франция возьмут на себя бремя грехов белого человека, то рано или поздно оно подавит их своей тяжестью».

[1]) А. Криккель, «Новая Африка» («Вестник Народного Комиссариата Иностранных Дел», 1922, январь-март).

мисса. Радикальная туземная печать Нигерии и Золотого Берега повела целую кампанию против попыток английского правительства умалить значение и полномочия конгресса. В области Ашанти дело дошло до вооруженных столкновений с английской полицией. Весь 1921 год прошел неспокойно во всех колониях Британской Западной Африки.

Во французских африканских колониях во время войны 1914 — 1918 г.г. происходили серьезные восстания туземцев в области озера Чад и на территории Вадай, французского Сенегала.

Восстание было подавлено французами, и спокойствие восстановлено, благодаря посредничеству Диагна, негра-депутата от Сенегала [1]).

Во время войны Франция широко использовала свои африканские колонии, служившие ей источником пополнения армии. Из 600.000 мобилизованных Францией цветных солдат 181.000 составлял сенегальский контингент (негры); Алжир дал 196.000 солдат и Тунис—50.000 солдат.

Революционно-национальное движение усилилось не только в английском Египте, этом форпосте мирового империализма на северо-восточном побережьи Африки, но и на другом конце Черного континента, на его северо-западном побережьи, именно в Испанском Марокко. Здесь в 1921 г. вспыхнуло грандиозное, небывалое по своим размерам в истории испанского владычества в этой части Черного континента, восстание мусульманских племен против поработителей. Армия генерала Сильвестра была разбита на-голову, и сам генерал убит или покончил с собой. Вооруженный испанский лагерь в районе Мелиллы был эвакуирован испанскими войсками и занят повстанцами. Как вынужден был признать испанский военный министр в беседе с представителями испанской прессы: «Восстание племен было полное и всеобщее. Крепость Мелилла была отрезана от внешнего мира. Мы не имеем никаких сведений об отрядах Наварро и Сан-Джорджина. Крепость Сиди-Идрис, находящаяся недалеко от Средиземного побережья, находится в критическом положении. Мы сделали попытку под прикрытием наших военных судов эвакуировать гарнизон крепости, но посадка наших войск не удалась благодаря усиленному неприятельскому огню». Несколько испанских военных судов было пущено ко дну огнем артиллерии мятежников, что свидетельствует о прекрасном вооружении последних. Испанское правительство объявило мобилизацию новых классов для усиления армии и подавления восстания.

Известия о событии в Марокко произвели сильнейшее впечатление во всей Европе, особенно в Испании, равно как во Франции, ибо понятно, что движение, разразившееся в Испанском Марокко, не сможет не отразиться рано или поздно на Марокко Французском и вообще на всем

---

[1]) О росте революционного движения и, в частности, коммунистических идей в Северо-Африканских колониях Франции см. ряд тревожных статей в «Бюллетене Французской Африки»: «Кризис в Тунисе и коммунистическое движение в Северной Французской Африке» (Bulletin de l'Afrique française. Juillet 1922), «Коммунистическая опасность» (Bulletin de l'Afrique française. Juin 1922), «Большевизм и французские колонии» (там же 1924. Октябрь, ноябрь) и т. д.

Средиземном побережьи Черного континента. Буржуазная печать Испании, Франции и Англии с особой и вполне понятной тревогой констатировала тот факт, что наемные туземные войска, находившиеся под командой испанских офицеров и генералов, присоединились к восставшему населению, и крепость Мелилла, эта твердыня испанского господства на северозападном побережьи Африки, бомбардировалась восставшими, очевидно, прекрасно вооруженными войсками [1]).

Испанская и французская пресса с изумлением констатировала опять-таки небывалый в истории восстания африканских племен факт, «экстраординарный факт», как пишет «Тан», а именно, что повстанцы не убивали ни женщин, ни детей, ни даже военно-пленных, а, наоборот, позволяли мирным испанским жителям покидать места военных действий, далее, что дикие горцы, не желавшие признавать никакой дисциплины, никакого подчинения кому бы то ни было, действовали, как послушные и дисциплинированные солдаты («Тан», 27 июля 1921 г.), повинуясь чьей-то указке. Ключ к разгадке этого необъяснимого на первый взгляд поведения диких мятежников, равно как их прекрасно разработанного плана военных действий, образцовой военной организации наступавших повстанческих отрядов, их прекрасного вооружения вплоть до артиллерии и громадного количества снарядов, дававшей возможность мятежникам бомбардировать испанские крепости и пускать ко дну испанские военные суда, буржуазные газеты, правда, немногие, находили в участии в этом восстании большевистских агентов, другие, — таких газет особенно мало, — немецких офицеров. Вспомним, что прекрасную организацию и дисциплинированность наших Красных войск европейская печать также объясняла наличностью в нашей армии тех же мифических немецких офицеров и генералов.

На самом деле, факт гуманного отношения «диких племен» к мирным жителям, «экстраординарный факт», который вынуждена признать даже буржуазная пресса, свидетельствует лишь о том, что конгрессы III Интернационала, знаменитый съезд народов Востока в Баку и все великое революционное пролетарское движение после-военной эпохи, развивавшееся под знаком великих идей III Интернационала, не прошло бесследно даже для бокойсов и бениурнагенов, отсталых горцев, населяющих неприступные твердыни испанского Рифа. Революционный крот делает свое дело и хорошо роет почву под ногами у капитализма даже на африканском берегу.

«Угнетенные народы всего мира и пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — этот великий лозунг, провозглашенный на историческом съезде в Баку, съезде, который так осмеивал за границей Мартов, нашел свой отклик в сердцах горцев северо-африканского побережья. Самые отсталые племена Черного и Желтого континентов начинают понимать, что их освобождение может быть достигнуто только при условии дисци-

---

[1]) **См. нашу статью: «Восстание в Испанском Марокко и его международные последствия» («Жизнь Национальностей», 13/VIII, 1921).**

плины и организации в их собственной среде, с одной стороны, при условии симпатий к ним трудящихся масс европейского континента—с другой. Восставшие племена Марокко не желали давать лишнего оружия в руки испанской буржуазии и затруднять этим положение испанского пролетариата, который с особым мужеством, идя в этом отношении впереди всего западно-европейского пролетариата, всегда боролся против колониальных авантюр своей буржуазии, и который при первых же известиях о событиях в Марокко обнаружил,—по словам французского официоза «Тан»,—необычайное волнение и нервозность и проявлял готовность к активным действиям для борьбы с империалистическими планами правящих классов Испании. Рабочие всей Испании были крайне возбуждены отправкой новых военных отрядов в Марокко. 1-го августа 1921 г. в Бильбао вспыхнула всеобщая забастовка, которая перекинулась в Сарагоссу и другие города. Во многих городах Испании были произведены массовые аресты.

Только после страшного напряжения своих сил империалистической Испании удалось удержаться в Африке [1]).

Поражение испанских войск в Марокко вызвало падение министерства Сенчес Герра, вследствие выяснившейся виновности правительства в военной катастрофе в Марокко в июне 1921 года, стоившей жизни 10.000 солдат. Командовавший испанскими войсками генерал Беренгер, привлеченный в декабре 1922 г. к суду, заявил, что в случае обвинительного приговора он разоблачит всю историю марокккской авантюры и назовет ее вдохновителей. Беренгер имел в виду самого испанского короля, который лично отдал приказ покойному генералу Сильвестру выступить против марокканцев.

Особенно знаменателен и чреват последствиями для мировой буржуазии факт перехода наемых туземных войск Испанского Марокко на сторону восставшего населения. Это уже не восстание индусских сипаев 1851 г., взбунтовавшихся против английского владычества по поводу того, что их хотели заставить смазывать патроны свиным салом. Даже буржуазные газеты вынуждены признать, что до сих пор в восстании марокккского населения и туземных войск нет признаков религиозного фанатизма и слепой расовой войны, войны против всех иноверцев и всех

---

[1]) По последним сведениям, в Испанском Марокко снова вспыхнуло серьезное восстание. Испанские войска потерпели крупное поражение. Из Испании посылаются подкрепления (август 1924); но повстанцы повсюду одерживают победы над испанскими войсками. Восставшие откуда-то получают вооружение. Они имеют французские пулеметы, английские винтовки и патроны, в среднем по 200 патронов на человека.

Испания затратила громадные средства на борьбу в Марокко. По официальным данным, содержание армии в Марокко обходилось Испании: 101 миллионов пезет в 1913 году, 169 миллионов в 1920 г., 495 миллионов в 1921 г., 373 миллиона в 1922 г., 311 миллионов в 1923 г. За период 1913—1923 г. Испания затратила на содержание армии в Марокко 1.893.523.580 пезет. Расходы на содержание армии в 1924 г., в связи с необычайным обострением борьбы с восставшими туземцами и новыми и новыми мобилизациями испанских войск, значительно превзойдут расходы предшествующих годов.

представителей враждебной расы, что так характеризовало все восстания отсталых народов в недалеком прошлом. Нет, восстание в Испанском Марокко, это—неприкрашенная ничем война за национальную независимость и освобождение от внешнего насилия. Это одно из тех революционно-освободительных движений, неизбежность которых на всем Востоке, во всех странах Желтого и Черного континентов предвидел II конгресс Коминтерна, принявший единогласно по этому вопросу знаменитые тезисы Ленина по колониальному и национальному вопросам.

Можно быть твердо уверенным в том, что факт измены туземных войск Испанского Марокко не останется одиноким, что в близком будущем этому примеру последуют наемные туземные войска во Французском Марокко и Тунисе, в Итальянском Триполи и во всех английских зонах влияния и колониях в Азии.

Английское господство в Египте, Месопотамии, Персии, наконец, в самой Индии держится на штыках индусских солдат. Так, в Персии в английской оккупационной армии на 10.000 англичан имеется 40.000 индусских солдат. Так, английская оккупационная армия в Индостане состоит на $^3/_4$ из индусов. То же положение вещей мы констатируем в Египте, где индусские солдаты составляют преобладающее большинство английского гарнизона. Так, во Французском Марокко и Алжире оккупацинная армия на $^3/_4$ состоит из чернокожих солдат. Недалек тот час, когда эти темные еще солдаты, слепые пока орудия в руках хищников капитализма, поймут общность своих интересов с интересами окружающего их трудового населения.

Когда пробьет этот час, здание капитализма, окруженное рядом штыков, падет не только на всем Востоке, но и на Западе.

3. Нарушение равновесия на Черном континенте.

В связи с новым переделом африканского континента, перед капиталистическим миром помимо неизбежной опасности африканского большевизма встает и другая грозная опасность, непосредственно связанная с нарушенеим равновесия в Африке, именно угроза англо-французского конфликта на Черном континенте.

Версальский договор отдал Англии 1.905.000 кв. км германских владений в Африке, а именно: большую часть Германской Восточной Африки, всю колонию «Германская Юго-Западаная Африка» и части Того и Камеруна с населением до 5 или 6 милл. туземцев.

Насильственным актом 18 декабря 1914 года Англия объявила свой протекторат над Египтом, и к 1918 году все африканские владения Англии равнялись 11.640.000 кв. километров территории, приблизительно, с 60 миллионами населения.

Франция, по договору в Версале, получила мандат на большую часть германских колоний Того и Камеруна, так что африканские владения Франции в 1918 году равнялись 10.300.000 кв. километров территории, с населением в 40 миллионов туземцев.

Присоединением Германской Восточной Африки Англия осуществила одну из самых главных целей своих империалистических стремлений в Африке: весь восточный берег африканского материка, обращенный в сторону Индийского океана, перешел во владение Англии, и территориальная связь Капштадт — Каир сделалась совершившимся фактом. Бывшая Германская Восточная Африка получила название: «Территория Тимганаука».

Устранение германского суверенитета над «Юго-Западной Африкой» окончательно обезопасило сухопутную границу и «округлило» владения Южно-Африканской федерации.

Вопрос о приобретении африканских колоний Португалии в ближайшем будущем и вопрос об экономическом завоевании их в настоящем решились в пользу Англии с устранением Германии, как конкурента.

Мозамбик находится уже всецело под экономическим протекторатом Англии, а будущая позиция Англии по отношению к португальской колонии Ангола ясна из речи английского финансиста и колониального деятеля сэра Роберта Виллиамса, произнесенной 21 апреля 1921 года на собрании «Африканского Общества» (African Society), в которой Виллиамс откровенно заявил, что на случай потери сообщения через Суэцкий канал, «Англия будет пользоваться территорией Анголы для сообщения с верховьями Нила».

По «Ежегоднику Коминтерна» за 1923 г. [1]), Англия владеет в настоящее время следующими территориями в Африке:

	Кв. миль.	Населения.
Западная Африка (Нигерия, Золотой берег и т. д.)	447.500	20.625.000
Южно-Африканская федерация (включая Родезию, Суазилэнд, Базутолэнд, Бечуаналэнд)	1.206.494	9.675.000
Ньясалэнд	39.573	1.203.000
Колония Кения	246.822	2.807.000
Протекторат Уганда	109.119	3.318.000
Сомалилэнд	68.000	300.000
Египет	350.000	12.878.000
Англо-египетский Судан	1.014.000	3.400.000
ИТОГО в Африке (вместе с островами):	3.493.574	54.627.000

Мандатные области:

Африка:	Танганайка	384.000	3.500.000
	Юго-Западная Африка	322.000	200.000
	Того	12.500	300.000
	Камерун	30.000	400.000

[1]) См. «Ежегодник Коминтерна». Справочная книга по истории международного рабочего, политического и профессионального движения, статистике и экономике всех стран мира на 1923 г. Издательство Коммунистического Интернационала. Петроград-Москва. 1923. См. стр. 566 — 567.

Версальский мир упрочил в Африке и положение Франции.

Прежде всего, Франция окончательно устранила Германию из Марокко. Присоединение восточных частей Того и Камеруна уже округлило владения Французского Судана от озера Чад до берега Гвинейского залива. Соглашение между Бельгией и Францией в Европе распространилось и на Африку, и Бельгийское Конго фактически входит в сферу влияния Франции.

Согласно статистическим данным, африканские владения Англии и Франции после раздела германских колоний достигли равновесия, но английские владения, по своему географическому положению и по богатству почвы, во многом превосходят доли Франции. Доминирующая роль Англии во всей Восточной и Южной Африке и в значительной части Центральной Африки и вызываемое этим недовольство Франции, конечно, чреваты неизбежным конфликтом между двумя конкурентами в будущем. В этом неизбежном конфликте колоссальную роль будет играть туземное население франко-английских колоний. До последнего времени совершенно пассивное, разъединенное, а во многих отношениях еще не вышедшее из полудикого состояния, туземное население франко-английских колоний не играло и почти не играет в настоящем никакой роли и не имеет никакого влияния на судьбу своего материка, но в будущем такой порядок не может сохраниться.

В туземных массах африканского материка начинает просыпаться чувство собственного достоинства, стремление к улучшению своего социального положения и желание доминировать во всех вопросах внутренней и внешней политики своих областей. При малочисленности белого населения в Африке, в особенности, в экваториальной части ее, вопрос от отношении туземного населения в будущем франко-английском конфликте получает актуальное значение. Это хорошо сознают «белые владыки». Колониальные деятели Франции и Англии заняты в настоящее время разработкой «туземной проблемы» в своих владениях, и вся колониальная англо-французская печать переполнена статьями на эту тему [1]).

Нарушение равновесия в пользу Англии создалось не в результате того, что Англия получила бо́льшую площадь территории, чем Франция, а в силу стратегического значения и богатства приобретенных Англией новых владений, обеспечивающих гегемонию Великобритании почти на всем африканском континенте, за исключением северо-западной части последнего, где Франция, владеющая Марокко, Алжиром и Тунисом, имеет перевес сил на своей стороне. Зато все восточное побережье Африки, от Каира до Капштадта, перешло во владение Англии, которая, таким образом, имеет возможность осуществить теперь проект великого рельсового пути Каир — Капштадт, который пройдет исключительно по английским владениям.

---

[1]) А. Криккель, «Новая Африка» («Вестник Нар. Ком. Ин. Дел», январь-март, 1922, стр. 85 — 95).

С другой стороны, французское владычество в северо-западном углу Черного континента не может считаться прочным и безраздельным, пока здесь держится и усиливается Испания, за спиной которой стоит Англия, подкладывающая всякого рода мины французскому влиянию в этой части африканского материка требованием интернационализации Танжера и т. д. На африканском континенте Англия и Франция пришли в соприкосновение в целом ряде пунктов; противоположные интересы обеих держав сталкиваются в этой части света с большей силой, чем сталкивались интересы Германии и Англии, Германии и Франции до мировой войны. В общем положение здесь напоминает период, предшествовавший Фашоде, когда Англия мобилизовала все свои эскадры, чтобы остановить движение французского экспедиционного отряда полковника Маршана в верховьях Нила. В 1922 году Англия перевела громадный флот из пятидесяти судов, супер-дредноутов, дредноутов, крейсеров, и т. д., охранявших когда-то Великобританию против Германии, в Средиземное море для охраны великой английской торгово-военной Средиземной дороги против возможных опасностей со стороны Франции и для утверждения на этом пути безраздельной английской гегемонии.

Франция со своей стороны принимает меры для усиления своего положения на африканском континенте.

4. Транс-сахарский путь.

Так много дебатировавшийся во французской печати до мировой войны и не осуществленный до сих пор проект великого Транс-сахарского рельсового пути снова стал в порядок дня во Франции. Целый ряд военных и других писателей посвящают доклады, журнальные и газетные статьи необходимости срочно приступить к сооружению этого пути. Недавняя экспедиция Кегресса на гусеничных тракторах Цитроэна, которой удалось в 15 этапов пересечь на расстоянии 2.500 километров всю пустыню, необычайно оживила вопрос о Транс-сахарской рельсовой колее и привлекла к идее этого пути внимание широких кругов. Само собой разумеется, что рельсовая колея, пересекающая голую пустыню на протяжении тысяч километров, будет необычайно убыточной в финансовом отношении и никаких непосредственных экономических выгод Франции не сулит. Но умысел тут другой. Значение проектируемого пути прежде всего—военно-стратегическое. Дорога эта должна усилить позицию Франции на африканском континенте и дать ей возможность, пользуясь ее громадными военными резервами в Алжире, Марокко, Сенегале, и т. д., перебрасывать войска к угрожаемым пунктам, т.-е. к точкам соприкосновения с Англией. Мы знаем, какую роль в обострении международных отношений и в ускорении мировой войны сыграл великий немецкий проект рельсового пути на Багдад, проект, явившийся стержнем, вокруг которого вращалась вся международная политика в течение последних десятилетий перед

мировой войной. Знаем также, какую роль сыграл великий сибирский путь с его разветвлением через Манчжурию в обострении наших отношений с Англией, Америкой, Японией и в самой японо-русской войне. Рельсовый путь через Сахару грозит при данных обстоятельствах и данной международной конъюнктуре крайне обострит англо-французские отношения.

В нашей книге «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего» (см. часть II) мы исследовали, как ставился во французской печати вопрос о Транс-сахарском пути до войны. Как мы уже отметили выше, этот вопрос приобрел характер вопроса государственной важности в последние годы, именно после Версальского мира. Мы имеем уже ряд статей о Транс-сахарском пути в ежедневной французской прессе, в «Bulletin de l'Afrique Française» («Бюллетень Французской Африки») и т. д. На очередь дня вопрос стал в связи с известной экспедицией, прошедшей в 15 этапов на пяти гусеничных тракторах 2.500 километров через Сахару от Туггурта до Томбукту.

По словам генерала Этьена, сделавшего недавно в Париже доклад о Тарнс-сахарском пути на заседании под председательством генерала Петена, главной, притом очень важной целью экспедиции было желание заинтересовать общественное мнение сперва вопросом о Сахаре, а затем органзацией и эксплоатацией Французской Африки. Содержание доклада Этьена сводится к следующему:

Только благодаря верблюду мы знаем Сахару. Долго еще будут верблюды в пустыне, паруса на море и лошади в деревне, но постепенно их будет все меньше, ибо всюду восторжествует машина.

На территории пустыни локомотив и аэроплан имеют преимущество, что, не будучи связанными ни с кормом, ни малыми рессурсами каких-нибудь оазисов, они могут беспрепятственно выбирать по прямой линии кратчайший путь, как пароход, который плывет из Гавра в Нью-Иорк.

Кратчайший путь с севера на юг Сахары есть прямая линия, соединяющая Таурирт (Taurirt) с Буремом (Bourem), т.-е. с последним оазисом Туата (Touat), в том месте, где Нигер должен быть пересечен железной дорогой. Этот пункт находится в нескольких километрах от Бурема и называется Тесий (Tosau). Там ленивая река шириной от 1.500 до 6.000 метров течет сжатая среди скал, и предусмотрительная природа воздвигла посреди ее ложа нечто вроде быков моста, к которым только нужно добавить два пролета шириной в 80 метров, чтобы открыть поездам, прибывающим из Алжира, Орана или Константины. проход к Вадагуду (Ouadagoudou), будущей метрополии плодоносной излучины Нигера.

От Таурирта до Бурема имеется по крайней мере 1.200 километров по воздушной линии через весьма мало известный Танезруфт (Tanesrouft), который имеет к тому же скверную репутацию у смелых и редких исследователей, побывавших там. Г. Сабат в своем проекте Транс-сахарской железной дороги смело примыкает к этому прямому направлению, что вполне приемлемо для составления проекта, тем более, что немногочисленные, имеющиеся у нас сведения о рельефе и свойствах поверхности вполне благоприятны. Но, конечно, инженер не пожелает принять окончательного направления без тщательной разведки, и авиатор будет не менее требователен, так как он не сможет

принять направления, которое может привести к вынужденному снижению в недоступных районах, что случилось недавно с генералом Лаперрином.

Гусеничный трактор разрешает с большой легкостью поставленную проблему. Тракторы Ситроэна, циркулирующие по Парижу, — десятисильные; 800 — 1.000 килограммов полезного груза небольших машин были бы недостаточны для того, чтобы следовать безостановочно в Танезруфт; при помощи гусеничных тракторов, могущих взять от 2.000—2.500 килограммов полезного груза, можно легко пересечь 2.000 километров, не возобновляя в дороге ни бензина, ни съестных припасов. Благодаря этому возможно в течение месяца в районе, совершенно неизвестном и лишенном всяких средств, производить топографические и другие съемки в условиях комфорта, быстроты, точности и безопасности, доныне недостижимых. Постройка таких машин не представляет никаких затруднений.

Экспедиция, состоящая из шести подобных машин, совершившая в течение двух месяцев путешествие от Тауририта до Бурема и обратно, позволяет наметить общее направление железной и воздушной дорог во всех своих деталях, в том числе определение места одной, либо двух остановок, либо по прямой линии посреди пустыни у необильных колодцев Айн-Шейка и Тиндиндина (Ain-Cheick ef Tindindin), или же, отклонившись немного на восток, у очень хорошо снабженных водой пунктов Валлена и Тессалита (Ouallen et Tessalit).

Что касается авиации, то ее организация в Сахаре является совершенно невозможной без помощи гусеничных тракторов, которые вместе с беспроволочным телеграфом разрешают грозный вопрос о спуске на землю, так как без оказания помощи снизившимся аэропланам в пустынной области невозможно будет организовать пассажирского сообщения; в стране, повидимому, предназначенной для воздушной навигации, аэроплан, прикованный к изгибам караванных тропинок, будет вынужден к каботажу. Вот несколько пояснений относительно организации воздушных линий, которые должны связать конечную станцию Коломб-Бешар (Colom-Bechar) узкоколейной железной дороги Оран-Бешар (Oran-Bechar) с конечной станцией Баммако (Bammaco) или Куликоро (Koulikoro) железной дороги, идущей от Дакара к Нигеру и заканчивающейся постройкой; эта дорога будет окончена к концу 1923 года.

Все расстояние заключает в себе 2.700 километров и делится на пять частей по 600 километров с лишним, с остановками в Таурирте, Айн-Шейке (или в Валлене и Тессалите, сообразно с результатами рекогносцировки), Буреме и, наконец, Монти, будущем центре на Нигере в области хлопковой культуры, ирригационную систему которой изучил Белим. Ветка Вупем-Вагадугу позволит достигнуть одним полетом в 5 — 6 часов центра излучины Нигера.

Если лететь и днем и ночью, что a priori в Сахаре допустимо, можно достигнуть Бурема, вылетя из Бешара, по крайней мере, в 24 часа, но вначале предпочтительно совершать путешествие в два этапа: первый этап — 600 километров от Бешара к Таурирту, почуют в Таурирте, где и переменяют аппарат; второй этап — 1.200 километров от Таурирта до Бурема с остановкой и переменой аппарата в Айн-Шейке или Тессалите. Вылетая из Коломба в 5 часов утра, что всегда возможно во всякое время года в этих широтах, можно достигнуть Нигера до наступления ночи, приблизительно через 16 часов.

Без поддержки государства нет возможности мечтать об осуществлении линии Бешар-Бамакко, расходы по которой на первых же порах достигли бы 12.000.000 фр., но и государство, впрочем, не могло бы оказать такую помощь, не имея достаточно веских мотивов общей пользы.

Само собой разумеется, что воздушная линия через Сахару может

иметь исключительно военное значение. Так и ставит вопрос генерал Этьен в своем докладе.

«Французский народ понял,—говорит Этьен,— что воздушные предприятия являются существенным фактором военного могущества, и это обстоятельство послужило главной, если не единственной, причиной

ПЛАН ТРАНС-САХАРСКИХ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ.

того, что народ готов на все жертвы, чтобы обеспечить существование этих предприятий.

Опыт, безжалостный палач прекрасных грез, лелеянных вначале о значении авиации, теперь, повидимому, сильно уменьшает увлечение воздушным ускоренным транспортом писем и почтовых посылок, и если финансовое будущее в смысле обеспечения пассажирами не кажется

особенно прочным, то, тем не менее, предосторожность необходима из опасения конкуренции со стороны железной дороги.

Весьма возможно, что лет через пятнадцать, когда государственная артерия французской Африки — Транс-сахарская железная дорога—будет эксплоатироваться, воздушная линия из Алжира в Нигер станет бесполезной. Но пока еще осуществление это далеко, воздушная линия через Сахару, помимо того, что отвечает насущным нуждам, сама по себе является несравненным полем для деятельности наших авиаторов и наших инженеров.

Ни одна линия одинакового расстояния, например Париж — Москва, Париж — Константинополь, не соединяет в себе стольких ценных преимуществ для развития французского воздушного, военного и гражданского могущества.

Линия Бешар - Баммако тянется по государственной территории на 2.700 километров без остановок; таким образом, можно доверить техническую эксплоатацию военной авиации, которая, следовательно, будет иметь прекрасную школу воздушной навигации дальнего расстояния, базируемой на употреблении буссоли, деривометра и радиогониометра.

Такая школа, необходимая для подготовки настоящих военных авиаторов, не может быт создана в Египте, где линии приспособлены для остановок. В том, что техническая эксплоатация, управляемая частной компанией, будет поручена военному лицу, нет особенного неудобства, в особенности в Африке; во Франции также не встречается затруднений, когда саперам, с целью инструктирования, поручается эксплоатация ветки железной дороги, принадлежащей железнодорожной компании.

С точки зрения финансовой, воздушная линия, установленная в стране, лишенной других транспортных средств, обладает известным преимуществом над линиями европейскими; она может распоряжаться своими тарифами.

Главной причиной огромных дефицитов, указанных выше, является несоответствие между расходами по путешествию и устанавливаемыми ценами на билет.

Например, путешествие из Парижа в Страсбург, которое обходится компании более, чем тысяча франков, оплачивается ей едва 225 франками, что составляет только двойную стоимость билета I класса по железной дороге; но воздушные тарифы не могут устанавливаться по коммерческому расчету из опасения совершенно лишиться платных пассажиров, и без того редких при современных ценах.

Вот почему американцы, хотя и увлекающиеся люди, но вместе с тем реальные финансисты, не очень обольщаются идеей воздушного транспорта.

Но в стране, лишенной железных дорог, положение иное, цена 3 франка за километр, почти окупающая расходы авиации, не является чрезмерной, и именно в восточной Африке ее предпочтут автомобильному транспорту.

Например, проезд из Бала (Bala) в Амблдеди (Ambldedi) в 170 километров в автомобиле для туристов стоит, согласно «Ежегоднику» 1922 г., 500 франков.

Эти военные и коммерческие соображения достаточны, чтобы показать, что чисто французская Транс-сахарская линия имеет полное право рассчитывать на помощь государства на тех же основаниях, что и международная линия, и если кредиты, которыми располагает воздухоплавательное управление, ограничены, то, наконец, соображения чисто политического характера оправдывают предоставление субсидий.

Что касается вопроса о железной дороге, то два новых технических изобретения, позднейшие из всех изобретений, сделанных при

исследовании Транс-сахарской линии, сильно облегчат ее осуществление.

1. Гусеничные тракторы, позволяющие детально ознакомиться с проектом, строго преследующим прямую линию в пустыне, без сомнения, съэкономят несколько сотен километров (триста или четыреста), что чувствительно сократит расходы по первоначальному установлению и расходы по эксплоатации.

Кроме того, гусеничные тракторы обеспечивают возможность многих необходимых подготовительных работ, как, например, бурение колодцев, возможность развернуть среди пустыни могущественные походные заводы с продукцией, если понадобится, в несколько сот тонн. Это преимущество, может быть, очень важное для успеха предприятия, представляет одно только затруднение — в обеспечении рабочей силой.

2. Можно сказать с уверенностью, что в ближайшем будущем будут поставлены двигатели внутреннего сгорания, которые могут утилизировать растительные масла, именно арахиды, в изобилии производимые долиной Нигера.

Такое разрешение проблемы тяги кажется более всего приемлемым, ибо оно безусловно имеет преимущество перед проблемами пара и электричества.

Если нельзя обойтись без рельсов в обширной пустыне, то можно, по крайней мере, освободить себя от всякого рода зависимости от воды и электричества.

Локотрактор, заряженный энергией, сможет по всей вероятности пересечь пустыню Сахару без станций, как судно проходит Атлантический океан без гаваней. Мы не закрываем глаз на те трудности, — говорит Этьен, — которые нас ожидают, когда понадобится отстаивать проведение такой линии без станций, но все эти затруднения не кажутся непреодолимыми, наоборот, — преимущество в сокращении до крайнего минимума постоянных постов в пустыне кажется нам настолько значительным, что мы призываем компетентных инженеров рассмотреть этот вопрос беспристрастно и с исчерпывающей полнотой.

По тщательным изысканиям двух авторитетов в этом деле, подполковника Годфруа (Godefroy), строителя и главного директора линии Бискра-Туггурт (Biskra-Touggurt) и Фонтанейля (Fontaneilles), понтонного инспектора, можно исчислить стоимость одного километра в 400.000 франков, из которых 100.000 франков пойдут на уплату %% на вложенный капитал.

Таким образом линия обойдется в миллиард, — цена трех дредноутов, стоимость которых мы съэкономили благодаря условиям Вашингтонской конференции.

Оправдывается ли этот расход в миллиард?

На основании тех данных, которые мы кратко изложили, — утверждает ген. Этьен, — без размышлений мы ответим: да, сто раз да, с уверенностью, что наше убеждение, основанное на трудах людей высокосведущих, будет разделено всеми желающими сознательно отнестись к их тщательным исследованиям:

1. Излучины Нигера с его двумя миллионами гектаров хлопчатника, пастбищ, полей рисовых и хлебных, и плодоносная долина Нигера, орошаемая, как долина Нила, через двадцать лет будет поставлять в Алжир и метрополию 600.000 тонн сырья, за которое Франция ежегодно, к великому ущербу для нашей меновой торговли, платит загранице пять миллиардов.

Кроме того, у нас нет гарантии, что поставщики не сегодня-завтра могут войти в стачку и прекратить поставку хлопка нашим прядильщикам.

2. Уже сейчас товарное движение в 200.000 тонн и 80.000 пассажиров обеспечено для Транс-сахарской железной дороги.

3. Вопреки предвзятому и очень распространенному мнению, Транс-сахарский транспорт от излучины Нигера до Алжира и Парижа будет не только более скорый и более частый, так как он будет ежедневный, а не ежемесячный, но и более экономный, чем транспорт через Дакар или Атлантический океан.

4. В общем, линии по пустыне, без остановок, без перегрузки, имеющие возможность довольствоваться удешевленным тарифом, более продуктивны, чем линии, которые проходят по населенным местностям; вот почему, в то время как многие железные дороги местного значения прозябают, морские линии процветают.

Рассмотрев все условия эксплоатации, Фонтанейль исчислил валовой доход с километра Транс-сахарской железной дороги в 60.000 франков, дающих 20.000 франков чистой прибыли, которые через 10 лет, в силу естественного увеличения коммерческого движения, удвоятся.

Из своего доклада генерал Этьен делает следующие три заключения:

1. Транс-сахарская железная дорога не представляет никаких серьезных затруднений ни в смысле сооружений, ни в смысле эксплоатации.

2. Ее финансовое будущее обеспечено.

3. В мирное время она существенно будет способствовать нашему процветанию.

В военное же время ее помощь будет неоценима.

В недавнем своем труде подполковник Годфруа доказывает, опираясь на веские аргументы, что, если бы Транс-сахарская железная дорога существовала в 1914 г., она бы стала одним из самых важных путей сообщения союзников не только для транспорта войск и сырья из Восточной Африки, но также для транзита товаров из Южной Америки через Дакар.

Годфруа полагает, что если бы мы теперь очутились при таких обстоятельствах, то значение Транс-сахарской дороги стало бы равным значению великой линии Париж — Марсель и потребовало бы удвоения колеи.

«Необходимо заметить,—доказывает Этьен,—что в случае войны мы, прежде всего, должны обеспечить себе связь с Алжиром, чего мы сможем достигнуть, если открыто откажемся поддерживать Атлантическую линию Бордо-Дакар (Bordeaux-Dakar) и сконцентрируем в Средиземном море все наши морские средства транспорта и обороны: легкие крейсера, авиацию, подводные лодки; сделав так, мы обеспечим себе одним ударом, без излишних усилий, связь не только с Восточной Африкой и с Африкой тропической, но также, что весьма важно, с Южной Америкой, и все это благодаря непрерывной Транс-сахарской железной дороге».

Но оставим в стороне войну, которая невозможна и нежелательна. Как бы ни было важно ее значение для национальной обороны, я все же хочу обратить ваше внимание на громадное значение дороги в обстановке мирного времени.

Взгляните на меридиан Парижа от Северного моря до Гвинейского залива. Он проходит через Алжир и Ин-Салах (In-Salah) в самом сердце Сахары и отмечает на половине нашего полушария леса, поля, виноградники, оливковые, финиковые и рисовые поля, хлопчатники и баобабы, то-есть ось лучших в мире владений.

В истории великие государства распространялись с востока на запад, наше же государство по велению судьбы тянется с севера на юг по всем климатическим поясам, где живут три этнические группы, которые в один прекрасный день (от нас зависит ускорить наступле-

ние этого дня) сольются в один народ, так как благодаря одному из событий, которые подготовляют слияние рас, — великой войне,—мы уже получили доказательство, освященное кровью, что от Дёнкерка (Dunkerque) до Котону (Kotonou) сердца, подобно часовому маятнику, бьются в унисон.

Наверху—Французская метрополия, старейшая из цивилизованных наций, сияющая молодостью, богатая славой и культурой, еще более богатая братской добротой, прекрасная Франция, которая с колыбели знает секрет покорения душ.

Ниже, по ту сторону Средиземного моря, — Французская Африка, Алжир, Тунис, Марокко, населенная 12-миллионным народом, уже стоящим на пути к цивилизации и индустрии.

Дальше на другом конце Сахары—море песка и скал,—но море, недоступное враждебным подводным лодкам, это — черная Франция с ее 18-миллионным населением, с ее огромными рессурсами, известными, но еще неэксплоатированными.

Если этой голове, туловищу и членам будущей великой Франции дадим позвоночник — Транс-сахарскую железную дорогу,—то через 50 лет 100 миллионов французов будут благословлять нашу память, прославляя среди цветущего мира свою экономическую независимость.

Предприятие это благородно, предприятие это полезно, предприятие это легко и абсолютно не превышает наших сил.

Народ, который прорыл два перешейка, чтобы дать миру великий морской тропический путь, сможет осуществить великий национальный путь, если он уверует в его необходимость».

Мы уже достаточно осветили вопрос об экономическом значении Транс-сахарской дороги в нашей работе «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего», и потому не будем останавливаться на этой стороне вопроса.

Транс-сахарский путь интересует французских империалистов, как великая имперская и стратегическая дорога, которая прежде должна была усилить военное могущество Франции против Германии, а теперь должна служить самым грозным орудием Франции против Англии в борьбе за гегемонию на Черном континенте.

«Пусть будет доказано, что экономическое значение Транс-сахарской дороги равно нулю, — откровенно говорят одни, — все же она должна быть построена по соображениям военного характера» (Сулейр). «Транс-сахарская дорога является могучим орудием национальной обороны и защиты нашей колониальной империи. Уже поэтому за ее сооружение нужно взяться как можно скорее и вести его как можно энергичнее», — утверждают другие (Робер Дусэ). «Черная армия должна иметь свою стратегическую дорогу, и такой дорогой может быть только Транс-сахарская», — решительно заявляют третьи (Сэтуайан).

Кроме того, Транс-сахарская дорога должна дать Франции возможность поддерживать порядок в мусульманских колониях северной Франции с помощью черных войск. Самый дешевый способ целесообразной утилизации черных войск заключается в сооружении Транс-сахарской дороги,—доказывают многие защитники последней. Негрская армия будет расквартирована, главным образом, у себя на родине, в Западной Африке.

В случае восстания в Алжире, Марокко или Тунисе, многочисленные негрские батальоны будут быстро продвинуты по рельсовой колее на север и подавят бунт, — мечтают французские культуртрегеры.

Стоит ли французским империалистам задумываться над пустым вопросом об экономическом значении Транс-сахарской дороги, когда так ясна ее «великая» военная роль. Однако, очевидно, что английские империалисты не могут не смотреть без опасений на новый французский проект, осуществление которого будет серьезно грозить английским позициям на африканском материке. Подобно багдадскому рельсовому проекту, крайне обострившему отношения между Россией и Германией, а впоследствии между Германией и Англией, и явившемуся узловым пунктом международных конфликтов в течение последних двух десятилетий накануне мировой войны, Транс-сахарская дорога рискует крайне обострить англо-французские отношения. Не даром ген. Этьен советует в случае войны сконцентрировать все силы Франции в Средиземном море. Ясно, что здесь предусматривается война не с Италией или Испанией. Это против Англии необходимо сосредоточить в Средиземном море все легкие крейсера, аэропланы, подводные лодки, которыми только располагает Франция.

5. Танжерский вопрос.

Важнейшим узловым пунктом англо-французских столкновений на Черном континенте является вопрос о Танжере. Мы уже подчеркивали выше, что английские империалисты всегда рассматривали марокккский вопрос с точки зрения господства Англии в Гибралтарском проливе. В интересах охраны этого господства в Гибралтаре Англия поддерживала более слабую Францию против более сильной Германии и, с другой стороны, более слабую Испанию против гораздо сильнейшей Франции. Расположенный на южном берегу Гибралтарского пролива, Танжер обеспечивает тыл гибралтарской крепости со стороны африканского материка, и вот почему Англия не может допустить перехода Танжера в руки сильной державы. Между тем, Франция упорно стремится к захвату Танжера, требуя предоставления этого важного стратегического и экономического пункта якобы марокккскому султану, как «суверенному владыке всего Марокко».

Как объясняла недавно испанская газета «Эль Соль», Франция желает соорудить в Танжере морскую базу для подводных лодок, чтобы иметь возможность запереть в случае нужды Гибралтарский пролив для английских судов и обеспечить, таким образом, свое господство на Средиземном море[1]. Понятно,

---

[1]) Так же объяснял французские захватные планы насчет Танжера председатель английской торговой палаты в Танжере, г. Моор, в письме, воспроизведенном в английской и испанской прессе, см. «Бюллетень Французской Африки», апрель 1922, стр. 181.

что Великобритания, основная задача имперской мировой политики которой всегда заключалась в охране английских торговых путей и, прежде всего, пути через Средиземное море на Индию, не может ни в коем случае допустить перехода Танжера в руки такой сильной державы, как Франция, подводный флот которой и без Танжера представляет серьезную угрозу для английских морских сообщений.

На Каннской конференции, где Ллойд-Джордж поставил вопрос о сокращении французского подводного флота, французский премьер-министр Бриан с своей стороны выразил желание вступить в переговоры с Англией о передаче Франции Танжера, но Ллойд-Джордж ответил, что этот вопрос не может обсуждаться без участия Испании.

Не будучи в состоянии из боязни перед Великобританией отнять Танжер открытой силой у Испании, Франция, согласно утверждениям испанской прессы, поддерживает восстание в испанской зоне Марокко и снабжает Абд-эль-Керима, вождя восставших туземных племен в испанском Марокко, оружием и снарядами. По уверениям испанской прессы, представители Франции в Марокко поддерживают тесные связи с Абд-эль-Керимом. Франция желает, — утверждают испанские газеты, — уничтожить испанскую зону в Марокко и выдвигает лозунг «неделимого Марокко» под верховной властью султана, марионетки в руках французского генерал-губернатора. Франция знает, что если ей удастся заставить Испанию, за которой стоит Англия, уйти из своей зоны, французским войскам не трудно будет сломить сопротивление туземных племен и овладеть окончательно Танжером, где ее экономическое влияние очень сильно, и откуда ее многочисленные агенты имеют возможность проникать внутрь испанской зоны, сея здесь, как утверждают испанцы, смуту и беспорядок.

«Гибралтарская скала, — говорит Рене Пинон в своей книге: «Средиземная империя», — стоит как обсервационный пункт на великой дороге. Как лев, присевший на задние лапы, на которого она издали похожа, она как бы подстерегает все суда, входящие или выходящие из Средиземного моря. Вдоль ее западного фланга расположена широкая и глубокая Алжесирасская бухта, прекрасное место стоянки для флота, а со стороны Испании она соединена с континентом узким и песчаным перешейком, над которым гибралтарская скала господствует с высоты 425 метров. Подобная позиция должна была соблазнять все мореходные нации».

С того времени, как Рене Пинон написал эти строки, прошло немного лет, но многое изменилось. Как стретегическая позиция, Гибралтарская крепость сохранила еще свое значение. Но мощное развитие дальнобойной артиллерии, авиационного и подводного флота грозит значительно ослабить значение Гибралтарской позиции. Подобно тому как Англию волнует мысль о возможности установки на французском побережьи Ламанша таких дальнобойных орудий, которые могли бы обстреливать английские берега Ламанша, мысль о той опасности, которой угрожает метрополии Великобритании французский воздушный флот, та же про-

блема встает перед английским империализмом по отношению к Гибралтарскому проливу, этим воротам к великой военно-морской средиземной дороге от Атлантического океана через Суэц на Индию. Имея в своих руках Тунис, Алжир и значительную часть Марокко, овладев Танжером и осуществив, таким образом, план создания единой французской империи во всей северо-западной половине африканского континента от границ итальянского Триполи до побережья Атлантического океана, Франция контролировала бы движение судов на Средиземном море и, сверх того, угрожала бы морскому пути Англии вдоль Атлантического побережья Африки, сведя, таким образом, к нулю значение Гибралтарского пролива. Борьба за Танжер есть *борьба за проливы* и гегемонию в западной части Средиземного моря и на всем северо-западном побережьи этого моря, подобно тому как борьба за Дарданеллы есть борьба за гегемонию в восточной части Средиземного моря и во всех странах, омываемых этими водами.

Вот почему Франция, с каждым днем усиливающая свое экономическое влияние в Танжере, имеющая здесь важные концессии [1]), стремится к военной оккупации Танжера под маской передачи этого пункта марокканскому султану; вот почему, наоборот, Англия противодействует этому плану и отстаивает идею «интернационализации» Танжера.

Борьба за захват Танжера является со стороны Франции *борьбой против английского плана морского окружения Франции*, борьбой за овладение позицией, которая должна дать возможность французскому империализму подорвать морское могущество Англии и, с своей стороны, начать окружение владычицы морей в самых уязвимых пунктах, — в водах, омывающих европейский континент и служащих путями к важнейшим английским территориям, базам и колониям африканского и азиатского континента.

И надо сказать, что здесь, в северо-западной половине Средиземного моря, в этом важнейшем узле, на пересечении великих торговых и военных дорог капиталистического мира, происходит безостановочное нарушение политического, военного и экономического равновесия в ущерб Великобритании. Подобно тому как крайнее ослабление Германии на европейском континенте повело лишь к чрезмерному усилению Франции во всей Средней Европе, — к превращению Германии во французскую колонию и захвату Рура с его богатейшими угольными копями, пресловутыми крупповскими заводами и лучшими в мире химическими фабриками, затем превращение Польши, Румынии, Чехо-Словакии, Юго-Славии в орудия французского влияния, — подобно этому полное уничтожение германского соперничества в Марокко лишь развязало руки

---

[1]) Испанский публицист Руиц Албениц жалуется в «Диарио Универсаль» («Diario Universal»), что Танжер совершенно офранцужен. «Рестораны, отели, кафе, площадки для игры в теннис, театры, лавки, — говорит он, — все принадлежит французам. Ходячая монета здесь французская, все мануфактурные товары—французского происхождения». См. «Бюллетень Французской Африки» («Bulletin de l'Afrique Française»). Май, 1922.

французскому империализму во всей северо-западной Европе. Разгром испанской армии восставшими племенами нанес страшный удар и без того слабой Испании, не могущей служить достаточно серьезным противодействием французскому продвижению по направлению к Гибралтарскому проливу, и близок день, когда Великобритании самой придется стать в недвусмысленно-угрожающую позицию по отношению к Франции для защиты своего положения в Средиземном море.

Таким образом, и здесь, в этой части континента, подымается грозный призрак мировой войны, которому может помешать только рост классового самосознания рабочих масс во всем мире и их революционная организация под знаменем III Интернационала.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

I.

От Народного Комиссариата по Иностранным Делам.

Перевод телеграммы секретаря Лозаннской конференции Р. Массильи Народному Комиссару по Иностранным Делам тов. Чичерину.

Г-ну Чичерину, Народному Комиссару по Иностранным Делам, Москва. 17 июля.

В виду того, что переговоры, которые велись с целью мира на Востоке, привели к благоприятному результату, мирный договор между союзными державами и Турцией будет подписан в Лозанне 24 июля 1923 г. Одновременно будет подписана конвенция о режиме проливов, текст которой рассматривался при участии российской делегации комиссией по территориальным и военным вопросам на ее заседании 1 февраля.

Представленные на Лозаннской конференции державы неоднократно заявляли о своем решении допустить Россию к участию в постановлениях, касающихся режима проливов. Поэтому имею честь просить вас известить меня, готова ли Россия принять в нынешнем виде конвенцию, текст которой был установлен конференцией 1 февраля, и расположена ли она послать в Лозанну уполномоченных для подписания этого акта 24 июля. В случае положительного ответа я буду вам благодарен, если вы мне сообщите по телеграфу имена и титулы этих уполномоченных.

В случае, если, в виду краткости срока или по каким-либо другим причинам, ваши представители не будут в состоянии прибыть в Лозанну к означенному сроку, конференция решила, что им будет предоставлена возможность подписать конвенцию в Константинополе до 14 августа 1923 г.

В случае отсутствия определенного ответа, который должен быть мною получен самое позднее днем 20 июля, конференция сочтет, что Россия остается на той позиции, какую ее представители заняли 1 февраля.

В заботе об ограждении прав России конференция предусмотрела, что в этом случае Россия может позднее присоединиться

к конвенции о проливах, согласно ст. 19 этого акта, при чем это присоединение предоставит ей право быть представленной в комиссии, предусмотренной ст. 12.

Генеральный секретарь Лозаннской конференции

Р. МАССИЛЬИ.

II.

Ответная телеграмма Народного Комиссара по Иностранным Делам тов. Чичерина Генеральному Секретарю Лозаннской Конференции Р. Массильи.

19 июля 1923 года.

Советская делегация за время своего пребывания на Лозаннской конференции давала непрерывные доказательства своей доброй воли и своего искреннего желания добиться всеобщего соглашения и создания базиса для прочного мира на Ближнем Востоке. Она была, однако, вынуждена констатировать, что приглашающие державы не обнаруживали желания вести с ней настоящие переговоры и итти навстречу ее элементарнейшим требованиям. Неучастие советской делегации в переговорах экспертов о проливах имело своим ближайшим результатом включение в конвенцию таких неопределенных обязательств, как, например, по вопросу о поборах с судов, проходящих через проливы, которые в будущем могут быть источниками новых разногласий и споров.

Порядок вещей, вводимый конвенцией в проливах, советская делегация признала совершенно неудовлетворительным, не соответствующим тем условиям, которые могли бы обеспечить прочное состояние мира, и составляющим новое проявление агрессивных замыслов империалистических держав. Открытие Черного моря и проливов для военных судов посторонних держав, несмотря на ограничение их количества, далеко, впрочем, недостаточное, ставит советские берега под военную угрозу со стороны флотов сильнейших морских держав; не может не принудить советские республики затрачивать на вооружение на Черном море и его берегах средства, которые, в противном случае, были бы употреблены на хозяйственное восстановление советских республик; дает возможность сильнейшим морским державам при случае захватить первостепенную военную и морскую стратегическую позицию Константинополя и проливов и использовать ее против советских республик; расширяет, таким образом, арену военных действий и увеличивает опасность войны и бремя вооружений и налогов. Свободный доступ для иностранных военных судов в проливы и принудительная демилитаризация их берегов, несмотря на введенные в эту систему смягчения, являющиеся совершенно недоста-

точными, нарушает элементарные интересы и права турецкого народа, создает вечную угрозу для безопасности Константинополя, делает неизбежным вовлечение Турции в войну, в случае военных столкновений в районе Черного и Эгейского морей. Создание формальной связи между комиссией проливов и так называемой Лигой Наций и предоставление совету Лиги Наций принятия решений, в случае возникновения угрозы для безопасности Константинополя и проливов, является новой узурпацией прав со стороны этой коалиции некоторых держав, незаконно претендующей на роль международной высшей инстанции.

После того, однако, как приглашающие державы оставили без внимания все указания советской делегации на совершенно неудовлетворительное содержание предлагаемого для проливов режима, советские правительства вынуждены притти к заключению, что в данный момент нет другой возможности установления хотя и неудовлетворительного, но все же соглашения на Ближнем Востоке. Они констатируют, что турецкое правительство изъявило согласие на эти предложения, и что поэтому на советские республики ни в малейшей мере не падает ответственность за допущение этих нарушений прав и интересов турецкого народа, соблюдение которых советские республики отстаивают и будут продолжать отстаивать.

Несмотря на свое несогласие с предлагаемым для проливов режимом, советские правительства, ставя выше всего интересы мира и улажение международных конфликтов, считают для себя необходимым, путем своего участия, сделать возможным всеобщее соглашение для осуществления своих миролюбивых стремлений. Они полагают, что своим участием в проведении в жизнь конвенции о проливах они могут содействовать ограждению прав и интересов восточных народов. Они считают целесообразным сделать попытку использовать даже слабую возможность контроля над проведением в жизнь конвенции, дабы устранять, по мере возможности, угрозы безопасности советских республик. Они решили поэтому сделать опыт сотрудничества с державами Согласия в этой области и на деле испытать степень их миролюбия. Советские правительства в то же время не меняют и не намерены изменить своего многократно выраженного отношения к так называемой Лиге Наций и категорически заявляют, что их присоединение к конвенции о проливах не должно быть истолковано в смысле такого изменения их взглядов. Они, равным образом, оговаривают свое право поднять в будущем вопрос о внесении изменений в конвенцию о проливах. Они заранее заявляют, что если практика применения конвенции обнаружит, что ею недостаточно гарантированы интересы торговли и безопасности советских республик и всеобщего мира, они принуждены будут поднять вопрос о прекращении ее действия.

Не считая возможным вступление своих представителей на территорию Швейцарии, правительство которой сделало всякие сношения с нею невозможными для советских республик своим недопустимым поведением и отказом в удовлетворении в деле трагически погибшего в Лозанне делегата России, Украины и Грузии, покойного В. В. Воровского, в лице которого законные права этих трех государств были нарушены конференцией, советские правительства возлагают подписание конвенции о проливах на главу советской делегации в Италии, Николая Ив. Иорданского, который прибудет в Константинополь с этой целью не позднее 14 августа.

Председатель делегации России, Украины и Грузии

Г. ЧИЧЕРИН.

В главе о Лозаннской конференции мы формулировали точку зрения Советской России и союзных с ней республик по вопросу о проливах. Наши представители подчеркнули, что предлагаемая Антантой конвенция о проливах, с одной стороны, самым грубейшим образом попирает независимость и суверенитет турецкого народа, а с другой — является угрозой самым жизненным интересам советских республик.

Но поскольку после того, как сама Турция согласилась подписать данное соглашение, наш отказ подписать последнее был бы, несомненно, использован всей буржуазной прессой для доказательства того, что Советская Россия якобы является угрозой миру, советское правительство оказалось вынужденным принять решение, формулированное в вышеприведенной ноте Чичерина.

Советское правительство оставляет за собой право потребовать пересмотра этого договора о проливах, когда для этого наступит подходящий момент.

Мы не знаем, когда этот момент наступит. А пока нам придется обратить сугубое внимание на усиление нашего воздушного флота и морских сил для защиты нашего черноморского побережья.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Борьба за оттоманское наследство после мировой войны. Лозаннская конференция.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Борьба за Африку.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Трагедия Черного континента.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бельгия и вопрос о Конго в мировой войне.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Колониальная эпопея Третьей республики накануне войны.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Марокканский вопрос и мировая война.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Борьба за Африку после мировой войны.

